Тесла Лейла Хугаева

Гражданская война Демократов и Консерваторов. Кто убил Кеннеди?

Издательские решения
По лицензии Ridero
2021

УДК 1
ББК 87
Т36

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Тесла Лейла Хугаева
Т36 Гражданская война Демократов и Консерваторов. Кто убил Кеннеди? / Тесла Лейла Хугаева. — [б. м.] : Издательские решения, 2021. — 384 с.
ISBN 978-5-0055-6785-7

Очередная монография автора теории психической энергии, Теслы. Л. Хугаевой. Метафизика философии рационализма находит художественное отображение в фабуле книги, представленной как Собрание великих мыслителей в Храме Духа, учреждающих Большой Суд над Холодной войной. Бертран Рассел и Артур Шлезингер, Александр Солженицын и Михаил Булгаков, Лион Фейхтвангер и Андре Жид, Ромен Роллан и Лев Толстой собираются вместе, чтобы найти виновных в убийстве Джона Кеннеди

УДК 1
ББК 87

ISBN 978-5-0055-6785-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Распад СССР не оставил Холодную войну в прошлом. Страны Советов больше нет, коммунистическая партия как государственная партия сверхдержавы прекратила свое существование, страна перешла на рельсы демократических реформ, а Холодная война все не заканчивается и не заканчивается. Иногда кажется она становится еще интенсивнее, еще агрессивнее. В чем же причины Холодной войны?

Как выясняется, капитализм и коммунизм только части одной и той же материалистической культуры эпохи Просвещения, которую Александр Солженицын винил в духовной деградации западной цивилизации. Россия плоть от плоти западной цивилизации, а коммунизм большевиков только разновидность культурной деградации этой цивилизации, связанной с философией материализма, субъективизма, агностицизма.

Философия рационализма, успешно развивавшаяся со времен Древней Греции в трудах Платона, Цицерона, позже Рене Декарта, Спинозы и Лейбница, Локка, Руссо и Френсиса Бэкона, потерпела сокрушительное поражение в философии Нового времени. Эмпиризм Гоббса и Юма с одной стороны, философия Канта (которая стала ответом Юму, как известно) и его последователей, Фихте и Гегеля, с другой стороны. На базисе эмпиризма и немецкого идеализма, разрушивших философию рационализма, и утвердились «безумные философии власти» 19-20-х веков.

Не вся немецкая философия встала на путь разрушения философии рационализма Платона и Декарта. Г. Лессинг и Ф. Шеллинг остались верны Декарту и Спинозе, Карл Ясперс писал позже, что «недоверие, которое стала вызывать во всем мире немецкая философия в целом, имеет достаточные основания». Ф. Шеллинг первым объявил войну немецкому идеализму: своим учителям Канту и Фихте, и своему однокурснику Гегелю.

Так, А. Гулыга цитирует Ф. Шеллинга в книге «Шеллинг»:

> «Природа, мир вещей самих по себе пребывает у Канта в «почетной отставке», как выразился Якоби, люди с помощью продуктивного воображения сооружают свой самостоятельный мир. Шеллинг увидел в этой мысли слабое место кантианства. Еще в молодости он призывал исходить из природы. Теперь он добавил: и приноравливаться к ней, привести кантовский мир «беспредельного, ничем нерегулируемого человеческого произвола» в соответствие с природой. Эта программа куда более разумна, чем гегелевское представление об абсолютной истине. Гегель объявляет свою логику наукой о том, как развертывается божественная идея в чистом мышлении, до всякой природы, до времени. Как же затем идеальное превращается в реальное, как мысль создает мир, логика природу? По Гегелю получается, что природа — всего лишь «агония понятия». Шеллинг нащупал самую уязвимую точку гегелевской философии...
> Эта часть курса произвела сильное впечатление на Серена Кьеркегора. Создатель философии экзистенциализма почерпнет отсюда многие свои идеи. «Я помню почти каждое слово из тех, что он произнес. Отсюда придет ясность... Вся моя надежда на Шеллинга»».

Профессор Оксфорда, Патрик Гардинер пишет в книге «Кьеркегор» о том, что сам Кьеркегор в своих последующих работах также критиковал Гегеля и немецкий идеализм вообще за мистическое понятие «чистого мышления», которое в реальности стало концом рационализма:

> «Такие заключения были совершенно неприемлемы и приписывались влиянию „безумного постулата", лежащего в основе гегельянской доктрины об абсолютном духе. В то время как источником абстрактного мышления была реальная действительность, „чистому мышлению" по видимому удалось обходиться без таких банальных связей. В буквальном смысле слова фантастическое. Это „чистое мышление" „находится в мистическом взвешенном состоянии между небом и землей, освобожденное от любых отношений с существующим индивидом, объясняет все своим собственным языком и не может объяснить себя". Конкретный живой человек из повседневной жизни поглощен „игрой теней чистого мышления", его место занято химерическим универсальным субъектом, придуманным метафизическими идеалистами».

Альберт Швейцер тоже пишет в «Упадке и возрождении культуры», что философию постигло крушение в середине 19 ве-

ка, так что рационализм был погребен под ее останками, а сама философия окончательно вышла на пенсию, потеряв все связи с действительностью:

> «Философия после своего крушения в середине 19 века превратилась в пенсионера, вдали от мира, перебирающего то, что удалось спасти. Сочувственно оглядывалась она на оставленный позади рационализм. Горделиво хвасталась тем, что „Кант прошел ее насквозь“, что Гегель „привил ей исторический подход“ и что „ныне она развивается в тесном контакте с естественными науками“. Однако при этом философия была беспомощнее самого жалкого рационализма. Рационализм при всей своей наивности был подлинной, действенной философией. Она же стала лишь эпигонской философией, облачившейся в тогу учености. В школах она еще играла какую-то роль, миру сказать ей было нечего. Итак, при всей своей учености философия стала чуждой реальной действительности»

Бертран Рассел, знаменитый рационалист, характеризует философию Фихте, как «безумную», а философию Гегеля как «целиком ложную» в «Истории западной философии». О Канте он говорит, как о предтече этих двух безумных философий. Его собственное определение материи, как «того, что соответствует уравнениям физики» — это определение метафизика интеллекта. Карл Ясперс пишет о философии Фихте и Гегеля, как о хмельном напитке, который пьянит, и ведет к потере контакта с действительностью.

Ж. Бенда и А. Камю отмечали в своих книгах, что немецкий идеализм, разрушив философию рационализма, стал тем идеологическим базисом иррационализма и мистики, на котором был построен диалектический материализм Маркса.

Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Диалектический материализм отрекается от разума и тогда, когда стремится представить изменение не как последовательность неподвижных состояний, даже бесконечно близких, а как ≪непрерывную изменчивость≫, не ведающую никакого постоянства; или когда использует такие свои вывески, как чистый ≪динамизм≫, не затронутый никакой ≪статикой≫. Здесь мы опять сталкиваемся

> с тезисом Бергсона, который проповедует движение само по себе, противополагаемое последовательности состояний покоя, действительно совершенно отличной от него, как бы ни были близки эти состояния друг к другу. Однако такая позиция выражает недвусмысленное отречение от разума, поскольку разуму свойственно останавливать вещи, которые он рассматривает, по крайней мере пока он их рассматривает, в то время как чистое становление, по сути своей исключающее всякую самотождественность, может быть предметом мистического единения, но не рациональной деятельности».

А. Камю: «Бунтующий человек»:

> «Как бы то ни было, именно у Гегеля революционеры XX века обнаружили целый арсенал, с помощью которого были окончательно уничтожены формальные принципы добродетели. Революционеры унаследовали видение истории без трансценденции, истории, сводящейся к вечному спору и к борьбе воль за власть... Сведение всех ценностей к единственной — исторической не могло не повлечь за собой самых крайних последствий... Вот почему исторический разум иррационален и романтичен, вот почему он напоминает то систематизированный бред сумасшедшего, то мистическое утверждение слова божия. Неудивительно поэтому, что, для того чтобы сделать марксизм научным и подкрепить эту фикцию, столь выгодную в наш научный век, пришлось сначала сделать науку марксистской, пустив для этого в ход террор. Научный прогресс со времен Маркса состоял, грубо говоря, в замене детерминизма и механистического материализма тогдашней эпохи пробабилизмом. Маркс писал Энгельсу, что учение Дарвина составляет основу их собственного учения. Стало быть, для того чтобы марксизм сохранил ореол непогрешимости, следовало отрицать биологические открытия, сделанные после Дарвина»

Философия рационализма, как она есть в мире идей Платона, в дуализме мышления и физики Декарта, в интеллектуальной любви к Богу Спинозы — это философия двух полюсов интеллекта: активного мышления и пассивных законов природы. Эти две стороны интеллекта составляют существо научного познания, где мышление и законы природы части единого целого, созданные друг для друга.

Немецкий идеализм и материализм Маркса разрушают эту философию рационализма, разрывая органическую связь между

мышлением и законами природы, как двух сторон единого интеллекта. Кант, Фихте, Гегель оставляют только мышление, разрывая его связь с природой вещей; Маркс, Энгельс, Ленин оставляют только материю. Так, эти философии субъективизма и материализма, разрушив философию рационализма, разрушили научное мышление.

Кризис научного мышления Нового времени и стал причиной глобальных социальных катастроф 20-го века. Социальный дарвинизм, как синтез и апогей этих идеологий, разрушивших научное мышление, лег в основу марксизма, гитлеризма, а также теорий рыночной конкуренции.

Незрелый интеллект формальной логики, голых абстракций, оторванных от действительности, преобладания дедукции над индукцией — кто же не знает этой болезни античности? И субъективизм скептиков и материализм эмпириков, и рационализм научного мышления — все родилось в Античной философии одновременно, вместе с бурным рождением интеллекта. И здоровье и болезнь интеллекта родились вместе, и по сей день идут рука в руку.

Новое время сделало много и для развития научного мышления, и, как мы видели, для усложнения младенческой болезни интеллекта, формальной логики, оторванной от действительности. Такой интеллект в психологии и психиатрии называют шизоидным, манипулятивным, мистическим, эгоцентрическим интеллектом.

С одной стороны, бурно развивалось научное мышление: естественные науки позволили открыть ряд природных энергий, впервые была сформулирована энергетическая теория познания в работах Вильгельма Оствальда. Психология, антропология, социология все больше подтверждали наличие единой природы человека, закономерностей духовной энергии человека. Теория естественного права в социальных науках развивалась после Платона и Цицерона в трудах Спинозы, Гроция, Руссо, Тома Пейна, Локка, Прудона, Кондорсе, Спенсера, Конта, Милля, Рассела, Герцена, Кропоткина, Толстого и др.

С другой стороны, не менее бурно заявило о себе шизоидное мышление в писаниях эмпириков, немецких идеалистов, дарвинистов и материалистов: всех тех направлений философии, которые разрушили философию рационализма, а вместе с ней научное мышление.

Шизоидное мышление философы стали выделять как стадию незрелого интеллекта, которая ведет к социальным катастрофам: именно со стадией шизоидного мышления такие историки связывают падение античности и великий кризис двадцатого века, породивший войну марксизма и гитлеризма.

Ф. Шеллинг именовал эту стадию — стадией негативного сознания. С. Кьеркегор — мистическим и фантастическим интеллектом. Огюст Конт вслед за Шеллингом выделяет мифологическую, метафизическую (шизоидную, негативную) и научную (позитивную) стадии сознания.

Заслуга известного гуманистического психолога Эриха ФРомма состоит в том, что он показал в своих книгах («Иметь или быть», «Искусство любить», «Человек для себя», «Здоровое общество»), как шизоидный (манипулятивный) интеллект проявляет себя в характере «рыночного человека» в капиталистической действительности материалистической культуры.

Если внимательно анализировать труды этих авторов становится очевидным, как прав был Александр Солженицын в своей Гарвардской речи, когда отказался обвинять только коммунистическую реальность страны Советов в Холодной войне, и вообще в кризисе 20-го века. Вместо этого он подчеркнул, что культура материализма и субъективизма, которая стала провалом эпохи Просвещения одинаково негативно сказалась и на капиталистической, и на коммунистической действительности. И именно этот культурный кризис есть истинная причина Холодной войны.

И как бы не менялись экономические отношения, враждебность будет оставаться, пока не будет преодолен этот этап ущербного шизоидного мышления. Есть только один способ его преодолеть. Перейти на стадию научного мышления. Книга как

раз рассказывает о том, как совершить этот скачок из стадии негативного шизоидного интеллекта к стадии позитивного научного мышления.

Победа философии рационализма, развенчание немецкого идеализма и материализма, и выход к энергетической теории познания — вот пути становления научного интеллекта.

Научное мышление всегда в поисках закономерностей общественной жизни. Материализм видел эти закономерности в экономических отношениях и биологических законах, субъективизм отрицал закономерности, разрушая основы основ научного мышления. Энергетическая теория познания новой научной парадигмы ищет закономерности духовной энергии человека.

Закономерности духовной энергии человека — общая природы человечества, о которой давно пишут теоретики естественного права. Так, только научное мышление, а вовсе не экономические и политические системы, может положить конец Холодной войне и стать фундаментом пацифизма во всем мире.

Бертран Рассел, известный математик, философ, логик, общественный и политический деятель 20-го века, автор популярного учебника по истории западной философии, сформулировал в ряде своих книг революционную с его точки зрения политическую теории, основанную на теории психологии. Он занимает, таким образом, позицию прямо противоположную Карлу Попперу в «Открытом обществе и его врагах», где Поппер доказывает правоту «экономизма» Маркса, и отказывается от естественного права, и признания законов психики как движущей силы общества. К. Поппер за Маркса, отрицавшего психологию, и против Дж. Милля, отстаивавшего естественное право законов психологии. Бертран Рассел за психологию, за естественное право, и против экономизма Маркса.

На этом и мы строим нашу теорию психической энергии как теорию естественного права, и продолжение революции Бертрана Рассела в политических науках.

> «Немногие мыслители, занятые в сфере политических теорий, решились бы применить достижения современной теории психологии к объяснению социальных процессов в исторической перспективе. Это именно то, что я дерзну предпринять, не побоявшись бросить перчатку всем ортодоксальным теориям»

Бертран Рассел «Воздействие науки на общество»

> «В этой книге я ставлю своей целью доказать, что фундаментальной концепцией социальных наук является Власть, в том же смысле, в каком Энергия является фундаментальной концепцией физики. Подобно энергии, власть имеет много форм, таких как богатство, вооруженные силы, гражданская власть, влияние на мнение. Законы социальной динамики это законы, которые возможно сформулировать только в терминах власти в целом, но не в терминах отдельных форм власти»

Бертран Рассел «Власть»

> «Из четырех страстей, которые мы перечислили, только одна, а именно стяжательство, напрямую связана с материальным положением человека. Три остальные — тщеславие, соперничество, и любовь к власти — происходят из социальных отношений. Мне кажется это источник ошибочности марксисткой интерпретации истории, которая молчаливо подразумевает, что стяжательство есть источник всей политической активности»

Бертран Рассел «Практика и теория большевизма»

> «Марксистское мировоззрение ведет к неправильному акценту. Работа Ньютона например, могла иметь всевозможные виды экономических причин, но эта работа сама по себе значительно более интересна и важна, чем причины ее породившие. Экономика в конечном итоге имеет дело только с поддержание жизни; если бы эта проблема была удовлетворительно решена, как например с помощью коммунизма, нам бы потребовался новый объект для мышления, и некий новый принцип, чтобы положить в основу интерпретации будущей истории. Простота хороша в рекламе, но не в философии»

Бертран Рассел «Образование и здоровое общество»

С позиций этой новой политической теории Демократы и Консерваторы — это носители качественно различного сознания, двух качественно различных энергий психики, о которых пишут со времен первого осевого времени Карла Ясперса: энергия эгозащиты мистического сознания и энергия разума и совести научного мышления. До тех пор пока философия и лженаука консервируют садомазохизм поля эгозащиты, побеждать будет консервативное направление. А это направление всеобщего противостояния, как бы его не называли: борьбой классов, борьбой биологических видов, рыночной конкуренцией или национализмом. Демократия свободного и мирного общества возможна только со становлением зрелого научного мышления, естественного права общей природы человека.

ГЛАВА 1
УГОДИЛО ЗЕРНЫШКО ПРОМЕЖ ДВУХ ЖЕРНОВОВ

Случилось так, что теория психической энергии одного малоизвестного ученого потеснила опостылевшую всем парадигму Дарвина о происхождении человека. И вдруг выяснилось, что все порядочные мыслители всегда оставались метафизиками, со времен Платона и Декарта. Что материализм вульгарен и примитивен, и никто кроме, может быть, Дарвина, Зигмунда Фрейда, Маркса, Энгельса и Ленина, и совсем уже безумного Гитлера, им не соблазнился всерьез. Конечно, можно было вспомнить французских энциклопедистов во главе с Дидро, хитрые намеки Вольтера на животную природу человека и сумасшествие маркиза Сада, утверждавшего, что природа есть убийство, и даже сатанинскую библию дарвиниста Ла Вея, но только кто станет о них вспоминать в приличном обществе?

Оказалось тут же, что все цивилизации, которые раньше считались гуманными и приличными, на самом деле агрессивны, лживы и во всем своем моральном облике не так уж сильно отличаются от Гитлера, которого они так показательно проклинали.

Что совок плоть от плоти того же самого материализма, который породил Гитлера в свое время, знали все. А вот что либеральная цивилизация тех же материалистических корней признать не хотел никто.

Разве дело в материализме? Разве материализм роднит Гитлера и Ленина (или Сталина с Троцким)? Нет и нет, клялись либералы. Ф. Хайек всем наглядно доказал в книге «Дорога к рабству», что единая дорога к потере человеческого лица вовсе не в материализме, а в плановой экономике и коллективизме. Не вздумайте иметь общую истину, общую этику, и уж, боже сохрани, общую собственность — и вы гарантированы от рабства и безнравственности на вечные веки!

А спросишь его, какая же общая собственность у Гитлера, который хвастал «крестовым походом» против коммунизма, так он и здесь не растеряется. Общий у него — конформизм, тоталитаризм, общее обязательное мировоззрение. Так и соединили коммунизм и гитлеризм словом «коллективизм». Мы, сторонники новой парадигмы, не против этого объединения понятий марксизм и гитлеризм. Мы против слова которым их объединяют — коллективизм. Потому что общего у них вовсе не коллективизм, а материализм. И — это важная и принципиальная разница!

А так, австрийская школа Ф. Хайека и Л. Мизеса подмочила репутацию «коллективизму» ни за что ни про что, как мы еще убедимся, а материализм выгородила, тоже совсем незаслуженно. В самом деле, что еще кроме коллективизма могло породить это страшное зло гулагов и концлагерей? Это только для приманки всякие там Пифагоры и Христы говорят, что у друзей все общее (даже чашки такие находили с пифагорейскими надписями в раскопках), и что сними и отдай рубаху ближнему. На самом деле, общие чашки, общие рубашки, и хлоп, ты уже в ГУЛАГе в общем бараке рельсы ворочаешь. И ведь успешно доказали, что все зло на свете от коллективизма!

А тут новая теория утверждает, что вовсе не коллективизм повинен в потере нравственности у Гитлера и Ленина, а именно материализм, а именно дарвинизм! И еще доказывает, что все

выдающиеся мыслители на его стороне стоят и все тоже самое утверждают: что материализм их душит, и что дух един у всего человечества. Как будто есть на свете какой то духовный коллективизм, а если и есть, как будто он чем то лучше материального коллективизма!

А значит, либеральная цивилизация тоже к этому самому безнравственному злу принадлежит, ведь дарвинизм тоже ее наука, как не крути!

Что тут началось, господа, мне трудно выразить все это пером. Началась война. Самая настоящая война не на жизнь, а на смерть. Весь старый мир материализма набросился на юную еще и неокрепшую теорию психической энергии, претендующей занять трон новой научной парадигмы. Взбесились бывшие коммунисты, которые хоть и стали православными к тому времени, а все же от коммунистического прошлого своего не отказались. Модный у дарвинистов национализм подсказал им превосходную идею: объединить всю национальную историю в одну, в которой нет ошибок и изъянов, и гордиться всей историей, какой бы она ни была! Все ведь так делают. Вот Черчиль например, называл Ганди голым факиром? Называл. И колонии жадно хранил до последнего. И что же, плохой Черчиль? Король бельгийский Леопольд сократил население своей африканской колонии вдвое, на 15 млн, и что же? Разве плохие европейские монархии?

Известен ведь девиз национализма: г-но, но свое г-но! От Гитлера правда все отказались, не только Германия, но и дарвинисты и материалисты, говорят, он не наш, сам свою философию придумал, а с нашими благородными идеями его не смешивайте. Дьяволом нарекают, а настоящих причин увидеть не хотят. Не потому ли фашизм, как и коммунизм живет и здравствует?

Так и коммунисты решили не отставать, они ведь теперь тоже национальное государство: получились православные коммунисты. Не выкидывать же такой славный кусок истории на свалку: столько грандиозных военных и политических побед, силища

необъятная! Вот, хрен вам, западные либералы, не дождетесь. И коммунисты наши, и святая Русь с нами. А тут кто-то смеет утверждать, что дарвинизм и материализм — корень всех зол человеческих. Мобилизовать все силы национальных разведок, весь боевой опыт КГБ на уничтожение идеологического врага!

Либералы тем временем, обозлились еще пуще коммунистов. Кто это такую гнусность им в нос сует, что зло мировое теперь не в коллективизме заключается, а в материализме? Хуже того, в самом сердце дарвинизма! Налажена уже была вся пропаганда против коммунизма, весь арсенал разведки наточен против проклятых коллективизаторов, а тут дуло международной нравственности поворачивается против них самих! Оказывается, они такие же злодеи, как какие-нибудь жители коммунистического общака! Хрен вам, заявили в ответ и либералы. Нас, индивидуалистов, чистых как стеклышко, вам нечем крыть!

Были подключены все оперативные силы ЦРУ и других ведущих разведок Свободного Мира, чтобы пресечь зло на корню. Враг разработал новую научную теорию, и хочет протащить ее на трон научной парадигмы вместо дарвинизма под видом самостоятельного ученого! Знаем мы эти штуки идеологического врага! Приготовиться к войне по всем фронтам! Честь международного индивидуализма на карте! Коллективизм наступаем в новом обличье духовного социализма!

Генералы ЦРУ клялись, что никакой опасности нет и быть не может, что и в самом деле какая то выскочка что-то там пишет на пенсию от инвалидности, и что об ее инвалидности уже позаботились коммунисты. Что их собственные разработки о контроле разума стоят миллиарды, а тут нищенская пенсия инвалида! Разве можно сравнивать такие боевые позиции! Эти заявления не успокоили бдительность либеральной идеологии.

Так вот и угодило наше зернышко промеж двух жерновов, как выразился Александр Солженицын, когда попал между коммунистами и либералами, между КГБ и ЦРУ.

Между тем, сторонники теории психической энергии тоже время даром не теряли. Решились они на принципиальный шаг.

Они объявили, что миром правят не разведки национальных государств, а Духовная энергия всего передового интеллектуального человечества. Они решились заявить, что великие мыслители, которыми гордиться каждое национальное государство — все сплошь были сторонниками Интернационала и духовного социализма. И что отныне все эти великие люди конфискуются Теорией ПЭ у национальных государств, которые не уважают их взгляды и при жизни их часто преследовали. Они воздвигли громадный храм невиданной красоты, и все дивились этому храму, словно ожил сам Микеланджело и создал новую свою Сикстину. Много лучше!

И посвятили этот храм великим светилам мысли и духа всех времен и народов. Не забыли и Христа, и Лютера, Оригена и Августина, Ренана и Штрауса. Что тут началось, читатель, ведь в борьбу с юной, хрупкой еще Теорией ПЭ вступили теперь христиане всего мира! Словно мало было им двух злобных партий дарвинистов, коммунистов и либералов, так нате вам пожалуйста, еще и христиане, католики и православные, лютеране и баптисты, все разновидности папистов и протестантов ощерились в защиту своего божества — Христа! Как так, кричали они, единый храм, для смертных ничтожных, и для нашего сына божьего, кровью своей искупившего грехи всего человечества? Стыда на вас нет! Кощунствуете и святотатствуете!

Так вокруг Храма Великих Святых Мыслителей, или коротко, вокруг Храма Духа Человеческого, началась вселенская война материалистов и мистиков, которые хотели уничтожить его во чтобы то ни стало. Материалисты натравили Разведки своих национальных государств. И не сладко пришлось юной и хрупкой теории ПЭ против всесильных ЦРУ и КГБ. А мистики собрали воинство своих церквей и громили с кафедр язычников и еретиков, да какими бранными словами они только не сыпали, посмевших смешать Христа с учеными смертными, а ведь кто как не Христос, плакали они от возмущения, говорил, что дитя неразумное и птичка беззаботная ближе всех к царству небесному.

Что ж, не в первой было отцам церкви с Разведками мировыми в военное время объединится. Не то ли, если вдуматься была и святая инквизиция? Теперь ты можешь представить, читатель, как туго приходилось в то время нашему брату в Храме Духа Человеческого, осажденного со всех сторон материалистами и мистиками всех видов и направлений.

Но велика Сила Духа Человеческого! Мировой интеллект питает его. Души великих умов, собранные там, помогали новой парадигме пробить себе дорогу к научному трону, и сбросить с него рассыпавшийся в прах и тлен дарвинизм.

Ибо вместе с Дарвином покидала трон мировой мысли и мистика всех видов и направлений, держали они друг друга своей взаимной нелепостью. Дарвинизм настолько нелепо отвергает духовную энергию человека, что люди интуитивно кидаются за поисками духа в мистику. А мистика настолько нелепо основывает все на магии, волшебстве и чуде, что люди интуитивно ищут спасения в дарвинизме, который прикидывается наукой. Так они и держат один другого, так они и пришли вместе на смертный бой в свои последние часы, рука в руку, защищаться от новой парадигмы, захватившей уже самовольно всех самых блистательных мыслителей и художников у национальных государств. И ведь не отвертишься: хлоп и цитата доказывает, что не был и этот и тот материалистом и дарвинистом, что и этот и тот не был мистиком, и что все они за духовный социализм выступали.

Поклялись Разведки национальных государств вернуть во чтобы то ни стало своих великих мыслителей в стены родного отечества, к опустевшему без них очагу, и сравнять с землей Храм Духа Человеческого, оскорбляющий их завистливый глаз своей невероятной красотой и силой. Откуда силы берут эти несчастные, посмевшие тягаться с князьями мира этого? На что надеяться?

Эх, угодило зернышко промеж двух жерновов!

ГЛАВА 2
РАДОСТЬ В ХРАМЕ ДУХА

А пока снаружи Храма Духа шли бои рационалистов с разведками, внутри Храма шло грандиозное празднество, недоступное глазам смертных. Открытие Храма Духа, в котором была собрана память обо всех самых выдающихся мыслителях рода человеческого, позволило, наконец, неприкаянному духу этих великих людей обрести друг друга, и встретиться всем вместе, после веков и тысячелетий скитаний. Радовались друг другу титаны духа так, что нет у автора сил никаких описать вам восторг встречи той, читатель. Представьте себе только, что сама истина и сама дружба были разорваны много веков, и вдруг со слезами соединились счастливо в великом Храме том.

Микеланджело обнимал Гойу, Ван Гог плакал на плече Гогена, Леонардо да Винчи крепко жал руку Джордано Бруно, Сократ и Цицерон слезами счастья увлажнили бороду Платона, Бетховен громко смеялся о чем-то с Гете и Шиллером, Спиноза, Лейбниц окружили Декарта, Христос хохотал, слушая горячие споры Августина и Лютера, Ренана, Штрауса и Паскаля. Бертран Рассел плакал слезами счастья с Альбертом Швейцером, Арнольдом Тойнби, Карлом Ясперсом, рядом горячо спорили Эйнштейн, Планк, Н. Бор, Вильгельм Оствальд, Лауэ, Максвелл и Герц, Мах и Больцман. Солженицын и Булгаков восторженно взирали на Христа. Андрей Сахаров и Лихачев шумно радовались друг другу. Восторги счастья в соседней компании Герцена, Кропоткина, Чернышевского, Белинского, Огарева, Прудона мешали им сосредоточиться. Толстой, Достоевский и Чехов стояли поодаль, Руссо, Вольтер, Дидро и Лессинг, занятые выяснением отношений, никого пока не замечали. Свифт, Сервантес, Оруэлл, Гоголь толковали с Горацием и Лукианом. Флобер, Золя, Мопассан, Тургенев, Жорж Санд, Гонкуры не верили, что они опять вместе. Шеллинг и Кьеркегор смеялись рядом над философией Гегеля, Альбер Камю и Жюльен Бенда высмеивали Ницше и Сартра. Кант и Фихте смеялись над своей ненавистью друг

к другу, Генрих и Томас Манн стояли в плотном кольце своих товарищей, Л. Фейхтвангера, Стефана Цвейга, Генриха Белля, Ремарка, Андре Жида, Ибсена, Анатоля Франса, Гюго, Герберта Уеллса, Бернарда Шоу, Эмиля Людвига. Байрон и Шекспир выясняли отношения. Ромен Роллан, Ганди, Рма Мохан Рой и Вивекананда почтительно увлеченно обсуждаи что-то с Буддой. Данте втолковывал что-то Карлейлю, Гельдерлин обнимал Марка Аврелия, Заратустра болтал о своем с Пифагором. Маслоу, Фромм, Адлер, Франкл, Хорни, Милграм окружили старика Фрейда, Лев Клейн смеялся над Леви-Строссом. Дарвин, Фейербах, Маркс и Ленин говорили о своем, Конт, Спенсер, Милль и Поппер ожесточенно спорили, Марк Твен и Сэлинджер смеялись в сторонке с Артуром Шлезингером.

Когда, наконец, все первые восторги были исчерпаны, всеобщее ликование этих великих умов залило мощными лучами света Храм Духа, поразив толпы народа вокруг Храма своей слепящей яркостью. Счастье встречи, счастье быть частью друг друга и быть частью разума и красоты, юмора и доброты, переполнило Храм Духа. Наконец, Христос решил взять на себя ответственность за беспорядки вокруг Храма и обратился к своим сотоварищам с кафедры:

— Дорогие товарищи по духу! Друзья и соратники! Братья и сестры! Прошу меня простить, что взял на себя смелость напомнить вам в вашей волнующей радости, которая потрясла всех нас до глубины души, о том, что наше единение еще не утверждено. Посмотрите на толпы митингующих людей вокруг Храма! И на горстку людей, которая пришла его защищать! То есть защищать нас с вами! Наше единство! Нас не хотят здесь оставлять. Нас хотят опять растащить по глупым национальным святилищам, где из нас снова сделают идолов наций, не понимая ни слова в той проповеди духа, которую мы им читали. Мы должны защищаться, друзья! Отстоять свое единство и истину! За истину, за интеллект, за божественный свет, который готов пролиться на нас с новой научной парадигмой, которая открыла закономерности духовной энергии человека!

Даже самым скептичным и эмпирически настроенным умам мыслителей было трудно созерцать Христа в роли своего товарища по духу. Для одних его вообще не существовало. Для других, которые привыкли считать его божеством, было еще труднее, потому что дух духом, а божество все же божеством. Нет, здесь собрались умнейшие из умных, понимавшие что бог есть интеллект, и что он часть этого интеллекта, и что Христос не бог, а такая же часть космического интеллекта. И все же, были здесь Булгаков и Солженицын, Августин и Лютер, Швейцер и Гегель, для которых Христос был чем-то большим чем просто товарищем по духу. Августин и Лютер не вынесли такого испытания, на время лишившись сознания. Гегель не растерялся и предложил Христу услуги диалектической логики. Булгаков скептически улыбался, ни на минуту не веря своим глазам и ушам. Материалисты хохотали, держась за животы. Громче всех смеялись Маркс и Ленин, однако, Юм и Гоббс, Конт и Поппер, Дарвин и Вольтер совсем от них не отставали.

— Товарищ Христос — это, пожалуй, уже слишком! — прослезился от смеха Ленин. — Что это вы нам вкручиваете тут? Диалектическая логика Гегеля давно доказала, что абсолютной истины нет и быть не может! Нет никакой духовной энергии и никакого открытия психической энергии быть не может! Закономерности психики как абсолютная истина об обществе! Вы только послушайте эту апологию буржуазной философии! Товарищи, не верьте провокаторам идеализма! Наука есть одна и это научный материализм! А этот товарищ, кто угодно только не Иисус Христос! — и Ленин снова закатился смехом, уткнувшись в плечо Марксу.

— Я поддерживаю предыдущего оратора! — волнуясь, вскочил с места Михаил Булгаков. — Уж не думал, что когда-нибудь скажу это... меньше всего у нас общего с марксизмом-ленинизмом, как небезызвестно в литературном мире! Но это! Это уже слишком! Называть господа нашего Иисуса Христа нашим товарищем! Очнитесь друзья! Здесь нет никакого Храма и никакого научного открытия! Это подлая иллюзия! Галлюцинация! —

взвизгнул разволновавшийся писатель, которому совсем уже было не до смеха.

Тогда слово взял Эрнст Ренан. Он степенно вышел на трибуну и поднял руку, прося тишины и внимания:

— Уважаемые братья, родные, дорогие друзья и товарищи! Счастье мое безмерно! Видеть вас, видеть нас всех вместе! Если есть и мог бы быть рай, то наше единство несомненно единственный рай который мы могли бы себе вообразить. Что касается нашего собрата Христа, вы знаете, мы, я, Штраус, Швейцер, Лессинг, Спиноза, давно писали что Христос — один из нас, мыслитель, философов, одним словом человек духа, как все мы. Дорогой Иисус, не обижайся на тех, кто еще не может адекватно видеть ситуацию. И помни мы всегда с тобой! Спасибо за прекрасную речь! Мы поддерживаем тебя! Мы будем бороться за наше единство! Мы отстоим новую парадигму и открытие психической энергии. Мы отстоим единую истину и дух человеческий!

Вот на этом закончилось единство и в Храме духа, и ясно стало рационалистам, что не окончена еще борьба за новую научную парадигму, за открытие закономерностей духа и доказательство единой истины, единой природы рода человеческого. Разделились великие мыслители на множество групп и подрупп, но в общем и целом образовалось два течения, или две партии, если вам так угодно: партия рационалистов, признававших единую истину и духовную энергию человечества, и партия агностиков (скептиков), которая отказывалась от единой истины и от единой природы духовной энергии человечества. Эта вторая делилась еще внутри себя на материалистов и субъективистов, материалисты делились еще на эмпириков и диалектиков, но все вместе выступали оппозицией рационалистам, которые окрестили их одним словом «скептики».

Так началась борьба между рационалистами и скептиками в Храме Духа человеческого, борьба скрытая от глаз смертных, которые воевали за воротами Храма на той же самой линии фронта.

Рационалисты утверждали, что бог есть интеллект, и что его не дано видеть духу человеческому, кроме как в истине законов природы, установленных этим интеллектом. И что поиск этой истины, знание этой истины, контроль законов этой истины, сотрудничество и любовь в поиске и контроле этой истины и есть цель и суть существования духа человеческого. Что зло на земле — всего лишь следствие отсутствия знаний о законах духа, и что теперь с открытием психической энергии, зло прекратит существовать. Что единство людей станет стабильным, что человечество придет к своей всемирности, как говорил Достоевский, что подлость и тщеславие станут забытой психической аномалией, а люди смогут наслаждаться глубинами творчества, доброты, юмора, благородства, великодушия. Взаимное уважение и восхищение, отвага и тонкость, искренность и юмор, и главное, много квалифицированного труда — все это отныне составит и наполнит жизнь человека. А злом, то есть полем эгозащиты психики, будут заниматься система образования, целью которой станет объяснение механизмов этого поля, и навыки контроля этой патологической энергии, с целью ее нейтрализации. Оставался один шаг до этого общества единой истины и единого духа — утверждение открытия психической энергии, которое уже было сделано, описано, опубликовано, и представлено на суд народа.

И все многочисленные участники в разработке этой теории, на которых ссылается автор открытия, некая Тесла, выступили единым фронтом на ее стороне, на стороне рационализма. А правильнее сказать, Тесла выступала на стороне этих великих рационалистов, задолго до нее начавших разработку теории психической энергии, получившую только окончательное оформление в ее трудах. И не знала несчастный ученый, тревожно задремавший на заре после бессонной ночи, какая борьба началась в Храме Духа, и какая мощная армия спешит на помощь их общему детищу — открытию психической энергии.

Однако, и скептики не дремали. Они ни за что не хотели признавать, что есть какая то общая истина, которая позволит

уничтожить зло, и утвердить торжество добра. Материалисты вообще отказывались верить, что существует какая-то духовная энергия, и призывали громить эти антинаучные измышления идеализма. Ленин возглавил партию материалистов, помирившись по такому случаю со своими давними врагами — эмпириками. В принципе, сказал Ленин, критика эмпириокритицизма хоть и утверждала наличие объективной реальности, но никогда не утверждала абсолютной истины! Это уже происки мелкобуржуазных идеалистов, а мы с вами товарищи, за научный материализм, и знаем что абсолютной истины нет и быть не может! Тем более, если говорить о какой-то духовной энергии! Товарищ Дарвин давно и прочно доказал, что человек есть неотделимая часть царства животных. На том и будем стоять!

Материалисты и эмпирики разделили единый вначале фронт скептиков, то есть тех, кто отказался искать единую истину, единую природу человека, и кто не верил в возможность устранения зла. Увы, однако, партия Ленина даже с эмпириками, к которыми присоединились Гоббс, Юм, Мах, Поппер и Огюст Конт не оказалась на этот раз в большинстве. Как обидно было Ленину прослыть в Храме Духа меньшевиками!

Большевиками скептиков стала партия субъективистов, возглавленная признанным лидером школы немецкой философии, Иммануилом Кантом. Субъективисты признавали духовную энергию, но наотрез отказывались признавать, что эта энергия имеет какие-то закономерности, потому что, считали они, дух человеческий абсолютно свободен. И по этой причине они также отказывались верить, что возможно изжить зло из жизни человеческой: зло есть свобода выбора, говорили они, без зла человек лишается своей свободы, и дух прекращает свое существование. Под предводительство партии Канта в едином фронте скептиков, отрицавших истину и победу добра, встали все известные субъективисты: Гегель, Фихте, Булгаков, Солженицын, А. Тойнби, Шпенглер, Ницше, Сартр, Бовуар, Гуссерль, Хайдеггер, А. Бергсон, М. Фуко, Томас Кун, Лев Шестов, Макс Вебер, Клод Леви-Стросс, Э. Дюркгейм и др

Весь фронт скептиков, и материалисты и субъективисты отказывались ожидать кардинальных перемен в обществе, отказывались верить в устранение зла, утверждали что все порядки установлены на веки вечные, что дух либо абсолютно свободен, либо вообще не существует, что зло либо животная природа человека, либо свободный выбор. Они отказывались посему и признавать какое то естественное право, основанное на законах духовной энергии, и признавали только юридическое право. А мистики, которых было много среди большевиков Канта, наотрез отказались признавать Христа равным себе духом человеческим, и неизменно падали на колени и целовали полы его платья. Как не сопротивлялся Иисус, как не смеялся и не плакал, невозможно было их отговорить от этой привычки.

Зато партия рационалистов решила перейти к решительным действиям. Не сидеть сложа руки, не оставлять судьбу открытия на произвол судьбы, а сделать все что было в ее силах, чтобы помочь утверждению новой научной парадигмы. Рационалисты и скептики разделились примерно на равные группы, но рационалисты не сомневались, что теперь, после открытия ПЭ, они легко сумеют переубедить большую часть скептиков, и субъективистов, и материалистов, и что это только вопрос времени.

Не о собратьях по Храму Духа переживали они. Надо было идти в мир и действовать среди живых людей.

Очевидно было, что против новой научной парадигмы единым фронтом выступил извечный враг разума и совести, поле эгозащиты, которое ни за что не хотело уступать власть духовной энергии человека. Испокон веку власть держалась на господстве и подчинении, садомазохизме и хитрости, подлости и тщеславии поля эгозащиты, и испокон веку власть представляли национальные разведки.

Вот и теперь все разведки мира трудились в поту, чтобы помешать становлению новой научной парадигмы, которая должна была раз и навсегда сместить власть поля эгозащиты, власть насилия и подлости. Единым фронтом встали все разведки национализма, помирившись перед лицом такого страшного врага.

А страшным врагом была беззащитная девочка из бедной семьи в трущобах кавказской провинции России, которой выпал чудесным образом жребий закончить работу ученых многих веков. Много удивлялась и недоумевала она почему бог избрал ее, бедную девочку, столь далекую от авансцены мировой науки, и географически и социально. Не хотел ли бог сказать этим своим выбором всем строптивым, что ни пол, ни нация, ни класс, ни родовитость не решают ничего в делах духа человеческого.

Звали эту девочку Тесла. Никто не уполномочивал ее, провинциальную девочку, надевать на себя кандалы каторжной научной работы. Бог дает талант, а наказание это или благо не знает никто. Б. Шоу говорил, гений делает что должен, талант что может, остальные повторяют. Правильнее сказать, остальные учатся, интеллектуальной работы хватит на всех, но тяжелее всего тому, кто несет на себе ответственность. Гении — шахтеры человеческой энергии, потому Эйнштейн говорил, что теоретическая работа первооткрывателей настолько тяжела и настолько абстрагирована от физической жизни, что может быть движима только религиозной интуицией. И эта интуиция заставляет работать, пока не будет результат, заказанный творцом.

В 38 лет покалечили Теслу за эту ее работу. Но бог берег свою работу и свое дитя. И Тесла чудом продолжала работать еще семь лет. Она уже не девочка. Ей 44 года, глубокая седина покрыла красивые когда то каштановые волосы, четыре перелома в позвоночнике скривили тело, изуродовали ноги. Но ей некогда об этом думать. Закончить работу, успеть доказать, рассказать и передать эстафету другим людям, тем, кто тоже чувствует ответственность за дух человеческий.

— Решено, — сказал Бертран Рассел после длительного совещания с товарищами. — Сначала посетим Теслу. Потом нам надо отправляться к лидерам национальных разведок. Русскую разведку возглавляет сам президент, это общеизвестно. Где-то я читал, что Генри Киссинджер при встрече с Владимиром Путиным сказал, что «все порядочные люди вышли из разведки», и он сам тоже. Американская разведка насколько я могу помнить по делу

Кеннеди, в расследовании которого лично участвовал, тоже не далеко ушла от русской разведки. Мы должны поговорить со всеми сторонами, и устранить противодействие, доказав, что всякое сопротивление науке не только бесполезно, но делает их смешными.

— Смешными? — расхохотался своим заразительным смехом Эйнштейн. — Что они знают о том, как они смешны! Вы читали расследование Джона Маркса о контроле над разумом ЦРУ? А чем лучше карательная психиатрия в советах? И все эти люди считают что бихевиоризм, то есть собаки Павлова и крысы Скиннера — это управление человеческим разумом!

Тут уже смеялись все рационалисты. План работы был выработан, им предстоял тяжелый и неравный бой с коварными и жестокими национальными разведками. Но этим великим людям, с большими как солнце отважными сердцами, не в первой было вступать в войну. И это был их решающий бой: бой духа со злом насилия.

Сказано — сделано.

— Мы здесь, — сказал Бертран Рассел изумленной Тесле, печатавшей новую книгу в своем инвалидном кресле, — чтобы пригласить тебя на Большой Суд в Храме Духа. Твоя теория психической энергии собрала нас и сплотила против национальных разведок, старой научной парадигмы дарвинизма и против Холодной войны. Сможешь ли ты принять участие в Большом Суде?

— О, великие! Прекрасные из прекрасных! — взмолилась Тесла, не веря своим глазам. — Сон вижу я, не может это быть правдой. Вы в моем скромном жилище, вы признаете Теорию ПЭ и боретесь за нее! И я догадывалась, что вы, великие ученые мужи, оценили бы по достоинству теорию, основанную на ваших мыслях и достижениях, и что только коварные интриги национальных разведок мешают смене научной парадигмы. Мешают поставить Теорию психической энергии на место обезьян Дарвина и собак Павлова!

— Идем скорее с нами! — сказал Альберт Эйнштейн, улыбнувшись своей доброй лучистой улыбкой.

— Увы, великие из великих! — вздохнула Тесла. — Разве я посмею предстать в таком изувеченном виде пред глазами высокого Собрания Духоборцев! Дни мои сочтены, и только счастлива я, что могу передать вам заботы о Теории ПЭ. Я написала эти стихи два дня назад, словно знала, что встречу вас вскоре.

Ты умираешь дева
Дни твои сочтены
Зачем персидского дива
Спокойствием дышат черты

Зачем глаза закрывать легко
В самом расцвете лет
Зачем нестрашно терять тепло
Так рано обледенеть

Затем что я родилась давно
С тех пор в моей голове полно
Музыки, света, идей его
Давно? Да, тысячи лет уже прошло

Была я тёплой жизнью полна
Когда я только пришла сюда
Той бешеной жизни родник
Только-только ещё возник

Громкий мой смех постоянно звучал
«Заратустра родился!» — никто не кричал
Смеётся родившись только пророк
А у меня было очень много хлопот

Искрящего света лучи озарили
Живую душу мою ослепили
Синайскую гору мной окропили
Жертвой жизнь на ней закровила

Арфы Орфея стальная мелодия
Будет звучать в тебе вечной рапсодией
Жизни журчанье уйдёт на полвека
Память твою поглотит река-Лета

Ты станешь словно экран для истории
Через душу твою пройдут все рапсодии
Которые пел когда-либо народ
Ты будешь двигать науку вперёд

А как же жизни журчащий поток
Все ещё слышу я детский восторг
Неугомонного смеха рулады
Пенистой влаги моря каскады

Смех на кресте никто не слыхал
Морской волны там никто не искал
И персиков жизни там сроду не ели
Лама сабахтани, эли, эли

Истины пламень похитил с Олимпа
Огонь Прометея лучистого лика
С печальной скалы человеку сиял
Бессмертную печень орел не склевал

Пронзён Заратустра рукой злого мага
В Кавказских горах в цепях Прометей
Стекает с Иисуса кровавая влага
Вакханками Диониса растерзан Орфей

Затем мне не страшно глаза закрывать
Затем мне не страшно тепло потерять
Затем что я полюбила давно
Божьих людей, на крестах их полно

Нету им жизни на этой земле
Нет радости им в земной красоте
Каждый — рапсодия арфы Орфея
Голос Синайский горы Моисея
Факел с Олимпа горы Прометея

— Это прекрасные стихи, — сказал Эйнштейн и его лучистая улыбка поникла, — но слишком грустные. Мы сами отвезем твою коляску в Храм Духа и позаботимся о тебе. Приготовься увидеть сияние высокого Собрания самых прекрасных душ человечества, Тесла!

ГЛАВА 3
БОЛЬШОЙ СУД НАД ХОЛОДНОЙ ВОЙНОЙ

После долгих совещаний, после горячих дискуссий и дебатов, в которых великие мыслители всех времен и народов вновь разделились на две противостоящие стороны, — на тех, кто сочувствовал Левому политическому движению демократов и социалистов, и тех, кто сочувствовал Правому политическому движению консерваторов, — решено было учредить Большой Суд в Храме Духа.

— Справедливый суд, верховенство права, единый закон для всех — это то, чему люди до сих пор так и не научились! — голосом, выдавшем глубокую тревогу провозгласил Альбер Камю с кафедры Центрального Зала Храма. — Сегодня нам рано уходить на отдых, нам совестливым духом, чья активная работа на земле до сих пор является фундаментов всей духовной деятельности человечества. Мы должны показать пример справедливого суда! Судить Холодную Войну, которая никак не закон-

чится, найти виновных и громогласно осудить их! Всем известно, мы были друзьями с Жан-Полем Сартром, но и нас рассорила эта беда, разделившая мир на две враждебные группы. Сегодня, я протягиваю тебе руку Сартр, я бросаю перчатку, как вызов на Вселенский Суд над Холодной войной, чтобы мы, наконец, нашли виноватых, и вновь смогли жить единым человечеством, в дружбе и согласии!

Бурные аплодисменты поддержали выступление Альбера Камю.

— Я принимаю твою перчатку, Камю! — крикнул ему полным гнева голосом Сартр. — Я знаю, что такое справедливый суд! Я был президентом Международного Трибунала по военным преступлениям Бертрана Рассела в 1967 году. Наш суд так и назывался Трибунал Рассела-Сартра! И это наш Трибунал остановил ту страшную войну во Вьетнаме. Конечно, не только мы, американский народ восстал и остановил свое правительство! Но ведь это мы рассказали американскому народу, что на самом деле происходит во Вьетнаме!

— Дорогие друзья! — вмешался в спор старых друзей Лион Фейхтвангер. — Как же я счастлив, что увижу в вашем лице настоящий справедливый суд! Вы помните, какого рода суд описан в моем известном романе «Успех». И всегда мне хотелось увидеть настоящую судебную систему, настоящую справедливость. Да, друзья, Трибунал Рассела-Сартра покажет нам такую справедливость! В 1937 году я написал книгу о коммунистической Москве, после ее посещения. КНига называлась: «Москва, 1937». Это был мой ответ тебе, Андре Жид, на твои воспоминания о Москве тех же лет «Возвращение из СССР». Мы с тобой тогда никак не могли сойтись в своем отношении к коммунистической молодой стране. На твоей стороне был Троцкий и правые консерваторы, на моей стороне был Сталин и Ромен Роллан и социал-демократы запада. Я помню, как ты сказал тогда о Роллане: «Я не ожидал такого резкого осуждения от автора „Над схваткой“. Я разочарован». Я был на процессе 37 года, и я признал тот суд справедливым. Конечно, и я сомневался, Андре,

но как я мог говорить об этом публично, когда над миром нависла гитлеровская угроза? Кто защитил бы нас, если бы мы разрушили советы?

— От всей души поддерживаю вас, дамы и господа! — зазвенел полный энтузиазма голос Бертрана Рассела. — Считаю предложение о Трибунале над преступлениями Холодной войны правильным и уместным! Я тоже был в России в 20-е годы, Лион. Я застал еще Ленина и Троцкого в Москве, и говорил с обоими. Ты, Андре застал только похороны Горького, а я его видел и говорил с ним. Он тоже поддержал советское правительство, хоть и был далеко не всем доволен. Правда, мне не разрешили повидать Кропоткина, который вскоре после моего отъезда умер. Моя вторая жена Дора была в Москве примерно в то же время, но не со мной. И мы также разошлись с ней в мнениях, как вы, Андре и Лион. Мы чуть не поссорились из-за этого. Я стоял на твоей позиции Андре, а Дора на позиции Лиона. Я написал обо всем в своих мемуарах, и в книге «Практике и теория большевизма». Что ж, пришло время выяснить, кто был прав, а кто ошибался! Суд над Холодной войной, друзья!

Сказано — сделано. Стороны Холодной войны были обозначены странами-супердержавами: Америка и Россия.

Суд присяжных с американской стороны составили отцы-основатели Америки: Джефферсон, Вашингтон, Франклин, Томас Пейн, Авраам Линкольн и др.

Великие политические мыслители: Джон Локк и Алджернон Сидней, Ж-Ж Руссо и Джон Милль, Джон Мильтон и Монтескье, Алексис де Токвиль и Герберт Спенсер, Дильтей и Макс Вебер, Фихте и Леви-Стросс, Ф. Шеллинг и Ж. Прудон, Томас Карлейль. Художники и философы: Джонатан Свифт, Джордж Байрон и Уильям Шекспир, Вольтер и Дидро, Лессинг и Гете, Кант и Гегель, Огюст Конт также выразили желание быть членами суда присяжных. Писатели-социалисты: Лион Фейхтвангер, Генрих Манн и Томас Манн, Прудон, Ромен Роллан, Герберт Уеллс, Генрих Белль, Бернард Шоу, Эрих Ремарк, Альберт Эйнштейн, Чарли Чаплин, Эрнест Хамингуэй, Стефан Цвейг и Арнольд Цвейг, Бер-

тольд Брехт, Анатоль Франс, Эмиль Людвиг, Гюстав Флобер, Эмиль Золя, Жорж Санд и Гюго. Религиозные деятели, Заратустра, Будда, Ганди, Христос спешили занять свои места.

С российской стороны суд присяжных представляли все корифеи классической русской литературы: Антон Чехов и Лев Толстой, Достоевский, Николай Чернышевский, Некрасов, Белинский, Иван Тургенев, Куприн, Тютчев, Чаадаев, Лермонтов, Одоевский, Гончаров, Грибоедов, Крылов, Салтыков-Щедрин, Огарев, Горький, Гайто Газданов и др. Пришли Булат Окуджава, Галич и Эльдар Рязанов. Ленин пригласил Маркса и Энгельса представлять российскую сторону в этом Большом историческом суде, и те приняли предложение с благодарностью.

Обвинителями американской стороны выступили Джордж Оруэлл и Артур Шлезингер, Бертран Рассел, Сартр и Камю, Жюльен Бенда и Карл Поппер.

Обвинителями российской стороны вызвались быть Александр Герцен и Петр Кропоткин, Александр Солженицын и Михаил Булгаков, Пол Хлебников и Самюэль Хантингтон, Владимир Высоцкий и Андре Жид.

Обеим сторонам было предложено выступить со вступительными речами, и идти готовиться к судебному процессу.

Начали традиционно с обвинений российской стороны: и царизм варварский, и коммунизм лагерный, и путинизм гремит убийствами. Солженицын очень просил избавить его от вступительной речи, честь которую сначала все условились предоставить автору «Архипелага». «Вы же помните, я писал в своей автобиографии, «Угодило зернышко промеж двух жерновов», что мне трудно говорить на публике против России. Я скажу, но за вами. Тут все обратили внимание на удивительное сходство этих двух великих русских людей: Петра Кропоткина и Александра Солженицына. И книги их, и роль их в истории, и одухотворенное, доброе лицо с высоченным могучим лбом — все поражало своим сходством.

— Будь по-твоему, — сказал Герцен, уверенно поднимаясь на кафедру. — Друзья! Дамы и господа! Я позволю себе это

более официальное обращение пока идет суд и пока мы не объедимся окончательно. Вы знаете, я всегда был предельно объективен в своих воспоминания, излагая факты во всей их обнаженной правдивости. Никогда не старался я ни смягчить, ни приукрасить действительность. Я показал вам царскую Россию такой, какой она была. Таков долг каждого честного человека, каждого совестливого духом, каждого мыслителя. Однако, вы также помните, как болезненно я среагировал, когда Жюль Мишле, мой хороший товарищ на тот момент, выступил в печати против всего русского народа. Да, друзья, мне было очень больно. И я защитил русских мужиков от критики Жюля Мишле также, как я защищал их от царского правительства: этих безмолвных страдальцев, мучеников, не умевших сказать слова в свою защиту. Это не поссорило нас с Жюлем Мишле, этот великий философ и историк извинился. По моей смерти он назвал меня русским Вольтером, сравнив меня с самым любимым во Франции писателем.

Однако, положение, которое создалось в современной России, удручает меня еще больше. Вы знаете, я был против марксизма, я был против насильственного переворота, я говорил «людей надо не бунтовать, а образовывать». Я говорил, что сажать простой народ на трон, и обожествлять его вместо царей — такая же глупость. Но революция свершилась. Оглядываясь теперь на ее результаты, мы не можем не видеть что при всем зле, которое всегда имеет место при насильственных переворотах, где гибнет много невинных людей, Россия вышла из Революции обновленной. Все-таки это было дело великой освободительной Американской и Французской революций! Все-таки большинство народа получили образование. Школы, о которых так мечтал Чехов, доступные школы для каждого ребенка стали реальностью. Не могло быть прыжка от крепостной России прямо к свободному демократическому государству. Авторитарный коммунизм не был идеальным государством, он породил сеть лагерей принудительного труда, о которых написал Солженицын, он породил беззакония и сотни тысяч политических заклю-

ченных. Не об этом мечтали мы, социалисты России, когда боролись с царизмом. Но оценивая сегодня результат революции в целом, была ли она благом или злом для всего народа, как мы можем осудить все то великое и доброе что сделала революция для простого народа? Разве запретили читать революционную литературу? Разве не было музеев революции? Разве книги великой русской классики не выходили миллионными тиражами? Я читал об этом у тебя Лион Фейхтвангер и позволь пожать твою честную руку. Разве все передовое и прогрессивное не было доступно в образовании широких масс? Разве физика и космос не поднялись на плечах этих бывших крепостных на вершины мирового лидерства? Разве не было вычеркнуто слово крепостной, и на его место не поставлено слово человек? Вы говорите, они лгали, продолжая унижать народ. Да, лгали, но лгут все несовершенные политические системы: разве не лжет современный демократический мир, что несет всем свободу? Важно, что хотя бы номинально людей, народ перестали унижать. Хотя бы номинально признали человеческое достоинство, общий закон для всех, верховенство права, конституцию и гражданские свободы. Все то, чего русские цари под дулом пистолетов не хотели давать людям, прикрываясь своим варварским самодержавием. Как бы не был велик вред сталинских лагерей, эти лагеря составляли до 10 процентов населения страны по самым смелым подсчетам. Русское крепостничество царских времен — это массовый ГУЛАГ всего русского народа. Поэтому мы, социалисты России, называем русскую революцию благом. Как французская революция, английская и американская революция всегда останутся благом, перевернувшими страницу феодальной истории, таким же благом всегда будет революция русского народа. Увы, человек устроен не просто, два шага вперед не получаются без шага назад, по крайней мере пока человечество так невежественно. Об этом мы будем говорить, обвиняя русский царизм.

О стране советов я скажу больше. Когда Сталин победил Троцкого, когда Хрущев победил Берию, когда Хрущев затем поддержал Солженицына, которого бы иначе никогда не было,

когда благодаря Хрущеву и Солженицыну пришел Горбачев и добровольно демонтировал авторитарный коммунизм в демократическое общество — вот тогда русская революция пошла по проторенной дороге европейских революций, и американской революции. А компартия сдержала свое слово самостоятельно отказаться от власти. Ведь Горбачев — выходец из номенклатуры КПСС, марксист и коммунист, и всегда им оставался.

Из лагеря социалистов раздались громкие аплодисменты. Солженицын поблагодарил Герцена и отважно отправился к кафедре. Теперь, после такого вступления, его разоблачения сталинских лагерей не прозвучат как злобный пасквиль над не самым плохим народом планеты. Он был так откровенен, как только мог. Он говорил обо всем что пережил, и что знал. Обо всем, о чем с такой скрупулезностью и таким редким литературным талантом написал в своих книгах. Он помнил о своей роли обвинителя, и как не щемило сердце говорить правду о людях, которых он никогда не переставал любить, он оставался объективен, удивляя друзей холодностью нейтрального тона. Он рассказал прежде всего о ложности судебной системы, которая арестовывала массы невинных людей, часто по абсурдным обвинениям, и выколачивала признания психологическими пытками, в основном лишением сна и унижениями человеческого достоинства. Он рассказал о нелепой юридической теории Вышинского, базирующейся на философии диалектического материализма об отсутствии абсолютной истины: а если истина относительная, то зачем ее доказывать, говорит Вышинский? Только чистосердечное признание — вот единственный юридический факт, утверждающий вину человека. Эта нелепая теория применялась и к суду над троцкистами 37 года, когда мир был поражен единогласным признанием всех обвиняемых. А Фейхтвангер поверил в раскаяние всех обвиняемых, он присутствовал на процессе, туда была допущена вся мировая общественность. Нет, даже если троцкисты и были повинны в подрыве сталинской системы, они не стали бы так массово сознаваться и оговаривать себя без тех

специальных психологических пыток, о которых рассказывал Солженицын.

— Однако! — возвысил голос Солженицын в конце своей речи. — Сталин называл Троцкого Иудой, об этом рассказывает Фейхтвангер. Он сказал ему приличной встрече: «Ваш народ изобрел замечательную легенду об Иуде», когда говорил о Троцком. Возможно, так и было. Фейхтвангер пишет, что Троцкий в самом деле сотрудничал с гитлеровской Германией. Как бы то ни было, Троцкий был убит. И все мы знаем, что его убил Сталин и тайная полиция СССР. Они заочно приговорили Троцкого к расстрелу, и провели два открытых всему миру судебных процессов по обвинению троцкистов. Но это не отменяет того факта, что убийство Троцкого за рубежом остается все еще убийством, а не привидением в исполнение приговора суда.

На этот раз аплодировали все. Право-консервативный лагерь был доволен резкостью, с которой Солженицын рассказал о событиях, имевших место в период становления молодого коммунистического государства.

Вступительную речь обвинения американской стороны взял Бертран Рассел. Он сказал, обращаясь к отцам-основателям Америки:

— Америка — великая страна! Прежде всего, она велика своей демократической Революцией, которая повлекла за собой Великую Французскую революцию, а еще век спустя — и Русскую революцию! Она дала миру множество ученых! Она спасала ученых, писателей, думающих людей всего мира во времена нацистской агрессии, когда Америка оставалась единственной безопасной зоной, цитаделью для всего мира. Она вступила в эту войну и помогла одержать победу добру! Да здравствует американский народ!

Речь Бертрана Рассела приветствовали громкими аплодисментами.

— Однако, — продолжал Рассел, когда шум стих, — в Америке как во всем мире борются две силы. Одна сила — злая,

а другая добрая. То что я говорил сейчас относилось не ко всей Америке, а к ее доброму гению, к ее демократическому духу, который и заложил основы этой стране и дает ей силы жить и бороться со злом до сих пор. В России тоже борются две силы: ее великая литература и великодушный народ представляют одну силу, а жестокие угнетатели, как бы они себя не называли, царями или коммунистами — другую силу.

Но есть и другая сила в Америке, и эта сила совсем не добрая. Это сила рабовладельческого Юга, дух которого до сих пор жив и пропитывает право-консервативное крыло американской политики. Неслучайно, трудности которые Аврааму Линкольну пришлось преодолеть для того чтобы создать ту демократическую Америку с верховенством закона и равными правами для всех, были столь велики. Они были из ряда вон выходящими на самом деле, потому что этот плантаторский дух, привыкший к господству белых хозяев над черными рабами, оказывал отчаянное сопротивление и в Северной Америке тоже. Вспомните, даже у великого Джефферсона жена была рабыней, у автора Декларации независимости, что же говорить о других? Да, он прекрасно с ней обращался и освободил своих детей, когда они достигли 20 лет, но ведь дело не в этом. А в том, что она и ее дети носили статус рабов. Вдумайтесь в эти слова.

В это же время российское крестьянство было раздавлено крепостничеством, — рабством ничуть не более легким, чем черные плантации южной Америки. И как революция в России не сразу отменила крепостное рабство, которое сохранилось еще в политических лагерях, так и американская революция не сразу отменила рабство, которое еще долго сохранялось в Южных штатах. Отменила ли Америка рабство вообще, или оно осталось теперь уже в виде колоний ее огромной империи?

Америка сумела освободить себя от господства Англии в гражданской войне, но не хотела давать такой же свободы своим рабам. По крайней мере этого не хотели южные штаты.

Сегодня консерваторы остаются «дремучими расистами» по выражению Оливера Стоуна и Питера Кузника, отказывающи-

мися признавать другие расы равными себе. Мартин Лютер Кинг был убит почти одновременно с Робертом Кеннеди, братом убитого несколькими годами ранее 35-го президента Америки Джона Кеннеди.

Вы говорите об убийстве Троцкого в коммунистической России. И все таки два суда над троцкистами при открытых всему миру судебных процессах — не пустая формальность. Кто учинил суд над Джоном Кеннеди? Над его братом Робертом Кеннеди? Над Мартином Лютером Кингом? Кто убил этих выдающихся демократов Америки, боровшихся за этнические меньшинства и беднейшую прослойку общества? За мир во всем мире? Сейчас принято вешать на Кеннеди всех собак, чтобы убийство не казалось таким чудовищным. Особенно, тот факт, что война во Вьетнаме началась в его президентство. Это правда, но правда и то, что если бы он остался жив, она бы закончилась на 10 лет раньше. Десять лет таких зверств были бы отменены! Кровь стынет в жилах, когда думаешь об этом. И по неволе связываешь людей, которые продолжали эту зверскую войну и тех кто убил его, желавшего остановить это безумие. Кто учинил над ними суд, и по какому приговору суда они были убиты, мы не знаем. И тем не менее также очевидно, как в случае с убийством Троцкого, что это был внутренний суд, и убили его свои же коллеги по правительству. Мы тогда организовали комиссию по расследованию убийства Кеннеди, которого я знал лично, так как мы переписывались, особенно в годы кризиса на Кубе, и мне было не все равно, кто стоит за его убийством.

Вот что я писал по этому поводу в своем дневнике спустя несколько лет.

Бертран Рассел «Автобиография», «16 вопросов убийства Кеннеди»:

> «Меньше чем через два месяца после учреждения Фонда Бертрана Рассела за Мир», вместе со всем остальным миром, я был шокирован новостями об убийстве президента Кеннеди. Я был меньше удивлен этой подлой атакой чем большинство людей, потому что уже несколько лет я писал о возрастающей толерантности к необуздан-

ному насилию во всем мире и особенно в США. Некоторые мои статьи на эту тему были опубликованы, но некоторые показались редакторам слишком прямолинейными. По мере того как я читал отчеты прессы относительно убийства президента и позже, так называемые доказательства против Оствальда, застреленного Руби, мне становилось ясно, что там должно быть имело место какое-то ужасное извращение справедливости, и что скорее всего, что-то очень мерзкое было скрыто. Когда в июне, 1963, я встретил Марка Лейна, ньюйоркского адвоката, который с самого начала занимался делом матери Оствальда, мои подозрения были подтверждены фактами, которые он успел собрать. Все члены нашего Фонда согласились с моей точкой зрения, и мы делали все что мы могли, лично и все вместе, чтобы помочь Марку Лейну и распространить те факты, которые он нашел. Было совершенно очевидно из методов которыми пытались умиротворить общественное мнение, и фактов, которые отрицались или пропускались, что очень важные вопросы были на кону. Я был глубоко впечатлен не только не только энергией и проницательностью с которыми Марк Лейн находил относящиеся к делу факты, но и скрупулезной объективностью, с которой он представлял эти факты, никогда не выходя за рамки этих фактов в своих интерпретациях. Мы решили что Фонд не должен участвовать в поддержке тех, кто выискивал факты и пропагандировал их толкование в нужном направлении. Поэтому мы учредили собственную комиссию с неудовлетворительным названием «Британская Кто убил Кеннеди? Комиссия». Мы нашли несколько спонсоров, и даже секретаря, но с трудом, потому что многие считали что это не нашего британского ума дело. Немногие понимали, что может мошенничество американских властей означать не только для жителей Америки, но и для всего остального мира также. И те кто понимал это попали в очень трудное положение. На нас обрушили грязные помои клеветы. Один из членов нашей комиссии получил угрожающий звонок из Американского посольства. Комиссии похожие на нашу были учреждены в других странах, и некоторых из них получили похожие предупреждения. В конечном итоге, наш Фонд был вынужден взять под свое крыло Комиссию, и ее члены днем и ночью тянули эту дополнительную работу. К августу, когда я опубликовал статью «Вопросы относительно убийства Кеннеди», начались митинги, и другие статьи были опубликованы. Марк Лейн путешествовал на нашей стране и по другим странам, включая свою Америку, рассказывая факты которые он раскопал, которые опровергали официальную и принятую большинством версию в отношении дела об убийстве. Мне прислали Отчет Комиссии Уоррена прежде чем он был опубликован в 1965 году,

> и сразу сказал, к очевидному неудовольствию многих, что я думаю об этом отчете. Распустили слухи, что я говорю, ничего не зная о деле, потому что я не видел отчет и не мог видеть его. На самом деле, Лейн прислал мне копию до ее публикации, так что у меня было время его прочитать и обдумать. Теперь когда Отчет Комиссии Уорена все тщательно исследовали и теперь стало почетно его критиковать, многие люди согласны со мной, и совершенно забыли и свою и мою позицию вначале. А на то время они были слишком робкими, чтобы следовать за фактами, и слепо принимая официальную трактовку. Они делали все в их силах, чтобы помешать нам помочь им узнать правду.
> Официальная версия убийства президента Кеннеди была настолько испещрена противоречиями, что от нее отказывались и переписывали по меньшей мере три раза. Вопиющие фабрикации широко освещались прессой, но опровержения на эту ложь не были допущены к печати. Фотографии, доказательства и письменные показания вымарали из истории дела и не признали. Наиболее важные аспекты дела против Lee Harvey Oswald полностью умолчали. В то же время ФБР, полиция и секретные службы старались закрыть рот ключевым свидетелям или научить их, какие показания давать. Другие участники странным образом пропали или умерли в экстраординарных обстоятельствах. Такие факты требуют к себе пристального внимания, и комиссия Уорена должна была признать их существенными для расследования дела. В силу того, что комиссия была организована президентом Джонсоном и состояла из высокопоставленных чиновников, ее рассматривали как сакральный институт, правдивость которого самоочевидна и не нуждается в доказательствах. Однако, бесстрастное исследование состава и деятельности комиссии приводит к другим выводам»

Мою речь целиком «Вопросы убийства Кеннеди» я приведу позже, когда наш Суд начнется. Сейчас для вступительной речи этого отрывка вполне достаточно.

Вы уже смогли заметить линию, по которой мы будем строить обвинение. Мы утверждаем, что в Америке противоборствуют две силы. Консервативная мораль рабовладельческих времен, которая стремится к господству и власти любыми путями, пусть уже не такими радикальными как рабство южных штатов, прикрываясь новой риторикой господства Свободного Мира, и обращая эту свободу в Троянского коня для обманутых, уни-

женных и оскорбленных. С одной стороны. С другой стороны, Америка в самом деле страна демократии, которую с таким пылом и рвением, с таким порывом великодушной отваги и любви к человечеству устанавливали отцы-основатели Америки, — это левое крыло социал-демократов.

Мы будем доказывать, что Америки как однородной нации не существует. Что это не просто различные партии и различные взгляды, но две антагонистичные силы. И что мир и благоденствие в Америке и во всем мире никогда не наступят, пока эта война прошлого и будущего не прекратится в стране. Когда-нибудь, демократы Америки победят консерваторов также, как они однажды победили южные штаты рабовладельцев. Конечно, я не говорю конкретно о членах конкретных партий. Я говорю о Духе правого консерватизма, который выражается в невежестве, в расизме и классовом господском сознании: этот дух вы можете найти в любой партии и в любом штате Америки. Равно как Дух левых социал-демократов, которые смотрят вперед и видят общество гуманизма и просвещения, общество свободы и благоденствия, дружбы и сотрудничества также можно найти в любой партии и в любом штате Америки. Но скорее всего, консерваторы будут в консервативной партии, а демократы в демократической.

Война во Вьетнаме, которой занимался наш с Сартром Международный Трибунал по военным преступлениям, тогда со всей четкостью и ясностью показала разделение общества в Америке: одни готовы были положить жизнь, чтобы остановить войну, другие с готовностью убивали невинных людей и гордились своим империализмом. Движение «Захвати Уолл-стрит» — стало другим показателем того же глубинного разделения в обществе. Каждый раз, когда очередное преступление правительства достигает слуха публики эти два разных народа внутри государства реагируют противоположным образом: одни поддерживают правительство, другие требуют наказания виновных и импичмента правительства.

Так было с делом Сноудена, с делом Меннинга; так было с публикацией Джоном Маркса отчета ЦРУ об экспериментах на контроль разума; так было с публикацией Джоном Перкинсом своей исповеди «Исповедь экономического убийцы», где он рассказывает о «тайных операциях» ЦРУ по секретной колониальной политике; так было после Уотергейта и Большой войны с терроризмом Дж. Буша младшего. Так было со множеством других преступных войн, которые Америка вела по всему миру. И теперь, когда Россия давно сложила с себя полномочия распространять и поддерживать коммунизм во всем мире, Америка больше не может объяснять свое поведение противодействием коммунизму. Риторика стала проще: противодействие терроризму. Но войны продолжаются.

Однажды, когда социал-демократы Америки победят дух архаичного консерватизма, Америка станет прекрасной светлой страной, как ее видят авторы известного исследования ученых Стендфордского университета, Джерри Порас и Джим Коллинз. Эти ученые рассказали в книгах «Построенные навечно» и «От хорошего к великому», что лучшие компании мира, те, что оказали влияние на мировую культуру, и продержались в лидерах рынка около и свыше столетия — это компании демократов и гуманистов, просто «хороших людей», заботящихся о своем персонале не меньше, а может больше чем о себе, придерживающихся философии, а не коммерческих ценностей, с большими инвестициями в научно-исследовательские разработки. Настоящие самоактуалы Маслоу и идеал левых социал-демократов, они отказываются от иерархии власти в своих компаниях, и строят дружные ответственные коллективы с тесным сотрудничеством. Интересно другое. Они противопоставили этих левых социал-демократов другим лидерам американских (и не только) компаний, тоже успешных, но не настолько. «Это серебряные медалисты отрасли, — говорят авторы, — они добиваются успеха, но как правило ненадолго, и не такого прочного, как лидеры-компании, о которых мы говорим». Оказалось, что эти компании на вторых местах носители того самого правого духа консерва-

тивного толка, о котором мы говорили. Это схемы «гения с тысячью помощниками», «генерала и солдат», резких вертикалей власти, где менеджмент строго отделен от нанятого персонала и формально и финансово. Это маленькие монархии, которые прямо противоположны республиками компаний-лидеров.

Мы видим эту линию, пересекающую американское общество во всем.

Есть прекрасная книга Артура Шлезингера «Циклы американской истории», где он подробно анализирует противостояние консерваторов и демократов Америки. Артур Шлезингер выражает уверенность в победе демократов. Мы вместе с Артуром Шлезингером постараемся на этом Суде Холодной войны, чтобы эта победа стала явью.

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «В Америке капитализм включает в себя демократию, а демократия — капитализм. Тем не менее эти две системы взглядов указывают в разные стороны. Обзорное исследование „недвусмысленно“, по определению Макклоски и Заллера, показывает, что, хотя ни одна из этих сторон не стремится к ликвидации другой, те, кто наиболее привержен демократическим ценностям, оказывают минимальную поддержку капитализму, а те, кто наиболее привержен капиталистическим ценностям, оказывают минимальную поддержку демократии».

Джон Перкинс «Исповедь экономического убийцы»:

> «Осознать различие между старой американской республикой и новой глобальной империей. Республика давала надежду миру. Ее основания были скорее моральными и философскими, нежели материалистическими. Она была построена на принципе равенства и справедливости для всех. Она была не просто утопической мечтой, но живым, дышащим, благородным организмом, протягивала руку помощи обездоленным. Она давала надежду и в то же время была силой, с которой нельзя было не считаться; при необходимости она была способна на решительные действия, как это случилось во Второй мировой войне, чтобы защитить свои принципы. Те самые институты — крупные корпорации, банки, бюрократические системы, которые представляли угрозу для республики, могли быть использованы во благо — для проведения глубочайших изменений

> в мире. Эти институты имеют системы коммуникаций и транспорта, необходимые для того, чтобы покончить с голодом и болезнями, даже войнами — если, конечно, убедить их взять этот курс. Глобальная империя, напротив, это возмездие республике. Она эгоцентрична, служит во благо самой себе, алчна и материалистична; это система, основанная на меркантилизме. Как и ранее существовавшие империи, она готова протянуть руки только для того, чтобы присвоить ресурсы, схватить все, что на виду, и набить свою ненасытную утробу. Она использует любые средства, чтобы ее правители обрели еще большую власть и богатство».

На этом Суд Холодной войны был объявлен открытым, а коллегиям обвинителей обеих сторон было позволено приступить к подготовке к процессу.

ГЛАВА 4
СОЛЖЕНИЦЫН. ЗЛО ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Следующую сессию Большого Суда над Холодной войной открыла речь Александра Исаевича Солженицына:

— Дорогие друзья, дамы и господа! Уважаемый Бертран Рассел! Нет слов моих описать, как сердце мое ликовало, слушая вас в прошлую сессию Большого Суда! Как точно и правдиво вы выразили все то, что я пытался сказать американцам и всему прочему капиталистическому миру в своей Гарвардской речи, но не смог найти подходящих слов. Какой шквал негодования обрушили на меня тогда! Уважаемый Артур Шлезингер был очень добр назвать меня в своей известной книге ветхозаветным пророком, но и он не понял мысль, которую я хотел донести. Зато он понял главное: Дух истины и гуманности, который мною двигал, а значит, мы движимы одним и тем же духом! У себя на родине, которую я тоже критиковал как вам известно, с пониманием ко мне отнесся только интеллигенция, Никита Хрущев и Михаил Горбачев: остальные под предводительством КГБ объявили меня злостным предателем.

Дорогой друг, Бертран Рассел! Когда ты воевал со злом капиталистического мира, я воевал со злом коммунистического мира! Я знаю, что эпоху сталинизма ты тоже порицал, всем умным людям была видна его диктаторская суть. Однако, я никогда не сводил всей беды того лагерного коммунизма, о котором я рассказал только к Сталину. Я всегда понимал, что дело много глубже, чем конкретные люди, которые никогда не смогли бы двигать такой махиной в одиночку, без идеологии, без партии, без философии. Всегда я понимал и тот факт, что дело е в экономике, которая тоже только поверхность.

В Гарвардской речи я в равной степени осудил «политический базар» в СССР и «коммерческий базар» в США, давая этим понять, что главное, что составляет нашу жизнь — духовная энергия разума и сердце, нас, «совестливых духом», трагически утеряно в обеих системах. Запад распродал свою душу в рыночном капитализме, союз растерял ее в идеологии диалектического материализма. Я сказал тогда в своей Гарвардской речи о материалистических корнях обеих культур, и о том, что материализм стал провалом эпохи Просвещения. И я настаиваю на этом.

Я не встал на сторону рыночной экономики, и не обвинил коммунизм в коллективной собственности и плохой экономике. Я сказал, что материализм Запада также плох, как материализм коммунистов. Вот что я сказал. И вот почему я попал между двух жерновов.

Гарвардская речь 1978, Александр Солженицын:

> «Мерою всех вещей на Земле оно поставило человека — несовершенного человека, никогда не свободного от самолюбия, корыстолюбия, зависти, тщеславия и десятков других пороков. И вот ошибки, не оцененные в начале пути, теперь мстят за себя. Путь, пройденный от Возрождения, обогатил нас опытом, но мы утеряли то Целое, Высшее, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности. Слишком много надежд мы отдали политико-социальным преобразованиям, — а оказалось, что у нас отбирают самое драгоценное, что у нас есть: нашу внутреннюю жизнь.

На Востоке её вытаптывает партийный базар, на Западе коммерческий. Вот каков кризис: не то даже страшно, что мир расколот, но что у главных расколотых частей его — сходная болезнь. Чем более гуманизм в своём развитии материализовался, тем больше давал он оснований спекулировать собою — социализму, а затем и коммунизму. Так что Карл Маркс мог выразиться (1844): „коммунизм есть натурализованный гуманизм". Не случайно все словесные клятвы коммунизма — вокруг человека с большой буквы и его земного счастья. Как будто уродливое сопоставление — общие черты в миросознании и строе жизни нынешнего Запада и нынешнего Востока! — но такова логика развития материализма. Но и мы отринулись из Духа в Материю — несоразмерно, непомерно. Гуманистическое сознание, заявившее себя нашим руководителем, не признало в человеке внутреннего зла, не признало за человеком иных задач выше земного счастья и положило в основу современной западной цивилизации опасный уклон преклонения перед человеком и его материальными потребностями. За пределами физического благополучия и накопления материальных благ все другие, более тонкие и высокие, особенности и потребности человека остались вне внимания государственных устройств и социальных систем, как если бы человек не имел более высокого смысла жизни. Так и оставлены были сквозняки для зла, которые сегодня и продувают свободно. Сама по себе обнажённая свобода никак не решает всех проблем человеческого существования, а во множестве ставит новые. Ещё 200 лет назад в Америке, да даже и 50 лет назад, казалось невозможным, чтобы человек получил необузданную свободу — просто так, для своих страстей. Однако с тех пор во всех западных странах это ограничение выветрилось, произошло окончательное освобождение от морального наследства христианских веков с их большими запасами то милости, то жертвы, и государственные системы принимали всё более законченный материалистический вид. Запад наконец отстоял права человека, и даже с избытком, — но совсем поблекло сознание ответственности человека перед Богом и обществом. В самые последние десятилетия этот юридический эгоизм западного мироощущения окончательно достигнут — и мир оказался в жестоком духовном кризисе и политическом тупике. И все технические достижения прославленного Прогресса, вместе и с Космосом, не искупили той моральной нищеты, в которую впал XX век и которую нельзя было предположить, глядя даже из XIX-го».

— Это мое выступление 1978 года в Гарварде потом стоило мне моей славы просвещенного человека на Западе. Единицы, такие как Артур Шлезингер, поняли, о чем я говорил. Русские эмигранты обозвали меня агентом КГБ, а в КГБ называли меня агентом ЦРУ (яркий образ злокачественного шпиона запечатлел Н. Яковлев). Рядовые американцы были возмущены моей «неблагодарностью». Чего же они ждали от меня? Что я ругал свою страну только для того, чтобы приехать к ним набивать себе пузо на удобной свободе? Кто же я после этого? Я ругал свою страну с болью в сердце для торжества истины и человечества. Если бы я не отказался от себя самого еще в ГУЛАГе я никогда не смог бы его пережить. И оказавшись здесь, на Западе, не по своей воле, я ставил себе ту же задачу: искать истину и совесть духовной экзистенции человека. И если я не нашел этой истины и этой совести, я чувствую такой же долг перед обществом, перед человечеством громогласно заявить об этом. Если бы я приехал сюда только для своего личного блага, так кто был бы довольнее и счастливее меня. Культ славы в Америке так развит, а меня только раздражал свет рампы и я не смог этого скрыть. О том я и говорю, что материального достатка недостаточно, чтобы быть человеком.

Сегодняшнюю речь я хочу посвятить доказательству той центральной мысли, которую я положил в основу Гарвардской речи в 1974 году. Я хочу говорить о том, что ваша западная система и наша коммунистическая система — имеют общие корни и общее зло, которое произрастает из материализма. Я не буду вас хвалить сейчас, как не хвалил вас тогда, я буду утверждать, что материалистическая философия погубила мир.

Я постараюсь доказать, что все сказанное мной в Архипелаге есть приговор не социализму, а материализму в целом, и особенно диалектическому материализму.

Прежде всего, я много раз подчеркивал там, что именно духовно-нравственная сила общества была разбита и разрушена марксизмом (диалектическим материализмом). Я не уставал подчеркивать, что война классов, которая лежит в основе

марксизма — это не только бездумное уничтожение невинных людей, но это прежде всего война интеллигенции, которую диалектический материализм объявил всему думающему и нравственному.

Я никогда не говорил, что Зло породил марксизм или какая то другая философия. Зло заложено в человеке вместе с добром и об этом я тоже писал в Архипелаге. Но есть философии, подобные христианству, которые помогают поддерживать в нас доброе, и борются со злым внутри нас. А есть наоборот такие, которые провоцируют все зло в человеке и убивают то врожденное доброе, что у него есть. Такой философией и стал дарвинизм, материализм, диалектическая логика, которая разрушила все что было в человеке логичного и разумного, превратив истину и ценность суждения в фарс.

Солженицын «Архипелаг», Т1:

> «Если б это было так просто! — что где-то есть чёрные люди, злокозненно творящие чёрные дела, и надо только отличить их от остальных и уничтожить. Но линия, разделяющая добро и зло, пересекает сердце каждого человека. И кто уничтожит кусок своего сердца?... В течение жизни одного сердца линия эта перемещается на нём, то теснимая радостным злом, то освобождая пространство рассветающему добру. Один и тот же человек бывает в свои разные возрасты, в разных жизненных положениях — совсем разным человеком. То к дьяволу близко. То и к святому. А имя — не меняется, и ему мы приписываем всё. Завещал нам Сократ: познай самого себя!»

Диалектику Гегеля превосходно высмеял в своем гениальном романе Джордж Оруэлл, «1984»: мне лучше не сделать. «Война — это мир», «Свобода — это тюрьма», «Любовь это ненависть» — это гегелевское единство противоположностей, которое на самом деле уничтожило и логику и всякое мышление, Маркс назвал единственно правильной наукой! То были последние дни и науки!

Солженицын «Архипелаг», Т1:

> «Объединить ли всё теперь и объяснить, что сажали безвинных? Но мы упустили сказать, что само понятие ***вины*** отменено ещё про-

> летарской революцией, а в начале 30-х годов объявлено ***правым оппортунизмом!*** Так что мы уже не можем спекулировать на этих отсталых понятиях: вина и невиновность. И ещё было бы неверно приписывать 37-му году то „открытие", что личное признание обвиняемого важнее всяких доказательств и фактов. Это уже в 20-х годах сложилось. А к 1937 лишь приспело блистательное учение Вышинского. Оказывается, в тот грознопамятный год в своём докладе, ставшем в специальных кругах знаменитым, Андрей Януарьевич (так и хочется обмолвиться Ягуарьевич) Вышинский в духе гибчайшей диалектики (которой мы не разрешаем ни государственным подданным, ни теперь электронным машинам, ибо для них ***да*** есть ***да,*** а ***нет*** есть ***нет)***, напомнил, что для человечества никогда не возможно установить абсолютную истину, а лишь относительную. И отсюда он сделал шаг, на который юристы не решались две тысячи лет: что, стало быть, и истина, устанавливаемая следствием и судом, не может быть абсолютной, а лишь относительной. Поэтому, подписывая приговор о расстреле, мы всё равно никогда не можем быть ***абсолютно*** уверены, что казним виновного, а лишь с некоторой степенью приближения, в некоторых предположениях, в известном смысле. (Может быть, сам Вышинский не меньше своих слушателей нуждался тогда в этом диалектическом утешении. Крича с прокурорской трибуны „всех расстрелять как бешеных собак!", он-то, злой и умный, понимал, что подсудимые невиновны. С тем большей страстью, вероятно, он и такой кит марксистской диалектики, как Бухарин, предавались диалектическим украшениям вокруг судебной лжи: Бухарину слишком глупо и беспомощно было погибать совсем невиновному — он даже ***нуждался*** найти свою вину! — а Вышинскому приятнее было ощущать себя логистом, чем неприкрытым подлецом.) Отсюда — самый деловой вывод: что напрасной тратой времени были бы поиски абсолютных улик (улики все относительны), несомненных свидетелей (они могут и разноречить)»

Другой источник диалектического материализма — борьба за выживание организмов Дарвина. Известно, что Маркс хотел посвятить «Капитал» Дарвину, но тот отказался от этой сомнительной чести. На место борьбы организмов Маркс поставил борьбу классов, и в итоге официальной целью коммунистов стало уничтожение целых классов людей! И это уничтожение было полностью оправданно идеологией. Вот так философия диалектического материализма запустила машину ГУЛАГа, в которой

планомерно уничтожались целые потоки людей. О том моя книга: об идеологии, которая запустила массовое уничтожение людей, абсолютно обосновав и оправдав его с теоретической стороны. Диалектический материализм — это дарвинизм плюс немецкий идеализм (Кант, Гегель, Фихте). Скажите, дарвинизм и немецкий идеализм не составлял ли сущность гитлеризма? Дарвинизм плюс немецкий идеализм не составляет ли все еще базисную основу научной парадигмы западной цивилизации? Составляет! И значит, я был прав, когда говорил, что ваше общество поражено той же болезнью!

Солженицын «Архипелаг», Т1:

> «Это так открыто и объяснялось (Лацис, газета «Красный террор», 1 ноября 1918): «Мы не ведём войны против отдельных лиц. Мы истребляем буржуазию, как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, — к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны определить судьбу обвиняемого. В этом — смысл и сущность красного террора».

Солженицын «Архипелаг», Т1:

> «В 19-м же году с широким замётом вокруг истинных и псевдо-заговоров («Национальный Центр», Военный Заговор) в Москве, в Петрограде и в других городах расстреливали ***по спискам*** (то есть брали вольных сразу для расстрела) и просто гребли в тюрьму интеллигенцию, так называемую околокадетскую. А что значит «околокадетская»? Не монархическая и не социалистическая, то есть: все научные круги, все университетские, все художественные, литературные да и вся инженерия. Кроме крайних писателей, кроме богословов и теоретиков социализма, вся остальная интеллигенция, 80% её, и была «околокадетской». Сюда по мнению Ленина относился например Короленко — «жалкий мещанин, пленённый буржуазными предрассудками», «таким «талантам» не грех посидеть недельки в тюрьме». [12] Об отдельных арестованных группах мы узнаём из протестов Горького. 15.9.19 Ильич отвечает ему: «...для нас ясно, что и тут ошибки были», [13] но — «Какое бедствие, подумаешь! Какая несправедливость!», и советует Горькому не «тратить себя на хныканье сгнивших интеллигентов»

Солженицын «Архипелаг», Т1:

> «Одно остаётся у нас общее и верное воспоминание: гниловища — пространства, сплошь поражённого гнилью. Уже десятилетия спустя, безо всяких приступов злости или обиды, мы отстоявшимся сердцем сохраняем это уверенное впечатление: низкие, злорадные, злочестивые и — может быть, запутавшиеся люди. Они по службе не имеют потребности быть людьми образованными, широкой культуры и взглядов — и они не таковы. Они по службе не имеют потребности мыслить логически — и они не таковы. Им по службе нужно только чёткое исполнение директив и бессердечность к страданиям — и вот это их, это есть. Мы, прошедшие через их руки, душно ощущаем их корпус, донага лишённый общечеловеческих представлений. Но, помнится, и нацисты аргументировали так же?
>
> Духовно-нравственных преград, которые могли бы удержать Органы от пыток, не было никогда. В первые послереволюционные годы в «Еженедельнике ВЧК», «Красном мече» и «Красном терроре» открыто дискутировалась применимость пыток с точки зрения марксизма. И, судя по последствиям, ответ был извлечён положительный, хотя и не всеобщий. Вернее сказать о 1938 годе так: если до этого года для применения пыток требовалось какое-то оформление, разрешение для каждого следственного дела (пусть и получалось оно легко), — то в 1937—38 ввиду чрезвычайной ситуации (заданные миллионные поступления на Архипелаг требовалось в заданный сжатый срок прокрутить через аппарат индивидуального следствия, чего не знали массовые потоки «кулаческий» и национальные) насилия и пытки были разрешены следователям неограниченно, на их усмотрение, как требовала их работа и заданный срок. Не регламентировались при этом и виды пыток, допускалась любая изобретательность».

— Что мне хотелось бы сказать этим? Что философия, которая разрушает разум и совесть человека, его духовную энергию и нравственные силы, стимулирует в нем противоположную энергию: жестокость, властолюбие, тщеславие, жадность. Именно об этом моя книга «Архипелаг», а вовсе не о вреде плановой экономики и социализма, как ее хотят представить у вас на западе, чтобы сделать мои свидетельства веским аргументов в борьбе против левого движения. Я против той энергии зла, которую высвобождает материализм, особенно безумный диалектический материализм, где дарвинизм помножен на немецкий

идеализм, разрушающий основы логики и мышления. Вот против чего я протестовал в «Архипелаге». И именно это я пытался донести до вас в Гарвардской речи, а вы назвали меня неблагодарным за то, что я не мог не защищать истину в Гарварде также, как я защищал ее в ГУЛАГе.

На протяжение всей моей книги тянется рефлексия о проблемах добра и зла, а вовсе не о проблемах плановой и рыночной экономики, которые для меня вообще не важны. И на протяжении всей книги я не устаю повторять, что материализм высвобождает энергию зла в человеке, устраняя угрызения совести удобной для садомазохизма философией «целесообразности». Разве не целесообразностью оправдывали свое зло в отчете ЦРУ, опубликованным Джоном Марксом в 70-годы в США? И разве они не называли также как марксисты, человеколюбие устаревшей моралью? Разве эти агенты ЦРУ не упивались также своей властью над человеческими существами, над которыми они ставили эксперименты, чтобы научится контролировать их разум? И разве они не проштудировали все архивы подобных экспериментов гитлеровских концлагерей? Разве не взяли на вооружение все, что узнали о методах пыточного следствия в советских тюрьмах? Разве офицер КГБ Юрий Носенко не попробовал на себе в железобетонной камере ЦРУ с вечным электрическим светом все то, что его коллеги по КГБ десятилетиями пробовали на гражданах советов?

Солженицын «Архипелаг», Т1:

> «Рассказывает очевидец (из окружения Горького, в то время близкого к Ягоде): в поместьи Ягоды под Москвой в предбаннике стояли иконы — специально для того, что Ягода со товарищами, раздевшись, стреляли в них из револьверов, а потом шли мыться... Как это понять: ***злодей?*** Что это такое? Есть ли это на свете? Нам бы ближе сказать, что не может их быть, что нет их. Допустимо сказке рисовать злодеев — для детей, для простоты картины. А когда великая мировая литература прошлых веков выдувает и выдувает нам образы густо-чёрных злодеев — и Шекспир, и Шиллер, и Диккенс — нам это кажется отчасти уже балаганным, неловким для современного восприятия. И главное: как нарисованы эти злодеи? Нет, так не бы-

> вает! Чтобы делать зло, человек должен прежде осознать его как добро или как осмысленное закономерное действие. Такова, к счастью, природа человека, что он должен искать ***оправдание*** своим действиям. У Макбета слабы были оправдания — и загрызла его совесть. Да и Яго — ягнёнок. Десятком трупов обрывалась фантазия и душевные силы шекспировских злодеев. Потому что у них не было идеологии. Идеология! — это она даёт искомое оправдание злодейству и нужную долгую твёрдость злодею. Та общественная теория, которая помогает ему перед собой и перед другими обелять свои поступки, и слышать не укоры, не проклятья, а хвалы и почёт. Так инквизиторы укрепляли себя христианством, завоеватели — возвеличением родины, колонизаторы — цивилизацией, нацисты — расой, якобинцы и большевики — равенством, братством, счастьем будущих поколений. Благодаря Идеологии досталось XX веку испытать злодейство миллионное. Его не опровергнуть, не обойти, не замолчать — и как же при этом осмелимся мы настаивать, что злодеев — не бывает? А кто ж эти миллионы уничтожал? А без злодеев — Архипелага бы не было. Прошёл слух в 1918—20 годах, будто петроградская ЧК и одесская своих осуждённых не всех расстреливали, а некоторыми кормили (живьём) зверей городских зверинцев. Я не знаю, правда это или навет, и если были случаи, то сколько. Но я и не стал бы изыскивать доказательств: по обычаю голубых кантов я предложил бы им доказать нам, что это невозможно. А где же в условиях голода тех лет доставать пищу для зверинца? Отрывать у рабочего класса? Этим врагам всё равно умирать — отчего ж бы смертью своей им не поддержать зверохозяйство Республики и так способствовать нашему шагу в будущее? Разве это — не ***целесообразно?***»

Так проявляется высвобождение этой злой энергии человека. Отмирает мораль человеколюбия и сострадания, на ее место становится тщеславие, которое стремится к противоположному: к садомазохизму, к унижению других, к причинению им боли для своего возвеличивания. Им кажется это властью, им кажется это управлением разумом других людей, им кажется, что жадностью приобретать вещи они смогут заменить утерянное нравственное здоровье. Но помните вечную истину Христа: «Что тебе, если весь мир приобретешь, а душу свою потеряешь?». Они теряют свои души, и в конце теряют и вещи и власть, палачи всегда становятся жертвами. Их участь хуже

участи их жертв, даже когда, или особенно когда им удается избежать наказания: их жертвы страдают и теряют тело, они же теряют душу и становятся живыми мертвецами при жизни. Мы в тюрьме научились совершенно безошибочно отличать «стукачей», которых сажали нам в камеры палачи: так срабатывает интуиция духовной энергии, которая сразу отличает своего антипода — энергию тщеславия и садомазохизма. Я написал об этом удивительном природном механизме в Архипелаге. О том же писал в своих воспоминаниях Петр Кропоткин, который сиживал до нас в царских тюрьмах.

Солженицын «Архипелаг», Т1:

> «И, видимо, злодейство есть тоже величина пороговая. Да, колеблется, мечется человек всю жизнь между злом и добром, оскользается, срывается, карабкается, раскаивается, снова затемняется, но пока не переступлен порог злодейства — в его возможностях возврат, и сам он — ещё в объёме нашей надежды. Когда же густотою злых поступков или какой-то степенью их или абсолютностью власти он вдруг переходит через порог — он ушёл из человечества. И может быть — без возврата»
>
> Власть — это яд, известно тысячелетия. Да не приобрёл бы никто и никогда материальной власти над другими! Но для человека с верою в нечто высшее надо всеми нами, и потому с сознанием своей ограниченности, власть ещё не смертельна. Для людей без верхней сферы власть — это трупный яд. Им от этого заражения — нет спасенья. Помните, что пишет о власти Толстой? Иван Ильич занял такое служебное положение, при котором имел возможность ***погубить всякого человека, которого хотел погубить! Все без исключения люди были у него в руках, любого самого важного можно было привести к нему в качестве обвиняемого.*** (Да ведь это про наших голубых! Тут и добавлять нечего!) Сознание этой власти («и возможность её смягчить» — оговаривает Толстой, но к нашим парням это уж никак не относится) составляли для него ***главный интерес и привлекательность службы.*** Чту там привлекательность! — ***упоительность!*** Ведь один ты знаешь ***спецсоображения,*** больше никто. И поэтому ты всегда прав. В одном только никогда не забывайся: и ты был бы такой же чуркой, если б не посчастливилось тебе стать звёнышком Органов — но только будь верен Органам! Нет, это надо пережить — чту значит быть голубою фуражкой! Любая вещь, какую увидел — твоя! Любая квартира, какую высмотрел — твоя! Любая баба — твоя! Любого вра-

> га — с дороги! Земля под ногою — твоя! Небо над тобой — твоё, голубое! А уж страсть нажиться — их всеобщая страсть. Как же не использовать такую власть и такую бесконтрольность для обогащения? Да это святым надо быть!..Если бы дано нам было узнавать скрытую движущую силу отдельных арестов — мы бы с удивлением увидели, что при общей закономерности ***сажать,*** частный выбор, ***кого*** сажать, личный жребий, в трёх четвертях случаев зависел от людской корысти и мстительности, и половина тех случаев — от корыстных расчётов местного НКВД (и прокурора, конечно, не будем их отделять)».

— Меня поняли превратно, — продолжал свою речь Солженицын, зачитав очередную выдержку из своей известной книги. — Говорили, что я против демократии и против прогресса. Андрей Сахаров прочитал мне отповедь, как если бы я призывал к авторитарному обществу и мистическому мышлению. Я говорю о религии как о духовной энергии человека, а духовной энергии человека нет и не может быть без разума, без совести и сердца. Христианство — это философия духовной энергии, которая много важнее материального выживания, и прямо противоположна энергии тщеславия и садомазохизма. Это я хотел сказать. Берегите духовную энергию! Созидайте, ищите, не бойтесь идти за правдой, не продавайте душу ни власти ни жадности ненасытной! Не говорите что правды нет, и не теряйте свой разум, ибо разумом живет сердце и душа человека. Может быть, как говорил Артур Шлезингер, это кажется «позой пророка». Нет, друзья, я просто стараюсь сказать своими словами то, чего у меня нет средств высказать на научном языке. Иначе бы вы поняли, что я не ретроград, и что духовная энергия единственное, что есть важного для прогресса и будущего человечества.

Речь Александра Солженицына приветствовали долгими аплодисментами. Андре Жид прослезился, а Лион Фейхтвангер подошел обнять сердечного друга. Бертран Рассел присоединился к восторженным поздравлениям писателей:

— Дорогой Александр Исаевич! Я материалист, но я никогда не был ни марксистом, ни поклонником немецкого идеализма. Я поддерживаю теорию эволюции Дарвина, но я всегда был против социального дарвинизма — все мои книги о демократиче-

ском социализме, в где люди должны жить в дружбе и сотрудничестве. В своей истории философии я писал, что философия Фихте безумна, а философия Канта и Гегеля — ложная в своей основе. Я писал в своих книгах, как вредна философия конкуренции для общества, и каким ядом разливается социальный дарвинизм, когда западный капитализм превращает коммерческую жизнь в состязание на выживание сильнейшего. Я называл их динозаврами, которые поклоняются силе, и которые как динозавры вымрут, а интеллектуалы унаследуют их королевство. И я тоже часто отмечал, что наш мир безумен и движим патологической энергией, что добро пассивно, а зло активно. Как материалист, я не мог осудить марксизм за материализм, но я всегда чувствовал, что в нем пропущен уровень человечности, и я говорил об игнорировании психологии и этики, всегда ставил это в вину марксизму.

Мы с тобой согласны в главном, ни рыночная экономика, ни плановое хозяйство не решат проблем человечества. Проблема эта на уровне этики и психологии. Я искал решения в системе образования, ты ищешь ее в христианстве, как мой друг Альберт Швейцер, и мы оба отвергаем безумие социального дарвинизма и немецкого идеализма.

ГЛАВА 5
СУД НАД ДАРВИНОМ В ХРАМЕ ДУХА. СВЯЩЕННИК ДЬЯВОЛА

Следующее слушание Большого Суда над Холодной войной рассматривали «дело Дарвина», который со всей суровостью обвинялся в распространении ложной теории социального дарвинизма. Утверждалось, что социальный дарвинизм стал основой той идеологии, которая укрепила в людях злое начало, и привела к полному поражению доброго начала — духовной энергии разума и совести. Социальный дарвинизм объявлялся основой всего теоретического инструментария Холодной, которым в равной степени пользовались обе стороны. Наравне

с социальным дарвинизмом обвинение было выдвинуто философии немецкого идеализма, которую представляли Кант, Фихте, Гегель и Ницше. Ницше сумел соединить в своей теории дарвинизм и немецкий идеализм, когда определили человека как мост между обезьяной и сверхчеловеком. Обвинение философии немецкого идеализма было выделено в отдельное слушание. А в тот день в Центральной Зале Храма Духа слушалось дело социального дарвинизма.

Бертран Рассел выступил со вступительной статьей:

«Вопросы обвинения Социального Дарвинизма», которая имела большой успех.

— Уважаемые дамы и господа! Друзья и товарищи!

Сегодня мы слушаем дело об обвинении Социального дарвинизма. Я бы хотел сразу заострить ваше внимание на том факте, что речь идет не о теории эволюции животного мира, которую мы все признаем, а о социальном дарвинизме. Экстраполяция теории развития животного мира на мир человеческий не только не правильна, она имела самые пагубные последствия для человеческого рода.

Мы все знаем, что теорию эволюции одновременно разработали два английских ученых, которых мы сегодня рады приветствовать в Храме Духа среди нас: это Альфред Рассел Уоллес и Чарльз Дарвин, имя которого значительно лучше известно широкой публике. Они внесли одинаковый вклад в становление теории эволюции.

Однако, их вклад в становление социального дарвинизма прямо противоположен: Альфред Рассел Уоллес противился попыткам распространить теорию эволюции биологического мира на теорию происхождения человека. Дарвин напротив, сделал все в его силах, чтобы добиться этого и тем самым утвердить в гуманитарных науках социальный дарвинизм. Известно письмо Чарльза Дарвина Альфреду Уоллесу, где Дарвин ругает Уоллеса за то, что тот раскритиковал все попытки распространить теорию эволюции на происхождение человека. «Одумайтесь, пока вы окончательно не убили своих и моих детей», — говорит

ему Дарвин. Альфред Уоллес настаивал на том, что человек имеет разум, сознание и что развитие разума и развитие биологического мира никак не могут быть одним и тем же природным процессом.

Давайте, друзья, поаплодируем сегодня гению и проницательности Альфреда Уоллеса, такого же автора теории эволюции, который сделал все, что было в его силах, что остановить социальный дарвинизм. Увы! Он не преуспел в этом. Преуспел Чарльз Дарвин, и еще сегодня социальный дарвинизм является основой научной парадигмы!

— Позвольте мне вмешаться, — перебил Бертрана Рассела Ромен Роллан. — Мне хотелось бы сказать о том, как мы, интеллигенция 20-века, которой пришлось жить в мире дарвиновской парадигмы, задыхались в этом зловонии материализма, предчувствуя великие катастрофы на который он, материализм, обрек все двадцатое столетие. Холодная война была только третьим актом в этой трагедии. Нам пришлось пережить и Первую Мировую войну и Вторую мировую войну. Вот что я писал накануне этих потрясений в своем дневнике о пустых небесах, где умер бог, и об удушье буздуховности.

Ромен Роллан «Воспоминания»:

> «С пятнадцатилетнего возраста, когда я приехал из провинции в Париж, меня отравляло зловонное дыхание современного материализма. Мне казалось что я должно быть живу в один из трагических — в один из самых трагических — периодов истории. Это ощущение каким-то странным образом зародилось во мне со времен отрочества. Через 14 лет после Коммуны и 15 лет после Седана до меня временами доходил трупный запах от могил расстрелянных, подавленная ярость, клокочущая в темных массах, повсеместное недоверие и классовая вражда, а на пороге дома — тень Бисмарка в каске... Но это еще не все! ... Небо было пустым, бог умер, и умер, не оставив наследника! Наступила ночь... нигде — ни огонька, чтобы согреться... Мне казалось, что весь Запад — пороховая бочка, что внутренний и внешний враг ведут подкоп под цивилизацию, а над Европой реют черные крылья разрушения: война и революция. Где же собираться силам для обороны? Вокруг кого? Вокруг чего?

> Казалось, что я видел один, что грядет… то, что нагрянуло. Мне пришлось покинуть родину, чтобы получить мужественную и братскую помощь Толстого и Ибсена».

Пришли две страшные мировые войны, а потом Холодная война, и я все еще думаю, что мы должны винить за это научный эгоизм эпохи Просвещения и утвердившуюся позже дарвиновскую парадигму! — закончил свою речь Ромен Роллан под громкие аплодисменты.

Тогда встал Чарльз Дарвин и обратился к мыслителям в Храме Духа:

— Вы не имеете права судить меня, — сказал обиженный старик, — потому что моей целью была только истина. Разве не истина — цель и смысл существования каждого из нас? Разве ты, Бертран Рассел, не писал в своих философский книгах, что куда бы не завела нас истина, она лучше самообмана? Ты уже наложил в штаны и испугался бесстрашно идти за истиной? А если это и есть истина? Что тогда?

Альфред Уоллес струсил и отступил, но я не такой слабак. Ламарк говорил глупости и я уже тогда прямо сказал ему об этом: «Да сохранит меня небо от глупого ламарковского «стремления к прогрессу», «приспособления вследствие хотения животных». А Герберт Спенсер извратил мое учение в сторону Ламарка, словно бы естественный отбор уже прекратился и дальше идет социальная адаптация. У вас кишка тонка чтобы видеть истину. А истина в том, что естественный отбор не может прекратиться, и он также движет животным миром, как миром социальным.

Меня упрекали из-за Гитлера! Дескать, это я первым сказал, что нельзя поддерживать выживание больных и слабых в обществе. Что это я обосновывал, что добродетельные люди имеют меньше шансов выжить, чем подлецы и люди жестокие, и что война — главный закон жизни. Да, это все так, я говорил об этом в «Происхождении человека»!

Ч. Дарвин: «Происхождение человека»:

> «Весьма сомнительно, чтобы потомки людей добрых и самоотверженных или особенно преданных своим товарищам были многочисленнее потомков себялюбивых или предательских членов того же племени. Тот, кто готов скорее пожертвовать жизнью, чем выдать товарищей, часто не оставляет потомков, которые могли бы наследовать его благородную натуру». «У дикарей слабые телом или умом скоро уничтожаются и переживающие обыкновенно одарены крепким здоровьем. Мы, цивилизованные народы, стараемся по возможности задержать этот процесс уничтожения; мы строим приюты для слабоумных, калек и больных; мы издаем законы о бедных, и наши врачи употребляют все усилия, чтобы продлить жизнь каждого до последней возможности. Есть основание думать, что оспопрививание сохранило тысячи людей, которые при своем слабом сложении в прежнее время погибли бы от оспы. Таким образом, слабые члены цивилизованного общества распространяют свой род. Ни один человек, знакомый с законами разведения домашних животных, не будет иметь ни малейшего сомнения в том, что это обстоятельство — крайне неблагоприятно для человеческой расы». «Хирург может заглушать в себе сострадание во время операции, сознавая, что действует для пользы больного; но если бы мы намеренно оставляли без внимания слабых и беспомощных, то делали бы это лишь ввиду могущего произойти отсюда добра в будущем, купленного ценой большого и верного зла в настоящем. Стало быть мы должны переносить безропотно несомненно-вредные последствия переживания и размножения слабых. Существует, по-видимому, только одно средство задерживать их размножение, именно, чтобы браки между слабыми и мало одаренными членами общества были реже, чем между здоровыми и способными. Эта задержка могла бы быть усилена до бесконечности, если бы слабые умом или телом совсем воздерживались от брака» «Не будь он подвержен естественному отбору, он наверное не достиг бы никогда высокого звания человека. Встречая в различных частях света огромные протяжения плодороднейшей земли, которые населены лишь несколькими бродячими дикарями, тогда как они могли кормить бы множество счастливых семейств, можно было бы подумать, что борьба за существование не была еще достаточно жестокой, чтобы поднять человека на высшую степень развития».

Но это истина, а долг ученого идти за истиной! Сначала докажите, что я неправ, и тогда судите! Лицемер тот, кто прикрывается расхожей моралью, даже если наука доказывает ему, что нравственная добродетель есть глупость! Ты, Ромен Роллан, раз-

ве не писал в своих «Воспоминаниях», что ненавидишь лицемерие прописной морали? Что же и ты струсил перед фактами и истиной?

— Да, будет тебе Дарвин, хвост павлином распускать, — раздался голос Федора Достоевского. — Этой твоей теории «научного эгоизма», которая добродетели и ответственность духовной энергии превращает в предрассудки и бредни я давно ответил в «Записках из подполья». Против истины никто не возражает, потому что Дух и есть одна истина человечества. Против лженауки у нас много возражений.

Ф. Достоевский «Записки из подполья»: «Уж как докажут тебе например что от обезьяны произошел, так уж и нечего морщиться, принимай как есть. Уж как докажут тебе что в сущности одна капелька твоего жиру тебе должна быть дороже ста тысяч тебе подобных, и что в этом результате разрешаться наконец все так называемые добродетели и обязанности и прочие бредни и предрассудки, так уж так и принимай, нечего делать то, потому что дважды два математика. Попробуй-ка, возрази».

— Позвольте, уважаемый Чарльз Дарвин! — оскорбился такому выпаду Бертран Рассел. — Никогда я за всю жизнь не отступил и не струсил перед истиной, и конечно теперь этого не сделаю. Мы для того и собрались, чтобы доказать вам всю глубину вашего заблуждения!

Сначала, мы докажем, что то падение нравов, которое имело место после утверждения социального дарвинизма в качестве официальной научной парадигмы, напрямую связано с дарвинизмом. А потом докажем, что теория внутренне противоречива, и что она совершенно неспособна объяснить факты социальной жизни и во всем им противоречит.

Итак, вы правильно сказали, что расовая теория Гитлера, прославляющая войну и естественный отбор, право сильного есть прямой вывод из теории социального дарвинизма, развиваемого в вашей книге «происхождение человека». Однако, не только ужасы Второй мировой войны повлек за собой социальный дарвинизм. Извольте видеть, что в современной

Америке учреждена Церковь сатанизма, основанная на дарвинизме.

Вот справка из Википедии, статья «Современные сторонники социального дарвинизма»:

> «Так, американский сатанист Ла Вей, насчитывающий несколько миллионов последователей, глава официальной Церкви Сатаны, пишет, что его Книга Сатаны основана на теории Происхождения человека» Дарвина, что это бунт против немощного распятого Христа и гимн материализму и гедонизму. Сторонники современного сатанизма описывают себя как сторонников социального дарвинизма и евгеники. Сатанинская Библия создана Антоном Ла-Вей, основателем Церкви сатанизма в XX веке. Социал-дарвинистские идеи представлены всюду в этой Библии, Антон Шандор Ла-Вей описывает сатанизм как «религию, основанную на универсальных чертах человека», и люди описаны в его Библии как всецело плотские и как животные. Каждый из семи смертельных грехов описан им как естественный инстинкт человека и таким образом оправдан. Идеи социального дарвинизма имеют особое значение в «Книге сатаны», где Ла-Вей использует идею Рагнара Редбёрда: «Сила есть право», хотя эту идею можно найти повсюду в ссылках на врожденную силу человека и инстинкт самосохранения. Сатанизм Ла-Вея есть «обобщение Маккиавелевского личного интереса».

Так что, не зря вы иронизировали, уважаемый Чарльз, когда называли себя «священником дьявола». В прямом смысле, так и есть, в церкви Ла Вея.

— Вы намеренно подчеркиваете, что Церковь Сатанизма Ла Вея в Америке, чтобы склонить Суд Храма Духа на сторону Левой партии, к которой вы сами принадлежите! В этом ваш трюк, — сказал выпрямившись Дарвин, — я вас разгадал. Много бездельников говорят о моего имени, это вовсе не значит, что они имеют какое-то отношение к дарвинизму в самом деле. Что же до социального дарвинизма, так Карл Маркс просил меня позволить посвятить мне «Капитал», и я отказал. Вы можете спросить у него самого, если не верите мне. Марксизм в гораздо большей степени социальный дарвинизм. Американская культура — наследница Римской империи.

— То есть, научный эгоизм, который оправдывает все грехи как естественную природу человека, это не ваш социальный дарвинизм?

Что касается марксизма и американской культуры, вы неправы. Борьба классов у Маркса, и конкуренция рыночной экономики — в одинаковой степени социальный дарвинизм. Мы легко докажем вам, что американской культура больше, чем какая-либо другая культура буквально пропитана социальным дарвинизмом.

Для этого я прошу уважаемых наших друзей из Храма Духа подняться на кафедру с докладами: Артур Шлезингер, Эрих Фромм, Эллиот Аронсон, Лев Клейн.

Первым поднялся Лев Клейн, известный советский и российский ученый антрополог и археолог, автор многих монографий, в том числе «Истории антропологической мысли», который стажировался и преподавал, в том числе, и в США. Лев Клейн пострадал в свое время от советской системы, заточившей его в тюрьму за твердые взгляды и независимую позицию настоящего ученого, как многих интеллигентов. «Интеллигенция» с легкой руки Ленина, считалась «самой заразной частью населения» как писал в воспоминаниях бывший генерал КГБ. Стоит только вспомнить какое-нибудь яркое имя в научном или в литературном мире, и там скорее всего всплывет темная история с преследованиями и злоупотреблениями со стороны советских властей. Никто не сомневался в его объективности.

— Как историк антропологической мысли я полностью подтверждаю слова Бертрана Рассела, — сказал Лев Клейн. — Дарвинизм не только прочно утвердился в Америке, он стал основой большого количества различных направлений селекционизма. Причем, не только в Америке, но и в Англии, и вообще в современной европейской культуре. Так называемая, дарвиновская археология, четко разделила направление Ламарка и Спенсера, определив его как «адапционизм», и направление собственно Дарвина, то есть «селекционизм». Однако, я сам придерживаюсь теорию эволюции ламарковского толка.

Лев Клейн «История антропологической мысли»:

«Эти оценки сформулировал в 1980 г американский археолог Роберт Даннел. Он и его соратники предложили вернуться к принципам Дарвина и восстановить значение естественного отбора. Противопоставили адаптационизму Спенсера селекционизм Дарвина. Они, полагая, что естественный отбор не остановился в человеческом обществе, а только приобрел другие формы, ратуют за селекционизм»

В первой половине 20-века начала развиваться этология — наука о поведении животных. Основоположниками ее явились О. Хейнрот, Ч. О. Уитмен, Б. Дж. Крегг, Н. Тинберген, и всемирно известный Конрад Лоренц. Ставится вопрос о том, что не только у человека есть элементы культуры. Отсюда только шаг к изучению биологических основ социального поведения человека. Этот шаг был сделан Э. О. Уилсон в книге «Социобиология: новый синтез». В 1978 вышла его же книга «О природе человека», получившая Пулитцеровскую премию, настолько она удивила литературный мир США. А в 1979 рядом с ней легла книга Александера «Дарвинизм и человеческие дела». В 1981 году Ч. Ламсден и Уилсон выпустили книгу «Гены, разум и культура», в которой социобиология окончательно заявила притязания на занятия культурой. Э. Уилсон, энтомолог из Гарвардского университета специализировался на изучении эффекта естественного отбора на биологические сообщества и подобно Лоренцу, распространил полученные выводы на человеческое общество. Это и была основа для нового взлета эволюционистских учений в антропологии и для поворота антропологов к Дарвину. Книги: Л. Бетциг «Деспотизм и дифференциальное воспроизведение. Дарвиновский взгляд на историю» (1989), Б. С. Лоу «Почему секс имеет значение: Дарвиновский взгляд на человеческое поведение» (2000) и сборник Ч. Майкла Бартона и Джоффри Кларка «Открывая Дарвина заново: эволюционная теория и археологическое объяснение». Первой ласточкой этого взлета была книга Ричарда Докинса «Эгоистичный ген», вышедшая на следующий год после книги Уилсона — в 1976 году. Как Хаксли называли бульдогом Дарвина, так пламенный пропагандист атеизма и дарвинизма Докинз носит прозвище дарвиновского ротвейлера. В названной книге дарвиновский естественный отбор был поставлен во главу угла эволюции. Ген о себе позаботится. Это очень эгоистичный ген. Отсюда и название книги. Даже человеческий альтруизм диктуется эгоистичными интересами генов.

Хотя все выступления с позиций воскрешения значимости Дарвина (эволюционная археология, дарвиновская археология) могут быть

> обозначены и как селекционизм, многие ограничивают его деятельностью школы Роберта Даннела. Эта школа отличается своим подходом к естественному отбору (М. ОБрайан, Р. Лаймен, Т. Холлэнд, Ф. Наймен и др): он направлен не на индивида, а на группы, человеческие сообщества. Выигрывают те сообщества, в которых действуют выгодные для выживания культурные признаки, обычаи, традиции. Социобиология вызвала шквал критики со стороны демократически настроенных ученых. Социобиологию критиковали за биологический детерминизм, за одиозные выводы, близкие к социальному детерминизм. Человек выглядит пассивным орудием мемов и генов, проходящих свои собственные перипетии».

— А какое развитие дарвинизм нашел в советской науке? — спросил у Льва Клейна Дарвин.

— Лев Клейн «История антропологической мысли»:

> «Сам я склонен высоко оценивать социобиологию. В советской науке социобиология вызывала сильнейшее отторжение. С природой человека марксизм не считался, полагая политические и экономические интересы неизмеримо выше, а советские педагоги почитали человека от природы не злым и не добрым, а пластичным и податливым перевоспитанию в руках идеологов»

— Значит, мистер Клейн, вы не демонизируете меня, как другие господа на этом суде, — воскликнул Дарвин. — Вы поддерживаете социальный дарвинизм?

— Позиция марксизма, которая считала, что человек не имеет природы, ничуть не лучше одиозного социального дарвинизма. Собаки Павлова и крысы Скиннера — это все тот же подход биологического детерминизма. Материализм все равно оказывается на позициях биологического детерминизма. Бихевиоризм получил одинокого широкое признание и в СССР и в Америке.

Артур Шлезингер уже поднимался на кафедру.

— Я писал в своей книге «Циклы американской истории» о том раздвоении американской нации между духом демократии и общественности с одной стороны, и духом консерватизма и узкого индивидуализма с другой стороны, — начал он с воодушевлением. Отцы-основатели Америки — привет вам! Я говорил, что вы есть и будете олицетворением демократического

духа Америки и его сохранностью. Я писал о «Новом курсе» Ф. Рузвельта, об энергии, проявленной после второй мировой войны Элеонорой Рузвельт для становления Международного института Прав Человека, завещанных нам Томасом Пейном. О демократическом правительстве Джона Кеннеди, к которому я имел честь принадлежать.

Но я также писал и о консервативных правительствах Эйзенхауэра и Никсона, Гувера и Рейгана. И я согласен в конечном итоге с А. Токвилем, которого много цитировал в своей книге, что там где вверх берет дух консерватизма — Америка погружается в порок, а там, где побеждает дух демократизма — Америка всегда на высоте своей добродетели.

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «В 1835 г. Токвиль, оценивая американское общество, отмечал энергию, участливость, гражданскую активность, приверженность общественным интересам и даже тиранию большинства. „Американец бывает так поглощен частными заботами, как если бы он был абсолютно одинок в этом мире, а в следующую минуту, как будто забыв о них, он отдается общему делу. Иногда кажется, что им движет крайнее корыстолюбие, а иногда — беззаветный патриотизм“ Индивидуализм изолирует людей друг от друга, „ослабляет добродетельность общественной жизни“ и приводит к тому, что становится „трудно вытащить человека из его собственного узкого круга, чтобы заинтересовать его судьбой государства“ как подчеркивал Токвиль, уход в частную жизнь тоже приводит к отрицательным, характерным именно для этого процесса явлениям, в особенности к тому, что человек стремится исключительно к сиюминутным материальным благам. „Любовь к богатству“, по его» мнению, лежит «в основе всего, чем занимаются американцы»
>
> Что беспокоило Токвиля больше всего, так это долгосрочные последствия слишком узкого понимания американцами «принципа личной заинтересованности». Граждане, отгораживающиеся от «этих великих и могучих общественных чувств, которые беспокоят нации, но которые и развивают их», по словам Токвиля, могут вскоре оказаться в положении, при котором они будут каждую новую теорию считать угрозой, каждое нововведение — прологом революции. «Признаюсь, меня страшит, — писал он, неожиданно проявляя соб-

> ственное, глубоко личное отношение, — как бы они в конце концов не замкнулись в этой мелкой и трусливой любви к сиюминутным удовольствиям, как бы они не потеряли из виду долгосрочные свои интересы... когда потребуется мощное и резкое усилие ради более высокой цели». Если в интеллектуальной сфере следствием индивидуализма является стагнация, то в политике им может быть деспотизм. Люди начинают рассматривать обязательства перед обществом как досадное отвлечение от погони за деньгами; и «для того, чтобы лучше приглядывать за тем, что они называют собственным делом, они пренебрегают главным делом своей жизни — быть хозяевами самим себе». Уход в частную жизнь, поощряя гражданскую апатию, провоцирует наступление тирании».

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Кредо манчестерской группы подкреплялось теорией Дарвина. Теоретики неограниченного экономического либерализма, ссылаясь на эволюционное учение Дарвина, приходили к выводу о том, что выживание наиболее приспособленных в процессе свободной конкуренции на рынке является гарантией прогресса цивилизации. „Если вообще возможно говорить о какой-то теории в стране, обходящейся без всяких теорий, — писал Брайс в 1888 г. в своей работе „Американская республика", — то ортодоксальная теория экономического либерализма составляет ныне основу как федерального законодательства, так и законодательства штатов". Верховный суд, ядовито заметил в свою очередь судья Холмс, повел себя так, будто 14-я поправка возвела в закон „Социальную статику" Спенсера. Судьи, подобные Дэвиду Брюэру, нанесли тяжелый удар по социальному законодательству во имя святого принципа laissez-faire»

Эллиот Аоронсон, известный американский психолог, который много писал о вреде конкурентного сознания, провоцируемого философией рынка, вызвался быть следующим свидетелем:

— У меня нет никакого сомнения в том, — начал этот прекрасный человек, — что теория научного эгоизма учит праву сильного, и тому что цель оправдывает средства. Победа любой ценой — вот девиз дарвиновской философии, для которой соображения этики перестают иметь значение. Кто же будет сомневаться в том, что идеология конкурентного мира, выживания сильнейшего и победы любой ценой составляет существо американской культуры. Я писал об этом еще в своей книге «Общественное животное»:

Эллиот Аронсон «Общественное животное»:

> «А теперь взглянем на наше собственное общество. Создается впечатление, что мы, американцы, представляем собой культуру, процветающую благодаря соревнованию, конкуренции: мы вознаграждаем победителей и отворачиваемся от побежденных. На протяжении двух столетий наша система образования была основана на соревновательности и законах выживания. За редким исключением, мы не обучаем детей любить учебу — мы учим их бороться за высшие оценки. Когда Грантленд Раис — журналист, пишущий о спорте, заявлял, что важно не то, проиграл ты или выиграл, а то, как ты играешь, он не описывал доминирующее начало американской спортивной жизни, а прописывал лекарство для лечения нашей зацикленности на выигрыше и ни на чем ином! Проявления этой невероятной культурной одержимости победой видны повсюду. Диапазон простирается от футболиста, рыдающего после поражения своей команды, до студентов-зрителей на стадионе, скандирующих: <Мы — номер один!>, от президентов типа Линдона Джонсона, чьи суждения во время вьетнамского конфликта были явно искажены неоднократно высказываемым им желанием не оказаться первым хозяином Белого дома, проигравшим войну, или Джорджа Буша, который в бытность свою президентом <мужественно> сражался со своим имиджем <слабака>, и до простого школьника третьего класса, презирающего одноклассника только за то, что тот не столь успешен в математике. Вине Ломбарди, очень успешный тренер профессиональных футболистов, подытожил все вышесказанное одной простой фразой: <Победа — это не самое важное; это — единственное, что важно>. То, что особенно пугает в подобной философии, — это ее приверженность идее: цель — победа — оправдывает любые средства, использованные вами, чтобы победить. Однако в любом случае, оглядываясь по сторонам и видя вокруг мир, полный раздоров, международной и межрасовой ненависти и недоверия, бессмысленной бойни и политических убийств, мы чувствуем, насколько оправданно наше недоверие к сегодняшней <ценности> такого поведения для выживания человечества. Вспоминая о том, что ядерных боеголовок, находящихся в арсеналах ведущих держав, хватит на то, чтобы полностью уничтожить все население планеты двадцать пять раз, я задаю себе вопрос: а не заходим ли мы слишком далеко, изготавливая все новые и новые боеголовки?»

— То же самое можно сказать и о нашем телевидении? Кто не смеялся над образами Рэмбо и Киборга, как все смеются

на сентиментальным индийским кино? Голливудское кино такое же наивное, но по другому: здесь герой одиночка, сломав сопротивление всего мира, в конечном итоге через горы трупов приходит к победе. Кинозвезды — святые современных людей, на которых они ориентируются, и которым хотят подражать. Не потому ли единственную мировую звезду в образе бродяги, Чарли Чаплина, выслали из Америки по обвинению в коммунизме? Им нужны другие образцы для подражания — все эти Рэмбо и Кобры, образы насилия. И не потому ли Джером Селинджер так ненавидел кинематограф своего времени? Кино — это современный римский Колизей, с боями гладиаторов и дикими зверями, терзающими невинные жертвы. Если уже проводить параллели с Римской империей, то и Колизей — жив, он только перешел на экраны в виде боевиков и фильмов ужасов, которыми пропитана вся голливудская киноиндустрия. 58% всех телепрограмм содержат насилие — вдумайтесь в эти цифры. причем в 78% этих содержащих насилие программах отсутствуют какие бы то ни было угрызения совести, критика или наказание за совершение насилия. Фактически, около 40% инцидентов с насилием, показанных по телевизору, изображались героями, или другими образами, привлекательными для детей.

Эллиот Аронсон «Общественное животное»:

> «А несколько лет назад некий мужчина въехал на своем грузовике прямо в окно переполненного кафе в городе Киллине (штат Техас), выскочил из кабины и начал вести беспорядочную стрельбу по находившимся там посетителям, К тому времени, когда прибыла полиция, он убил двадцать два человека, поставив, таким образом, ужасный рекорд, небывалый за всю историю Соединенных Штатов Америки. После этого он покончил с собой. В его кармане полицейские обнаружили корешок от использованного билета в кино, где показывали <Короля рыбаков> — фильм, в котором есть аналогичная сцена: некий безумец открывает огонь в переполненном баре, убивая несколько человек. И это не отдельные, никак не связанные между собой инциденты, вовсе нет. Много лет назад в одном общенациональном журнале были приведены описания следующих событий: В Сан-Франциско три девочки-подростка затащили двух других девочек помоложе на пустынную аллею и там под-

> вергли их сексуальным домогательствам. В Чикаго двое мальчишек, угрожая взрывом самодельной бомбы, попытались выудить 500 долларов у одной из фирм. А в Бостоне молодежная банда живьем сожгла женщину, облив ее бензином. Во всех трех случаях представители полиции пришли к общему заключению: совершенные преступления были прямо инспирированы сюжетами, которые эти подростки могли видеть незадолго до того в телевизионном „прайм-тайме“> Подобные события придают кошмарный поворот язвительному высказыванию известного режиссера фильмов ужасов Альфреда Хичкока: <Один из величайших вкладов телевидения заключается в том, что оно вернуло убийство в дома зрителей, где ему и место>. Похоже, прав был и Оскар Уайльд, заметивший, что жизнь часто лишь имитирует искусство... было бы наивно отрицать, что насилие, представленное в средствах массовой коммуникации является одним из важных факторов, способствующих появлению насилия на улицах городов и в стенах наших домов. В конце концов это именно то общество, в котором ведущие телекомпании дрались между собой, не гнушаясь <подножками>, за право первыми выпустить в эфир экранизированную версию <Истории Эми Фишер>. Кто такая Эми Фишер? Девочка-подросток с нарушенной психикой, которая в самый разгар своей любовной связи с механиком, бывшим вдвое старше ее, постучала в дверь его дома и, когда ей открыли, застрелила его жену. И это именно то общество, где школьники младших классов говорят: <Hasta la vista, baby!> (<До скорого, крошка!>) — имитируя Арнольда Шварценеггера, когда он с каменным лицом прощается с жертвой, которую он случайно <замочил>. Само слово <замочил> — выразительный пример обыденности, с какой средства массовой коммуникации преподносят нашим подросткам убийство»

Эрих Фромм начал свое со знаменитой цитаты Дж. М. Кейнса о капитализме.

— «Капитализм — это поразительная вера в то, что наиболее порочные из людей, погрязшие в коррупции, чудесным образом приведут к самому светлому будущему человечества». Вы помните, как возразила на эти слова Маргарет Тетчер? — обратился он к Залу. — Она сказала:

Маргарет Тетчер «Мемуары»:

> «Лично я не считаю, что капитализм, просто из-за того, что он отражает порочную человеческую природу, не может породить доб-

> ропорядочное общество и цельную культур. Позитивный вывод, вытекающий из допущения, что эгоизм в целом преобладает в реальном мире, значит не меньше, а может быть даже и больше. Его смысл в том, что свободный рынок обладает колоссальными преимуществами, которые можно получить, не прибегая к нереальным домыслам о человеческой природе и попыткам насильственно придать ей форму или трансформировать»

Итак, теория научного эгоизма в основе философии свободного рынка, *господа!*

Эрих Фромм «Иметь или быть»:

> «Вторая психологическая посылки индустриального века, а именно что индивидуальные эгоистические устремления ведут к миру и гармонии, а также росту благосостояния каждого, столь же ошибочна с теоретической точки зрения, и ее несостоятельность опять-таки подтверждают наблюдаемые факты. Почему этот принцип, который отрицал только один из великих представителей классической политэкономии — Давид Рикардо — следует считать справедливым? Если я эгоист, то это проявляется не только в моем поведении, но и в моем характере. Быть эгоистом — значит, что я хочу всего для себя; что мне доставляет удовольствие владеть самому, а не делиться с другими; что я должен стать жадным, потому что если моей целью является обладание, то я тем больше значу, чем больше имею; что я должен испытывать антагонизм по отношению ко всем другим людям: к своим покупателям, которых хочу обмануть, к своим конкурентам, которых хочу разорить, к своим рабочим, которых хочу эксплуатировать. Я никогда не могу быть удовлетворенным, так как моим желаниям нет конца; я должен завидовать тем, кто имеет больше, и бояться тех, кто имеет меньше. Но я вынужден подавлять эти чувства, чтобы изображать из себя (перед другими, как и перед самим собой) улыбающееся, разумное, искреннее и доброе человеческое существо, каким старается казаться каждый»

— Спасибо, друзья, — опять поднялся Бертран Рассел. — Будет небезынтересно обратится еще раз к статье из Википедии. Итак, что есть сегодня социальный дарвинизм:

Википедия:

> «Элементы социал-дарвинистской теории используются различными консервативными движениями, сторонниками лессефериз-

ма и милитаризма. В своих крайних проявлениях социал-дарвинизм служит основанием евгеники и расизма. В Соединенных Штатах писатели и мыслители золотого века, такие как Эдвард Л. Юмэнс, Уильям Грэем Самнер, Джон Фиск, Джон В. Бёрджесс и другие развивали собственные теории социальной эволюции в результате воздействия на них работ Дарвина и Спенсера. В 1883 Самнер издал очень авторитетную брошюру, названную, „Что социальные классы должны друг другу?", в которой Самнер настаивал на том, что социальные классы ничего не должны друг другу. Самнер синтезируя идеи Дарвина с идеями капитализма свободного предпринимательства для оправдания этого капитализма. Согласно Самнеру, те, кто чувствует потребность помочь людям, не способным конкурировать за ресурсы, приведет свою страну к положению, где слабые и худшие люди будут размножаться быстрее сильных и лучших людей. В конечном счете, это ослабляет страну. Значительное большинство американских бизнесменов отвергло заявления Самнера, направленные против филантропии. Вместо этого эти бизнесмены давали миллионы долларов, чтобы построить школы, колледжи, больницы, художественные галереи, парки и т. д.. Социальный дарвинизм использовался, главным образом, в либеральных обществах, где индивидуализм оказался преобладающей точкой зрения. Сторонники социального дарвинизма считали, что прогресс общества будет способствовать индивидуалистической конкуренции. Другая форма социального дарвинизма была частью идеологических основ нацизма и других фашистских движений. Эта форма не предлагала выживание сильнейшего как социальный заказ для общества, а скорее оправдывала тип расовой и национальной борьбы, где государство направляло человеческое размножение через евгенику. Например, представители такого теоретического направления, как „дарвинистский коллективизм" отделяли свои взгляды от индивидуалистического типа социального дарвинизма. Критики часто утверждали, что последствия применения политики „искусственного отбора" с помощью концентрационных лагерей и газовых камер в нацистской Германии, в конечном счете, настроили людей против теории социал-дарвинизма. Как упомянуто выше, социальный дарвинизм часто был связан с национализмом и империализмом. Во время эпохи нового Империализма, концепция эволюции оправдывала эксплуатацию „низших рас высшими расами без всякого закона". Элиты и сильные страны были составлены из белых людей, которые были успешными при расширении их империй и таким образом, эти сильные страны должны были выжить в борьбе за господство».

— Нечего там и обсуждать, — сказал Джон Милль, — Эгоизм плох и наши институты его стимулируют и консервируют. Но, увы, пока рыночных хаос единственная доступная модель общества. Для социализма надо созреть. Я писал об этом в своей биографии.

Дж. С. Милль, «История моей жизни и убеждений»:

> «Если вкоренившийся эгоизм, образующий характер существующего общественного порядка, так глубоко вкоренился в нас, то это единственно потому, что все существующие учреждения благоприятствуют его развитию, и современные учреждения в известных отношениях более стремятся к этому, чем древние, так как случаи когда индивидуум призывается сделать что-либо для общества бескорыстно, гораздо менее часты в современной жизни, чем в мелких республики древности. Эти соображения не мешали нам считать безумием преждевременные попытки удалить частный интерес из общественных дел, когда еще не нашли или нельзя найти чем его заменить. Мы смотрели на все существующие учреждения и общественные порядки нашего времени, как „на чисто временное состояние", и мы с удовольствием и интересом встречали всякую благородную попытку мыслящих людей (например кооперативные общества), попытку, предпринимавшуюся для развития в людях способности действовать под влиянием бескорыстных побуждений, ради общего блага»

— Поддерживаю тебя, Милль, — пожал ему руку Рассел. — Однако, мы сегодня обсуждаем не оптимальное устройство общества, а теорию дарвинизма и ее влияние на советскую и американскую культуру — основные стороны холодной войны.

Мы можем заключить, что и советская культура и американская культура в равной степени пропитаны дарвинизмом. Разница только в том, что в Америке преобладает индивидуальный дарвинизм, а в советской культуре –дарвинизм групп, наподобие фашистских обществ. Здесь друг друга выживают со свету индивиды, там друг друга уничтожают группы и классы. Разница небольшая. Ибо основной принцип дарвинизма об элиминации этики и победы любой ценой остается сохранен в обеих системах. Сила есть право там, где уровень сознания игнорируется.

— Однако, вы так и не доказали мне в чем моя теоретическая ошибка! Это только игра словами. Вы много говорили

об американской культуре, но ничего не сказали о моей теории «Происхождения человека»! Итак, вы согласны что в теории я прав, и что вам просто не хватает смелости признать все последствия, которые проистекают из истинного положения вещей?

— Отнюдь. Это вторая часть нашего слушания. И мы теперь к ней переходим.

— Твоя теория, Чарльз, совершает роковую ошибку, когда устраняет качественное различие между человеком и животным, — сказал ему Ромен Роллан. — Мы все, интеллектуальная элита человечества, запечатлели в стихах и прозе, в литературной и автобиографической форме в бесчисленном множестве книг специфику духовной энергии, которая не имеет ничего общего с поведением животных. И когда ты пишешь, что медведь, который двигает палкой хлеб — это уже абстрактное мышление, которое через пару шагов приведет его на уровень ньютоновского мышления, ты говоришь не просто чепуху. Ты — безумен, Чарльз. Животные НЕ ИМЕЮТ НИ МЫШЛЕНИЯ, НИ ЧЛЕНОРАЗДЕЛЬНОЙ РЕЧИ. Об этом говорил еще Декарт, задолго до твоего появления на свет. Ты ведь не думаешь, что ты первый стал сравнивать человека с животными. И Декарт уже тогда сказал то, что есть главный аргумент против попыток устранить качественное различие между человеком и животным: разум человека делает его носителем духовной энергии, — энергии, которой нет, и не может быть у животных.

— Более развернутое опровержение твоей теории тебе даст Тесла, Черльз. — снова обратился к нему Бертран Рассел. — Это автор открытия психической энергии, который утверждает, что животное и человек отличаются именно психической энергией: у животного наличествует только биологическая энергия, а у человека и та и другая. И как видишь, это не отрицает происхождения человека от обезьяны. Просто в тот момент, когда у человека появилось мышление и разум, он перестал быть животным, он стал носителем психической энергии.

Автор теории говорит, что в сознании человека две энергии, и что их уже описали и религиозные пророки и ведущие психологи, но до сих пор не соединили в единую теорию психической энергии. Это те энергии добра и зла, о которых говорил на прошлом слушании Солженицын. Те, которые Э. Фромм обозначил как «гуманистическую совесть и авторитарную совесть (тщеславие)», и те, которые С. Милграм обнаружил в своих знаменитых экспериментах на «подчинение авторитету». Я тоже писал об этих двух энергиях в книге «Власть»: я говорил, что человеком движет любовь к энергии (закон сохранения силы), и что эта любовь может принять две формы: насилия или любви к науке. Тесле оставалось только обобщить все наши наблюдения. Теперь у нас есть теория психической энергии, Дарвин!

ГЛАВА 6
АНГЛИЙСКИЙ ЭМПИРИЗМ И НЕМЕЦКИЙ ИДЕАЛИЗМ. СУД НАД РАЗРУШЕННЫМ МЫШЛЕНИЕМ

Бурный всплеск эмоций вокруг Храма Духа Человеческого становился все интенсивнее, и все неуправляемее. Толпы разъяренных людей ежедневно выходили на митинги, ратуя за снос этого памятника мировому интернационалу, воплотившемуся в гениях всего рода человеческого. «Это наши гении!», — настаивали несчастные люди, отравленные глупостью национализма. «Мы не позволим отнимать наши национальные святыни!» — вопили они.

Рационалисты всех стран плотным кольцом окружили Храм Духа, решившись лечь вокруг него замертво, но не уступить святыни, воплотившей в себе единую природу человека, и божественный свет в высоком разуме и добродетели самых выдающихся людей всех времен и народов.

При таких обстоятельствах настроение обитателей Храма Духа становилось все тревожнее. Если они не сумеют договориться между собой, как же тем простым людям что борются

вокруг Храма, найти общий язык. Решено было вынести на слушания Большого Суда осевую проблему, разделившую интеллектуалов всех времен: Рационализм против Эмпиризма, Объективизм против Субъективизма.

Ромен Роллан сказал вступительное слово:

— Р. Роллан «Воспоминания»:

> «Бог — необходимость, необходимость для нашей природы, порожденная теми закономерностями, которые управляют нашим духом. Зачем же нам уклоняться от законов своей собственной природы. Благо всякого существа не в том, чтобы бороться против этих закономерностей, а в том, чтобы слиться с ними, уподобиться им по примеру стоиков, для которых необходимость совпадает с духовной свободой».

Никто другой как Рене Декарт взялся открывать слушания по этому, столь дорогого его сердцу вопросу.

— Уважаемые Духоборцы! Друзья и товарищи! Настал тот торжественный день, когда ни нам ни вам уже не удастся отделаться спекулятивной болтовней, а придется доказать правоту своих суждений. Долгие века, со времен рождения Философии в Греции, шел этот диспут о рационализме и эмпиризме. Настало время, настал день и час, когда мы должны разрешить его раз и навсегда!

Ты, дорогой друг, Бертран Рассел, пишешь в своей знаменитой Истории западной философии, что современная философия началась с моей рационалистической философии. Я благодарен тебе друг за высокую оценку! Но позволь с тобой не согласиться! Моя философия — продолжение философии рационализма Платона и Стоиков. Конечно, Новое время внесло свои коррективы, мы говорили уже не просто об Идеях, не просто о Мире Идей, независимом от нашего материального мира, — мы говорили о проверке теории опытом, и не только говорили, но много работали в этом направлении. Но в остальном Рационализм Платона — это тот классический рационализм, который и сегодня лежит в основе всей философии рационализма. Разве Царство Духа, которое проповедовал Христос, не есть этот

прекрасный Мир Идей, мир интеллекта, законов природы, установленных богом? Таким его видите вы, Ньютон и Лейбниц, таким его видишь ты, дорогой Эйнштейн, таким он предстает у вас, Шеллинг и Кьеркегор, таков он и в философии объективного рационализма у тебя, Айн Ренд, и у тебя Альбер Камю! И в твоей философии деизма, Томас Пейн! Я читал твою прекрасную книгу «Век разума» и был очарован твоей глубиной и проницательностью, твоим видением философии рационализма. И ты, Бертран Рассел, известный всему миру рационалист. Позволю себе процитировать твое определение материи: ««Мое собственное определение «материи» может показаться неудачным; я определил бы ее как то, что удовлетворяет уравнениям физики». Это очень удачное определение материи! Нет у рационалистов другого определения! Спроси вот хотя бы у своего друга Эйнштейна! А твоя критика философии Юма и философии немецкого идеализма оказала неоценимую услугу философии рационализма.

В чем же состоит существо философии рационализма? И почему эта философия есть основа мышления и основа науки, и вне этой философии мышление и наука разрушаются? Как прав ты был Шеллинг, когда обрушился со всей яростью на школу немецкого идеализма, на своих вчерашних преподавателей и одноклассников с критикой их субъективизма! Увы, и вся твоя страстная энергия не защитила Рационализм от агрессивной атаки Эмпиризма и Немецкого Идеализма. Да, друзья, здесь я вижу начало современной философии Нового времени. Такого извращения мысли не знала античность!

Уже в античность мнения разделились: античность вообще характерна своей двойственностью. С одной стороны школа Платона и стоиков, с другой стороны — Аристотель, скептики и софисты. Первые — рационалистическое направление философии, — вторые — материалисты и субъективисты. Ленин был прав, когда говорил, что Аристотель критиковал Платона с позиций материализма. Мы помним, что Аристотель на две тысячи лет победил Платона. И как прав ты в Истории западной фило-

софии, Бертран Рассел, когда пишешь, что Аристотель на две тысячи лет затормозил развитие науки.

Сегодня у скептиков и софистов античности есть широкая сеть различных направлений последователей. Английский эмпиризм в лице Давида Юма и Гоббса (я отказываюсь относить к эмпирикам Локка и особенно Бэкона, которые были рационалистами), немецкий идеализм Канта, Фихте и Гегеля, который стал реакцией на философию Юма, и философия Ницше и Сартра, Гуссерля и Хайдеггера, философия А. Бергсона, философия М. Фуко и Т. Куна, К. Леви-Стросса и А. Бретона, диалектический материализм Маркса, Энгельса и Ленина, позитивизм О. Конта и Э. Маха. Как можно видеть, последователей действительно много.

Что же стало с философией рационализма, которой все эти люди с таким остервенением себя противопоставили? Кто последовал за нами? У нас тоже есть великие имена, и я о них уже говорил! Прежде всего, это великие физики: не только Ньютон, Лейбниц, Эйнштейн, но и Никола Тесла, Лауэ, Планк, Максвелл, Фарадей, Больцман. Это Томас Пейн и Вольтер, это Альбер Камю и Айн Ренд, это Шеллинг и Кьеркегор! Это Ромен Роллан и Махатма Ганди, Эрнст Ренан и Карл Ясперс, Альберт Швейцер и Жюльен Бенда, Джон Милль и Томас Карлейль, Генрих Манн и Готфрид Лессинг! И есть совсем свежее имя современного ученого, открывшего психическую энергию, который всецело стоит на позициях философии рационализма! Мы знаем ее, это Тесла! В нашем лагере тоже прибыло! Конечно, эти имена не так известны как имена Канта и Гегеля, Ницше и Сартра, но однажды они займут место, которого заслуживают, потому что истину еще никто не смог остановить!

Вы все помните, безусловно, мою переписку с Гоббсом, где рационалист борется с предрассудками эмпирика, — сказал Рене Декарт, отирая пот со лба. — Наша дискуссия не дала никакого результата. Зато книга Давида Юма «пробудила от догматического сна» Канта, и он написал свою «критическую философию» ему в ответ. Так, английский эмпиризм Гоббса и Юма

и немецкий идеализм в лице Канта, Фихте и Гегеля зачали современную философию агностицизма и субъективизма. Их первым совместным ребенком стала философия Ницше, потом Сартра. А потом этот поток уже было не остановить. Философия, которая разрушила мышление! Философия, которая стала базисом шизоидной мысли, оторванной от реальности и науки. Французские философы, которые родились из этого симбиоза эмпиризма и субъективного идеализма, считали своим долгом сначала отмежеваться от меня, от рационализма Рене Декарта: над «картезианством» только немой не посмеялся. Сартр, Фуко, Леви-Стросс — все считали себя обязанными сказать что Декарт — дурак. Зато какие герои для них Кант и Гегель, Ницше и Маркс! Редкие люди выступили в защиту рационализма. Фридрих Шеллинг был в первых рядах на этой войне, за что заслужил нашу общую благодарность и бессмертную славу. Сегодня славны его противники, но придет его час! Альбер Камю выступил против философии Ницше и Сартра, чем навлек на себя гнев Сартра. Айн Ренд выступила против философии Канта и Ницше. Книга Бертрана Рассела об Истории западной философии, безусловно, поддержала позиции рационализма, поскольку эмпиризм Гоббса и Юма в ней критикуется, а философия Канта, Гегеля и Ницше названа ложной. Наконец, Ленин предпринял попытку выступить против субъективного идеализма и эмпиризма в книге «Материализма и эмпириокритицизм». Однако, критиковать эмпириков с позиций материализма нелепость, ему правильно возражали эмпирики что «объективная действительность» в устах материалиста — сущая мистика. Он и был мистиком как все последователи немецкого идеализма. Серен Кьеркегор отважно выступил против гегельянства. Эти славные борцы за рационализм потерпели сокрушительное поражение: эмпиризм и немецкий идеализм праздновали свою победу.

Рационалист утверждает, что Интеллект первичен. Интеллект как форма космоса, выложенная законами природы. Как хорошо ты сказал, Бертран Рассел: материя, которая удовлетворяет уравнениям физики! Уравнения физики, уравнения химии и биоло-

гии, математики и геометрии — все это интеллектуальная первооснова космоса. Это творение, создание космоса, выраженное в интеллектуальных формулах энергий природы. Материя — всего лишь вещественное содержание этого интеллектуального «скелета», этих «уравнений физики», которые наполняются существованием различных природных энергий: электрической, биологической, атомной, химической, механической, тепловой и тд тп

Что есть тогда человек? Человек также детерминирован законами природы как весь прочий мир. Также имеет в основе своей «общую природу» законов интеллекта, и также материален. Но он больше обычной материи, потому что способен понимать эти законы природы! Видеть интеллектуальную форму заложенную богом в основу космоса! И это видение законов природы — есть сущность человека. «Я мыслю, следовательно, я существую», именно это хотел я сказать этой, теперь уже знаменитой фразой. Мы мыслим, следовательно, мы существуем! Наше мышление и законы природы — два полюса единого космического интеллекта: активный и пассивный его полюса. Когда ты Рассел рассказываешь о моей философии рационализма, ты хорошо объясняешь, что я понимаю под теорией познания: проникновение в интеллектуальную сущность вещей, видение их закономерности. То, что ты Платон называешь, «коснуться умом в вещах того, что родственно уму», то есть законов природы, пассивного интеллекта. То, что ты Спиноза, называешь интеллектуальной любовью к Богу: стремление мышления к познанию необходимости, то есть детерминированного законами космоса.

Как красиво сказал об этом Ф. Бэкон в «Новом органоне»:

> «Когда же все это будет развито и когда наконец станет ясным, что приносила с собой природа вещей и что — природа ума, тогда будем считать, что при покровительстве божественной благости мы завершили убранство свадебного терема Духа и Вселенной».

И наше определение свободы известно еще со времен стоиков: свобода как осознанная необходимость. Свобода познать

себя, и быть самими собой. Не выйти за пределы необходимости данной богом, но найти свою природу, узнать ее, и контролировать ее через контроль законов природы. Вот что значит быть свободным и одновременно подчиняться необходимости природы.

Какую свободу принесли нам вы, эмпирики и субъективисты? Вы, разрушившие наш интеллектуальный космос законов природы? Вы, доказывавшие, что законов природы нет и быть не может. С этого утверждения начинается знаменитая философия Давида Юма. Он утверждает, что человек может наблюдать последовательность событий, но не может наблюдать причинные связи. А значит, он самовольно связывает последовательность событий в законы, тогда как его утверждения голословны.

Здесь Кант «проснулся от догматического сна», и ответил Давиду Юму. Он сказал ему в «критической философии», что других законов природы не бывает, только те, которые человек придумывает сам. Потому что, говорит ему Кант, Пространство и Время — это только иллюзия, которую создает наше сознание, и эта иллюзия сознания связывает все вещи в законы. А сами вещи мы не можем ни знать, ни видеть. Таким образом, Кант разрушил интеллектуальный космос из заложенных творцом законов природы — он также его отрицает, как и Юм. Сознание человека у Канта больше не является частью божественного интеллекта, мышлением, которое имеет ключ к интеллектуальной форме космоса. Для Канта сознание всего лишь субъективный способ восприятия человеком мира. Это уже не интеллект, который входит в объективный мир и открывает его законы и контролирует эти законы. Это уже просто субъективное свойство материи все связывать в законы. Практика опровергает Канта лучше любой критики: ведь если бы человек фантазировал мир, он не смог бы его контролировать. А посмотрите на современную технику. «Материя — это то, что удовлетворяет уравнениям физики!»

Так, эмпирик Юм и идеалист Кант разрушили все здание философии рационализма: и пассивный интеллект законов приро-

ды и активный интеллект мышления, имеющий доступ к этим законам природы. Разрушили представление об «Общей природе» человека, выраженной в законах природы и подчиняющихся общей необходимости, с относительной свободой контроля законов природы, с доступом к силе энергий природы! Что они дали нам взамен? Мистическую теорию абсолютной свободы сознания, раздутое «эго» «законодательствующего разума», а значит войну всех против всех.

Действительно, Фихте в своей философии, которую он называл продолжением и завершением философии Канта, отказался от «вещей в себе», от объективного мира, недоступно субъективному восприятию человека, и уже установил абсолютный субъективизм «абсолютного Я». Сознание у Канта абсолютно свободно устанавливать себе какие угодно законы, но все же оно существует в мире, ему неподвластном. У Фихте весь мир лежит у ног абсолютной воля Я человека. Гегель пошел еще дальше. Он превратил это «Я» человека в мировой дух, который сам себе устанавливает законы, меняет их, когда ему вздумается, а потом просыпается в человеке. Он сделал попытку уйти от субъективизма Канта, но только усугубил ситуацию, поскольку его мировой дух — не установленные законы природы, которые можно познавать, а постоянно меняющиеся «становление» субъекта, за которым человеческому разуму не угнаться. Так, сказочники немецкого идеализма создали мистику абсолютной свободы сознания человека, разрушив вместе с рационализмом само понятие интеллекта, понятие мышления и научную методологию.

Если для рационалиста наука определяет границы его относительной свободы, то для субъективиста свобода рисует границы науке. Рационалист ищет не свободы, а единства с природой, где он мог бы быть самим собой. Он свободен, когда реализованы потенции его природы, когда ему доступно научное знание, контроль природных энергий и доступ к этим энергиям, доступ к своей психической энергии в дружбе, доверии и сотрудничестве с людьми. Субъективист ищет абсолютной свободы своего

«Я», настолько, что готов и интеллекту приписать границы и правила, вместо того чтобы подчиняться необходимости интеллекта: и в законах мышлениях, и в открытых законах природы. Вместо этого он отрицает, законы природы и отрицает законы мышления, и объявляется себя абсолютным монархом с абсолютной свободой воли. Таков «художник-творец» у Ницше и у Сартра, таков Абсолют Гегеля и «Законодательствующий разум» Канта, самовольно издающий законы для себя и для природы, вместо того, чтобы подчиняться им.

Это отличие в понимание духовной энергии человека (отличие между свободой осознанной необходимости и между свободой абсолютной свободы воли) — есть отличие между здоровым научным сознанием человека, и нездоровой шизоидной мистификацией сознания. Неслучайно, все кто приближался к немецкому идеализму слишком близко, тяжело заболевали. И в первую очередь сами немцы. Разумеется, мистическая интоксикация была у людей и до философии немецкого идеализма, однако эта философия стала некоей кульминацией ее развития.

На этом месте посчитал нужным вмешаться Томас Манн.

— Да, Декарт прав, — сказал он трагическим голосом. — Мы немцы, потерпели сокрушительное поражение с тех пор, как основой нашей культуры стала философия субъективного идеализма. Как высок и благороден гений, раскрывающийся в даровании наших философов! Да, я настаиваю на том, что гений Канта, гений Фихте, гений Гегеля и Шопенгауэра, гений Ницше, бедного безумного Ницше — велик и благороден! Может быть самое великое, что есть у немцев! Кто-то из них писал, что философия Канта вознесла человеческое «Я» на невиданную до тех пор головокружительную высоту! Разве это не прекрасно само по себе, разве это не высокое искусство само по себе?

Об этом я писал в «Докторе Фаустусе». Уже названием книги я хотел сказать о гении немцев, свыше всякой меры одаренных духовно. Я хотел напомнить о твоем «Фаусте», ты, гордость нашего великого народа. Я писал та о Бетховене, чей героический

дух воспет тобой, благородный Ромен Роллан. Я дал рассказчику твое имя, Серен Кьеркегор, чтобы отмежеваться от гегелевского духа. Кто жестче меня понимает безумие и провал всего священного духовного энтузиазма немцев? Разве не отразил я его в этой книге? Вы только послушайте!

Томас Манн «Доктор Фаустус»:

> «Да, мы пропали. То есть я хочу сказать: мы проиграли войну, — но ведь это означает нечто большее, чем просто проигранная компания, это ведь на самом деле значит, что пропали мы, пропало наше дело и наша душа, наша вера и наша история. С Германией покончено, с ней будет покончено, близится невиданная катастрофа — экономическая, политическая, моральная и духовная, словом всеобъемлющая; не скажу чтобы я этого желал, ибо это –отчаяние, это — безумие. Не скажу чтобы я этого желал ибо слишком глубоко мое горькое сострадание, мое сочувствие моему несчастному народу, о его подъеме, порыве, прорыве, о народном возрождении, об этом чуть ли не священном экстазе, к которому правда в знак его ложности примешивалось многое от хамства, от гнуснейшей мерзопакостности, от грязной страсти растлевать, мучить, унижать, и который как ясно каждому посвященному уже нес с собой всю эту войну, всю эту войну — у меня сжимается сердце от сознания, что огромный капитал веры, воодушевления, исторической экзальтации оборачивается ныне беспримерным банкротством. Я знаю чего желал, я буду это приветствовать: из ненависти к преступному пренебрежению разумом, к греховному бунту против правды, к разнузданно-пошлому культу дрянного мифа, к порочной путанице подменяющей ценное бесценным, к глубокому злоупотреблению, к жалкой спекуляции старинным, заветным, исконно немецким — всем, из чего глупцы и лжецы гнали для нас свое ядовитое зелье. За хмель которым мы упивались долгие годы обманчивого кутежа и в котором напропалую бесчинствовали, надо платить. Чем? Я уже написал это слово, я назвал его в связи словом „отчаяние“ Не стану его повторять. Нельзя дважды преодолеть тот ужас, с каким выше, досадно расплывшимися буквами, я его написал».

Да, друзья, это слово «безумие». И мне известно, что гитлеровская Германия обезумила! И мне также известно, что один этот проходимец никогда бы ничего не сделал, если бы гений немцев не стал их слабостью! Они искали «подъема и прорыва» в «священном экстазе» и за это их покарал демон! За самый вы-

сокий ум он сделал их безумными! За самое честное сердце он сделал их подлецами! За самую христианскую правду он сделал их лжецами и дураками! Вот о чем моя книга!

Не вините наших гениев, вините злые силы, которые вмешались, чтобы отомстить немцам за их гениальность!

Тут встал Серен Кьеркегор со своей ироничной улыбкой на устах.

— Уважаемые Духоборцы! Уважаемый Томас Манн! Я очень польщен, что ты дал мое имя своему герою в «Докторе Фаустусе». Однако, позволь не согласится с твоими выводами. Гений твоих соотечественников наказал сам себя, зачем суесловить о вмешательстве демона? Конечно, мы все с тобой согласны что немцы очень одаренны духовно, что они расположены к абстрактной мысли. Для науки такие способности необходимы. Но, увы, пока настоящей науки нет, очень велика опасность слишком далеко улететь от реальности с такими головокружительными высотами абстракции мысли. Я в «Болезни к смерти» называю это уйти от необходимого, и потеряться в кривом зеркале возможного. Если ты не видишь, что Кант, Фихте, Гегель, и Ницше, этот остов немецкого идеализма, потерялись в фантазиях воздушных замков, если ты не видишь, что высота, на которую их Эго занесла эта философия, неизбежно должна была сбросить их и разбить, просто потому что она была высотой воздушного замка на песке, то ты сам остаешься мистиком. И ты так и не понял причин этого безумия, и неизбежного поражения этого безумия. Это философия абсолютной свободы Я, которое свободно от своей природы, от необходимости, установленной в законах творца, — вот где великий грех немецкого идеализма, грех, который я назвал «болезнью к смерти». Ибо, этот грех не только ведет к потере всякой свободы, но и к тому безумию и поражению, о котором ты говоришь.

Вот что я писал об этом

Кьеркегор «Болезни к смерти»:

> «Это Я, которым стремится стать этот отчаявшийся, по сути есть Я, которое таковым не является (ибо стремиться быть таким Я, каким

> он на самом деле есть, — это сама противоположность отчаянию), то, к чему он стремится на деле, — это отделить свое Я от его творца. Однако это ему не удается, несмотря на то, что он отчаивается, — и, несмотря на все усилия, которые он прилагает для того, чтобы отчаиваться, этот творец остается самым сильным, и принуждает его быть тем Я, которым он не желает быть. Таково отчаяние, эта болезнь Я, „смертельная болезнь". Отчаявшийся — это больной к смерти. Более чем какая-либо иная болезнь, эта болезнь направлена против самой благородной части существа. Все равно вечность заставит раскрыть отчаяние его состояния и пригвоздит его к собственному Я... Ведь, в конце концов, все здесь зависит он произвола Я. Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит. Это Я в своем отчаянии хочет вкусить наслаждение самому создавать себя, облекать себя в одежды, существовать благодаря самому себе, надеясь стяжать лавры поэмой со столь искусным сюжетом, короче, так прекрасно умея себя понять. Но что он подразумевает под этим, остается загадкой: ибо в то самое мгновение, когда он думает завершить все сооружение, все это может, по произволу, кануть в ничто. Это Я, отрицающее конкретные, непосредственные данности Я, возможно, начнет с того, что попытается выбросить зло за борт, притвориться. что его не существует, не пожелает ничего о нем знать. Но это ему не удастся, его гибкость и искусность в опытах не доходит до такой степени, как, впрочем, и его искусность строителя абстракций; подобно Прометею, бесконечно негативное Я чувствует себя пригвожденным к такому внутреннему рабству».

— Я поддерживаю Кьеркегора, — сказал, поднимаясь на кафедру, Альбер Камю. —

А. Камю «Бунтующий человек»:

> «Те, что все отрицают и дозволяют себе убийство, — Сад, денди-убийца, безжалостный Единственный, Карамазов, последыши разнузданного разбойника, стреляющий в толпу сюрреалист — все они добиваются, в сущности, абсолютной свободы, безграничного возвеличивания человеческой гордыни. Обуянный бешенством нигилизм смешивает воедино творца и тварь. Устраняя любое основание для надежды, он вбрасывает все ограничения и в слепом возмущении,

> затмевающем даже его собственные цели, приходит к бесчеловечному выводу: отчего бы не убить то, что уже обречено смерти».

Да, я тоже писал о том, что есть две духовные энергии: одна демоническая упертость против творца, а другая здоровая, свобода осознанной необходимости. Первое есть поиски абсолютной свободы, отрицающая науку, добродетель и общую природу человека. Вторая есть относительная свобода, подчинение законам мышления и законам природы, единение с человеческим духом рационализма и добродетели.

В свое время мы поссорились по этой причине с Сартром. Мне стала противна его философия этого раздутого Эго немецкого идеализма, этой демонической свободы, которая отказывается признавать законы природы и общую природу человечества! И я написал книгу «Бунтующий человек», где со всей ясностью выступил против философии Ницше, Гегеля, Маркса, против сюрреализма Андре Бретона, против всякой субъективности, о которой так хорошо сказал Кьеркегор в «Болезни к смерти».

А. Камю «Бунтующий человек»:

> «Анализ бунта приводит по меньшей мере к догадке, что человеческая природа действительно существует, соответственно представлениям древних греков и вопреки постулатам современной философии. Точно так же в XIX в. все научные дисциплины преодолели неподвижность и отошли от идеи классификации, что было характерно для научной мысли XVIII в. Подобно тому как Дарвин сменил Линнея, философы непрерывной диалектики сменили гармоничных и бесплодных конструкторов разума. С этого момента возникает идея (враждебная всей античной мысли, которая частично обнаруживала себя в революционном французском духе), что человек не обладает данной ему раз и навсегда природой, что он не завершенное создание, а становление, творец которого отчасти он сам. С Наполеоном и Гегелем, этим Наполеоном от философии, начинаются времена действенности. Но в то же время разум у Гегеля охвачен дрожью безумия, в него внесена безмерность, и результат — налицо. Разум, находящийся во власти подобного романтизма, — это уже не что иное, как неукротимая страсть.»

У Сартра, который понимает человека как художественный проект, реализующий самого себя, где сам человек и бог и творец, так что ни прошлое «ничто под небесами» не может помешать ему реализовать свою абсолютную волю, моя книга вызвала отвращение. Потому что я вернулся к тебе Декарт, потому что мне противен иррационализм и отрицание законов природы, еще противнее мне нигилизм и отрицание общей природы и общей этики человечества. Да, я предстал там рационалистом и гуманистом, и это вызвало отвращение у ницшеанца Сартра. И я тоже разделил две духовные энергии человека, когда говорил о демоническом бунте (люцефирианском) романтиков с одной стороны, и о античном бунте рационалистов — с другой стороны. Первое есть та шизоидная экзальтация абсолютной свободы, которая высвобождает безумию и агрессию в человеке; второе — те высоты здорового духа, которые дают человеку его великую силу в научном мышлении, и в единении сотрудничества и дружбы.

А. Камю «Бунтующий человек»:

> «Ненависть к формальной добродетели, этой ущербной свидетельнице и защитнице божества, лжесвидетельнице на службе у несправедливости, остается одной из пружин сегодняшней истории. «Нет ничего чистого» — от этого крика судорогой сводит наше столетие. Нечистое, то есть история, вскоре станет законом, и пустынная земля будет предана голой силе, которая установит или отринет божественность человека. Тогда насилию и лжи предаются так, как отдают себя религии, — в том же самом патетическом порыве. Но первой основательной критикой чистой совести, разоблачением прекрасной души и выявлением недейственности этих Добродетелей мы обязаны Гегелю, для которого идеология истины, красоты и добра есть религия людей, которые ими не обладают.
> Действительно, романтизм с его люциферианским бунтом выльется только в авантюры воображения. Так же как у Сада, его отличие от античного бунта выразится в том, что он сделает ставку на индивида и зло. Акцентируя силу вызова и отказа, бунт на этой стадии забывает о своей позитивной стороне. Поскольку Бог взывает ко всему доброму в человеческой душе, нужно превратить все доброе в посмешище и выбрать зло. Таким образом, ненависть к несправедли-

> вости и смерти приведет если не к осуществлению, то, по крайней мере, к апологии зла и убийства. Это обусловливает нигилизм и снимает запрет с убийства. Убийство вскоре станет привлекательным. Достаточно сравнить Люцифера в средневековых изображениях с романтическим Сатаной. «Печальный очаровательный юноша» (Виньи) занимает место рогатой твари. «Красой блистая неземной» (Лермонтов), могучий и одинокий, страдающий и презирающий, он убивает, не задумываясь. Но его оправдывают страдания. Поэтому понятно замечание Андре Бретона о Саде: «Конечно, ныне человек может слиться с природой только через преступление; остается разгадать, не является ли это одним из самых безумных и неоспоримых способов любить». Вот почему наследие романтизма усвоил не Гюго, пэр Франции, а Бодлер и Ласенер*, поэты преступления. По словам Бодлера, «все в этом мире источает злодеяние — и газета, и стена, и человеческое лицо».

В противоположность этой абсолютной свободе демонизма, которую проповедует немецкий идеализм, романтизм и дендизм, мы проповедует общую природу человека, относительную свободу осознанной необходимости рационалистов, добродетель взаимного уважения и дружбы.

А. Камю «Бунтующий человек»:

> «Хотя бы на мгновение. Но пока достаточно и этого, чтобы сказать, что предельная свобода — свобода убивать — несовместима с целями бунта. Бунт ни в коей мере не является требованием тотальной свободы. Напротив, он призывает к суду над ней. Он по всей справедливости бросает вызов неограниченной власти, позволяющей ее представителям попирать запретные границы. Отнюдь не выступая за всеобщее своеволие, бунтарь хочет, чтобы свободе был положен предел всюду, где она сталкивается с человеком... В этом глубочайший смысл бунтарской непримиримости. Чем более бунт осознает необходимость соблюдения справедливых границ, тем неукротимей он становится. Бунтарь, разумеется, требует известной свободы для себя самого, но, оставаясь последовательным, он никогда не посягает на жизнь и свободу другого. Он никого не унижает. Свобода, которую он требует, должна принадлежать всем; а та, которую он отрицает, не должна быть доступна никому. Бунт — это не только протест раба против господина, но и протест человека против мира рабов и господ. Стало быть, благодаря бунту в истории появляется нечто большее, чем отношение господства и рабства. Неограниченная власть уже не является в нем единственным законом. Во имя совсем

> иной ценности бунтарь утверждает невозможность тотальной свободы, в то же время требуя для себя свободы относительной, необходимой для того, чтобы осознать эту невозможность. Каждая человеческая свобода в глубочайшем своем корне столь же относительна. Абсолютная свобода — свобода убивать единственная из всех, не требующая для себя никаких границ и преград. Тем самым она обрубает свои корни и блуждает наугад абстрактной и зловещей тенью, пока не воплотится в теле какой-нибудь идеологии. Стало быть, можно сказать, что бунт, ведущий к разрушений алогичен. Будучи поборником единства человеческого удела бунт является силой жизни, а не смерти. Его глубочайшая логика — логика не разрушения, а созидания».

Жюльен Бенда встретил выступление друзей громкими аплодисментами.

— Ты, Альбер Камю, написал великую книгу! — сказал он. — Дай я пожму твою честную руку! Как мужественно ты выступил против иррационализма и нигилизма немецкой философии, и романтического экзистенциализма! Однако, позволь тебе сказать, ты очнулся только после Второй мировой войны, когда немцы уже проявили все безумие своего «обманчивого куража», как сказал Томас Манн. Я же написал свою книгу «Предательство интеллектуалов» накануне Второй мировой! И все мои опасения вскоре полностью подтвердились! И тогда мою книгу издали второй раз. Ты думаешь, даже эта страшная война смогла придать моим словам силу? О них тут же забыли. А немецкий идеализм живее всех живых. Вот что я тогда писал.

Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Напомним, что в истории философии почитание единичного, индивидуального — это вклад немецких философов (Шлегеля, Ницше, Лотце), тогда как метафизическое преклонение перед всеобщим (соединенное даже с некоторым пренебрежением к экспериментальному) — преимущественно греческое наследие человеческого разума; так что и в этом отношении учение современных интеллектуалов в его глубинных особенностях означает торжество германских ценностей и поражение греческой культуры. ...Сегодняшняя действительность дает еще больше оснований для такого утверждения. Признанные учители наших поэтов (сюрреалистов) — Новалис и Гёльдерлин; наши философы (экзистенциалисты) объявляют

> себя приверженцами Гуссерля и Хайдеггера; триумф ницшеанства стал подлинно мировым».

Другим предательством интеллектуалов является, на протяжении двадцати лет, позиция многих из них в отношении последовательных изменений мира, особенно его экономических изменений. Она состоит в отказе от рассмотрения этих изменений с помощью разума (т.е. с точки зрения, внешней по отношению к ним) и от поиска их закономерностей, согласных с рациональными принципами; Это тезис *диалектического материализма*. Эта позиция, вопреки притязаниям тех, кто ее разделяет, никоим образом не является новой формой мышления, ≪новейшим рационализмом≫; она есть отрицание разума, если полагать, что разум состоит как раз не в том, чтобы сливаться с вещами, а в том, чтобы создавать в рациональных понятиях представления о них. Это позиция *мистическая*».

Я говорил о нашем сообществе Людей Духа, когда писал, что интеллектуалы хранили цивилизацию от агрессии бессмысленного насилия и от распространения права силы. Я говорил о том, что немецкая философия разрушила рационализм, который олицетворяли античные греки, Декарт, Спиноза, Ренан, Эйнштейн. Я говорил, что интеллектуалы предали нас, когда отказались от рационализма, когда современная философия стала выдавать за рационализм — мистику субъективизма, когда отказались от общей истины и от этики, разрушив само понятие истины и добродетели.

Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Позиция интеллектуала выражена в следующих словах корифея: ≪...Мы... разумеем жизнь человеческую, которая определяется не только кровообращением и другими функциями, свойственными всем животным, но преимущественно разумом, истинной добродетелью и жизнью духа≫.
> «Я имею в виду тот класс людей, который я буду здесь называть *интеллектуалами*, обозначая этим именем всех тех, кто в своей деятельности, по существу, не преследует практических целей и, находя отраду в занятиях искусством, или наукой, или метафизическими изысканиями — словом, в обладании благом не временным, как бы

> говорит: ≪Царство мое не от мира сего≫. Когда Жерсон взошел на кафедру собора Нотр-Дам, чтобы заклеймить убийц Людовика Орлеанского; когда Спиноза, рискуя жизнью, написал на дверях подстрекателей к убийству де Виттов: ≪Ultimi barbarorum≫; когда Вольтер боролся за Каласа; когда Золя и Дюкло принимали участие в знаменитом процессе Дрейфуса, — эти интеллектуалы в самом высоком смысле исполняли миссию интеллектуалов; они служили отвлеченной справедливости и не пятнали себя страстью к чему-либо мирскому. Они не воспрепятствовали мирской части человечества наполнить историю распрями и кровопролитиями, но и *не позволили ей сделать из ненависти религию и вменить себе в великую заслугу совершенствование разрушительных страстей*. Только благодаря таким людям можно сказать, что на протяжении двух тысячелетий человечество творило зло, но поклонялось добру. Это противоречие было гордостью человеческого рода и создавало разлом, сквозь который могла проникнуть цивилизация. Однако в конце XIX века происходит радикальная перемена: *интеллектуалы начинают потворствовать политическим страстям*; накидывавшие узду на реализм народов теперь становятся его поощрителями».

Карл Поппер поддержал своих коллег в этом месте.

— Моя ненависть к Гегелю общеизвестна, — заявил старый философ. — И я уже однажды сформулировал «парадокс свободы»: абсолютная свобода сама себя отменяет, превращается в тиранию сильного над слабым, об этом вроде бы все уже сказали. Я в свое время говорил об этом применительно к свободе рыночной конкуренции и обосновывал необходимость вмешательства государства, чтобы защитить слабых от сильных. Меня тогда обозвали социалистом, хотя я сам всегда считал себя крайне правым. Маргарет Тетчер писала в своих мемуарах, что такое вмешательство в экономику, «социальная инженерия» только помешают. Я предлагал интервенцию государства. И сейчас считаю, что неконтролируемый рынок — это дикие джунгли.

Карл Поппер «Открытое общество и его враги»:

> «Парадокс свободы в том, что свобода сама себя упраздняет, если она не ограничена. Неограниченная свобода означает, что сильный человек свободен запугать того, кто слабее, и лишить его свободы. Именно поэтому мы требуем такого ограничения свободы государством, при котором свобода каждого человека защищена законом.

> Никто не должен жить за счет *милосердия* других, все должны иметь *право* на защиту со стороны государства»

Долгими и продолжительными овациями духоборцы Храма Духа пригласили Альберта Эйнштейна сказать свое слово о победе рационализма над эмпиризмом.

— Вы помните, друзья, наш спор с великим физиком Нильсом Бором. Это был спор рационалиста и эмпирика. Я никак не мог примириться с тем, простите, глупостями, которыми Нильс Бор и др эмпирики объясняли чудеса, которые нам всем довелось наблюдать в экспериментах с квантами. Сказать глупость — не значит дать объяснение. Я до сих пор настаиваю, что вся так называемая «копенгагенская интерпретация» — только глупость и ничего больше. Она ничего не объясняет, только нагромождение слов.

Мои прогнозы тоже не оправдались, и они решили, что рационализм побежден. Нет, друзья, я уже тогда сказал, что такие проблемы решаются на другом уровне мышления, и что решение придет с открытием какой-то новой важной истины. Как прав я оказался! Моя интуиция меня никогда не подводила. Я хотел найти доказательство детерминизма причинных связей в том пространстве-времени, которое мы сформулировали для физики. Там не оказалось места квантам! Но ведь то, что вы называете открытием психической энергии, утверждает существование пространства-времени Духа, то есть пространства Интеллекта, наряду с пространством-временем физики. И тогда все чудеса квантов, которые не вписывались в «уравнения физики», только подтверждают теорию пространства-времени Духа. И значит, рационализм ставит жирную точку в этом вековом споре.

Что касается свободы, друзья, я уже писал, что не понимаю этого слова иначе, чем Спиноза. Мы, рационалисты, твердо убежденны в существовании законов природы. Я говорил, что даже полет насекомого заранее детерминирован. Свобода человека относительна, ее дает мышление, которого нет у другой материи. Но и мышление подчиняется законам природы, и мышле-

ние, не может больше чем контроль законов природы. Победа рационализма над эмпиризмом, над иррациональностью субъективизма — это прежде всего правильное понимание свободы человека. Для рационалиста основа существования — наука, стремление к истине, а свобода ограничивается научным мышлением. Для субъективиста основа существования — свободная воля, а мышление превращается в фантазии воздушных замков на песке. Это гибель науки.

На этом мудром заключении о разграничении абсолютной свободы мистического мышления, и свободы как осознанной необходимости философии рационалистов слушание по делу английского эмпиризма и немецкого идеализма было закончено.

ГЛАВА 7
СПЕНСЕР ПРОТИВ ХАЙЕКА, МИЗЕСА И ПОППЕРА. СУД НАД КОЛЛЕКТИВИЗМОМ

Главы австрийской школы экономистов, известные своим пристрастием к либерализму и ненавистью к социализму, потребовали Суда над Коллективизмом, уверяя духоборцев Храма Духа, что они уже много раз доказали порочность социализма, и им не составит никакого труда сделать это еще раз здесь, среды своих коллег ученых. Заявка была тотчас же удовлетворена и слушания Большого Суда на следующий день открыли Фридрих фон Хайек, Людвиг фон Мизес и Карл Поппер. Поддержать друзей пришла и Айн Ренд.

— Что происходит на этом Большом Суде величайших умов человечества? — не мог сдержать своего возмущения Хайек. — Все выглядит так, словно мы присутствуем не на интеллектуальном Олимпе всех времен и народов, а на каком-то жалком сборище политиканов, подтасовывающих результаты заранее! Я смело бросаю вам вызов в лицо! Тот факт, что подавляющее большинство здесь собравшихся — рационалисты и социалисты, вовсе не значит, что рационализм и социализм — победили! И что это есть истина, которой мы все должны подчиниться. Это

всего лишь ваши предпочтения, господа, а нас, убежденных индивидуалистов и либералов, ничего не заставит переменить своего мнения. Даже большинство Большого Суда в Храме Духа!

— Уважаемый Фридрих фон Хайек! Приветствую тебя, друг! — сказал Бертран Рассел, пожимая руку коллеге. — Я помню интересную книгу, которую ты написал. «Дорога к Рабству». Мне было легко запомнить, потому что у меня есть книга с похожим названием «Дороги к Свободе». Да, ты убедительно доказываешь там, что коммунизм и фашизм — только разновидности социализма, тоталитарные системы плановой экономики, которые лишают людей физической и моральной свободы. Однако, ты сам себе противоречишь. Ты утверждаешь там, что понятия «либерал» и «социалист» — несовместимы, но в то же время, упомянув мое имя, характеризуешь меня как «либерального социалиста». Далее, ты утверждаешь, что всякий социализм — есть в основе своей коллективизм плановой экономики. Это твое утверждение далеко не самоочевидно. Ты иронизируешь над социалистическими взглядами Герберта Уеллса, одна и я, и Герберт Уеллс писали о другом социализме, суть которого в единстве интеллектуальном, духовном, психологическом. Моя критика Маркса сосредоточена на его «Экономизме», и на том что он презирал психологический подход, совершенно напрасно, на мой взгляд. Уеллс в книге «Боги как люди», где он рисует свою утопию социализма, так же подчеркивает, что людей объединяет не плановая экономика, и вообще не экономика, а естественное право законов психологии.

Ты знаешь мое кредо: истина прежде всего. Истина подправленная экономическими, политическими и даже моральными соображениями — уже не истина. Если бы гуманистическая этика совести и сочувствия противоречила природе человека, я первым бы отказался от этой этики. Но пока не доказано обратное, мы считаем гуманизм природой человека. Прошу тебя, расскажи нам свою истину, и если ты сможешь ее доказать, кто в Храме Истины посмеет тебе противоречить?

— Приветствую тебя, Рассел. Что ж, я действительно назвал тебя социалистом, работающим в либеральной традиции, но это не то же самое, что «либеральный социалист»!

Наши аргументы известны:

1.Всякий тоталитаризм — это коллективизм, основанный на плановой экономике. И в этом смысле коммунизм и фашизм только две стороны одной медали, только разные формы социализма

2. Либерализм — это свобода конкурентной экономики, но регулируемого рынка. Задача свободного государства только создавать людям условия для конкурентного производства и торговли, и устанавливать общий закон для всех. Государство не морально и не ответственно за индивидов. Мораль каждый выбирает себе сам. Нас обвиняли в Эгоизме! Неправда, индивидуалист — не значит эгоист! Индивидуалист — значит сам выбирает быть ему эгоистом или альтруистом! Если вам хочется использовать свою свободу для служения другим, никто вам в этом не препятствует в свободной экономике. Если вам хочется сосредоточится на своем благе — это тоже законный выбор каждого индивида.

3. В тоталитарных обществах все наоборот. Они укоряют нас в эгоизме, а себя называют моральными! Их мораль якобы — альтруизм, якобы служение обществу, общему благу. А в итоге получается, что у них не остается никакой морали, потому что для них это общее оправдывает все средства, индивиды становятся не самоцелью, а средствами для государственной машины.

Наверх в этих условиях всегда выбиваются худшие: такие кому не претит конформизм, такие кто может использовать насилие для подавления массового инакомыслия. Такие которым нравится чувствовать себя частью большой машины, у кого нет своей воли, своего я, своей ответственности, взглядов, словом, — личности. Разве немецкий, итальянский фашизм, советский коммунизм не доказали этого в равной степени? И не о том ли пишет и Айн Ренд?

Социалисты полагают, что если их стремление к коллективизму продиктовано высокими моральными побуждениями, то и само общество, будет добродетельным. Возможно, они на самом деле не хотели применять методов, к которому неминуемо ведет коллективизм, и все еще надеялись убедить большинство и прийти к согласию. Но мы понимаем, что в плановом обществе, речь не о согласии большинства, а о согласованных действиях группы олигархов, управляющих обществом. И такую группу будут представлять не лучшие, а худшие представители. Почему? Есть три причины. Во-первых, « чем более образованны и интеллигентны люди, тем более разнообразны их взгляды и вкусы и тем труднее ждать от них единодушия по поводу любой конкретной системы ценностей. Следовательно, если мы хотим достичь единообразия взглядов, мы должны вести поиск в тех слоях общества, для которых характерны низкий моральный и интеллектуальный уровень, примитивные, грубые вкусы и инстинкты». Во-вторых, «ведь проще всего обрести поддержку людей легковерных и послушных, не имеющих собственных убеждений и согласных принять любую готовую систему ценностей, если только ее как следует вколотить им в голову, повторяя одно и то же достаточно часто и достаточно громко». И в третьих, «человеческая природа такова, что люди гораздо легче приходят к согласию на основе негативной программы: образ врага — внутреннего, такого, как «евреи» или «кулаки», или внешнего — является непременным средством в арсенале всякого диктатора».

Ф. фон Хайек «Дорога к рабству»:

> «Слово «индивидуализм» приобрело сегодня негативный оттенок и ассоциируется с эгоизмом и самовлюбленностью. Но противопоставляя индивидуализм социализму и иным формам коллективизма, мы говорим совсем о другом качестве. Индивидуализм, уходящий корнями в христианство
> и античную философию, впервые получил полное выражение в период Ренессанса и положил начало той целостности, которую мы называем теперь западной цивилизацией. Его основной чертой яв-

ляется уважение к личности как таковой, т.е.признание абсолютного суверенитета взглядов и наклонностей человека в сфере его жизнедеятельности, какой бы специфической она ни была, и убеждение в том, что каждый человек должен развивать присущие ему дарования.

Различные виды коллективизма, коммунизма, фашизма и пр. расходятся в определении природы той единой цели, к которой должны направляться все усилия общества. Но все они расходятся с либерализмом и индивидуализмом в том, что стремятся организовать общество в целом и все его ресурсы в подчинении одной конечной цели и отказываются признавать какие бы то ни было сферы автономии, в которых индивид и его воля являются конечной ценностью.

Благоденствие народа, так же как и счастье одного человека, зависит от множества причин, которые слагаются в бесчисленное множество комбинаций. Его нельзя адекватно представить как единую цель: разве что как иерархию целей, всеобъемлющую шкалу ценностей, в которой всякий человек сможет найти место каждой своей потребности. Выстраивая всю нашу деятельность по единому плану, мы приходим к необходимости ранжировать все наши потребности и свести их в систему ценностей настолько полную, чтобы она одна давала основание для выбора. Это предполагало бы существование полного этического кодекса, в котором были бы представлены и должным образом упорядочены все человеческие ценности.

Нас здесь не интересует вопрос, желательно ли существование такого полного этического кодекса. Можно ограничиться указанием на то, что до сегодняшнего дня развитие цивилизации сопровождалось последовательным сокращением областей деятельности, в которых действия индивида ограничивались бы фиксированными правилами. Количество же правил, из которых состоит наш моральный кодекс, последовательно сокращалось, а содержание их принимало все более обобщенный характер. От сложнейших ритуалов и бесчисленных табу, которые связывали и ограничивали повседневное поведение первобытного человека, от невозможности самой мысли, что можно делать что-то не так, как
твои сородичи, мы пришли к морали, в рамках которой индивид может действовать по своему усмотрению. Приняв общий этический кодекс, соответствующий по масштабу единому экономическому плану, мы изменили бы этой тенденции.

«Либеральный социализм», как его представляют себе многие на Западе, — плод чистой теории, тогда как в реальности социализм всегда сопряжен с тоталитаризмом. Коллективизм не оставляет места ни

> гуманистическому, ни либеральному подходу, но только открывает дорогу тоталитарному партикуляризму».

Ромен Роллан казался глубоко возмущенным выступлением Фридриха Хайека. Он гневно взошел на кафедру вслед за ним:

— Уважаемые Духоборцы! Друзья и товарищи! — обратился он к аудитории Центрального Зала Храма Духа. — Мне трудно собраться с мыслями настолько меня возмутило, не скрою, выступление предыдущего оратора. Именно потому, что отчасти там содержится правда, и я наблюдал эту правду при жизни. Я пережил Гитлера, я был лично знаком со Сталиным. Мы, социалисты этих трудных времен, продолжали поддерживать молодое социалистическое государство и мы оказались правы: несмотря ни на что страна советов остановила агрессию Гитлера, несмотря ни на что КПСС в лице Михаила Горбачева сама сложила с себя власть! Период диктатуры и террора знала и Английская революция Кромвеля, и Французская революция Робеспьера. Знала его и Русская революция. Разве не есть европейские Революции, от Реформации и до Российского социализма — самое яркое проявление западной культуры? Я никогда не соглашусь с вами, Хайек. И никогда не смогу поставить знак равенства между фашизмом, поставившим своей целью военный империализм и закабаление других народов мира, и коммунизмом, цели которого совершенно противоположны: интернационал содружества трудящихся. Возможно, вы правы в том, что во времена большого террора эти две системы получили известное сходство. Вы также правы и в том, что коммунизм ставил цели добродетельные, и хотел добродетельных целей (в отличие от гитлеризма!), но не смог удержаться на уровне провозглашенного гуманизма. Лично я вижу причину в извращенной философии диалектического материализма, которая изувечила духовную энергию этого общества еще на самых подступах к попыткам реализации социализма. Только избавившись от материализма, от эмпиризма и субъективизма, от всей этой гнилой философии скептицизма, убивающей истину и разум, доброту и совесть, мы сможем приблизиться к построению социалистического общества.

Ромен Роллан «Воспоминания»:

> «Я вижу свою роль, прежде всего в том, чтобы вернуть социальной революции божественное начало. Я не тревожусь: материализм для нее — временная форма, это ненадежные боевые доспехи, он не выдержат сильных ударов. Божественное начало слишком глубоко присуще новой доктрине; ни в какой другой оно не является сегодня столь живым, оно потоком хлынет из недр нового общества. Разумеется, это уже не будет бог в старом понимании, ни бог-отец, ни бог-сын. Это будет Божественный человек, вечность самой жизни.
> В дальнейшем социализм, отнюдь не подтвердив моих домыслов, всячески старался истребить малейшие крупицы религиозности. Я считаю, что тут он не прав и что он наносит себе большой ущерб. Нет иной доктрины, которая заключала бы в себе такой же запас божественной энергии, равную по силе мистическую веру в человеческое братство, в любовь и самопожертвование. Просто неразумно из-за мелочной неприязни или недоверия к прошлым религиям отсекать от себя бога.
> До сих пор я мало задумывался над этим и в социализме видел лишь политическую доктрину. Теперь мне ясно, что это еще и нравственная и философская доктрина. Социализм противостоит отнюдь не монархии, империи или республике: он противостоит индивидуализму... Индивидуализм, предрассудок целой эпохи, освещенный великой Революцией и единодушно поддержанный авторитетом гениев, он овладел мною настолько сильно, что казался мне единственной формой всякого независимого мышления. И в то же время я видел чрезмерную заносчивость индивидуализма, чувствовал в нем что-то болезненное. Его герои — это монстры, каждый из которых живет, замкнувшись в своей собственной навязчивой идее; они не могут иметь реальных связей ни со своими современниками, ни с потомками.
> Думаю, что именно поэтому открытие социализма было для меня в эти годы настоящим опьянением. Он спасал меня от моего собственного «я». Он нес человеческое братство. И я кричал от радости в 1895 году: « По мере того как я проникаюсь социализмом, беспредельная радость охватывает меня. Я чувствую, как вступаю в бесконечность; моя сильная, но иссушенная личность с наслаждением купается в ней. Такого духовного опьянения, такого трепетного соприкосновения с лучезарным светом я не испытывал с того самого дня, когда Спиноза открыл передо мной двери вечности. Но сегодня я словно вдруг увидел, как в пустом бездонном небе заструились мириады звезд, потекли реки бездонных огней».

— Мы впечатлены глубиной и искрами вашего энтузиазма, дорогой Ромен Роллан, — ответил за друга Людвиг фон Мизес. — Однако, должен вам напомнить, что вы не сумели ответить ни на один пункт выдвинутого Хайеком обвинения против коммунизма. Итак, господа присяжные Большого суда? Мы победили?

— Отнюдь! Я буду защищать позицию Ромена Роллана! — поднялся на кафедру Эрнест Ренан. — Где это видано, называть античную культуру и христианство — культурой индивидуализма? Греческий полис и римская цивитас ни в коей мере не были обществами индивидуалистов! Не были индивидуалистами и христиане, со своей строгой церковной организацией и культом монастырей! Не говоря уже о философии Царства Небесного Христа, о царстве духа, где ближнего любят больше самого себя? Знаете, господин Хайек как переводится на разговорную речь такая любовь? Как духовное единство человечества! Да, мы говорим о духовном социализме! Социализм материалистический — это нонсенс, потому он и выродился в фашизм. Я готов признать, что социализм материалистический с его уничтожением целых классов, с его ненавистью к интеллигенции выродился в фвшизм! И вы правы в том, Хайек, что понимаете что изначально даже этот ущербный социализм искренне ставил цели гуманистические. И провалился в этих целях. Но это не значит, что та же участь постигнет социализм духовный.

Э. Ренан «Жизнь Иисуса»:

> «Невзирая на феодальную церковь, секты, духовные ордена, святые люди продолжали восставать во имя Евангелия на неправду света. Даже в наши дни, дни смутные, когда у Иисуса нет более истинных последователей, кроме тех, которые, по-видимому, его отрицают, мечты об идеальном устройстве общества, представляющие столько сходства со стремлениями первых христианских сект, — эти мечты являются в известном смысле развитием той же идеи, одной из ветвей величайшего дерева, в котором таится в зародыше всякая мысль будущего, ствол и корень которого вечно будет Царствие Божие. Все общественные перевороты привьются к этому слову, а социалистические попытки нашего времени, запят-

> нанные грубым материализмом, стремящиеся к невозможному, то есть к созданию общего благоденствия политическими и экономическими мерами, будут бесплодны, пока не примут в руководство истинный дух Иисуса, я хочу сказать: абсолютный идеализм не усвоит того начала, что, дабы обладать землею, надо от нее отречься».

Лев Толстой «Царство Божие внутри вас»:

> «Оказывается, что всё то, что было сделано теми людьми, которые поняли учение Христа прямо и жили сообразно с таким пониманием, — всё то, что делали и говорили все истинные христиане, все христианские подвижники, всё то, что преобразовывает мир теперь под видом социализма и коммунизма, всё это преувеличения, о которых не стоит и говорить»

— Мы аплодируем вашему вдохновению, господа, — опять усмехнулся Людвиг фон Мизес. — Но вы ведь не будете говорить, что эта страстная апология милых вашему сердцу взглядов является опровержением выдвинутых нами аргументов? Мы ждем решения Большого суда! Коллективизм как частный случай социализма должен быть осужден!

— Должен сказать, что мы предвидели эти трудности, — поднялся на кафедру Бертран Рассел. — Ромен Роллан и Эрнест Ренан безусловно правы в общей тенденции нашего ответа: вы путаете духовный социализм и социализм ложный, основанный на материалистической философии. Однако, вы правы также и в том, что старыми аргументами мы не можем опровергнуть ваших аргументов. Нам было позволено пригласить сюда живую душу. Мы пригласили Теслу, автора теории психической энергии, о которой не раз уже упоминали. Мы не сможем защитить Храма Духа без этого научного открытия закономерностей духовной энергии.

— Вся наша надежда на вас, Тесла. — сказал Бертран Рассел, освобождая место за кафедрой седой изуродованной женщине средних лет.

— Это большая честь для меня. Я еще не вполне осознаю всей ответственности, обескураженная восторгов и радостью ви-

деть всех вас вместе. Но думаю смогу собраться с мыслями, чтобы изложить наши контр-аргументы противной стороне.

Я постараюсь ответить на аргументы всех четырех оппонентов поочередно: Фридриха Хайека и Людвига Мизеса, Карла Поппера и Айн Ренд. Действительно, без основ теории психической энергии возражать вам было бы трудно.

1. Вы утверждаете, что коммунизм и фашизм — суть разновидности коллективизма. И как бы не отличались они по декларируемым целям, от злодейских в гитлеризме до добродетельных в марксизме-ленинизме, результат всегда будет один: тоталитарное общество с его заглатыванием личности, с его жестокостью и конформизмом.

Должна признать, что вы правы, мы все могли наблюдать это в истории тоталитарных обществ. Александр Солженицын рассказал нам о тоталитарной системе страны советов из самых недр «подземной канализации», которая несла потоки инакомыслящих, и которым наверху скандировали толпы со знаменами «Смерть врагам народа!». Правда также и в том, что физически уничтожались «классы», то есть толпы людей, произвольно распределяемые в группы по абстрактным бессмысленным признакам. Уничтожалась интеллигенция, как «самая заразная» часть общества.

Однако, мы говорим с вами о Левиафане Гоббса, где все это предусмотрено, а вовсе не об обществе духовного социализма. Социализм, который пытаются построить без учета психологии людей, без учета закономерностей психики — всегда будет превращаться в Левиафан тоталитаризма. Почему? Потому что структуру общества определяет не экономика — плановая или рыночная. Это совершенно неважно, чтобы вы там не говорили. Структуру общества определяет преобладающая энергия психики в этом обществе. Если это энергия эгозащиты, то ПРИ ЛЮБОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ, будет получаться диктатура и конформизм. Если это духовная энергия научного мышления, то опять-таки ПРИ ЛЮБОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ будет получаться социализм дружбы и сотрудничества. Вы утверждаете,

что коммунизм и фашизм в равной степени диктатуры, я с вами не спорю. Я только хочу сказать, что общества с рыночной экономикой в равной степени диктатуры, именно потому, что во всех трех системах в основе общества лежит энергия эгозащиты.

— Браво, — громко зааплодировал Лев Толстой. — Разве я не о том же писал в «Царстве Божьем внутри вас»? Разве я не говорил, что здоровое общество нужно строить из здоровых людей? И что все эти либералы, консерваторы и социалисты в равной степени не понимают, что сначала нужна нравственная, умственная эволюция, а потом уже общество само собой построиться!

Л. Толстой «Царство Божие внутри вас»:

> «И тут-то с составом людей, одуренных до того, что они обещаются убивать своих родителей, общественные деятели — консерваторы, либералы, социалисты, анархисты — толкуют о том, как устроить разумное и нравственное общество. Да какое же разумное и нравственное общество можно устроить из таких людей? Как из гнилых и кривых бревен, как ни перекладывай их, нельзя построить дома, так из таких людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Из таких людей может образоваться только стадо животных, управляемое криками и кнутами пастухов. Так оно и есть»

— Спасибо большое, Лев Николаевич! Это как раз то, что я имела в виду, — низко поклонилась великому гению Тесла. — Если позволите, я продолжу свою мысль.

Есть две энергии, которые мы знаем из всей «густой жизни», как говорит Солженицын: из мифов, из истории, из литературы, из философии Платона и Спинозы, из психологии гуманистов, из каждодневного опыта. Это энергия эгозащиты и энергия разума. Назовем первую материальной энергий психики (так как она не связана с научным интеллектом), а вторую духовной энергией.

Материальная энергия психики движется как все физические энергии циклами равновесия-неравновесия. В данном случае это циклы господства и подчинения, садомазохизм, потреб-

ность в насилии и раболепстве. Таковы энергетические основы эгозащиты. Поэтому общества, которые вызревают из этой энергии — это общества конформизма, господства и подчинения. Левиафаны Гоббса в полном смысле этого слова. Помните, как он их определял: как единую силу, получившуюся от подчинения воли миллионов единой воле своего правителя. Это не художественная абстракция, а гениальное прозрение: действительно поле энергии эгозащиты объединяется таким образом через механизм садомазохизма в единую силу, где воля есть только у верховного командира и частично у его помощников. Очень хорошо этот тип общества описал Герберт Спенсер в «Социальной статике», где он проницательно отметил всю специфику его характеристики: и невежество тотальной массы, и поклонение власти (обожание силы), и отсутствие совести (безнравственность, лицемерие, грабеж), и одновременное подчинение высшим, и насилие над низшими.

Таковы все примитивные сообщества, начиная от самых примитивных, от племен дикарей с первобытным мышлением. Вспомнить «коллективные представления» магического сознания, где индивид еще и не выделен на сознательном уровне из этой машины конформизма и тоталитаризма. Потому что в основе всех обществ, где научный интеллект еще не развит — энергия эгозащита, материальная энергия садомазохизма. Ложный интеллект формально-логических построений, далекий очень от действительности, также имеет дело с полем эгозащиты, хотя там есть свои ньюансы (подробно все изложено в теории психической энергии). Только научный интеллект рождает поле разума и совести, духовную энергию, сущность которой в том, что проповедовал еще Христос: в духовном единстве человечества, в сотрудничестве и искренности, в сочувствии и справедливости.

Поэтому, господа, я нисколько не сомневаюсь в вашей правоте, когда вы говорите, что социализм советов, построенный на бредовой философии диалектического материализма, вместо добродетельных целей, которые ставили его теоретики, привел

к ортодоксальному Левиафану, к тоталитаризму единой воли вождя, в которую влиты подчиненные воли миллионов граждан. Такова сущность материальной энергии психики, а другой энергии просто неоткуда взяться, пока научное мышление еще неразвито. Глупые философии только помогают цикличным механизмам эгозащиты материальной энергии, садомазохизму, потому что оправдывают и стимулируют эгозащиту. И в данном случае, уважаемая Айн Ренд, и уважаемый Фридрих Хайек, ваши рассуждения об эгоизме и альтруизме выглядят крайне наивными. Я скажу почему. Эти термины ввел Огюст Онт (и Поппер и Хайек говорят о нем как о «выдающемся тоталитаристе своего времени»). И он придал это наивное значение: эгоист — тот кто любит себя, альтруист — тот кто жертвует собой для других. Однако, уже Бертран Рассел в книге «Власть» правильно отмечает, что подчинение другим у невежественных людей — это не альтруизм, не жертвование собой, а способ приобщиться к силе, когда ты слабее. В поле эгозащиты человек движется между циклами подчинения и насилия, когда он командует или наоборот подчиняется, и всегда им двигает физический контроль сохранения силы психики: когда слабее надо так, а когда сильнее наоборот. Это один и тот же механизм эгозащиты, одна и та же энергия, состоящая из циклов садомазохизма, и разделять ее на две противоположные линии поведения — нелепо и смешно. Эрих Фромм критикует за такую слепоту З. Фрейда в книге «Гений и ограниченность Фрейда». Сам Эрих ФРомм дал самое точное описание эгозащиты как чуждой человеку энергии (самоотчуждение), которая не только не есть любовь к себе, но есть противоположный процесс нанесения себе вреда.

Действительно, если мы посмотрим на энергию эгозащиты как энергию-паразит, функционирующую за счет разрушения поля разума и совести, огромных ресурсов нашей духовной энергии, то мы поймем, почему Эрих Фромм называет энергию эгозащиты — нанесением себе вреда.

Вы видите, господа, не будучи знакомыми с этими элементарными механизмами психики, вы спешите с вынесением при-

говора, делите две стороны одного поведения садомазохизма на две противоположные этические позиции: любовь к себе и любовь к другим. В то время как энергия эгозащиты в виде насилия и подчинение не есть ни то, ни другое, так как любовь в человеческом смысле полю эгозащиты недоступна (на милость разум нужен). Только притяжения Самолюбия и Влюбленности, состоящие из смешанных (амбивалентных по Фрейду) чувств ненависти и притяжения с навязчивыми расстройствами воли. Да, вы правы, индивид и его воля теряются в этом огромном Левиафане, который поглощает энергию своих винтиков.

Я думаю, я вполне ответила на ваш аргумент против социализма, уважаемая Айн Ренд, который состоит прежде всего в отвращении к «жертвенности» масс людей, приносящих свои жизни на алтарь чудовища Левиафана. Вы безусловно правы, это чудовищный процесс поглощения духовной энергии разума и совести — автоматизма материальной энергии садомазохизма. Вы удивительно проницательны, когда говорите, что магическое сознание и невежество порождают эту жертвенность. Однако, вы делаете ту же ошибку что Конт и Хайек, когда называете эту жертвенность альтруизмом и противопоставляете ей эгоизм. Мы уже говорили, что это две стороны одной медали, и ни одна из них не связана с любовью к людям, будь то к себе, или к кому то другому.

Противоположной энергии эгозащите — является духовная энергия разума и совести. Абрахам Маслоу сделал этих людей объектом своего научного исследования, и пришел к выводу о существовании «синдрома» здорового человека, который он сформулировал в 15 основных чертах характера. Сила воли и независимое мышление, сопротивление культуре и самостоятельное принятие решений, потребность одиночества и в то же время способность к настоящей дружбе, демократичность характера и избранность в общении (такие же здоровые люди могут быть их друзьями), отсутствие ролей в эротической любви, любовь-дружба, мощный интеллект и философское мышление, не-эгоцентризм и служение обществу, совестливость и сострадание.

Как можно видеть, духовная энергия не есть «альтруизм» в смысле отдачи себя другим, напротив это сильная воля и самостоятельное мышление. Здесь вопрос ставится не между выбором любить себя или других, а о едином духовном «я» людей. Как сформулировал это Эрих Фромм в «Искусстве любить»: «Когда я люблю тебя я люблю в тебе и себя и весь человеческий род». О том же хотел сказать и Огюст Конт в своей концепции единого человечества, но на основе материализма у него получился только «выдающийся тоталитаризм». Это важно понимать: Любовь к себе не противостоит любви к другим. Человеческая любовь если доступна человеку, то она есть резервуар единой духовной энергии (здорового человечества, у которого есть эта духовная энергия).

Поэтому, господа, ваши интеллектуальные конструкты, основанные на контовском понимании «эгоизма и альтруизма» уже содержат в себе коренную ошибку, которая делает все ваше теоретическое построение ложным.

Приведу еще пример. Из Открытого общества и его врагов» Карла Поппера. Помните, на чем строит свою теоретическую систему Карл Поппер? Он хвалит Маркса за отсутствие психологизма, и ругает за него Дж. Милля. Он утверждает, что никаких естественных законов, которые движут обществом, — нет и быть не может: также как Фридрих Хайек, Людвиг Мизес и Айн Ренд (который здесь изменила ее философия рационализма). И приводит пример из первобытного общества. Вот, дескать, сначала была не личность (ведь нет еще личности в первобытном племени!), а были институты магических ритуалов, конформизм коллективных представлений. И только постепенно разум сформировал индивида, выделил личность, и создал общество отдельных индивидов. Таковы аргументы Карла Поппера против социализма и за индивидуализм. Он утверждает, что «племенной дух» первобытного общества и есть коллективизм и социализм всех времен и народов. А разумная личность — основа всех либеральных обществ индивидуалистов.

Однако, мы уже знаем, что первобытное общество — это единое поле «Тоталитарного общества» эгозащиты. Левиафан, который всегда поднимается на магическом мышлении материальной энергии садомазохизма. И эта энергия имеет очень конкретные, формулируемые научным языком закономерности. Тот факт, что личность еще не выделена, не отрицает законов психики, как думал Поппер, хоть он прав в том, что первобытное общество — это Левиафан поля эгозащиты. Он прав также, когда утверждает, что личность и индивид развивается со становлением научного мышления. Но это опять таки не значит, что мышление человека, как думает Поппер освобождает его от закономерностей природы, от подчинения законам психики, его абсолютную свободу воли. Духовная энергия имеет свои законы, описанные в синдроме самоактуалов А. Маслоу, в «продуктивной личности» Э. Фромма, в «истинном Я» К. Хорни, в «вечном Я, быть самим собой» С. Кьеркегора и др. Имеет духовная энергия, в отличии от материальной энергии, и относительную свободу воли — способность контроля познаваемых законов природы, доступ к силе энергий природы. Но это только подтверждает, что человеческим обществом, также как всем остальным миром движут законы природы. В данном случае, законы психики. Это главная позиция, которую оспаривает вся австрийская школа, и где дает слабину «философия объективного рационализма» Айн Ренд.

Вот что пишет по поводу естественного права, уважаемый вами мыслитель Г. Спенсер:

> «Никакие законы человеческие не могут иметь действительного значения, если они противны законам природы; все законы, которые имеют подобное значение, почерпают всю свою силу и весь свой авторитет из того же источника естественных прав». Вот что пишет Блекстон, за которым должна остаться честь, что он в этом случае видел много далее идей не только своего времени, но, можно сказать, и нашего».

Личность действительно нуждается в становлении. Христос говорил по этому поводу: «кто не родится от духа святого..».

Только второе это рождение признается истинным рождением. Действительно, родится мало, надо стать личностью. И это связано со становлением научного интеллекта у всего человечества. Научный интеллект не может быть индивидуален: это система знаний и институтов, передаваемых из поколения в поколение. Уже это одно говорит о единстве духовной энергии человечества.

Однако, чем больше раскрывается личность, чем сильнее воля ее критического мышления и способность к принятию самостоятельных решений, чем меньше в ней конформизма и чем меньше она подвержена навязчивым влечениям самолюбия и влюбленности садомазохизма, тем сильнее в ней крепнет и ее социальное начало, ее любовь к ближнему, о которой говорил Христос. Только здесь возникает сообщество совершенно другого типа. И вы увидите, как ошибаетесь, господин Хайек, когда говорите, что «индивидуалистичный социализм» — это нонсенс противоречия. Напротив, чем лучше развита личность, чем мощнее уровень индивидуальной энергии, тем больше люди способны к настоящей человеческой дружбе, к настоящей добродетели, к совестливости и сострадания, к справедливости и поискам истины, к юмору и искренности. А именно это и называется единством духовной энергии: если вам легче страдать, чем видеть несправедливость, или рискнуть жизнью чтобы спасти ближнего, если вас пожирает совесть, когда вы нечаянно причинили боль — это значит у вас единая духовная энергия с этими людьми. И это не есть ни жертвенность, ни конформизм, ни потеря воли. Это легко объяснить.

Сообщество здоровых людей управляется единой истиной законов природы — тех законов психики, существование которых вы отрицаете. Вы говорите все очень разные, и нет единства, и не может быть. А мы говорим, что базовая энергия людей одна и та же: потребность в истине, в творчестве, в искренности, в дружбе, в сотрудничестве. И если не мешает энергия эгозащиты больных людей, то такие люди легко приходят к согласию во всем и обретают большое счастье в этом согласии. В данном

случае правит не вождь и конформизм подчинения его глупой идеологии, а ЕДИНАЯ ИСТИНА ЗАКОНОВ ПРИРОДЫ, которые вы отрицаете, и потому не может увидеть разницы между конформизмом и научным контролем.

Здесь посчитал нужным вмешаться

Николай Гаврилович Чернышевский, «Что делать»:

> — «Нет, друзья мои, злые, дурные, жалкие друзья мои, это не так вам представлялось: не они стоят слишком высоко, а вы стоите слишком низко. Вы видите теперь, что они стоят просто на земле: это оттого только казались они вам парящими на облаках, что вы сидите в преисподней трущобе. На той высоте, на которой они стоят, должны стоять, могут стоять все люди. Высшие натуры, за которыми не угнаться мне и вам, жалкие друзья мои, высшие натуры не таковы...
> Ну, что же различного скажете вы о таких людях? Все резко выдающиеся черты их — черты не индивидуумов, а типа, типа до того разнящегося от привычных тебе, проницательный читатель, что его общими особенностями закрываются личные разности в нем. Эти люди среди других, будто среди китайцев несколько человек европейцев, которых не могут различить одного от другого китайцы: во всех видят одно... Так и люди того типа, к которому принадлежали Лопухов и Кирсанов, кажутся одинаковы людям не того типа. Каждый из них — человек отважный, не колеблющийся, не отступающий, умеющий взяться за дело, и если возьмется, то уже крепко хватающийся за него, так что оно не выскользнет из рук: это одна сторона их свойств: с другой стороны, каждый из них человек безукоризненной честности, такой, что даже и не приходит в голову вопрос: «можно ли положиться на этого человека во всем безусловно?» Это ясно, как то, что он дышит грудью; пока дышит эта грудь, она горяча и неизменна, — смело кладите на нее свою голову, на ней можно отдохнуть. Эти общие черты так резки, что за ними сглаживаются все личные особенности»

Громким смехом встретили духоборцы густую иронию русского писателя. «Это точно! Они смотрят из преисподней!» — смеялись они.

— Послушайте, к примеру, как о социализме единой духовной энергии, говорят А. Маслоу и Г. Спенсер. — продолжала тем временем Тесла. — Да, да! «Статика» Г. Спенсера — памятник

естественному праву, с удивительной точность показывающий закономерности двух энергий психики и духовному социализму, как организму единой истины и единой совести у развитых личностей. Надо стать личностью, чтобы дорасти до социализма: единство духовной энергии возможно только там, где есть духовная энергия. Материалисты способны построить только тоталитарные Левиафаны конформизма и тоталитаризма.

Абрахам Маслоу поднялся на кафедру вслед за Теслой и со слезами на глазах зачитал отрывок из своей знаменитой работы о самоактуалах:

А. Маслоу «Дальние рубежи человеческой природы»:

> «Здесь таится один очень интересный парадокс. Заметьте, с одной стороны я говорю о раскрытии, или открытии вашей индивидуальности, о выявлении того в вас, чем вы отличаетесь от всего окружающего. Но с другой стороны, я в то же время рассуждаю о раскрытии того, что обозначает вашу принадлежность к виду, об открытии общечеловеческого в вас. Карл Роджерс сформулировал этот парадокс следующим образом: <Чем глубже мы познаем свою особенность и свою уникальность, чем настойчивее ищем свою индивидуальную идентичность, тем ярче в нас проступает общечеловеческое>. Разве это не напоминает вам Р. У. Эмерсона и трансценденталистов Новой Англии? Обнаружение на глубинном уровне своей принадлежности к виду приводит нас к открытию своего <Я> и наоборот. Вочеловечивание подразумевает оба этих процесса, протекающих одновременно»

А. Маслоу «Дальние рубежи человеческой природы»:

> «Мое восприятие академической процессии продлилось, достигло будущего, вышло за пределы моего ограниченного временем умственного взора и обнаружило во главе колонны Сократа и других ученых. Я увидел впереди себя целые поколения величайших академиков, профессоров и интеллектуалов, коих я был последователем, учеником и продолжателем. Я смог увидеть в скучном ритуале некую торжественную процессию, скрывающуюся в тумане, в едва различимой бесконечности, в тех временах, когда люди еще не испытывали от нее тоски и досады, но с радостью и гордостью присоединялись к великой когорте школяров, интеллектуалов, ученых и философов. Я ощутил благоговейную дрожь, я был счастлив от того, что оказался в их числе, я почувствовал гордость за мантию на моих плечах и ша-

> почку на голове. Я стал символом, я обозначал нечто большее, чем просто видимое всем человеческое тело. В тот момент я был даже не совсем человеком. Я был олицетворением вечного учителя. Я был платоновской сущностью учителя. Трансценденция времени может принимать и несколько иные формы. Например, я могу почувствовать приятельское, очень личное, почти любовное отношение к Спинозе, к Абрахаму Линкольну, Джефферсону, Уильяму Джеймсу, Уайтхэду и другим людям, как если бы они действительно были живы и были моими близкими друзьями. В известном смысле это конечно же означает, что они действительно живы»

А. Маслоу «Мотивация и личность»:

> «Тот факт, что самоактуализирующиеся люди даже в любви способны оставаться отстраненными, сохраняют свою индивидуальность и личностную самостоятельность, может показаться парадоксальным, так как индивидуализм и отстраненность, на первый взгляд, абсолютно несовместимы с той особого рода любовным отождествлением, которое мы обнаружили у самоактуализирующихся индивидуумов. Но это — лишь кажущийся парадокс. Я уже говорил о том, что отстраненность здорового человека может гармонично сочетаться с его абсолютным, полным отождествлением с предметом своей любви. Удивительно, но о самоактуализирующихся людях можно сказать, что они одновременно и самые большие индивидуалисты, и самые последовательные альтруисты, существа, крайне социальные и до восхищения способные любить. В рамках нашей культуры индивидуализм принято противопоставлять альтруизму, эти два свойства принято рассматривать в качестве крайних пределов единого континуума, но мы уже говорили о том, что подобная точка зрения ошибочна и требует тщательной корректировки»

Вслед за ним Герберт Спенсер рассказал Храму Духа о единой духовной энергии здорового социализма:

Г. Спенсер «Социальная статика»:

> «Мы обыкновенно сравниваем нацию с живым организмом. Мы говорим о «политическом теле», об отправлениях различных его частей, о его росте, болезнях, — будто это какое-нибудь создание. Но мы обыкновенно смотрим на эти выражения как на метафоры: мы мало обращаем внимание на то, до какой степени тут близка аналогия, и в какой мере она может найти свое осуществление в действительности. Сходство между организацией общества и индивидуума до такой степени полно, что в подобных выражениях за-

ключается нечто большее, чем простая аналогия. Хорошие порядки в самых отдаленных и незначительных общинах полезны для *всех* людей, а дурные на *всех* накликают бедствия. Каждое дурное и хорошее влияние, действующее в данной среде, может лишь слегка касаться отдельной личности. Еще легче касается ее то, что происходит в других обществах. Влияние на нее в обоих случаях может равняться бесконечно малой величине, но сложный результат мириад этих бесконечно малых влияний составляет именно то, от чего зависит и ее счастье, и ее бедствие человек неизбежно должен убедиться, что его собственное благосостояние и благосостояние всех вообще людей — нераздельны. Он тогда увидит, что все то, что доводит до болезненного состояния одну какую-либо составную часть общества, неизбежно вредит всем другим частям. Он поймет, что его собственная жизнь сделается тем, чем ей следует быть, только тогда, когда все общество придет к нормальному устройству. Он проникнется благотворной истиной, что никто не может пользоваться полной свободой до тех пор, пока не будут свободны все, никто не может быть вполне нравственным, пока все не будут нравственны, и что ни для кого недоступно полное счастье до тех пор, пока все не будут счастливы.

Для достижения полного счастья гражданин не только должен сам сообразоваться с нравственным законом, но для него чрезвычайно важно, чтобы и всякий другой поступал точно так же. Эта взаимная зависимость, необходимо порождаемая общественным состоянием, более или менее, посредственным путем приходит к тому, что всякий человек получает личный интерес к делам всех остальных людей. Глазам, которые не видят далее своих счетных книг, кажется, что для них все равно, как бы ни шли дела человечества. Эти люди полагают, что гораздо умнее не мешаться в общественные дела, не делать себе этим врагов и не вредить своей торговле. Если они до того эгоистичны, что вовсе не заботятся о своих ближних, так как их собственный горшок с мясом достаточно полон, то пусть же они знают, что в этом деле у них есть интерес, который приносит фунты, шиллинги и пенсы. Если они не имеют высших побудительных причин, чтобы заботиться о дальнейшем развитии человеческого благосостояния, то к этому должно побуждать их благоразумие, охраняющее собственный свой карман. Водворение большей справедливости в человеческих делах вознаграждает тех, которые за это берутся. Таким образом, мы приходим к убеждению, что аналогии между обществом и живым существом не только вполне оправдывается, но к ним применяется один и тот же закон жизни. Соединение многих людей в одно общество, постоянно возрастающая взаимная зависимость отдельных членов, которые сна-

> чала были совершенно самостоятельны. Постепенное разделение граждан на отдельные части, с различными помогающими друг другу отправлениями, составление одного целого, со многими существенными для его жизненной деятельности частями, развитие организма, в котором нельзя повредить одной части без того, чтобы не нанести чувствительного удара всем остальным, вот явление закона индивидуализации. Развитие общества, точно так же, как и развитие человека и всякого рода живых созданий, направляется к индивидуализации, к тому, чтобы представлять нечто целое, отдельное и законченное. При правильном понимании разнородных форм совершающегося кругом нас прогресса, мы увидим, что он единообразно характеризуется *этим* именно направлением»

Наконец, на кафедру поднялся Бертран Рассел:
— Да, я тоже всегда говорил.
Бертран Рассел «Власть и личность»:

> «Между теориями социального сплочения и теориями индивидуальной инициативы веками идут споры со времен древней Греции. Как правило, в вечных спорах всегда можно быть уверенным в том, что правда содержится в позициях обеих сторон. Скорее всего, там не будет резкой границы между этими позициями, но истина будет включать в себя аргументы обеих сторон и компромисс между ними».

— Однако, дорогая наша Тесла, вы не сказали нам о том, каким же образом, современные либеральные общества рождают диктатуру?

— О! Об этом я прочитала в ваших многочисленных трудах, уважаемый Бертран Рассел! О том, что демократия в капиталистических обществах формальна и на деле есть диктатура у вас сказано почти в каждой работе.

Из конкретных примеров достаточно вспомнить опыт вьетнамской войны, убийство Джона и Роберта Кеннеди, Мартина Лютера Кинга, публикацию отчета ЦРУ о контроле над разумом Джона Маркса, Исповеди экономического убийцы Джона Перкинса, Уотергейта, Большой войны с террором Джорджа Буша и тд и тп. Даже самым поверхностным взглядом видно, что это все что угодно, только не Свободный Мир.

Громкими аплодисментами провожали обитатели Храма Духа подавленную величием обстановки седую изувеченную женщину. Она криво улыбнулась пересохшими губами, и проснулась в своей постели. Какая досада: катетер опять протек, и нет никого, кто бы помог переодеться до самого утра. Но до чего же потрясающий сон она видела!

А в Храме Духа тем временем праздновали победу демократического социализма над либеральным индивидуализмом.

ГЛАВА 8
МИХАИЛ БУЛГАКОВ УСОМНИЛСЯ В РУССКИХ ЛИБЕРАЛАХ. КОНСЕРВАТОРЫ БЕЗ СОВЕСТИ

Следующие слушания Большого Суда в Храме Духа было решено посвятить изучению материалов, документов и свидетельств авторов известных книг на тему Холодной войны. При этом доверием пользовались только материалы, изложенные честными независимыми людьми, одним словом, людьми с развитой духовной энергией. С российской стороны такими работами были признаны «Воспоминания Н. Хрущева», «Архипелаг» А. Солженицына, статьи А. Сахарова, книги М. Горбачева. Михаила Булгакова приветствовали долгой овацией за лучший художественный символ безумия тоталитаризма в советской стране. Весь массив документов, рассекреченных после эры Михаила Горбачева о временах большого террора, и других массовых репрессий советского режима, о карательной психиатрии, получившей особое распространение при Андропове.

Западную сторону представляли Ноам Хомский с книгой «Новый военный гуманизм. Уроки Косово», Уильям Блум «Убитая демократия: операции ЦРУ и Пентагона», Бертран Рассел «Военные преступления во Вьетнаме», «16 вопросов убийства Кеннеди». Книги Джона Маркса («ЦРУ и контроль над разумом»), Джона Дина (Консерваторы без совести», «Хуже чем Уотергейт»), Джона Перкинса («Исповедь экономического убийцы»). Книга Артура Шлезингера «Циклы американской истории» была встре-

чена единодушными аплодисментами. «Документы Пентагона», рассекреченные Даниэлом Эллсбергом документы о ходе Вьетнамской войны, положившие ей конец. Отчет Комиссии Черча о преступлениях разведывательных служб. И книгу «Unchecked and Unbalanced: Presidential Power in a Time of Terror (New Press, 2007», главного советника комиссии Фредерика Шварца в соавторстве с Азиз Наком в которой они обвинили администрацию Буша в использовании событий 9/11 для «монархических претензий», которые «беспрецедентны по эту сторону Северной Атлантики». Также материалы расследования о грандиозном скандале в католической церкви, связанном с насилием над малолетними мальчиками и девочками.

После просмотра этой тяжелой информации в Храме Духа начались острые дебаты. Многие были возмущены до глубины души, другие отказывались верить, третьи резко поменяли свою точку зрения на проблему, и все требовали поэтапного рассмотрения самых важных вопросов. Если преступления советского режима (как и достижения социальной революции, свергнувшей феодализм) были признаны обеими сторонами на государственном уровне, то преступления американской стороны признавали только одиночки-интеллектуалы, тогда заслуги американской демократии широко признавались всеми сторонами во всем мире. Именно поэтому оставлять опасную иллюзию безгрешности американской политической системы было особенно опасно.

— Россия признала свои грехи и преступления, и сделал все возможное, чтобы отказаться от коммунистической системы правления! — сказал Александр Солженицын. — Коммунизм как экономически-политическая система давно перестал существовать. Не только страны Варшавского договора давно больше не находятся в зоне влияния России, но и республики СССР больше не являются территорией Российского государства. Нет больше ни идеологической, ни территориальной империи СССР.

Почему бы американской стороне не последовать примеру России, и не покаяться публично в своих преступлениях? Материалов, которые мы слушали и смотрели хватило бы на дантов

ад в неменьшей степени. Неужели мы будем их игнорировать? Предлагаю начать слушания по вопросам, которые поднимает американская интеллигенция, также как в свое время поднимал подобные вопросы в советской системе я, писатель и зэк политических лагерей с большим стажем.

Предложение Солженицына было единодушно поддержано духоборцами. Михаил Булгаков неожиданно попросил слово:

— Я признаюсь, меня тронули до слез аплодисменты, которых меня удостоили за лучший художественный символизм, за сатиру об ущербности советской системы. Я был полон гордости, и за россиян, которые смогли преодолеть свои трудности, и за себя самого, внесшего такой неоценимый вклад в эту борьбу. Однако, должен сказать, что после просмотра всех этих страшных документов и материалов, я усомнился в победе россиян. Страна разделилась на две части: половина стала консерваторами в подражание победоносной партии консерваторов в Америке, а другая половина называет себя «российскими либералами» и «оппозицией» потому, что она безмерно идеализирует американских консерваторов. Можно ли было представить себе более смешное и трагическое положение в России? Даже советская реальность не была такой жалкой, как эта трагикомедия противостояния русских консерваторов с русско-американскими консерваторами.

Михаил Булгаков переждал, пока стихнут аплодисменты в Центральной Зале Храма Духа и продолжал:

— Вы слышали сегодня, что победа консервативной партии США уничтожила демократию в этой стране. Нам привели такие очевидные доказательства, и в таких количествах, что трудно не понимать значения этих свидетельств. Свидетельства, которые говорят о том, что если в ближайшее время демократические силы Америки не найдут в себе сил перебороть победоносное шествие консервативной партии, то Америка как страна демократии будет обречена раз и навсегда. Процесс превращения Америки в Империю станет необратимым. Что же мы наблюдаем с российской стороны? Официальное

правительство, представляющее государство России, спешит уверить мир о «Революции Консерваторов» в книгах председателя союза журналистов России, Владимира Соловьева. Весь уклад новой России строится в соответствии с традициями консервативной партии Америки — вплоть до известной всему миру коррумпированности этой партии. При этом, поскольку это копия национализма, то она копируется с противоположным знаком: вы за свой национализм, мы за свой национализм. Русский мир противопоставляется американскому, а американский мир противопоставляется русскому. Вместо поисков истины и добродетели с обеих стороны, как можно было бы ожидать от зрелого общества духовной энергии, только противостояние двух огромных ЭГО: кто кого одолеет и втопчет в грязь. Вот в чем суть так называемой «реал-политик» националистов и консерваторов.

— Комичность ситуации бросается в глаза, — продолжал понуро Булгаков, — когда смотришь как проваливаются все потуги российского правительства копировать западных консерваторов. И оппозиция — теперь ведь есть в России оппозиция — хохочет над этими потугами до коликов. «Швондерами» и «Шариковыми» обзывает. А сами вы значит, лорды английские? Или патриции римские? Или же вы американские, но не русские консерваторы? Вот что грустно. Грустно, что нигде не видно больше России. Даже еще меньше ее стало, чем в СССР.

— Поддерживаю, — закивали ему Сахаров и Солженицын. — Продолжай, Миша.

— Что мы здесь услышали? Я расскажу, как я увидел ситуацию.

Великая демократия Америки если не скончалась, то по крайней мере спит летаргическим сном уже много лет, с самой смерти Франклина Рузвельта. Короткий эпизод яркого харизматичного правительства Джона Кеннеди закончился большой трагедией: гибелью Джона и Роберта Кеннеди. Это случайность, когда консервативная партия уничтожает все ростки левого мышления на своем пути?

Оливер Стоун уверяет, что уже после смерти Рузвельта, путем саботажа в выставлении кандидатуры Генри Уоллеса, ближайшего соратника Рузвельта, консерваторы нечестными методами, отбили руль власти у демократов, и до сих пор удерживают его теми же средствами. О, это не мои слова, друзья! Что я знаю об истории Америки? Мы все с вами можем полагаться только на авторитетное мнение самих американцев и на факты, которые они нам предоставляют.

Вот послушайте мнение Артура Шлезингера о том, что коррупция является характерной чертой всех консервативных правительств Америки. Он не даст мне соврать.

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Периоды преобладания частного интереса основываются на принципе, что достижение индивидуумом своих собственных интересов способствует достижению интереса общего. Личные пороки, по выражению Мандевиля, оборачиваются на пользу обществу. Этика личного интереса господствует повсеместно. Например, в 80-е годы администрация Рейгана фактически поощряла ученых из государственных учреждений продавать результаты их финансируемых за казенный счет исследований в области обороны в целях своего личного обогащения. Приоритет личного благополучия над общественным благосостоянием, естественно, питает рост коррупции в правительственных учреждениях. При господстве ориентации на общественные цели
> правительство склонно к идеализму. У идеалистов много недостатков, но они редко крадут. В ходе осуществления «нового курса» Рузвельта правительство США тратило куда больше денег, чем когда-либо раньше в мирное время. Оно проводило беспрецедентное регулирование экономики, однако при этом заметно было отсутствие коррупции. Линдон Джонсон был печально известен своими хитроумными комбинациями, однако в его «великом обществе» было гораздо меньше злоупотреблений служебным положением, чем при консервативных администрациях 20-х, 50-х и 80-х годов. С наступлением периода господства частного интереса общественная мораль резко меняется. Правление администрации Эйзенхауэра было отмечено скандалами, повлекшими за собой вынужденные отставки министра авиации, председателя Международной торговой комиссии, управляющего общими службами, начальника Управления обще-

ственными зданиями, председателя Национального комитета республиканской партии и даже помощника самого президента. Более сорока членов администрации Никсона подверглись преследованию за преступления. Его вице-президент, два министра, дюжина членов аппарата Белого дома и еще пятнадцать представителей исполнительной власти признали себя виновными или получили судебные приговоры. Администрация Рейгана по мере того, как список ее сотрудников, осужденных или вынужденных уйти в отставку под тяжестью обвинений, все рос, добавила в словарь политических терминов выражение «расползание». «Совершенно нечего сказать, — заметил Теодор Рузвельт, — о правительстве плутократов, правительстве людей, которые весьма сильны в определенных областях и овладели искусством делать деньги, но которым присущи идеалы, по самой своей сути восходящие всего-навсего к идеалам славной когорты ростовщиков».

— Итак, вы могли сами убедиться, что коррупция консерваторов не мои измышления, а правда, изложенная в фактах самими американцами. Более того, самими консерваторами. Джон Дин, был юрисконсультом в администрации президента-консерватора Ричарда Никсона, и большим поклонником Барри Голдуотера, известного теоретика консерватизма. Барри Голдуотер превратил Республиканскую партию США, где раньше преобладали либералы в правых радикалов, в консерваторов, которые в лице Рейгана совершили «Революцию консерваторов» в Америке. Так вот, Голдуотер известен своей книгой «Совесть консерватора», пользовавшейся успехом в свое время. И Джон Дин был одним из поклонников Барри Голдуотера, правым консерватором. До Уотергейта. После Уотергейта, когда он подписал показания против президента Никсона, он перестал быть консерватором. Он написал книгу «Консерваторы без совести». Кто из них двоих прав: Голдуотер, который утверждает что у консерваторов чувствительная совесть, или Дин, который много лет наблюдал эту совесть изнутри и пришел к выводу, что «Консерваторы без совести», расскажет только история Америки. Вернее, история победы консерваторов. Ибо Америка — это не только консерваторы, это, прежде всего, отцы-основатели, настоящие демократы, революционеры и социалисты. Да, не побоюсь этого

слова, ибо «Новый курс» Рузвельта был таким широким внедрением методов планового регулирования Америки, каким только и может быть разумное совместное регулирование человеческой деятельности. Шлезингер пишет, что капиталисты и демократы не поддерживают друг друга в Америке, при чем он цитирует исследования американских ученых.. О том же упоминал и Ф. Хайек в книге «Дорога к рабству»: «сейчас только и слышно, пишет он, что капиталисты и демократы не поддерживают друг друга». Это потому что капиталистическая демократия менее естественная структура, чем социалистическая демократия. Консерваторы и капиталисты — олигархи рыночного мира, тогда как демократы — это человеческое содружество в самом широком смысле этого слова. Так вот, друзья, социал-демократы Америки перестали существовать после смерти Франклина Рузвельта и поражения Генри Уоллеса.

Бертран Рассел так пишет об этих событиях в «Военные преступления во Вьетнаме»: «Более того, в конвенции 1944 года Демократической партии США победили консервативные элементы. На место Генри Уоллеса пришел Гарри Трумен, и, соответственно, важные перемены имели место в Госдепартаменте. Другая внешняя политика была взята на вооружение. Смерть Рузвельта сделала перемены персонала и политики еще более решительными».

На президентство Гарри Трумена приходятся бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, а также переход США на сторону Франции в ее колониальной войне во Вьетнаме. Администрация Трумена оправдывала ядерное оружие «Перл-Харбором» разумеется, однако, к тому времени Япония уже капитулировала. Разве для того чтобы мстить нужно было непременно применить ядерное оружие? Исследователи пишут, как мы видели, что истинная причина применения ядерного оружия была в другом. После Второй мировой войны во всем мире поднялось Анти-колониальное движение: этой бомбежкой в Азии хотели запугать все азиатские колонии. Как бы то ни было, если Франклин Рузвельт помог национально-освободительному движению Хо Ши

Мина утвердить власть в Северном Вьетнаме, то Гарри Трумен уже поддерживает Францию, воюющую против Хо Ши Мина, чтобы вернуть себе колонию.

— Вы только вдумайтесь, друзья! Конец Второй Мировой войны! Эйфория! Разбит дьявол Гитлер! Европа только что пережила кошмар борьбы с тотальным злом, сама стояла на грани порабощения. Элеонора Рузвельт трудится с группой ученых в поте лица об организации Международного Института прав человека. И вдруг, стоило тучам рассеяться, как уже десятки тысяч войск Франция перебрасывает для жестокой резни мирного населения Вьетнама с целью вернуть себе колонию! Те самые войска, которые с такой готовностью капитулировали перед Гитлером. Не все, конечно, такие герои как Камю и Сартр, Гайто Газданов и Андре Жид сражались в сопротивлении (и Михаил Булгаков отвесил поклон в сторону своих друзей). Андре Жид перед поездкой в СССР в 37 году, написал свое знаменитое «Путешествие в Конго», где разоблачал колониальные порядки. Та самая Революционная Франция, с такой славной героической историей победы Свободы, Равенства и Братства! У меня в голове не укладывается, говорите, что хотите. В это же время Черчилль лезет из шкуры вон, чтобы сохранить Британские колонии по всему миру. Он называл Махатму Ганди «голым факиром» и вовсе не собирался отказываться от «Жемчужины» Индии. Однако, поднимается мощнейшее анти-колониальное движение, которое естественно часто принимает организационные формы компартии. И теперь уже, с ними борются как с «коммунистической заразой»! При всем при этом Бертран Рассел сообщает в книге «Военные преступления во Вьетнаме», что Северный Вьетнам не был коммунистическим, но Демократической республикой, декларацию независимости которой Франция признала!

К 1954 году Франция признала свое поражение, и ушла из Вьетнама. «Нью Йорк Таимс» писала, что к этому времени Америка покрывала уже до 80 процентов ее расходов на войну. Это время правления президента Эйзенхауэра и его вице-президента Никсона. Америка вступает в войну уже путем прямой

интервенции под предлогом, естественно, борьбы с коммунистическим мировым заговором.

Арутр Шлезингер пишет, что «ЦРУ было создано с целью сбора и анализа информации. Свою подрывную деятельность оно начало в 1948г. при администрации Трумэна».

Бертран Рассел писал в «Военные преступления во Вьетнаме»:

> «Америка после смерти Рузвельта поддержала восстановление колониальной гегемонии Франции во Вьетнаме, потому что французы лучше отвечали интересам американских капиталистов, чем социалистический Вьетнам. Однако, французы столкнулись с национальным сопротивлением, и должны были искать самые необременительные средства участия в чьей то зверской колониальной войне. Они дали понять французам что не смогут им помогать если их война будет носить характер колониальной. Вместо этого, война должна носить характер анти-коммунистического крестового похода. Война против подрывателей, бандитов, против агрессии советского империализма. Наоборот, должны быть противопоставлены настоящие национальные силы Вьетнама, великодушно поддерживаемые Францией и союзниками свободного мира, а не колониалистами. Трудность была в том, что война уже шла, и французы признали независимость национального правительства Хо Ши Мина. Найти теперь других „настоящих националистов“ казалось невозможным. Легитимность выборов правительства Хошимина была очевидной. Это была американская схема с самого начала, в основном вдохновленная американскими моделями для китайской и филлипинской „независимости“. И это американцы в конечном итоге назначили „националистов“. Президент Трумен инструктировал своего эмиссара. ЦРУ работает над утверждением марионеточного правительства Дьема. Ответственность американцев очевидна для всех. ЦРУ давно желало полностью скрыть отвратительный характер колониальной войны под национально-освободительным движением».

На правительство Эйзенхауэра и вице-президента Никсона приходится время прямой интервенции Америки во Вьетнам, 1954—55г. Они поддержат утвержденное ЦРУ правительство Дьема, как «национальное правительство», и поведут уже не колониальную, а правую борьбу за независимость страны. О пре-

зидентстве Эйзенхауэра Артур Шлезингер пишет, что это вопросы тайных операций ЦРУ, сегрегации и маккартизма.

В это время поднимается движение Джозефа Маккарти, консерватора, известного своей антикоммунистической истерией. Например, Чарли Чаплин и Альберт Эйнштейн осуждены как коммунисты в результате этой истерии. Бертрану Расселу во время Второй мировой войны, когда он вынужденно жил в Америке, запретили преподавать во всех ВУЗах Америки. Он пишет в мемуарах: «Типично американская охота на ведьм была объявлена против меня».

Вот что я заметил, слушая материалы Большого Суда. Эти две идеологии Холодной войны одинаково безумны. Тут я соглашусь со Артуром Шлезингером, который говорит о безумии мистического мышления с обеих сторон, превратившимся со временем в «зеркальное отражение друг друга». Так и есть. Коммунисты уничтожали «класс буржуев», истерика Ленина о войне не на жизнь, а на смерть с проклятым империализмом капиталистов также безумна, как истерика антикоммунистов Америки. Как тогда ни одна из сторон не смогла подняться на уровень общечеловеческих отношений духовной энергии, так и теперь примитивное противостояние двух национальных эгоизмов, двух тщеславий. Хрущев и Кеннеди попытались наладить человеческие отношения — и оба дорого заплатили за это. Одного убили, другого сняли с поста генсекретаря. Попрошу меня не перебивать, друзья! Я высказываю свою точку зрения, а расследование убийства Кеннеди мы отложим до следующих слушаний. Эти два лидера действительно были экстраординарными личностями для своих систем. Никита Хрущев — тот первый критик тоталитаризма, благодаря которому миру воссиял гений Александра Солженицына. Никогда бы ортодоксальный коммунист не только не допустил до печати и прессы такую резкую критику системы, но вообще не оставил бы в живых писателя. Сгноили бы его в психушках. То что мы сегодня имеем возможность осудить тоталитаризм коммунистов, увидев все его безобразие изнутри, художественным гением великого

писателя, — в этом заслуга Никиты Хрущева. В той же мере, в какой это заслуга Солженицына. Вот факт, о котором нельзя забывать. Как только Хрущева сняли, Солженицына объявили «Предателем» номер один, и выслали из страны. Конечно, если бы не популярность, которую ему дал Хрущев, никто бы его не выслал дальше ГУЛАГа или психиатрической лечебницы, где умели вправлять мозги предателям. Никиту Хрущева коммунисты посчитали таким же «предателем», каким консерваторы объявили у себя дома президента Кеннеди.

Так вот, вернемся к нашим баранам. Две равные с патологической точки зрения истерии: истерия анти-капитализма и истерия анти-коммунизма. Вы хотите спорить со мной, господа, но я так чувствую, постарайтесь меня переубедить. Вот и американские демократы со мной согласны.

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Как уже отмечалось, лихорадка морализаторства может вспыхнуть на любом участке политического спектра. Если смотреть со стороны, то обнаружишь, что разница между правыми моралистами, которые видят в Советском Союзе источник всех зол, и левыми моралистами, приписывающими все грехи Соединенным Штатам, не так уж и велика. И те и другие в равной мере жертвы одной и той же болезни. И те и другие рассматривают внешнюю политику как отрасль теологии. И те и другие торопятся вынести приговор заблудшим. В конце концов, они становятся зеркальным отражением друг друга».

— Уничтожать весь класс буржуев не просто смешно, — это патология в мышлении. Но такое же безумие уничтожать все левое движение, ведь «коммунистами» называли всех, кто смел становиться на сторону слабых и обездоленных, как Чаплин с его трогательным образом бродяги, Эйнштейн с его добрым сердцем пророка, или Бертран Рассел, этот гений добросовестности своего времени. Генрих Манн за свое искреннее сочувствие коммунистам никогда не пользовался симпатиями в Америке. Коммунистами называли и всех социально ориентированных политиков, прежде всего, Франклина Рузвельта и Генри Уоллеса, Джона и Роберта Кеннеди. Конечно, «коммунистами» в этом понимании

были и такие яркие критики капитализма как Селинджер и Марк Твен, чьи книги запретили в ряде штатов. Да, эта антикоммунистическая истерия равна по своему безумию анти-буржуазной истерии большевиков.

Оливер Стоун и Питер Кузник пишут о политике Маккарти, как о наступление на все левое движение, на профсоюзы и гражданские права, на моральную свободу граждан. Одно дело бороться с большевиками, друзья, совсем другое дело бороться с социал-демократами, которыми и славится Америка. Так, реформы 1930-40-х, о которые потеряли поддержку в результате репрессий Маккарти — это и есть знаменитый «Новый курс» Франклина Рузвельта, социал-демократические реформы с внедрением элементов планового хозяйства для заботы об общенациональном благосостоянии, для поддержки слабых и неимущих.

> Оливер Стоун и Питер Кузник «Нерассказанная история Америки»: «Многих подозреваемых вызывали в комиссии конгресса, и следователи требовали называть других коммунистов и сочувствующих. Писательница Мэри Маккарти заметила, что цель слушаний состояла вовсе не в борьбе с подрывной деятельностью, а в том, чтобы убедить американцев принять «*принцип* доносительства как норму для добропорядочного гражданина». Журналист И. Ф. Стоун осудил «стремление превратить целое поколение американцев в осведомителей». Многие отказались давать нужные показания и угодили в «черный список», были уволены или оказались за решеткой. За отказ сотрудничать с антикоммунистическими расследованиями были изгнаны из университетов и колледжей больше ста преподавателей. Хотя бесстыдно рекламирующий сам себя сенатор от Висконсина, известный под насмешливым прозвищем Джо — хвостовой стрелок за вымышленные им военные подвиги, и стал безобразным лицом этих репрессий, все же настоящая власть находилась в руках директора ФБР Эдгара Гувера. Он собирал досье с компроматом на членов конгресса — и демонстрировал его, когда возникала необходимость заставить человека не отбиваться от стада.
> К тому времени, когда все закончилось, маккартизм добился фактического разгрома левых партий в США. Коммунистическое движение было уничтожено. Сама партия выжила, но многие группы внутри и вокруг нее исчезли. «Красная паника» выпотрошила профсоюзы,

> политические организации и культурные ассоциации, поддержавшие реформы 1930–1940-х годов. За исключением движений за гражданские права и против ядерных испытаний, левое инакомыслие и прогрессивные реформы замерли в своем развитии больше чем на целое десятилетие и возродились, обнаружив новую силу и новый подход, только в 1960-е. Рабочее движение, однако, так и не оправилось от удара, и американские рабочие оказались более слабыми и менее благополучными во многих отношениях, чем их европейские коллеги. Пострадало и движение за гражданские права. Многие левые организации, уничтоженные нападками маккартистов, в свое время связывали проблемы классового неравенства и агрессивную внешнюю политику с процветающим в стране расизмом. Травля «красных» также расстроила союзы между организациями, борющимися за гражданские права, и профсоюзами, значительно уменьшив значимость призывов профсоюзов к расовому равенству и не давая возможности защитникам гражданских прав бороться за право на работу и достойную оплату труда».

Мы слышали, что успех Джозефа Маккарти, поддерживаемого и направляемого Эдгаром Гувером, шефом ФБР, стал тем трамплином, на котором партия консерваторов пошла в гору. Дуайт Эйзенхауэр, представитель партии консерваторов, сменил Гарри Трумена на посту президента Америки. Вице-президентом при Эйзенхауэре был тот самый печально знаменитый Ричард Никсон, другой представитель духа консерваторов. На долгие годы его свяжет дружба с Эдгаром Гувером, и друг Никсона умрет в самый неподходящий момент, не доживет до Уотергейта. «Если бы здесь был Губер, — скажет опозоренный Никсон, — этого бы не произошло». Действительно, при Эдгаре Гувере и президента Кеннеди убили, когда он мешал политике консерваторов, кто бы отдал публике на растерзание такую жемчужину в короне консерваторов, какой был Ричард Никсон.

> Оливер Стоун и Питер Кузник «Нерассказанная история Америки»: «Значительно ослабив левые партии и организации во время войны, правительственные чиновники теперь пытались и вовсе покончить с ними. Хотя эту операцию и прозвали «рейдами Палмера», фактически руководил ею 24-летний начальник отдела общей разведки Министерства юстиции Дж. Эдгар Гувер, отвечавший за борьбу с радикальными элементами. По подозрению в революционной деятель-

> ности было арестовано более 5 тысяч человек, многих из них продержали за решеткой долгие месяцы без предъявления каких-либо обвинений. Но для Гувера это было только началом. К 1921 году в его картотеке, куда заносили все потенциальные «подрывные элементы»: отдельных лиц, организации и издания, — содержалось уже 450 тысяч учетных карточек. ФБР проводило расследование по горячим следам, как только госслужащие попадали в «черный список». Даже Трумэн опасался, что ФБР под руководством Эдгара Гувера может стать «американским гестапо». Клиффорд тоже считал, что Гувер «очень близко подошел к тому, чтобы стать американским фашистом».

А пост госсекретаря при Эйзенхауэре занял Джон Фостер Даллес, его младший брат, Аллен Даллес занял пост директора ЦРУ. Теперь уже собрались почти все персонажи той трагедии, которая станет известна из книг демократов как «Убийство Демократии в Америке: тайные операции ЦРУ», «Военные преступления во Вьетнаме», или как «Консерваторы без совести», или еще как «ЦРУ: эксперименты по контролю над разумом». Все эти имена очень важны в истории дальнейшего становления консервативного духа в Америке. Так, отчет ЦРУ об экспериментах на контроль разума, который опубликовал Джон Маркс, — это отчет о деятельности ЦРУ как раз во времена Аллена Даллеса. При президенте Эйзенхауэре берут начало и печально знаменитые «тайные операции» ЦРУ по установлению марионеточных правительств в иностранных государствах. Это политика «нового колониализма». О ней более подробно рассказывает Джон Перкинс в «Исповеди экономического убийцы». В это же время начинается участие Америки в освободительной войне во Вьетнаме, где Америка выступает на стороне Франции, решившей сохранить свою бывшую колонию. Однако, как пишет Бертран Рассел, Америка предупреждает Францию, что если они хотят помощи Америки, то это война не должна называется колониальной: для этих целей ЦРУ учреждает «национальное правительство Дьема», и отныне это правая война за национальную независимость. Правительство Эйзенхауэра и Никсона втягивает Америку во Вьетнам. Эта война закончит-

ся только вместе с политической карьерой Никсона, став лейтмотивом его будущего бесславного президентства, спустя еще двадцать лет.

> Артур Шлезингер «Циклы американской истории»: «Озабоченность Эйзенхауэра по поводу бюджетных дефицитов, его скептицизм в отношении армии и ВМС имели и свою оборотную сторону: они побуждали его полностью полагаться на нетрадиционные и крайне опасные средства обеспечения американского влияния — тайные операции ЦРУ и ядерное оружие. Кермит Рузвельт, резидент ЦРУ в Иране, писал о своем плане свержения правительства Моссадыка: „Я исходил из того, что уходящая администрация Трумэна — Ачесона наверняка не даст „добро“ на эту акцию, а новая республиканская администрация, возможно, поведет себя иначе“. Так и произошло. Новый президент не мешкая дал Киму Рузвельту зеленый свет. В августе 1953 г. правительство Моссадыка с помощью ЦРУ было свергнуто, и в стране восстановился шахский режим. (Это нарушение естественного процесса политической эволюции в Иране вызвало глубокое общественное недовольство, приведшее четверть века спустя, в 1979 г., к свержению шахского режима. После победы Хомейни Вашингтону, пожалуй, впору было пожалеть о Моссадыке.) Даже Стефен Амброуз, самый основательный биограф Эйзенхауэра, в общем положительно оценивающий его политику, писал о склонности президента „усматривать коммунистическое влияние в любом общественном явлении — будь то движение за социальные реформы или борьба за национальное освобождение“. Окрыленное своим успехом в Иране, ЦРУ в 1954 г. свергло режим Арбенса. Этот успех послужил для ЦРУ толчком для широкого развертывания подрывных действий: оно содействовало приходу к власти прозападных сил в Египте (1954) и Лаосе (1959); предприняло попытку переворота в Индонезии (1958); организовало попытку вторжения на Кубу (1960). В декабре 1955 г. Эйзенхауэр вменил в обязанность ЦРУ „принимать все возможные практические меры для организации подпольного сопротивления властям и содействия тайным и партизанским акциям“ в Советском Союзе, Китае и дружественных им странах, а также „противодействовать любым попыткам партий или отдельных лиц, находящихся прямо или косвенно под коммунистическим контролем, усиливать свое влияние в странах свободного мира“. Термин „противодействовать“ ЦРУ истолковало слишком вольно. Есть косвенные доказательства того, что в 1955 г. агенты ЦРУ взорвали самолет, на котором Чжоу Эньлай должен был лететь на конференцию стран Азии и Африки

> в Бандунге, Индонезия80. Кроме того, со всей определенностью можно утверждать, что ЦРУ было при-частно к попыткам покушения на Кастро и к убийству конголезского лидера Патриса Лумумбы, имевшему место как раз в годы президентства Эйзенхауэра».

Два других друга Никсона с громкими именами консерваторов, Джордж Буш и Генри Киссинджер. Джордж Буш будет поддерживать его политику во Вьетнаме и не бросит до самого Уотергейта. Победив на президентских выборах, Ричард Никсон назначил Генри Киссинджера сначала советником по безопасности, а потом госсекретарем. На этом посту Киссинджер останется и весь срок президента Форда до 1977 года, уже после Уотергейта и отставки Никсона. Киссинджер прославился своим содействием Никсоном с «ковровыми бомбардировками в Камбодже» и свержением социалиста Сальвадора Альенде в Чили, который в результате вынужден был застрелиться. А к власти при содействии Никсона и Киссинджера пришел печально известный своими зверствами Аугусто Пиночет.

Оливер Стоун и Питер Кузник подробно пишут в «Нерассказанной истории Америки» об этих беззакониях, циничной и жестокой подлости в отношении независимых и слабых стран третьего мира. Чили — страна крупнейший в мире производитель меди, а ее добыча находилась под контролем двух американских компаний — Kennecott и Anaconda. Киссинджер много лет состоял советником Нельсна Рокфеллера, губернатора штата Нью-Йорк, перед тем как стать советником и госсекретарем Никсона.

Оливер Стоун и Питер Кузник «Нерассказанная история Америки»:

> «В 1964 году ЦРУ, активно вмешивавшееся в дела страны уже шесть лет, помогло центристу Эдуардо Фрею победить на президентских выборах социалиста Сальвадора Альенде. Если Кеннеди и в какой-то мере даже Джонсон пытались работать с демократическими элементами в регионе, Никсон и Киссинджер предпочли использовать грубую силу. Никсон сообщил СНБ: „Я никогда не соглашусь с политикой снижения роли военных в Латинской Америке. Они — тот центр силы, на который мы можем оказывать влияние.

На других, интеллектуалов, мы влиять не можем". Альенде вновь пошел на выборы в 1970 году, пообещав перераспределить богатства и национализировать американские компании, которые контролировали экономику, подобно ИТТ. Понукаемый владельцем банка *Chase Manhattan Bank* Дэвидом Рокфеллером и бывшим директором ЦРУ, а ныне членом совета директоров ИТТ Джоном Маккоуном, Киссинджер приказал послу США Эдварду Корри и главе местного бюро ЦРУ Генри Гекшеру не допустить Альенде к власти. 4 декабря 1972 года Альенде подал в ООН жалобу на действия США и транснациональных корпораций. В горячей полуторачасовой обвинительной речи, заставившей зал Генеральной Ассамблеи бурно аплодировать и скандировать „Вива Альенде!", чилийский президент подробно рассказал о скоординированных попытках „помешать инаугурации демократически избранного правительства... а затем и свергнуть его". „Эти действия, — заявил он, — нацелены на то, чтобы отрезать нас от остального мира, задушить нашу экономику и парализовать работу основной отрасли нашего экспорта — продажу меди, а также перекрыть нам доступ к источникам международного финансирования". Он говорил о том, что слаборазвитые страны подвергаются безжалостной эксплуатации со стороны транснациональных корпораций. Он осудил никому не подконтрольные транснациональные корпорации за развязывание войны против суверенных государств. „Вся политическая структура мира, — предупредил он, — находится под угрозой". Альенде говорил от имени миллионов латиноамериканцев, десятилетиями безжалостно эксплуатируемых корпорациями США, которые поддерживались американскими дипломатами, военными и разведками. С такими же обвинениями много лет назад выступали генерал Смедли Батлер и Генри Уоллес. По словам газеты *Chicago Tribune*, посол США в ООН Джордж Буш присоединился ко всеобщей овации и лишь беспомощно повторял: „Мы не считаем себя империалистами. Меня беспокоят заявления о том, что деятельность частных предприятий за рубежом называют империализмом, ведь именно они делают нас сильными". Он также заявил, что США не имеют никакого отношения к бойкоту Чили. Все, чего хотели США, — убедиться, что владельцы национализированных компаний получат справедливую компенсацию. Возможно, произнося свою смелую речь в ООН, Альенде сам подписывал свой смертный приговор. В начале 1973 года ЦРУ приказало своим чилийским агентам „завербовать как можно больше чилийских военных, а по возможности их всех, и с их помощью свергнуть правительство Альенде". Число забастовок и антиправительственных выступлений росло. Чи-

лийское военное командование, возглавляемое генералом Аугусто Пиночетом, запланировало переворот на 11 сентября 1973 года. Когда Альенде узнал, что в стране начался военный мятеж, он выступил с прощальным обращением из президентского дворца: „Я не уйду в отставку... Иностранный капитал и империализм, помноженные на реакционные настроения, создали климат, позволивший армии нарушить традицию... Да здравствует Чили! Да здравствует народ! Это мои последние слова. Я уверен, что моя жертва не будет напрасной. Я уверен, что это по крайней мере станет моральным уроком, немым укором преступлению, трусости и предательству". Альенде застрелился из подаренной ему Фиделем Кастро винтовки. Пиночет захватил власть. После переворота Никсон и Киссинджер обсудили возможный политический ущерб. Говоря по телефону, Киссинджер, собиравшийся на первый матч футбольной команды „Редскинз", пожаловался, что газеты „оплакивают свержение прокоммунистического правительства". „Что бы это значило?" — пробормотал Никсон. „Я имею в виду, что они не рады. Во времена Эйзенхауэра мы были бы героями", — ответил Киссинджер. „Весь фокус в том, что дело не в союзниках или противниках коммунистов. Дело в том, что правительство было антиамериканским", — сказал Никсон. „Чрезвычайно антиамериканским", — согласился Киссинджер. Пиночет убил более 3200 своих противников, а в пыточные камеры бросил десятки тысяч. Он установил настоящее царство террора, в котором участвовали и подразделения чилийской армии, называемые „Караваном смерти". Киссинджер проследил за тем, чтобы США быстро признали кровавый режим и предоставили ему помощь. В июне 1976 года он посетил чилийского диктатора и заверил его: „Мы с симпатией относимся к тому, что вы делаете". Пиночет не ограничивал своих убийц территорией Чили. Через три месяца после визита Киссинджера его агенты убили посла Альенде в США Орландо Летельера и его коллегу из Института политических исследований Ронни Моффит»

— Нет, вы только послушайте! Я ушам своим не верю! — возмущался Михаил Булгаков. — Эти два бандита, цинично, открыто, перед всем миром, кроят и делят независимые страны, вырезают целые нации. Гитлер ребенок по сравнению с ними, а колониализм Нового времени — просто отеческий патронаж. Но не это главное. Главное в другом: Генри Киссинджер получил Нобелевскую премию Мира! Вот где надлежит смеяться. Этот человек при встрече с Путиным сказал ему: «Все серьез-

ные люди начинали с разведки». И еще он выразил сожаление, что распад СССР «разрушил баланс сил» в мире. Действительно, раньше когда были коммунисты, свои зверства можно было свалить на реальную или воображаемую агрессию коммунизма. А теперь как бедняге Бушу-младшему пришлось крутиться с «Большой войной против терроризма», чтобы придумать себе предлоги продолжать политику головорезов консерваторов. Президента Никсона вынудили уйти в отставку, ему предъявили обвинения по ряду статей. Но разве можно подвергнуть президента наказанию? Подумаешь, сотни тысяч и миллионы разрушенных жизней. Беззакония в других странах вообще не признаются беззакониями консерваторами, но даже внутри своей священной страны, Уотергейт, не причина, чтобы наказать президента, — символ божественной власти.

Зато Киссинджер получил Нобелевскую премию Мира.

Оливер Стоун и Питер Кузник «Нерассказанная история Америки»:

> «Психопат» Киссинджер вышел сухим из воды. В октябре он и Ле Дык Тхо, один из руководителей ДРВ, удостоились Нобелевской премии мира. Том Лерер, самый знаменитый политический сатирик Америки, заявил, что, получив премию, Киссинджер превратил политическую сатиру в жалкую профанацию, и отказался от продолжения своей сценической карьеры. В отличие от Киссинджера Ле Дык Тхо, понимавший, что до подлинного мира еще далеко, с достоинством отказался от премии».

На этих именах взойдет другая звезда консервативного духа — Рональд Рейган и его вице-президент Джордж Буш-старший. Его президентство станет кульминацией усилий всех этих людей по разрушению демократии в Америке. Экстремизм Барри Голдуотера и Джозефа Маккарти, «американское гестапо» Эдгара Гувера, тайные операции в ЦРУ при президенте Эйзенхауэре, «контроль над разумом» Аллена Даллеса, военные преступления во Вьетнаме Ричарда Никсона и циничная жестокость Генри Киссинджера в руководстве тайными операциями ЦРУ. Эти выдающиеся достижения чувствительной совести кон-

серваторов станут тем трамплином, на котором взойдет «Революция консерваторов» в Америке Рональда Рейгана. Артур Шлезингер пишет, что несмотря на заявленную позицию о невмешательстве правительства в экономику, администрация Рейгана станет уверенным «имперским президентством», которое унаследуют оба Буша, и особенно Буш-младший. Старший Джордж Буш, как один из столпов партии консерваторов, будет назначен президентом Фордом директором ЦРУ после отставки Никсона и начала работы Комиссии Черча по расследованию преступлений разведывательных служб Америки. Его назначат, как противовес попыткам демократов Комиссии Черча пристыдить разведки за их бесчисленные беззакония и презрение к гуманистической этике. Буш-младший прославится «Большой войной с терроризмом», под предлогом которой он вводит почти монархическое правление, как пишут Фредерика Шварца и Азиз Наком, члены Комиссии Черча в своей книге о президентстве Буша-младшего. Джон Дин, автор книги «Консерваторы без совести», в которой он разоблачает своих бывших однопартийцев времен Уотергейта, напишет о Буше-младшем другую книгу, «Хуже, чем Уотергейт».

Артур Шлезингер пишет о президентстве Рейгана, как о времени огромного бюджетного дефицита, явной коррупции, резкого увеличения числа бедных в стране, усиления значения ЦРУ и ФБР, открытого пренебрежения к международному праву, а также развязывания «звездных войн» с тотальной программой перевооружения, легшей непосильным грузом на бюджет.

> «Постепенное ослабление заботы США о мировом правопорядке пошло более быстрыми темпами после 1980 г. Возрожденное ЦРУ развязало тайную (или не столь уж тайную) войну против Никарагуа, нарушив тем самым и закон о нейтралитете 1794 г., объявивший преступлением снабжение или подготовку вооруженной экспедиции против страны, находящейся в состоянии мира с Соединенными Штатами, и запрет конгресса на попытки свержения никарагуанского режима, и обещания о невмешательстве, неоднократно дававшиеся Организации американских государств со времен конференции в Монтевидео в 1933 г., когда Соединенные Штаты первыми подпи-

> сались под декларацией, что «ни одно государство не имеет права вмешиваться во внутренние или внешние дела другого государства», и, наконец, Устав Организации Объединенных Наций. После обращения Никарагуа в Международный суд администрация Рейгана отказалась признавать юрисдикцию Суда в Центральной Америке на ближайшие два года, делая это в нарушение соглашения 1946 г., по которому Соединенные Штаты обязались уведомлять о любом таком отказе не менее чем за шесть месяцев. Тем самым администрация, нарушая проводившуюся в течение сорока лет политику, вышла из-под обязательной юрисдикции Международного суда. В 1983 г. Рейган направил экспедиционные войска против островной Гренады, предприняв эту акцию без предупреждения, без утверждения конгрессом и в нарушение уставов ООН и Организации американских государств. По иронии судьбы, 7 декабря 1941 г. навсегда останется для американца символом злодейства.
> Однако Япония, совершив внезапное нападение на Пёрл-Харбор, по крайней мере выбрала себе достойного противника. В октябре 1962 г., когда Комитет начальников штабов высказался за внезапное нападение с целью ликвидации ядерных ракет на Кубе, Роберт Кеннеди успешно парировал это предложение как «Пёрл-Харбор наоборот». «В течение 175 лет, — заявил он группе, давшей советы президенту, — мы не были нацией такого типа. Нападать исподтишка не в наших традициях… Мы боролись за нечто большее, чем просто выживание… Такое коварное военное нападение противоречило бы всему нашему наследию и нашим идеалам»33. Популярность коварных нападений Рейгана на Гренаду и Ливию показала, сколь далеко мы зашли после 1962 г. Нарушение международного права при каждом удобном случае на основании лишь идеологической одержимости и гипотетических опасений представлялось бы отказом от американских стандартов поведения и принятием норм, которые в нашем представлении олицетворяет Советский Союз. „Если вы собираетесь провозгласить новый закон, согласно которому Соединенные Штаты должны вмешиваться везде, где коммунизм правит вопреки воле народа, пусть даже такое положение сложилось в силу внутренних причин, — указала г-жа Тэтчер, — то тогда нашему миру предстоят действительно ужасные войны“. По моей оценке, большинство американцев отмахнулись от таких мыслей как от надоедливого и пустого крючкотворства».

Оливер Стоун и Питер Кузник «Нерассказанная история Америки»:

> «Меморандум республиканской кампании 1984 года гласил: „Изображать Рейгана как воплощение всего, что в Америке считается правильным и героическим. Ставить Мондейла в положение, в котором нападки на Рейгана будут равносильны нападкам на сам идеальный образ Америки“. Но каким было истинное наследие Рейгана? Один из наиболее невежественных и безразличных глав государства в истории США, он способствовал возрождению идей крайне правого антикоммунизма, которые привели к милитаризации американской внешней политики и возобновлению холодной войны. Он бил себя в грудь, заявляя о приверженности идеалам демократии, и в то же время вооружал и поддерживал репрессивных диктаторов. Он превратил локальные и региональные конфликты на Ближнем Востоке и в Латинской Америке в поля битв холодной войны, в результате чего там воцарился террор, а народные движения были подавлены. Он тратил огромные суммы на военные расходы, урезая социальные программы для беднейших слоев населения. Он резко сократил налоги для богатых, утроив национальный долг США и превратив страну из ведущего мирового кредитора в 1981 году в крупнейшего международного заемщика в 1985-м. В октябре 1987 года его действия привели к наихудшему биржевому краху со времен Великой депрессии. Он упустил шанс избавить мир от наступательных ядерных вооружений, поскольку не хотел расставаться со своей детской фантазией. Поэтому, несмотря на всю хвалу, воздаваемую ему за окончание холодной войны, львиная доля заслуг в этом деле, как станет ясно впоследствии, принадлежала его советскому коллеге Михаилу Горбачеву».

К этому времени «борьбы с антикоммунизмом» Америка почти полностью уничтожила свою демократию, поскольку понимала «коммунизм» так широко, что включала в него все левое движение. Однако, демократия и есть левое движение народного блага и самоуправления, и уничтожая левое движение, Америка, которая родилась как островок демократии в мире старых погнивших в пороке монархий, погубила сама себя.

Тем временем, компартия СССР в лице Горбачева сама отказалась от своей власти. Что говорит о том, что заявленные марксизмом-ленинизмом добродетельные цели не были только пустой формальностью, но в самом деле искали облегчения участи народа. Что путь компартии — ложный путь к народному благополучию убедились на опыте. Усилиями Хрущева, Солженицына, Сахарова,

Горбачева, компартия прекратила свое существование. Рейган и консерваторы ставят добрую волю Горбачева в заслугу себе: благодаря их «позиции силы» и воинственной риторике, Горбачев был вынужден «сдаться на милость победителей». Война, объявленная «империи зла», сломила ее. Если бы эта риторика была применена до эпохи Хрущева, еще можно было бы выслушать с пониманием. Но применительно к героической и великодушной позиции гуманиста и либерала Горбачева — такая риторика звучит подлостью. Разве громадный ядерный потенциал СССР на тот момент перестал существовать? Разве уже не было Красной Армии 15 союзных республик? СССР находился в зените своей военной мощи, и мог десять раз уничтожить весь мир, прежде чем погибнуть самому. И тот факт, что советская сторона нашла в себе силы отказаться от идеологии, чья глупость была доказана многолетним опытом, говорит о здравости суждений Горбачева и его сторонников. На это требовалось большое мужество и рефлексия, воля и незаурядный ум. Слава всем тем людям, кто рискуя жизнью, проводил эти реформы по уничтожению руководящей роли Компартии.

Однако, дело обстояло далеко не также оптимистичен с американской стороны. Если русские покончили со смешной идеологией марксизма-ленинизма, «борьбой на смерть с классом буржуазии», выставлявшей их полусумасшедшими, полудураками, то консерваторы Америки казалось только наращивали обороты «анти-коммунизма». Сначала это была «священная война» Джона Фостера Даллеса, крестовый поход против красных безбожников. Однако, стоит вспомнить, что первым этот поход против коммунистов объявил такой отъявленный безбожник дарвинист, как Гитлер. Разве культура Америки в меньшей степени пропитана дарвинизмом? О каком крестовом походе может идти речь в таком случае? Однако, выступая перед евангелистами, Рейган именно это имело ввиду, вводя свой знаменитый оборот об «империи зла»: о добре и зле с христианских позиций. Вот уже совсем и вспоминать не хочется, но все источники пишут, что не только культура Америки, но и админи-

страция пропитана дарвинизмом, и считает христианскую этику устаревшей: важно только то, что целесообразно, в точности как для большевиков, о которых писал Солженицын. Так пишет ЦРУ в отчете об экспериментах на контроль над разумом. Так говорят все президенты, цинично закрывающие глаза на тайные операции ЦРУ по вырезанию туземного населения третьих стран (например, гибель населения в ходе военных действий от 500 000 до 1 млн жителей Индонезии для утверждения режима Сухарто при Линдоне Джонсоне). Более того, мировой скандал в католической церкви, затронувший сотни священников и самых высших клерикалов Римской церкви, связанный с массовым насилием над малолетними детьми. Вот почему разговоры о «крестовом походе против коммунизма» звучат таким же бредом как разговоры марксистов-ленинистов об уничтожении класса эксплуататоров. Потом это стало крестовым походом против «бывших коммунистов и чекистов».

В итоге, Артур Шлезингер пишет:

> «Филлипс ожидает не возрождения либерального духа «нового курса», а, скорее, прихода националистического правопопулистского авторитаризма, направляющего действия всепроникающего и репрессивного государства. Бернхэм мрачно предсказывает «нарастающий кризис правления — кризис... в самих основах конституционного режима Возможно, так все и будет. Но апокалиптические предчувствия вызывают все-таки скептическое отношение. Когда друг Адама Смита ворвался к нему в гостиную с новостью о сдаче Бергойна под Саратогой, восклицая: «Нация погибла!» — Адам Смит ответил (как про то рассказывают): «Нация гибнет по многу раз».

— Итак, господа, — развернулся Михаил Булгаков к Залу в Храме Духа, — мой основной вопрос. Разве сотой доли того что мы услышали недостаточно, чтобы признать консервативную партию Америки организацией не менее деспотичной и разлагающей, чем коммунистическую партию России? Они меньше врали? Нет. Они меньше убивали и строили лагеря для невинных людей? Нет. Они меньше лишали свободы мышления? Нет. Я утверждаю, что консервативная партия Америки как она есть в Истории — это преступная организация, такая же преступная

и такая же безумная как коммунистическая партия. И тот факт, что сегодня она побеждает демократическое движение в Америке, в самом деле вызывает апокалиптические настроения. Дух равенства и братства все больше вызывает насмешку, все меньше энтузиазма и сочувствия.

Но давайте посмотрим, какие силы возрождения из праха нашла Россия после своего отказа от коммунистического катехизиса? Стала ли российская идеология более реальной, более гуманной и более здравой? Увы, господа, она стала… идеологией Консерваторов! Вместо их национализма –наш русский мир, вместо их патриотизма — наш патриотизм, вместо их тайных операций — наши тайные операции, вместо их католичества — наше православие. Подражание всегда ставит подражателя в жалкое положение, потому что тот, кто не желает быть самим собой и хочет стать кем-то другим, никогда им не станет, оставшись только жалкой копией. Россия стала комичной. СССР внушал страх и уважение своей независимой позицией, пусть одиозной и ложной, но глобальной философией интернационала трудящихся всего мира. Современная Россия утвердила Революцию Консерваторов вслед за Рейганом, и возвращается к феодальному самосознанию. Но где же тут здоровая российская оппозиция? Та самая, которую американцы отстояли от коммунистических ГУЛАГов и разрешили открыто объявлять свое прогрессивное мнение? Да, друзья, единственное, на что оказалась способна гласность русской оппозиции — это восторженность любой администрацией США, будь то демократы или консерваторы. Всех, кому не виден этот священный нимб Америки, клеймят моими «шариковыми» и «швондерами». Да, помилуйте, господа, как же вы не чувствуете, в каком комическом положении вы сами?

— Что же вы предлагаете, в самом деле? — спросил его встревожено Солженицын.

— Я? Почем я знаю. Предлагаю «не верить в восторженность», как говорит наш друг Высоцкий; доверять, но проверять, как минимум, не делать из себя посмешище. А позитивную программу нам предложат в Храме Духа.

Булгаков тяжело выдохнул, откланялся и сошел с кафедры. Следующие слушания решено было посвятить самоотверженной борьбе истинных демократов Америки против засилья консервативного духа.

ГЛАВА 9
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ДЕМОКРАТЫ АМЕРИКИ ПРОТИВ КОНСЕРВАТОРОВ

Речь Михаила Булгакова спровоцировала шумные дебаты. Духоборцы настаивали на всестороннем рассмотрении вопроса. «Консерваторы Америки — это не вся Америка!, — утверждали они. — Мы настаиваем на отдельных слушаниях по поводу Демократов Америки!». Речь о демократах Америки предложено было подготовить Бертрану Расселу, много лет своей жизни отдавшему изучению политической системы Америки, и ставшему ее жертвой.

— Дорогие друзья! Положение в Америке плачевно, как плачевна любая война. А гражданская война Америки продолжается! Вот основной вывод, к которому приходит всякий трезвый аналитик после тщательного изучения политической истории Америки. И все же лучше гражданская война демократов и консерваторов, чем победа консерваторов! Так у нас все еще есть шанс на победу добра, — ведь добро всегда побеждает зло!

По иронии судьбы Республиканская партия, которую сегодня представляют консерваторы, когда-то была образована Авраамом Линкольном для борьбы с рабовладельческими штатами конфедератов. Барри Голдуотеру, как ведущему теоретику консерватизма, мы обязаны этому превращению партии республиканцев в партию консерваторов. Сомнительная заслуга. Воплотить мечты Голдуотера, провально проигравшему на выборах президента кандидату от демократов, удалось только 16 лет спустя президенту Рональду Рейгану. Что все эти годы творили

консерваторы, вы может узнать из книг демократов-интеллектуалов Америки.

Я писал в «Военные преступления во Вьетнаме», что устранение Левых из правительства, то есть демократов, из политики Америки — это результат нечестной игры консерваторов, и сейчас настаиваю на этом.

Б. Рассел «Военные преступления во Вьетнаме»:

> «Америка взяла на себя роль вторжения в интернациональные дела других наций, и эта роль почитается святой. Право Америки вмешиваться в страны, если социальная и политическая стратегия этих стран не сопоставима с частным капиталом, всеми счастливо признано. Вместо того чтобы спросить как частный, корпоративный капитализм и его заокеанские обязательства стали ассоциироваться с американскими национальными интересами, либералы и многие социалисты приняли эту зловещую ловкость рук за истину. Именно эта ловкость рук успешно устранила Левых демократов из американской политики».

Мы все помним и славную личность Араама Линкольна (избранного А. Маслоу для исследования о самоактуалах наряду с Чаплиным, Эйнштейном, Элеонорой Рузвельт, Хаксли и др), и его славную победу над рабством, которая сделала Америку — Америкой, и любовь американского народа к этому выдающемуся человеку. Можем ли мы забыть и о его мученической смерти? Его убили после победы над юным рабовладением люди, представляющие этих побежденных рабовладельцев. В сознании американцев он стал местным Христом, пострадавшим за искупление и очищение Америки от великого греха рабства, которое уничтожило бы страну.

Однако, вправе ли мы говорить, что эта война окончена? Или правильнее сказать, что победа Барри Голдуотера в Республиканской партии, перевербовавшего ее в консерваторов, это новая победа Конфедератов Америки, возобновление старой войны между демократией на Севера и открытым насилием над слабыми народами на Юге? Уже убийство Линкольна было продолжением войны. Недолго придется ждать второй кровавой жертвы этой войны: за президентом Линкольном последует пре-

зидент Кеннеди. А за президентом Джоном Кеннеди, почти в одно время, падут Роберт Кеннеди и лидер американского движения против сегрегации Мартин Лютер Кинг. Случайно ли это, учитывая, что президент Кеннеди выступал на стороне Мартина Лютера Кинга? После убийства Кеннеди, наш Фонд за мир, — продолжал с гневом Рассел, — организовал Британскую комиссию: «Кто убил Кеннеди». Статью «16 вопросов убийства Кеннеди», которую мы опубликовали в результате нашего аналитического изучения доклада Комиссии Уоррена вы все знаете. Есть у кого-то сомнения в невиновности Освальда? У меня лично нет. По крайней мере, нет ни единого доказательства его вины.

Не избежал заговора деловых кругов и другой президент демократов, Франклин Рузвельт:

Ноам Хомский «Системы власти»:

> «В последующие годы генерал Смедли Батлер очень озлобился. — пишет по этому поводу Ноам Хомский в „Системах власти“, — Он предотвратил покушение на президента Франклина Делано Рузвельта — попытку государственного переворота, которую намечали деловые круги страны. Генерал вмешался и пресек заговор. Его проклинали за то, что выступил против переворота. Батлер был истинно американским героем».

Есть и у Демократов настоящие герои, хоть они на сегодня проиграли Консерваторам: имя генерала Смедли Батлера, автора известной книги «Война — это просто рэкет», одно из самых известных в этом ряду.

Реальность политической жизни Америки такова, что в ней столкнулись две силы: одна сила демократическая и прогрессивная сила научного мышления, а другая сила старого феодального толка, в самом деле консервативная сила господства и подчинения. Первая живет творчеством и дружбой, вторая нуждается в чувстве превосходства, в позиции власти. Консерваторы выступают не только как расисты и антикоммунисты, их отвращение к социализму — это вообще отвращение к левому движению товарищечества и дружбы. Им ненавистна мысль о «равенстве и братстве», потому что они «господа и хозяева»

до мозга костей. Вот эти две психологические силы и вступили в смертельную схватку в Америке, и кто думает, что война Линкольна положила ей конец, тот глубоко ошибается. Вьетнам стал горячей точкой этой психологической войны, где консерваторы заняли позицию «господ и хозяев», а демократы, рискуя жизнью и здоровьем, под обстрелом полиции, сотнями тысяч маршировали на Вашингтон, чтобы остановить эту войну. «А вы не сели бы за решетку, чтобы остановить войну?» — спросил сдавшийся полиции Даниэл Эллсберг, опубликовавший «Документы Пентагона».

Оливер Стоун и Питер Кузник «нерассказанная история Америки»:

> «Мнения в американском обществе относительно войны и многих других вопросов разошлись так сильно, что кое-кто заговорил о гражданской войне. Университетские городки были на передовой этой борьбы. Демонстрации, митинги и забастовки вспыхнули в сотнях кампусов. Представители правительства и промышленности появлялись там на свой собственный страх и риск. Активисты осуждали неэтичность использования науки для выполнения военных планов. Ученые, чьи действия вызвали эти протесты, часто сами же их и возглавляли. Американская ассоциация содействия развитию науки (AACPH) — крупнейший научный форум страны, объединявший более 100 тысяч членов, — была первым объединением интеллигенции, принявшим в декабре 1965 года антивоенную резолюцию.
> ...Выборы 2000 года стали самыми скандальными в истории США. Джордж Буш-младший победил Джона Маккейна на безобразных республиканских праймериз, ставших репетицией тактики, которую он использует на всеобщих выборах. Буш излучал ярый консерватизм и атаковал Маккейна с правого фланга. Он взывал к неоконфедератам, дремучим расистам, желавшим, чтобы флаг мятежников-южан снова взвился над Капитолием Южной Каролины. Он выступил в Университете им. Боба Джонса, прославившемся запретом свиданий между студентами разных рас».

Ноам Хомский «Системы власти»:

> *«С того сентябрьского дня 2011 года, когда началось движение „Оккупируй Уолл-стрит“, в обществе все чаще обсуждаются такие понятия, как „неравенство доходов“, „концентрация богатства“, „доходы*

> *топ-менеджмента", „бедность", „безработица".* Мысль об 1% и 99% действительно стала в обществе довольно распространенной. Оккупационному движению удалось затронуть чувства, ощущения и переживания, что спрятаны под самой поверхностью, — и вывести их на поверхность. Затем, неожиданно, все это взорвалось».

Оливер Стоун и Питер Кузник «Нерассказанная история Америки»:

> «США движение „Захвати Уолл-стрит" привлекло так необходимое внимание к громадному и постоянно растущему разрыву между 1% самых богатых и 99% остального населения. В январе 2012 года исследовательский центр *Pew* сообщил, что две трети американцев — на 19% больше, чем в июле 2009-го, — уверены в наличии серьезного конфликта между богатыми и бедными. 30% — в полтора раза больше, чем 2,5 года назад, — считали, что этот конфликт был не просто острый, а очень острый»

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «В современной Америке имеются мощнейшие деструктивные факторы — углубляющееся неравенство в доходах и возможностях, численный рост бедноты и деклассированных элементов, пробуксовка в деле расового равноправия, структурная заданность экономики на инфляцию, спад в тяжелой промышленности ввиду иностранной конкуренции и повсеместного внедрения микросхем, ухудшение уровня образования, загрязнение окружающей среды и упадок инфраструктуры, постепенная деградация городов, кризис фермерских хозяйств, растущее бремя государственной и частной задолженности, распространение преступности и насилия»

И именно демократическое правительство показало себя не только наиболее нравственным, но и наиболее эффективным за всю историю Америки. Консервативные правительства прославились не только своей коррупцией, но и самыми большими экономическими катастрофами, как например Великая депрессия, разразившаяся в 1929 году. И наоборот, экономика уверено шла наверх при «Новом курсе» Рузвельта. Также обстоит дело и на уровне частных компаний: Исследование Джерри Пораса и Джима Коллинза показало, что самые успешные мировые компании –были компаниями с демократическим

руководством, а «серебряные призеры» отрасли, которые как правило разорялись, достигнув каких-то успехов, — с консервативным правительством «господ». «С политической точки зрения, — писал Артур Шлезингер, — проблема равных прав — традиционный домен демократической партии, ибо именно она в течение всей американской истории выступала в защиту слабых и обездоленных».

Из определения, которое дает консерватизму Америки Википедия, также наглядно видно, что противопоставляя бизнес — профсоюзам, а индивидуализм — социализму, консерваторы только осваивают новую терминологию для сохранения позиции «господ и хозяев»: «Консерватизм в Соединённых Штатах Америки — политическая и социальная философия, для которой характерны уважение к американским традициям, республиканизм, индивидуализм, и моральный универсализм, поддержка бизнеса и борьбы с профсоюзами, пропаганда антикоммунизма и американской исключительности, защита христианских ценностей и западной культуры от предполагаемых угроз, исходящих от социализма, авторитаризма и морального релятивизма».

Что до христианства, то 2000-я его история наглядно показала: христианство в равной степени может служить самому изощренному злу, как при дворе погрязших в пороке римских пап, и самому человечному добру, как показывали многие христианские мученики. Сам факт некритического отношения к христианству — уже содержит в себе откровенно лицемерную позицию ханжей. Я много писал о негативном влияние магического элемента религиозного сознания на нравственность. Под этим предлогом меня и осудили как безнравственного человека в Америке, и запретили преподавать во всех ВУЗах. Вы можете видеть, какого рода «личную свободу» и нравственность предлагают христианские ценности консерваторов, если Чаплин, Эйнштейн, Селинджер, Марк Твен и ваш покорный слуга оказываются самым безнравственными представителями общества, а Генри Киссинджер и Рональд Рейган — непревзойденными кумирами.

Расизм — только одно из проявлений этой психологии «господства и подчинения». Разделение на классы, — тех кто командует, и кто подчиняется — другое проявление. «Если бы умонастроения, господствовавшие в некоторых штатах, возобладали, — пишет Шлезингер, — то в США и по сей день сохранилось бы рабство».

Ноам Хомский «Системы власти»:

> «В Соединенных Штатах деловая элита имеет обостренное классовое сознание. Она всегда ведет одностороннюю классовую войну, и если наталкивается на сопротивление, то мгновенно реагирует. И страх ваш понятен. В наши дни этот страх становится еще больше из-за настоящего наступления на основные гражданские права. Создана целая система контроля и репрессий. Ее не слишком часто используют, но все же она существует и при надобности может быть довольно жестокой... И политическая элита, и представители деловых кругов пытаются подорвать демократию одними и теми же способами. В восьмом классе любой средней школы вам расскажут: демократия заключается в том, что хорошо информированные избиратели сделают рациональный выбор. Но политические партии думают обратное. Именно поэтому в своей деятельности они используют лозунги, риторику, ставят целые спектакли, именуемые „связями с общественностью", проводят поистине сумасшедшие выступления — все, что угодно; только никто и никогда не скажет вежливо и спокойно: „Я намерен сделать то-то и то-то. Голосуйте за меня". Власть и на самом деле принадлежит народу, а значит, главная задача власть имущих и их окружения — церкви, интеллектуалов и других — разобщить народ, удалить его от власти».

— В книге «Власть», — продолжал свою речь Бертран Рассел, — я сделал акцент на том важном аспекте, что политическая теория в русле экономизма, как ее задал Маркс — есть лженаука, которая придала ложное направление всему развитию политической мысли. Я писал, что я — первый, кто говорит о необходимости рассматривать политику с точки зрения психологии. Действительно, не экономические силы борются в Америки и во всем мире. Не капиталисты с коммунистами, — это абстракции, которые в реальной жизни изменчивы. Борются две психо-

логические силы. Я называл их двумя разными проявлениями закона сохранения силы (любви к силе): один — грубая энергия насилия, другой –доступ к силе через научный контроль, который и составляет сущность цивилизованного общества. В Америке мы видим кульминацию этого процесса противоборства этих двух различных психологических сил, — процесса, который идет со дня возникновения цивилизации В Греции. Это — решающая схватка, которая идет уже 2500 тысячи лет во всем мире, получила свое концентрированное выражение в Америке, в борьбе демократов и консерваторов. Совсем неслучаен тот факт, что демократов представляют, как правило, интеллектуалы. Интеллект — сущность психической энергии любви к науке и творчеству.

Важно понимать, что борются две различные психологические силы: одна духовная сила (сила интеллекта и дружбы), а другая тщеславие невежественного эгоизма (сила превосходства и конкуренции, зависти и лицемерия). Я писал об этом в своей работе «Борьба за счастье», о двух разных силах психики, интеллекта и эгоизма. И я хочу подчеркнуть сейчас: борются не с экономическими классами, как думал бедняга Маркс, не с рабочим движением, а с духовной энергией научного мышления и добросовестности. Для этого подрывается система образования, — как минимум, высшее образование становится очень трудно доступным в США. Для этого пропаганда ставится на место прямому рациональному разговору. Для этого засекречивается деятельность правительства. Для этого ищут способы контроля над разумом, не считаясь ни с какими соображениями этики. Я много писал о пропаганде, о лжи в учебниках истории, о религии, которую используют в целях оглупления (одурения, как говорил ты, в своем время, Лев Толстой). Ноам Хомский говорит, что студентам приходится влезать в огромные долги, чтобы получить высшее образование в современной Америке, и они расплачиваются всю жизнь. Он считает, что эти долги — тоже способ контроля интеллигенции.

Ноам Хомский «Системы власти»:

«Все перемены, вами упомянутые, — неотъемлемая часть огромных усилий, прилагаемых ради подрыва системы государственного образования во всей стране, с целью приватизировать образование, что станет настоящей находкой для власти частного капитала. Частный капитал в США не любит государственного образования по целому ряду причин. Одной из таких причин является принцип, на котором строится нынешнее образование: этот принцип представляет для капиталистов серьезную угрозу. Государственное образование основано на принципе солидарности. Это полностью противоречит доктрине о том, что вы обязаны думать лишь о своих интересах, и пропади пропадом все остальные. Подобная доктрина — основной принцип частного капитала. Государственное образование представляет собой угрозу для такой системы ценностей, ибо порождает в людях чувство сплоченности, общности, призывает к взаимной помощи. То же самое касается и системы социального обеспечения. Именно поэтому сейчас так яростно пытаются разрушить систему социального обеспечения в стране. Дело в том, что государственное образование и система социального обеспечения крайне опасны для власти частного капитала: они развивают представление о том, что все мы одно целое, все зависим друг от друга, значит, должны трудиться вместе и сообща строить лучшую жизнь, лучшее будущее. А если вы стараетесь правдами и неправдами выдавить из людей максимальную прибыль или заставить их максимально увеличить потребление, то любые благородные порывы этих людей — в особенности стремление действовать сообща ради лучшего будущего — крайне вредоносны для вас. Получается, благородные устремления следует вытеснять вон из людских голов.
Крупнейшие государственные университеты — Беркли и Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе (UCLA), истинная гордость высшего американского образования, по сути, приватизируются. Они уже не многим отличаются от университетов Лиги плюща. Плата за обучение стала невероятно высока. Одновременно с этим остальные высшие учебные заведения штата обнищали настолько, что студенты и преподаватели намерены выйти на забастовку: протестовать против дальнейшего урезания средств. Университет штата Калифорния заявил, что вынужден прекратить прием заявлений от абитуриентов на весенний семестр 2013 года. Система образования для широких слоев населения приходит в упадок. Зато процветает частное образование для богатых, привилегированных и небольшого числа тех, кто удостоился государственной стипендии. Классовая система образования в чистейшем виде. Одно из поразительных явлений, наблюдаемых в последние годы, — превращение университетов

> в корпорации. Очень быстро увеличилось число административных сотрудников, появились новые административные слои. Одновременно роль профессорского и преподавательского состава резко уменьшается. Вот очень полезная книга: «Падение профессуры» (The Fall Off the Faculty), написанная Бенджамином Гинзбергом. Все это — лишь начало генерального наступления на систему образования. Как мы помним, это всего лишь составная часть еще более широкого наступления на общество в целом. Таков неолиберализм, против которого люди протестуют повсеместно: и «оккупанты» в Соединенных Штатах, и активисты на площади Тахрир в Египте. Движения протеста проявляются по-разному в разных странах, но возникают повсюду»

И все таки есть Демократы в Америке, вспомним имена самых выдающихся людей, не побоявшихся открыто выступить против системы.

Смедли Батлер («Война — это просто рэкет»), Даниэл Эллсберг («Документы Пентагона»), Бредли Меннинг (сведения Викиликс о беззакониях в Ираке), Джон Сноуден, Джон Перкинс («Исповедь экономического убийцы», Джон Маркс («ЦРУ и контроль над разумом»), Уильям Блум («Убийство демократии. Тайные операции ЦРУ и Пентагона»), Джон Дин («Консерваторы без совести», «Хуже чем Уоттергей»), Ноам Хомский («Новый военный гуманизм», «Системы власти»), Артур Шлезингер («Циклы американской истории»), Оливер Стоун и Питер Кузник («Нерассказанная история США»).

Наверняка их намного больше, мы вспомнили самые яркие имена, тех, кто рисковал жизнью ради справедливости и не побоялся выступить против олигархии корпоратократии, как называет новое правительство консерваторов Перкинс. И тех, кто внес большой вклад своими смелыми разоблачениями.

Однако, то, что сегодня называется официальной Демократической партией США, также вырождается под воздействием консерватизма, как в свое время выродилась партия Республиканцев. Президент Клинтон с его беспрецедентными бомбардировками в Восточной Европе, за которыми многие видят желание отвлечь внимание от сексуального скандала. Президента

Обаму обвиняют в увеличении режима секретности для покрытия преступлений режима Буша-младшего, а также в преследовании невинных патриотов, как Меннинг и Сноуден, спасавших демократию Америки от злоупотреблений консерваторов.

Оливер Стоун «Нерассказанная история Америкки»:

> «Во многом Обама оказался даже более скрытным, чем патологически скрытное правительство Буша–Чейни. Он засекретил больше информации и отвечал на запросы в рамках Закона о свободе информации с большей неохотой, чем его предшественники. Он осудил больше людей, добивавшихся свободы информации на практике, чем все предыдущие правительства, прибегнув к Закону о шпионаже 1917 года в шести случаях. За предыдущие 92 года этот закон применялся всего три раза. Самым известным случаем стало дело рядового Брэдли Меннинга, 22-летнего военного аналитика, служившего в Ираке. Меннинг был обвинен в предоставлении *Wikileaks* секретных документов. Обвинение было выдвинуто по 34 пунктам, включая нарушение Закона о шпионаже и „помощь врагу“, за что ему грозила смертная казнь. Часть обнародованной информации, включая видео „сопутствующего убийства“, на котором американские военные хладнокровно и планомерно расстреливают больше десятка мирных иракцев, в том числе двух корреспондентов агентства *Reuters*, проливала свет на военные преступления США. Предполагают, что Меннинг также раскрыл данные, свидетельствующие о совершенных во время иракской войны зверствах в отношении мирного населения и о том, что потери среди мирных жителей значительно превосходят официальные цифры. Несмотря на то что Меннинг на тот момент не был осужден ни по одному пункту, его девять месяцев держали обнаженным в одиночной камере в условиях, которые многими были расценены как пытка. Среди тех, кого возмутило жестокое обращение с Меннингом, был и П. Дж. Кроули, главный пресс-секретарь Госдепартамента. Выступая перед студентами МТИ, Кроули назвал такое обращение „нелепым, глупым и контрпродуктивным“. Через три дня Кроули, проработавший на правительство 30 лет, ушел в отставку· В декабре 2011 года, проведя 19 месяцев в военной тюрьме, Меннинг наконец предстал перед коллегией, задача которой заключалась в том, чтобы определить, достаточно ли собрано доказательств для предания его суду военного трибунала. Решение правительства судить Меннинга за то, что он раскрыл правду, и тем защитить Буша, Чейни и их помощников от обвинений во лжи, пытках, вторжении на территорию суверенных государств и совершении иных военных преступлений ясно показывало: спра-

> ведливость и гласность являются для нынешнего правительства пустым звуком. Как отмечала профессор права Марджори Кон, „если бы Меннинг не сообщал о военных преступлениях, а совершал их, сегодня он был бы на свободе“. Столь же возмутительной была реакция правительства на публикацию Джулианом Ассанжем более 250 тысяч дипломатических сообщений, полученных им, как подозревают, от Меннинга».

Ноам Хомский «Системы власти»:

> «*Расскажите о той связи, которая существует между тем, что сделали Даниэль Эллсберг и Брэдли Мэннинг.* Дэн — мой очень старый друг. Я также принимал участие в том, что произошло, помогал ему опубликовать так называемые „Документы Пентагона“. Я был уверен, что поступаю абсолютно правильно. Затем я выступал судебным свидетелем по его делу. Что касается Брэдли Мэннинга, его обвиняют в том, что он передал материалы Джулиану Ассанжу, а тот выложил полученные сведения на WikiLeaks. Мэннинг находится в тюрьме с мая 2010 года, причем большую часть этого времени он провел в одиночной камере, что считается пыткой. С ним очень плохо обращаются, на него нападают со всех сторон. Брэдли Мэннинг — это человек, которого обвинили в том, что, с моей точки зрения, является не преступлением, а заслугой перед страной. На данный момент ему предъявили обвинение, но суда нет и не предвидится. На самом деле власти даже не собираются передавать его дело в военный трибунал. Они рассматривают это дело как трибунал внутри самой военной системы. Я считаю, то, что сделал Мэннинг, заслуживает похвалы, а вот американское правительство нужно сурово осудить за то, что оно попирает и все устои законности, и права человека. *Это не президент ли Обама — профессор конституционного права! — сделал досудебное заявление о Брэдли Мэннинге?* Да, он тут же сказал: Мэннинг виновен. Это вопиющее заявление. Даже не будь Барак Обама юристом, специализировавшимся в области конституционного права, он остается президентом Соединенных Штатов».

Артур Шлезингер пишет, что основные дискуссии между демократами и консерваторами сосредоточились вокруг необходимости государственного регулирования экономики. О том же говорит Ноам Хомский в «Системах власти». Консерваторы настроены резко враждебно против государственного регулирования экономики и выступают за рыночную стихию, экономику

частного капитала, где выживает самый хитрый и безжалостный, так называемое «либертарианство», то есть «свобода». Любимым президентом и апогеем славы такого неконтролируемого рынка считается Рональд Рейган. Демократы напротив, выступают за государственное регулирование экономики, за социальную помощь слабым и обездоленным, за социальные программы для общего благоденствия нации. Любимым президентом и высшей точкой такой политики демократов стал Франклин Рузвельт и его «Новый курс». Президент Джон Кеннеди всецело разделял взгляды Рузвельта на роль и значение государства, отважно выступив против засилья финансовой олигархии.

Артур Шлезингер и Ноам Хомский — демократы. Они на стороне государственного регулирования экономики, ставящего целью общественное благо, и защиту слабых и неимущих от агрессии крупного капитала. Еще Карл Поппер писал, что экономические джунгли стихийного рынка нуждаютс в государственном регулировании для защиты слабых от сильных. Иначе «свобода сама себя отменяет, — говорил Поппер, — сильные порабощают слабых». Тем не менее, Шлезингер и Хомский считают, что уверенная победа сегодня на стороне консерваторов, так как молодое поколение разворачивается к «либертарианству» нерегулируемого рынка частного капитала, а идеи «Нового курса» Рузвельта уже представляются изношенными, несмотря на свое фундаментальное значение для сознания американцев.

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Демократическая партия, сказал далее этот комментатор, «не может рассчитывать на победу, пока не решит проблему молодых избирателей». Она не добьется успеха, «вновь выдвигая программы и повторяя Лозунги, определявшие жизнь в 30-е годы». Неудивительно поэтому, что молодые американцы голосуют за республиканцев. Они «повернулись к партии, которая сулит им заманчивые перспективы сокращения налогов и упразднения правительственной регламентации, быстрое обогащение и шансы на успех в мире бизнеса»

Ноам Хомский «Системы власти»:

> «Эдакий социальный дарвинизм, не так ли? Выживает сильнейший? Мягко сказано, друг мой. Все намного сложней и страшней. И одновременно проще: я сам за себя, и пропади пропадом весь белый свет! — именно так и воспитывают народ. Исподволь воспитывают, конечно. Институт политики при Гарвардском университете провел опрос молодых людей в возрасте от восемнадцати до двадцати девяти лет. Итоги опроса потрясают. Молодежь, как выяснилось, преимущественно придерживается взглядов, которые в Соединенных Штатах проповедуют сторонники либертарианства. Американское либертарианство смыкается с тоталитаризмом. Если внимательно посмотреть на основные положения либертарианства, ясно понимаешь его суть: страной должен всецело править частный капитал, тогда все будут свободны. Я не хочу сказать, будто приверженцы либертарианства — фашисты, но вероятные последствия их политики выглядят именно так. Вдобавок в обществе разрушатся последние человеческие связи. Многих такое положение вещей как раз и привлекает. О правительстве США вообще говорят как о совершенно потусторонней — причем недоброй — силе. Ненависть к демократии настолько укоренилась в существующей политической системе, что никто не считает правительство представителями народа, орудиями народного волеизъявления. Правительство — орудие в неких чужих руках, если не в лапах. Прививать ненависть к демократии не так уж просто».

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Но именно свободный рынок скоро привел страну к очередному кризису, причем наихудшему из всех, и спор о роли государства в экономике разгорелся с новой силой. Когда показатель безработицы приблизился к 25%, Гувер отказался от планов государственной помощи тем, кто безуспешно пытался найти работу. Щедрые подачки правительства предназначались не безработным, а банкам. Но в том же году Франклин Рузвельт, тогда еще губернатор штата Нью-Йорк, сформулировал прямо противоположную точку зрения. «Я считаю, — заявил он, выступая в законодательном собрании штата Нью-Йорк, — что в настоящий момент наше общество должно вменить в обязанность правительству спасение от голода и нищеты тех сограждан, которые сейчас не в состоянии содержать себя». У тех, кто, наблюдая безмерные страдания людей, уповает на принцип laissezfaire, говорил он год спустя, «как видно, нервы куда крепче, чем, например, у меня. Такие люди в отличие от меня предпочи-

тают верить скорее в незыблемость экономических законов, чем в способность человека контролировать творения рук своих». В противовес саморегулирующейся экономике Рузвельт выдвинул идею «сочетания интересов». Рузвельт особо подчеркивал, что абсолютный приоритет должен быть отдан интересам всего общества.

Итак, «американская система», провозглашенная сто лет назад, не дала результатов, и вследствие этого была предпринята первая попытка прибегнуть в мирное время к планированию национальной экономики. Свободный рынок превратил к тому времени американское сельское хозяйство в арену периодических катастроф.

Рузвельт не считал государственное вмешательство в экономику лишь временным средством, пригодным при чрезвычайных обстоятельствах. В 1944 г. в так называемом «Экономическом билле о правах» он изложил свою программу на будущее, в которой целью провозглашалось гарантированное право на работу, на заработную плату, достаточную для поддержания достойного человека уровня жизни (питание, одежда, досуг и т.д.), право на жилье, медицинское обслуживание, право на образование, на жизненное обеспечение в случае безработицы, болезни, старости. Эти права должны были гарантироваться государством. В послевоенное время веру Рузвельта в «способность человека контролировать творения рук своих» разделяли Трумэн, Кеннеди и Джонсон. Отвергая понимание национального правительства как «агрессора, противника», Кеннеди в 1963 г. назвал его «органом, в котором граждане наших 50 штатов объединяют свои усилия на благо нации». Он вновь и вновь старался показать американцам, насколько ухудшилось бы их положение «без деятельности национального правительства».. Статистические данные, однако, показывают, что народное хозяйство Соединенных Штатов в период после принятия «нового курса» оставалось на удивление здоровым и продуктивным, несмотря на рост налогов и правительственное регламентирование».

— Совсем иначе видят мир консерваторы, — Рассел сделал многозначительную паузу, — которые по привычке опасаются консолидации общества, предпочитая принцип «разделяй и властвуй». Правление президента Рейгана, сконцентрировавшего свои усилия на ликвидации политики «Нового курса» Рузвельта, «обернулось бедой для людей», увеличив количество бедняков в США на 6 млн. В результате чего «классовая борьба приобрела остроту невиданную со времен Великой депрессии». Я писал в свое время в книге «Воздействие науки на общество»,

что люди научились видеть мир через призму научного мышления, но не самих себя, не социальный мир. В результате, наука вместо того чтобы стать помощником, становится орудием разрушения в руках невежественных и глупых людей. Мощь современной техники велика, а разум человека как никогда слаб. Когда такому примитивному человеку дают в руки ядерное оружие или другую мощную технику, он применяет ее по старой своей привычке для подлости и низости, против честных и невинных людей, против таланта и добросовестности, против здоровых сил дружбы и сотрудничества в обществе. И я писал там, что в этот период увеличение технической мощности станет камнем преткновения на пути цивилизации, как это ни парадоксально, потому что невежественные люди у власти сосредоточат в руках такую шпионскую и разрушительную технику, которая помешает умным и честным людям бороться за демократию и справедливость. Пока что мои предсказания сбываются: техника стала кошмаром новых войн, которые разведки ведут против народа и утверждают свои марионеточные правительства.

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «К 1982 г., к столетию со дня рождения Рузвельта, администрация Рейгана, извлекши из сундука ветхие знамена с начертанными на них лозунгами laissez-faire, сконцентрировало всю свою деятельность на опровержении идей Рузвельта и ликвидации его достижений. Никто в XX в. не обрушивался на принципы правительственного вмешательства в экономику столь страстно и яростно, как Рейган... Апологеты неограниченного индивидуализма, отвергающие начисто социальную ответственность государства, льют воду на мельницу марксизма, причем куда более эффективно, чем коммунистические лидеры. В результате проводимой в 80-е годы политики снижения налогового бремени для состоятельных слоев и сокращения социальных программ для неимущих число бедняков в США увеличилось на 6 млн. В результате 5-летнего правления Рейгана по меньшей мере один из каждых пяти американцев в возрасте до 18 лет живет в бедности. „Наше общество — первое в истории, — указывает сенатор Мэйнихен, — в котором самой обездоленной группой населения являются дети“. В результате классовая и политическая борьба вновь

> приобрела остроту и размах, невиданные со времен Великой депрессии. Политика Рейгана обернулась бедой для людей, и без того едва сводивших концы с концами. Говорят об очищении через страдание. Пусть так. Но препохабен тот порядок, при котором имущие классы призывают обездоленных очиститься страданием. Социальная ответственность должна быть неотъемлемой чертой любого свободного политического устройства. ... Капиталистическая система выжила потому, что пусть и неохотно, но взяла на вооружение идею Джорджа Бэнкрофта о необходимости заботиться обо всех без исключения членах общества. Она выжила потому, что демократические силы заставили правительство гуманизировать производственные отношения, смягчить последствия неограниченной конкуренции, дополнить принцип о всемерном развитии частной инициативы принципом социальной ответственности. Капиталистическое общество выжило не в последнюю очередь и благодаря социал-либералам, которые, преодолевая сопротивление консерваторов, вели длительную кампанию за справедливость в отношении социально-слабых, обездоленных от рождения или по воле случая и тем самым способствовали уменьшению недовольства и революционного потенциала в обществе. Маркс и не предполагал, что демократическое буржуазное государство призовет общество к социальной ответственности».

— Консерваторы, которые противятся программам социальной поддержки слабых и неимущих, всегда поддерживают правительственные институты и в самом деле представляющие угрозу свободе общества, такие как ЦРУ и ФБР. Думаю, это не стало ни для кого открытием. Я писал в «Военных преступлениях во Вьетнаме», что из зверств и беззаконий американской армии, можно понять какого рода «свободу» предлагают американцы. Шлезингер пишет, что государственное регулирование лишило консерваторов такого рода «свобод» беззакония и безнравственности в самой Америке.

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Имущие классы утверждают, что правительственное вмешательство таит в себе опасность для гражданских свобод и даже толкает республику назад *к* рабству. Факты свидетельствуют, однако, что распространение функций федеральных органов на экономику не толь-

> ко не подавляет индивида, но, напротив, весьма способствует росту у большинства американцев чувства собственного достоинства и личной свободы. Впрочем, кое-какие «свободы» федеральное правительство, вмешиваясь в экономику, и впрямь ликвидировало — например, свободу отказывать черному населению. Америки в его элементарных гражданских правах, свободу нанимать малолетних детей на работу на фабрики, заставлять иммигрантов работать по потогонной системе, платить мизерную заработную плату, свободу создавать бесчеловечные условия труда, устанавливать непосильную продолжительность рабочего дня, свободу махинаций в торговле товарами и на рынке ценных бумаг и, наконец, свободу разбазаривать национальные ресурсы и отравлять окружающую среду. Но без подобных «свобод» цивилизованное общество вполне может обойтись.
>
> ..Странным образом — вновь непроизвольная ирония — самые рьяные противники правительственного вмешательства в экономику, выступавшие против подобного вмешательства под предлогом защиты прав слабых и неимущих, всегда безоговорочно одобряют деятельность правительственных институтов, действительно представляющих реальную угрозу индивидуальным свободам, таких, в частности, как ЦРУ и ФБР. Как и в случае с национальным долгом, именно милитаристское государство, а отнюдь не государство всеобщего благоденствия порождает спесивую бюрократию и подвергает преследованию тех самых бедных граждан, о судьбе которых так сокрушаются противники социальных программ. Именно правые явились инициаторами неприкрытых покушений власти на индивидуальные свободы, прибегая к цензуре, запрету на книги, подписке о лояльности, преследованию гомосексуалистов. Либералы добивались возможности регламентировать деятельность корпораций при освобождении личности, целью же консерваторов, судя по их делам, напротив, всегда была полная свобода для корпораций при ущемлении прав личности».

— Итак, — заключил Бертран Рассел, — обращаясь к духоборцам, собравшимися в Центральной Зале Храма, — проблема гражданской войны в Америке между двумя различными психологическими энергиями оказалась сведенной к проблеме противостояния центральной власти государства и олигархической власти крупного капитала, так называемой корпоратократии. Действительно, это совсем не новая проблема Центральная власть государства и анархия крупных феодалов — проблема

всех средневековых государств. И всегда народ выступал на стороне центральной власти, защищавшей его против своеволия феодалов. В Англии центральную власть государства укрепила норманнское завоевание Вильгельма Завоевателя, во Франции феодальную олигархию поборол кардинал Ришелье. Только с победой государства стало возможно общее право и утверждение принципа верховенства закона. Анархия финансовых олигархов приведет либо к развалу государства, либо к тоталитаризму фашистского типа. Это очевидно.

Тот факт, что это старое противостояние центральной власти и феодалов вновь воспроизводится в условиях рыночной экономики и демократической республики говорит о том, что решающими двигателями общества остаются всегда одни и те же психологические энергии, а вовсе не разновидности экономических и политических структур. И в этой связи нам предстоит ответить на вопрос: Как так получилось, что энергия эгозащиты оказывается ведущей в развитой научной западной цивилизации? Уверено побеждает здоровые демократические силы единой духовной энергии? Ведущей настолько, что провоцирует гражданскую войну консерваторов и демократов, угрожает государственной целостности и разрушает здоровую энергию сотрудничества?

Артур Шлезингер: «Наконец, не откажусь от возможности выразить в этой связи и свое, субъективное мнение: программы, направленные на социальное сотрудничество, а не на поощрение индивидуального эгоизма и корысти, предполагают совместные усилия людей, а не соперничество и в отличие от принципов „с волками жить — по-волчьи выть", „всяк за себя" оказывают облагораживающее влияние на дух нации. Государственное регулирование было и остается в этом ужасном мире лучшим средством укрепления нашей демократии, продолжения наших традиций и расширения прав и свобод наших граждан».

Вопрос, поставленный Расселом и Шлезингером было решено отложить до следующих слушаний.

ГЛАВА 10
МЫ НЕ ПРОТИВ БУРЖУАЗИИ. СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ОБВИНЯЮТ ШИЗОИДНОСТЬ

Поскольку постольку ответов на старые наболевшие вопросы нельзя было получить с позиций старых теорий, Духоборцы единодушно решили пригласить на следующие слушания Теслу, того самого уже знакомого нам автора Теории ПЭ. Сказать, что Тесла обрадовалась очередной возможности увидеть это грандиозное собрание самых великих душ вселенной, этот великолепный праздник интеллекта и красоты, значит, ничего не сказать. Посетить рай при жизни, — даже Данте это не удалось, иначе бы он написал о Храме Духа, а не о песнях и хороводах в облаках.

И вот Тесла вновь стояла перед уважаемым собранием Духоборцев, затаив дыхание, прислушиваясь к каждому слову, всматриваясь в дорогие лица.

— Дорогая наша Тесла! — обратился к ней Бертран Рассел. — Наши прошлые слушания поставили нас в тупик. Мы не видим, как объяснить энергию эгозащиты, которая побеждает энергию ума и сердца в 21 веке, на пике развития научного мышления и техники. Неужели варварству не будет конца, и оно так и будет планомерно уничтожать одну научную цивилизацию за другой?

— Благородные Духоборцы! Меня ослепляет великолепие этого Дворца вселенской красоты, но еще больше я оглушена восторгом видеть вас, прекрасные из прекрасных!

Слог немного смахивал на донкихотовский, но в конечном итоге она так себя и чувствовала: рыцарем печального образа перед источником духовного светила ослепительной красоты. Если вы не видели собрания великих умов вселенной в божественном храме духа, вам неизвестно что такое красота.

— Мои скромные знания почерпнуты из ваших фундаментальных трудов, которые мне посчастливилось в свое время прочесть. Я только сложила ваши мысли вместе и развила их до своего логического конца. Вы слышали общие основы Тео-

рии ПЭ в нашу прошлую встречу. Самая ее ощая мысль состоит в том, что Творец вложил в наше сознание две энергии, два силовых поля: одну разумную силу научного контроля, другую автоматизмы детерминированной энергии, срабатывающих спонтанно, и потому называемых «бессознательным». В первом случае, мы видим реальный мир, и можем его контролировать, иметь доступ к его силе, к силе своей энергии через сотрудничество и сочувствие. Во втором случае, мы видим мир через кривое зеркало поля Эгосистемы, которое делит мир на две враждебные силы Эго и всесилие СуперЭго. Это ложь чувственной информации запускает механизм эгозащиты на бессознательном уровне. Эта эгозащита и есть нелепая материальная энергия колдовства, магии, насилия и подчинения. Это автоматизмы материальной энергии сами по себе безобидны; но они разрушают нашу разумную и живую энергию, наш дух интеллекта и совести, и потому поле эгосистемы — паразит, патология, раковая опухоль нашей психики. Эволюция научного мышления приведет к тому, что в конечном итоге, открыв сначала материальные энергии природы, человек сумеет открыть и два поля в собственном сознании. Открыть и обезвредить поле эгосистемы. Уничтожить раковую опухоль, провоцировавшую на протяжении всей сознательной истории человечества порок, безнравственность, глупость и войны всех калибров и масштабов, от преступлений мелкого бандита до репрессий тиранов и крестовых походов римских пап.

Почему нам дали две энергии при рождении? Человек родился из обезьяны, когда у него возник родник интеллекта, но там родство с обезьянами закончилось (дарвинисты утверждают количественные, а не качественные различия с животными). Почему он родился с двумя энергиями, а не с одной? Что было бы, если бы была только одна, разумная и живая, энергия совести, творчества и юмора? И не было бы другой, кривого зеркала магии и колдовства, насилия и подчинения? Может потому, что при рождении, когда человек был еще дикарем, первобытное сознание не обладало способностью логиче-

ского мышления, а значит, энергия научного контроля была не функциональна. На это время человеку дали энергию эгозащиты, чтобы он подобно маленькому Гераклу, задушившему змей в колыбели, задушил эту патологию, как только окрепнет его разум, и человек овладеет всей мощью своей космической энергии научного контроля. У меня нет другого объяснения. А дарвинистам замечу: дикарь, даже дикарь (не говоря об ученом!) уже качественно разделен с животным миром своим магическим сознанием, которое идет против всех законов выживания биологии. И Дарвин не знал что на это сказать, кроме того чтобы извиниться за то, что он любитель, далеко не профессионал, в социальных вопросах (в отличии от биологических).

А. Герцен Доктор Крупов:

> «Что бы историческое я ни начинал читать, везде, во все времена открывал я разные безумия, которые соединялись в одно всемирное хроническое сумасшествие. Тита Ливия я брал или Муратори, Тацита или Гиббона — никакой разницы: все они, равно как и наш отечественный историк Карамзин, — все доказывают одно: что история, не что иное, как связный рассказ родового хронического безумия и его медленного излечения. Истинно, не считаю нужным приводить примеры; их миллионы»

Касательно же конкретного вашего вопроса сейчас, мы должны рассмотреть теорию шизоидности. Энергия эгозащиты приобретает характер шизоидности, когда интеллект (не научный, а формально-логический), вторгается на поле эгозащиты. Двойственность всей западной цивилизации объясняется именно этим феноменом: здоровой энергией научного мышления с одной стороны, и шизоидной энергией формального интеллекта с другой стороны. В Древней Греции, и вообще в античной истории — это самое естественное явление, потому что только-только зарождавшийся научный интеллект еще был слишком слаб, и потому «расположен к заболеваниям». Таким заболеванием юного интеллекта является шизоидность. Сущность этой болезни ума в том, что интеллект вторгается на поле эгосистемы, и видит мир

через кривое зеркало этой Эгосистемы: как противостояние двух абстрактных сил, Эго и СуперЭго (Фрейд обнаружил и описал это поле Эгосистемы). Отсюда известный феномен шизоидности: черно-белое мировоззрение, четкая граница между Эго и внешним миром, неспособность к дружескому взаимодействию с окружающей средой. Об этом много написано во всех учебниках психиатрии, особенно хорошо у Э. Кречмера и А. Кемпинского. Первобытное сознание, где логическое мышление еще неразвито, как доказал Л. Леви-Брюль, тоже раздвоено (сакральный и профанный мир). Энергия интеллекта — фундаментальная энергия психики, и она всегда присутствует в сознании человека, даже у дикарей. Только в зародышевом состоянии, когда еще нет способности к абстракции, обобщениям, дедукции и индукции. Хотя есть уже первые попытки аналитической активности, суждений, изготовления примитивной техники и тп. Это все первые проявления научной энергии психики. Зато у дикарей хорошо развито поле эгосистемы, потому их отличает магическое (мистическое) сознание, которое сводится к нелепым ритуалам поклонения обожествляемым силам природы. Это колдовство и магия поля эгосистемы — врожденная болезнь человеческого сознания, которая по мере развития научного мышления будет совершенно изжита, излечена. Однако, для этого необходимо открыть два поля психики и закономерности каждого, а потом нейтрализовать поле эгосистемы. Понятно, что у аборигенов, не умеющих даже думать (не то чтобы иметь знания о мире и о себе), не может получиться избавится от кривого зеркала поля эгосистемы. Но! Античному человеку, который уже обладает изощренным мышлением греческих философов, и знает, что мудрость состоит в том, чтобы «познать самого себя», этого тоже никогда не проделать. Потому что он только-только научился думать, пользоваться дедукцией. А для контроля своей психической энергии еще очень большая дорога. Надо сначала собирать по крупицам знания о внешнем мире, потом открыть индукцию и соединить с дедукцией, потом, открывая одну за другой механическую, биологическую, химическую, электрическую, ядерную и др. энергии,

приблизиться к понимаю Энергетики как теории познания, и наконец, собрав множество фактов и гипотез относительно работы психики, сформулировать теорию о двух силовых полях психики. Вот как долог путь до познания самого себя, а греки считали, что задача им по силам!

Потому мы не будем к ним слишком строги. Мы будем говорить об их шизоидности, как о неминуемой детской болезни интеллекта, со всей трепетностью и осторожностью, которые в нас будит само представление о заболеваниях младенцев. Если дикарь еще не умеет думать, то античный человек уже владеет развитым аппаратом формально-логического мышления. Если дикарь на поле эгосистемы умеет только чувствовать и поклоняться СуперЭго, бояться и совершать магические ритуалы, чтобы умиротворить СуперЭго, то античный человек умеет уже «завоевать» СуперЭго путем формальной логики. Доказать власть своего Эго над СуперЭго путем логических построений, то есть утвердить в теории победу своего Эго над враждебным всесильным миром.

Так, в сознании человека получается два Я (то, что С. Кьеркегор и Карен Хорни называют «истинным Я» и «ложным Я»): одно Я — это здоровая энергия ума и совести, которую до нас донесла греческая наука и философия, и другое шизоидное Я — это энергия эгозащиты формального (оторванного от действительности) интеллекта. Научное и мистическое мышление. Шизоидное Я — это всемогущая сила Эго установившая абсолютную власть над СуперЭго окружающей среды, и отобравшая ее всемогущество. Бредовое отражение «кривого зеркала» (это выражение употребил в этом контексте Кьеркегор) поля Эгосистемы. Эта «абсолютная свобода» Я, которой не может быть в мире законов природы, утверждается в философии немецкого идеализма, с которой С. Кьеркегор вслед за Ф. Шеллингом, неизменно воевал.

С. Кьеркегор «Болезни к смерти»:

> «Мощь, которую проявляет его негативная форма, столь же развязывает, сколь и связывает; ... Впрочем, при ближайшем рассмотрении

> вам нетрудно убедиться, что этот абсолютный князь — всего лишь король без королевства, который, по сути, ничем не управляет; его положение, сама его суверенность подчинены диалектике, согласно которой во всякое мгновение здесь бунт является законностью. Ведь в конце концов все здесь зависит он произвола Я. Стало быть, отчаявшийся человек только и делает, что строит замки в Испании и воюет с мельницами. Сколько шума всегда о добродетелях такого постановщика опытов! Эти добродетели на мгновение очаровывают, подобно восточному стиху: такое владение собою, каменная твердость, вся эта атараксия и так далее, они как из сказки. И они действительно выходят прямо из сказки, ибо за ними ничего не стоит»

Б. Рассел «Власть»:

> «Любовь к власти является частью нормальной человеческой натуры, но философии власти в определенном смысле безумны. Существование внешнего мира, как вещей так и других людей, есть факт, который может быть принижен для возвеличивания спеси, но который не может отрицать никто, кроме сумасшедшего. Людей, которые позволяют их любви к власти искажать свое видение окружающего мира можно найти в любой психиатрической клинике: один думает, что он председатель центрального банка Англии, другой считает себя королем, а третий вообразил себя Богом. Очень близкие иллюзии, будучи изложены образованными людьми в туманных выражениях позволяют занять профессорскую кафедру; а будучи изложены эмоциональными людьми в красноречивых выражениях способствуют становлению диктаторов. Признанные психи изолированы из-за их предрасположенности к насилию; не признанным психам поручают командование мощными армиями, так что в их власти оказываются жизни и благополучие всех здоровых людей, находящихся в зоне досягаемости. Успех безумия в литературе, в философии и в политике есть одна из особенностей нашего века, и успешные формы безумия происходят практически полностью из импульсов власти… Возьмите культ героя Ницше, которому недоделанные и неполноценные должны быть принесены в жертву… Философии власти, если рассматривать их с точки зрения социальный следствий, отрицают сами себя. Утверждение, что я есть Бог, если никто другой его не разделяет, должно заставить меня умолкнуть; если же его разделяют другие, оно ведет к войне в которой я скорее всего погибну. Культ героя порождает нацию трусов. Вера в прагматизм, будучи распространенной, ведет к власти грубой силы, которая неприятна, и таким образом согласно ее собственному критерию, вера в прагматизм ложна. Если социальная жизнь должна удовлетворить социальные потреб-

> ности, она должна базироваться на философии, не имеющей своим происхождением любовь к власти»

И Суриков пишет в «Пифагоре», что мистики были индивидуалистами (очень точно о шизоидах!), а рациональное мышление выливалось в дружбу социальных связей.

И. Суриков «Пифагор»:

> «Настроения мистицизма нарастали в ту самую эпоху, когда имели место и духовные явления совершенно иного толка: насаждение дельфийским жречеством этических идей умеренности, введение письменных законов во многих полисах. Если эта последняя тенденция воплощала в себе коллективистские начала, то мистические течения, напротив, характерны для возрастания индивидуализма. Опять перед нами та же извечная борьба двух принципов в античной культуре: «принципа Аполлона» и «принципа Диониса». Характерно, что если законодатели, как правило, обращались за божественной санкцией к Аполлону, то греческие мистики особое почитание оказывали Дионису.
>
> Итак, перед нами очередной парадокс культурной истории Древней Греции. В архаический период, когда возникли мистические, иррациональные учения, впервые родилось и самое яркое проявление античного рационализма — философия. И настолько бурным и противоречивым было «духовное кипение» эпохи, что нередко философ-рационалист и вдохновенный мистический пророк совмещались в одном лице. Религиозные воззрения эллинов к этому моменту были уже вполне сформировавшимися, в том числе и представления об Аполлоне. Двойником-антиподом этого «светлого бога» был Дионис, который являлся олицетворением как раз противоположной стороны бытия — экстаза, порыва, слома всех и всяческих перегородок. В XIX веке выдающийся немецкий философ Фридрих Ницше, глубокий знаток античности, предложил (в труде «Рождение трагедии») видение всей греческой цивилизации как сосуществования и борьбы двух начал — «аполлонического» и «дионисийского», светлого, рационального и темного, трагического. Сам Ницше симпатизировал «дионисийскому» началу. Со времен Ницше в «эллинской душе» выявлена, наряду с «аполлонической», «дионисийская» сторона, иррациональная по самой своей сути. Борьба двух тенденций пронизывала буквально всё бытие: с этим мы и в предшествующем изложении не раз сталкивались, и в дальнейшем еще столкнемся.
>
> Одним из этапов судьбоносного для формирования европейского мироощущения пути «от мифа к логосу», проделанного греками,

> и считается то самое «рождение философии» — совершенно новой ментальной традиции, предпринявшей первые попытки объяснить мироздание с позиций не традиционных представлений, а разума и логики... Но точно так же среди предтеч первых философов были и чудотворцы-мистики. Удивляться не приходится: повторим, в Элладе той эпохи, о которой сейчас идет речь, всё как бы «двоится» и выступает в самой причудливой смеси противоположных принципов»

Мистика «дионисийского» у Ницше нашла свое классическое отражение в его философии сверхчеловека, «художника-тирана с волей к власти». Это и свело его с ума в конечном итоге. О том, как шизоидность связана с шизофренией, можно подробно прочитать в моих книгах по теории ПЭ. Сегодня мы обсуждаем другую тему: что есть шизоидность, почему она в основе западной цивилизации, и как с ней бороться, чтобы излечить научную культуру запада от шизоидности.

Шизоидное мышление, будучи патологией, очень неудобное и болезненное мышление. Это именно шизоидность дважды уже уничтожила научную цивилизацию Запада: один раз растерзав в междоусобицах античность, второй раз, когда провалился «гуманизм» Просвещения, создавший своего Сверхчеловека из лженауки дарвинизма и немецкого идеализма. Тогда С. Хантингтон в «Столкновении цивилизаций» уверял, что «идеологии Холодной войны» как попытки построить научное мировоззрение были просто заблуждением, а настоящая «самоидентификация» человека связана с его архаичным первобытным обществом, с традициями религиозного мышления, но никак не с научным методом. Идеология была заблуждением, но попытки построить научное мировоззрение — сущность природы человека. Главным итогом Холодной войны стала капитуляция научной культуры и ее откат в мистику мифологического века. Сейчас шизоидность западной культуры хочет уничтожить научную культуру Запада в третий раз. Но ведь мы ей не позволим сделать это в третий раз, правда, великие Духоборцы?

Совершенно тот же процесс акцентирования эгоцентричности, который описывают психиатры, нашел отражение в термине

«гибрис», которым греки стали обозначать эпидемию «болезни сверхчеловека», повально косившей античных эллинов.

И. Суриков «Пифагор»:

> «Однако индивидуализм, если он нарастал в слишком большой степени, переставал играть конструктивную историко-культурную роль. Напротив, он был способен подорвать целостность и стабильность гражданской общины, формирующегося полиса. Это „чрезмерное“ акцентирование личностного принципа общественным мнением уже не поощрялось. Для его обозначения существовал труднопереводимый термин гибрис. Обычно это слово переводят как „спесь, наглость, гордыня“, но всё это не вполне точно. Если попытаться передать значение термина „гибрис“ описательно, то окажется, что это — дерзостное стремление человека подняться над своим человеческим уделом, превзойти его, стать существом высшего порядка. Слово „гибрис“ происходит от предлога гипер — „над“. Греческое гипер — то же самое, что латинское супер. „Гибрис“ — это стремление стать „суперменом“, сверхчеловеком. „Гибрис“ осуждался. Считалось, что он способен только ввергнуть в пучину бед и самого человека, поддавшегося этому соблазну, и всю его общину».

В этом существо шизоидности: формальный интеллект вторгается на поле эгозащиты и строит там ложные теории, которые не могут иметь ничего общего с действительностью, поскольку отделены от нее «кривым зеркалом» Эго и СуперЭго. В то же время у человека остается и функционирующий здоровый научный интеллект: и античный человек оказывается раздвоенным между мистическими построениями о завоевании власти над враждебным миром с одной стороны и научными изысканиями рациональной философии с другой стороны. Песни Гомера о Богочеловеках, о героях, живущих и борющихся в постоянном общении с богами Олимпа стали воплощением мистического сознания (то есть шизоидной эгозащиты). Философия Пифагора, Платона, Сократа, Аристотеля, научное мышление (пусть зачаточное) других античных философов — воплощением здоровой научной активности сознания.

Суриков пишет об этом раздвоенном сознании античности как о «культуре вины» и «культуре стыда». Эрих Фромм называет это разделение двух полей психики: гуманистической сове-

стью (сочувствие и справедливость) и авторитарной совестью (тщеславие и самолюбие). У греков уверяет Суриков, у этих носителей этоса Гомера, выражена, прежде всего, культура стыда, то есть авторитарная совесть тщеславия и самолюбия шизоидов.

И. Суриков «Пифагор»:

> «Специалисты по исторической этологии — науке, изучающей моральные ценности различных эпох и народов, — делят все человеческие культуры на „культуры вины“ и „культуры стыда“. В первом случае регулятором поведения людей служит некое внутреннее чувство нравственно должного — то, что в христианской цивилизации называют совестью. Во втором же случае человек действует всецело с оглядкой на то, как его оценят другие. Главное — не „ударить в грязь лицом“, чтобы не пришлось испытывать стыд. Античная греческая культура была типичной „культурой стыда“. Само понятие „совесть“, судя по всему, эллинам архаической и классической эпох было еще вполне чуждо, даже и слова такого в языке не существовало. Для грека превыше всего — суждение общины, суждение окружающих. Именно таковы герои Гомера. Им абсолютно чужды те нравственные ценности, которые столь близки нам и которые сопряжены именно с внутренней самооценкой: доброта, милосердие, сострадание... Всё это — порождение более поздних эпох, тесно связанное с возникновением христианства. Зато среди витязей, изображенных в эпосе, очень высоко котируются воинская доблесть, величественность, щедрость — словом, то, что характеризует человека с „внешней стороны“. А ведь именно эти гомеровские герои служили образцом для греков последующих эпох, особенно для аристократов».

Итак, мы выяснили, что тематикой шизоидных построений формального интеллекта на поле эгозащиты всегда выступает «воля к власти сверхчеловека». Если абориген смеет только поклонятся и приносить жертвы СуперЭго (отражение мира через кривое зеркало Эгосистемы как всемогущая сила, у абориген — тотемы), в самом лучшем случае считать себя колдуном, которому СуперЭго позволило распоряжаться силами природных стихий (вызывать дожди, останавливать ветры), то шизоидная эгозащита доказывает Власть Сверхчеловека над всемогущей силой мира, (то есть Эго над СуперЭго кривого зеркала Эгосистемы). Об этом все героические песни Гомера. Конечно, есть

в них и элементы здорового рационального человеческого сознания и чувствования, но преобладает шизоидная героика богочеловеков в единении с богами Олимпа, покоряющих мир.

Э. Фромм «Иметь или быть»:

> «Цель греческих и германских героев — завоевание, победа, разрушение, грабеж; а итог жизни — гордость, власть, слава, превосходство в умении убивать (Святой Августин сравнивал историю Древнего Рима с историей разбойничьей шайки). У языческого героя мерилом доблести человека служила его способность достичь власти и удержать ее, он с радостью умирал на поле брани в момент победы. „Илиада" Гомера — это величественное поэтическое описание деяний прославленных завоевателей и покорителей».

Античный человек Древнего Рима мало чем отличался от античных эллинов, если учесть насколько Рим был пропитан греческой культурой. Суриков пишет в «Пифагоре», что «индивидуализм и коллективизм» в равной степени процветали в греческом полисе, и что «Воплощением индивидуализма в максимальной степени может считаться тиран, воплощением коллективизма — мудрец-законодатель. Это, так сказать, идеальный тиран, „великий и ужасный". А вот, в противовес ему, — идеальный законодатель: афинянин Солон, современник Периандра». В той же мере можно сказать, что великие императоры Рима эпохи Антонинов были воплощением здоровой энергии разума и совести (и др. разумные императоры как Александр Север или Юлиан), тогда как «сумасшедшие» императоры, представлявшие себя богами и сверхчеловеками, погрязшие в пороке и насилии, такие как Калигула, Нерон, Каракала, Коммод, Элиогабал, Домициан — были носителями выраженной шизоидности поля эгосистемы.

И сама римская культура такой же сплав позитивной продуктивности и деструкции бессмысленного насилия и войн, каким была история античной Греции. Обе дали миру очень много, и обе уничтожили себя сами в междоусобицах в погоне за властью, которую рождает шизоидное сознание.

> «Эта древняя болезнь Эллинов, — писал Геродиан в 3-ем веке в „Истории от Марка Аврелия", — беспрестанно враждовавших друг про-

> тив друга и желавших гибели тому городу, который обладал какими-либо преимуществами, — это, собственно, и погубила Элладу. Ослабленные и истощенные междоусобиями Эллины сделались жертвами македонян, а затем были порабощены римлянами. Та же самая болезнь ревности и зависти перешла и к современным нам городам».

Античный характер резко противопоставляют характеру Древнего Востока того же периода. Вообще, всем известно, что история Запада и история Востока имеют свои специфические орбиты движения. Если Запад движется прямо с резкими коллапсами, «сдвигами», то Восток движется плавно по кругу, застойность, традиционность и мистичность отличают его. Если на Востоке не было четкой границы между рабом и господином, один человек мог быть и слугой и господином, и рабы вообще не были особым классом, смешиваясь со слугами, то Запад известен резкой чертой между свободными и рабами. В принципе, «черно-белый мир» — характерен для любого мистического сознания, его рождает кривое зеркало Эгосистемы, противопоставляя мир как Эго и СуперЭго. Но если обычная эгозащита абориген сглажена переходами от позиции насилия к подчинению в зависимости от расстановки сил (высшему подчиняюсь, низшим командую), то эгозащита шизоидов, в силу ее интеллектуального характера, где логически доказана власть Эго над СуперЭго, уже не имеет дороги назад, к позиции подчинения. Шизоиды или командуют, или закрываются от мира в аутизме, поскольку невозможность занять позицию подчинения делает удары по Эго крайне болезненными.

Итак, «эгоцентричность системы подвергается еще большему акцентированию» говорит А. Кемпинский о бредовой структуре шизофреников. Действительно:

> «Разные ученные пришли к выводу, что люди, у которых развилась шизофрения, особенно чувствительны к определенным стрессовым воздействиям типа реальной или переживаемой угрозы самолюбию или самооценке и что они могут реагировать и болезненно реагировать, на события, которые другие не сочтут огорчительными.» Под ред. Р. Дж. Энсилла, С. Холлидея, Дж. Хигенботтема Шизофрения. Изучение спектра психозов. М. Медицина 2001

А. Кемпинский «Психология шизофрении»:

> «Не редко в основании аутизма лежит неспособность осциллировать между установками «я управляю» и «я управляемый». Среда, которой нельзя быть властелином становится чуждой и враждебной, высвобождает тенденцию к бегству на безопасную территорию, обозначенную местоимением «мой».

Б. Расссел «История западной философии»:

> «У греков существовало по отношению к варварам сильно развитое чувство превосходства; — пишет Б. Рассел в Истории западной философии, — несомненно, Аристотель выражал общее мнение, когда говорил, что северные расы смелы, южные — культурны, но одни лишь греки и культурны и смелы. Платон и Аристотель считали неправильным обращать в рабство греков, но не варваров.»

Сверхчеловеки-греки почти потеряли способность к совместному сосуществованию, настолько болезненной стала конкуренция и состязательность в борьбе за власть каждого. Первым делом они уничтожили своих царей, что было бы неплохо, если бы они сумели договориться о самоуправлении. Здоровая энергия древних эллинов приложила к этому все усилия, и возникли демократии греческих полисов. Но другая, шизоидная энергия побуждала каждого метить на роль тирана. В итоге перевороты были настолько частыми, демократии постоянно сменялись тираниями, войны между богатыми и бедными не прекращались, что правильно говорить не о демократиях греков, а о демократиях-тираниях. А уж зависть различных античных полисов друг к другу известна из знаменитых войн Афинского и Пелопонесского военных союзов. И не только. Греческие полисы регулярно воевали друг с другом, как они регулярно были заняты свержением демократии и установлением тирании. Вот сколько всего интересного мы не узнали, пока изучали историю по учебникам диалектического материализма, исключившего уровень человеческой психики из анализа человеческого общества!

Б. Рассел «История западной философии»:

> «В большинстве греческих городов, и особенно в городах Сицилии, имел место постоянный конфликт между демократией и тиранией. Вожди той и другой партий в моменты поражения подвергались казни или изгнанию. Изгнанники редко стеснялись вступать в переговоры с врагами Греции — Персией на Востоке и Карфагеном на Западе… В Греции революции были столь же часты, как недавно в Латинской Америке. …Олигархи, по-видимому, были весьма энергичными людьми. В некоторых городах, оказывается, они давали такую клятву: „Я неизменно буду врагом народа и буду причинять ему такой вред, какой только смогу“. Современные реакционеры не так откровенны»

Увы, мало что изменилось со времен античности. Гомер больше не авторитет, но ему на смену пришла та самая философия Просвещения, о провале которой так горько сетовал Солженицын в своей Гарвардской речи. Он уверял американцев, что они такие же жертвы этой философии как Советский Союз, и эта философия материализма — их общая беда. Американцам не понравилось такое обобществление. А Солженицын был прав. Дарвинизм и немецкая философия создали в равной степени Гитлера и Маркса, а вместе они создали нового Сверхчеловека из новой философии материализма и субъективизма, разрушив и то прекрасное, что было в рационалистической философии греков, и в христианском синтезе средних веков.

Конечно, Просвещение, также как великая Античность, внесло громадный вклад и в становление настоящей научной культуры, и много способствовало укреплению здоровой энергии человека. Однако, ее побочным эффектом была лженаука, которая и дала перевес шизоидной энергии. Колониальные войны, Наполеоновские войны — как видна в них эта взрывная смесь научного и шизоидного интеллекта. Правда, что западные колонии принесли с собой прогресс и культуру, но также правда и то, что они принесли насилие, порабощение и грабеж. Гитлер был уже выраженной патологией, где здорового совсем не осталось. Коммунизм советов –такая же смесь здорового и шизоидного. В современной Америке здоровые силы научной культуры представляют демократы, а шизоидную

энергию эгоцентризма, с его мистикой, паникерством, черно-белым миром, жестокостью и разделением на свободных и рабов — консерваторы. Две мировые войны — вот кульминация новой шизоидной культуры, выросшей из материализма эпохи Просвещения. Холодная война — это замороженная ядерным оружием Третья мировая война, которая вылилась в массовое насилие, с применением самой современной техники, в странах третьего мира в ходе нового «либертарианского колониализма». Речь идет о «тайных операциях ЦРУ» по утверждению марионеточных режимов в беззащитных против их военного насилия странах. ЦРУ в свою очередь обвиняло СССР в «игре в домино», в утверждении коммунистических режимов. Так или иначе, это не оправдывает ни одну из сторон. Безумие такой политики, очевидно, кто бы его не применял. Когда генерал Смедли Батлер назвал эти войны «просто рэкетом», он сказал то, что видит в этой ситуации каждый здравомыслящий человек.

Если греки обладали выраженным чувством превосходства по отношению к варварам, то европейцы периода колониализма обладали не меньшим чувством превосходства по отношению к странам третьего мира.

Д. Гренвилл «История 20-го века»:

> «Итак, европеец образца 1900 года обладал чувством превосходства, подтвержденным на поле битвы... Всех остальных людей он полагал нецивилизованными... Человеческая способность к самоуправлению прямо увязывалась с цветом кожи, и на вершине этой пирамиды, естественно находились белые европейцы».

Э. Фромм «Иметь или быть»:

> «Нет необходимости доказывать, что история Европы — это история завоеваний, эксплуатации, насилия и покорения. Эти факты характерны почти для каждого периода ее истории, и никакой народ, никакой класс не составляет исключения, причем часто дело доходило до геноцида, как, например, в отношении американских индейцев; не являются исключением даже такие религиозные движения, как крестовые походы. Стоит лишь вспомнить тот дикий, безумный энту-

> зиазм, с которым люди принимали участие в различных войнах за последние два века, — эту готовность миллионов к самоуничтожению ради того, чтобы сохранить репутацию „сильнейшей державы", „честь" или прибыли. А вот еще один пример: посмотрите, какой безумный национализм объединяет людей, следящих за ходом современных Олимпийских игр, которые якобы служат делу мира. На самом же деле популярность Олимпийских игр — это символическое выражение западного язычества. Они прославляют языческого героя: победителя, самого сильного, самого упорного, и при этом не замечают грязной смеси бизнеса и рекламы, столь характерных для современной имитации тех Олимпийских игр, которые проводились в Древней Греции».

Легко в это поверить, если вспомнить, что войны за сохранение колоний шли уже после Второй мировой войны и вылились в мировой конфликт во Вьетнаме. Мы можем предположить, что лженаука Просвещения, субъективизм, материализм, дарвинизм, прагматизм, ницшеанство и диалектика сделали новый базис для шизоидной психики западного человека, и он остается Богочеловеком Гомера на новом теоретическом фундаменте. Что ненависть диалектического материализма к буржуям только оборотная сторона медали ненависти западного капитализма к коммунистам. Что это старый черно-белый мир кривого зеркала мистики Эго и СуперЭго. Это бредовое отражение мира через призму ложной философии поддерживает шизоидную энергию эгоцентризма. Безумие коммунистов держалось на диалектическом материализме Маркса и Ленина. Безумие Гитлера на дарвинизме и ницшеанстве, смешиваясь с примитивным язычеством первобытных германцев (он любил мифологию). Безумие консерваторов Америки держится на субъективизме прагматизма, дарвинизме, и на идеологии исключительности Америки, которая и стала их настоящей религией.

Н. Хомский «Системы власти»:

> «Ганс Моргентау написал книгу, озаглавленную „Цель американской политики". У всех других стран осязаемой цели нет. Цель же Соединенных Штатов представляется чуть ли не „трансцедентальной" — целью наивысшего, так сказать, порядка: принести свободу и справедливость всему остальному миру. Но Моргентау был хорошим

> ученым, не хуже Каротерса. И он сказал: если заглянуть глубже в историю, то похоже, что Соединенные Штаты не вполне оправдали свои притязания на высшую цель. Впрочем, пишет Моргентау, критиковать „высшую цель" США — „все едино что уподобиться атеисту, отрицающему религию". Неплохое сравнение. Американская вера в свободу и справедливость — своего рода глубоко укоренившееся „религиозное верование", истово исповедуемое закоренелыми же безбожниками. Оно укоренилось настолько глубоко, что выпутаться уже невозможно. А если вы усомнитесь в этой „религии наизнанку" и начнете задавать вопросы, то немедленно вызовете вспышку истерии либо навлечете на себя обвинения в антиамериканизме или „ненависти к Америке". Такие обвинения сами по себе довольно любопытны и многозначительны, поскольку вряд ли могут звучать в демократическом обществе, блюдущем свободу и справедливость. Подобное звучит лишь в откровенно тоталитарных обществах. Ну конечно, и здесь — в Соединенных Штатах. Здесь их принимают как нечто вполне естественное».

Раздвоенность здорового и шизоидного — вот реальность современной западной культуры. Россия со времен реформ Петра Первого, такая же неотъемлемая часть этой культуры. Вклад русских ученых и писателей достаточно велик, чтобы русские не были только гостями для научный культуры запада. В Америке борются демократы с консерваторами, в СССР боролись диссиденты с номенклатурой партии. Хрущев и Горбачев безусловно сами стали такими диссидентами, рискнув всем для либеральных перемен в обществе задушенном безумной идеологией.

Н. Хомский «Системы власти»:

> «Стало быть, если страной правит жесточайшая диктатура — просто великолепно: в этом случае тамошнее руководство потихоньку дает согласие на все, что мы творим, и не обращает ни малейшего внимания на собственный народ, который в подавляющем большинстве возмущается нашими действиями. То есть недостаток демократии в Пакистане оборачивается для нас благом. А газеты американские голосят: «Мы укрепляем всемирную демократию!» Джордж Оруэлл назвал это «двоемыслием» — способностью одновременно держать в голове две противоположные идеи, считая истинными обе. Двоемыслие и определяет нашу умственную культуру.

> ..Суть истории заключается в том, что каждая американская администрация «больна шизофренией». Правители поддерживают демократию, только если она соответствует определенным стратегическим и экономическим интересам. Каротерс описывает это состояние как некую странную патологию: получается, Соединенным Штатам нужна психиатрическая помощь — или даже смирительная рубашка. Конечно, существуют иные толкования творящегося в государстве — такие, что и в голову не придут образованному, здравомыслящему человеку».

Артур Шлезингер также пишет о мессианских навязчивых идеях консерваторов в «Циклах американской истории», которые составляют суть их философия Сверхчеловеков. Э. Фромм говорит о «шизоидном характере» рыночной культуры.

А. Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Моральный абсолютизм во внешней политике ведет к „крестовым походам" и истреблению „неверных". Вина за неудачи возлагается тогда не на неодолимые препятствия или ошибочные решения, а на предателей (или военных преступников), занимающих высокие посты. Мы много слышим об огромной потребности современного мира в религиозной вере. Но религия отнюдь не стала помехой насилию на мировой арене, не говоря уже о бедствиях, порожденных тоталитарными религиями XX в.»

Э. Фромм «Иметь или быть»:

> «Используя психиатрический термин, человека с рыночным характером можно было бы назвать шизоидным, однако такой термин может ввести в заблуждение, так как шизоидная личность, живя среди других шизоидных личностей и успешно функционируя, не испытывает чувства беспокойства, которое свойственно ей в более „нормальном" окружении»

— Ну, хорошо, Тесла, — перебил Теслу Бертран Рассел, — твоя мысль понятна. Значит, ты хочешь сказать, что во всем виноват провал эпохи Просвещения, которая сделала фундаментом социальных наук с одной стороны — дарвинизм и эмпиризм, а с другой стороны — немецкий идеализм и диалектику. И что все вместе разрушило философию рационализма и научный метод. Но, все то рационалистическое и истинное и продук-

тивное, что дали Античность и Просвещение, а они в равной степени были великими эпохами развития научного интеллекта и духовной энергии, все это сошлось в теории психической энергии. Что это новая парадигма, которая ждет своего часа научной революции. И тогда можно будет объявить войну шизоидной энергии и в на Западе и в России, потому что они в равной степени подвержены этой шизоидности. И что сами они, видя мир через черно-белую призму энергии эгозащиты, думают что они противоположны: буржуи и коммунисты. На самом деле, они видят одни и те же фигуры, ненависть к «СуперЭго», которую испытывает каждый шизоид к враждебному миру. Абстракции ложных философий неважны, важно что в обоих случаях это «загрузки СуперЭго», как говорил Фрейд. Потому Шлезингер прав, называя мировоззрение обеих сторон Холодной войны, зеркальным отражением друг друга. Правильно мы поняли тебя, Тесла.

— Правильно! Все так и есть, уважаемый Бертран Рассел, — восторженно глядя на своего кумира, сказала несчастная изувеченная Тесла.

— Так вот. Скажи тогда нам как бороться с этой шизоидной энергией. Коммунисты предлагали стереть с лица земли капиталистов, капиталисты предлагали сделать то же самое с коммунистами. И те и другие называли друг друга империей зла. А что мы должны сделать с шизоидной энергией обеих сторон?

— О, это совсем просто, уважаемый Бертран Рассел, — сказала опять Тесла, не сводя глаз с оппонента, — Надо просто доказать что открытые Теорией ПЭ закономерности психики — истинны. Ну, вы же помните, как Г. Герц доказал, что уравнения электромагнитных волн Максвелла — это настоящая энергия электромагнетизма, проведя серию экспериментов. Эксперименты Стенли Милграма уже могут служить таким подтверждением: тысячи таких экспериментов всегда фиксируют две противонаправленные энергии: поле тщеславия и поле совести. Исследования самоактуалов — это только начало. Его надо продолжать, оно докажет на тысячах случаев его синдром здо-

ровой личности. Доказав истину, мы сможем сменить научную парадигму.

— Хорошо, допустим мы сменили научную парадигму. Как нам лечить шизоидную энергию?

— Так же как вы предлагали в книге «Образование и здоровое общество». И в других ваших книгах. Путем правильного образования. Надо научить детей основам психической энергии, и с детства нейтрализовать поле эгосистемы. Взрослые могут проходить «ликбез» по теории ПЭ. Они уничтожали друг друга, а мы будем обучать людей воевать с собственной болезнью, с собственным бессознательным. Мы будем их образовывать. Насилие и порок станут всеми восприниматься как безумие, как самая стыдная вещь. Сейчас это неочевидно для всех, потому что для примитивных людей насилие все еще считается «силой». Но когда люди научатся основам закономерснотей своей психической энергии, и увидят что на насилие способны только самые тупые люди, не дотягивающие до уровня человечности, до уровня разума и духа, это станет очень стыдным для всех.

— Значит, в социальной науке будет единая истина? Как в науках технических?

— Безусловно. В этом вся суть.

— Но тогда мы опять не будем терпеть инакомыслия? Опять конформизм? Мы потеряем здоровый скептицизм?

— Извините, уважаемый Бертран Рассел, тут я соглашусь с Роменом Ролланом, что скептицизм скорее нездоров, он разъедает душу. Человек есть разумная энергия и без истины он погибает, скептицизм разъедает его словно кислота. Нас ведь не мучает единая истина в технических науках? Никто нам не мешает продвигать и развивать их, но и достигнутого и познанного у нас не отнять.

Вопрос о конформизме и инакомыслии — был вопросом принуждения для лженауки, которая ничего не могла доказать, а только противопоставляла одной идеологии — другую. Для нас это вопрос доказательства теории. Я потому начала с доказательства. Должна быть открытая платформа по всему миру, где каж-

дый мог бы подвергнуть существующую научную парадигму критике. Если смогут доказать ее неправоту, значит, поставят свою теорию. Но этот вариант Попперовской эволюции научных теорий вряд ли возможен, истина, которую раз доказали, как правило остается навсегда. Только дополнятся. Так, Эйнштейн всегда говорил, что ньтоновская физика всегда останется частным случаем новой физики. Что теория относительности не отменяет ее, а только дополняет. Так с любой теорией, которая доказала свою истинность контролем закономерностей на практике, доступ к силе заявленной природной энергии.

Здесь Тесле позволили спуститься в ее инвалидное кресло, сам Бертран Рассел помогал ей сесть и довез до ворот Храма Духа. И долго потом, уже проснувшись, ей слышались бурные аплодисменты, которыми ее провожали великие духоборцы Храма Интеллекта.

ГЛАВА 11
ПРОЕКТ «ПРОМЫВАНИЯ МОЗГОВ» АЛЛЕНА ДАЛЛЕСА. СУД НАД ТОТАЛИТАРИЗМОМ

Следующая сессия Большого Суда в Храме Великих Мыслителей была посвящена вопросам конформизма и тоталитаризма, поскольку предыдущие слушания закончились вопросом о единой научной истине.

— Что по вашему есть свобода мысли и свобода воли? Какие точные формулировки нам противопоставить тоталитарным обществам, известными, прежде всего, своими попытками контролировать мысли людей, предупреждать и пресекать инакомыслие, унифицировать мышление в рамках узкого компромисса? Как нам оградить и обезопасить все богатство духовного мира человека от таких попыток тоталитарного контроля сознания?

— Открытие психической энергии напрямую связано с Энергетикой Вильгельма Оствальда, предложившего новое понимание процесса познания, новую гносеологию: научное знание — это изучение закономерностей природных энергий. — отважно

отвечала Тесла на сыпавшиеся на нее со всех сторон вопросы. — Что дает такая постановка вопроса? Она снимает так называемую «проблему Юма», на которой держится вся философия эмпириков, утверждающих, что законов природы нет и быть не может. Если понимать, природные энергии — как систему законов, контроль которых дает доступ к силе этой энергии, то мы можем доказать существование законов природы и проверить правильность любой теории наличием такого контроля. Что собственно и сделал Г. Герц в отношении уравнений электромагнитных волн Максвелла.

— Да, это победа философии рационализма! — громко аплодировал Альберт Эйнштейн, вытирая украдкой набежавшую слезу. — Я говорил эмпирикам, говорил Нильсу Бору, что придет наш час, рационалистов, и мы докажем бредовость «капенгагенской интерпретации». Наш час настал, друзья! Я говорил, что решение придет с каким-то новым глобальным открытием, и что меня никогда не подводила научная интуиция? Вы можете видеть друзья, я не ошибался!

И как все рационалисты, я писал неоднократно, что весь мир детерминирован законами природы, даже полет насекомого заранее предопределен. И что свобода возможна только как свобода осознанной необходимости Спинозы. Контроль природных энергий, с одной стороны, открывает людям доступ к силе космоса, в виде огромной силы электрической, атомной, химической и др энергий. С другой стороны, он ограничивает человека рамками законов природы. Хватит мечтать фантазерам о шизоидной абсолютной свободе.

— Пусть так! — вмешался Лев Толстой. — Но что же тогда такое свободное общество? Я много писал в свое время как пропагандой патриотизма и милитаризма, оглупления религии «одуряют» людей. Мне не чужая эта тема тоталитаризма и манипуляций сознанием народа. Я хочу понять, как же новая научная парадигма понимает свободное общество? Ведь тут тонкая грань: с одной стороны надо сохранить всю чистоту этики, не ударится в либертарианство тех, кто хочет быть свободен

и от добродетели и от науки; а с другой стороны, не ущемить полноценной творческой и научной мысли. Как же вы решаете эти вопросы?

— Единая истина в технических науках не ущемляет свободы и естественности научного мышления ученых. Почему она должна ущемлять его в социальной науке? Важно, чтобы истина была доказана строго научными методами, и открыта для возможности ее оспорить такими же научными методами. Но свобода как говорит уважаемый Альберт Эйнштейн, ограничивается этими рамками научного метода. Не свобода определяет науку, а наука определяет свободу. Мы есть рациональное мышление, постижение законов природы, а свобода только то, что вытекает из этой нашей рациональной сущности.

Именно поэтому пока человек остается самим собой — он чувствует себя счастливым и свободным, намного более свободным, чем фантазеры-шизоиды в поисках абсолютной свободы. Сартр был одним из них, и его философия до сих пор есть яркий образчик такой абсолютной свободы, неограниченной законами природы. Что он пишет в «Тошноте»: я был свободен, но эта свобода напоминала смерть», Должна сказать, роман очень хороший, несмотря на ложность философии, — хороший, потому что очень искренний, с глубокой рефлексией опыта жизни незаурядного человека.

В научном обществе — управляет наука, истина, а не люди. Об этом очень хорошо сказано у Ж. Прудона, у всех теоретиков естественного права, но у Прудона особенно хорошо. Бертран Рассел также писал о центральной роли образования и научных институтов в здоровом обществе. Именно поэтому люди чувствуют себя свободными: все в равной степени причастны научному контролю общества, осуществляемому через институты образования и науки государства. В этом суть естественного права.

— Хорошо, деточка, — продолжал Лев Николаевич, — тогда как же нам определить общество тоталитаризма, все эти страшные системы власти, которые одуряют людей, чтобы подчинить их своей воле?

— Вы уже дали определение, уважаемый Лев Николаевич: тоталитаризм — это системы власти, которые стремятся вопреки разуму и воле людей, заставить их подчиняться и принять с этой целью ложное мировоззрение. Они делают это тремя способами.

1) Прямое насильственное принуждение через тюрьмы и лагеря;

2) Косвенное психологическое воздействие, манипуляции сознанием;

3) Карательная психиатрия, физическое воздействие на мозг человека.

Все три метода применялись в Америке, как и в СССР. Может не так часто и не так массово, но если есть тенденция, кто знает что принесет будущее, особенно если учесть победу консерваторов над демократами. Америка чаще делала это на гражданах других стран, как например, во Вьетнаме, а СССР с гражданами собственной страны. И конечно, самое жестокое применение все три метода получили в гитлеровской Германии.

Бертран Рассел писал об этом в «Воздействие науки на общество»:

«Можно ожидать, что успехи в физиологии и психологии сосредоточат в руках правительств значительно больше контроля над индивидами, чем они сейчас имеют даже в тоталитарных странах. Лучший пример из существующих диктатур система, порожденная Карлом Марксом. Тоталитарное правительство, которое станет использовать научные знания, может сделать страшные вещи. Нацисты были более изощрены в науке, чем предшествующие правители России, и были более склонны к зверствам, о которых я говорю. Говорят, не знаю насколько это правда, что они использовали заключенных концлагерей в качестве материала для различных экспериментов, которые часто вели к смерти от невыносимой боли. Если бы они выжили, скорее всего их сделали бы объектом научной дрессировки. Нация, которая примет эти методы на вооружение в течении одного поколения получит огромное превосходство в военной силе. Бунт

плебса станет столь же невозможен как организованный протест овец против обычая кушать баранину».

Джон Маркс пишет, что такие эксперименты действительно имели место в концлагерях немецких нацистов: сотрудники ЦРУ внимательно изучили эти эксперименты на болевой порог, и были поражены степенью жестокости: ничего полезного для себя они не нашли, слишком много садизма, сказали ученые, изучавшие опыт лагеря Дахау.

Это заявление спровоцировало громкие дебаты. Половина Храма не хотела верить, что Америка на сегодня тоже тоталитарная страна.

— Мы требуем доказательств! — возмутились Ф. Хайек и Л. Мизес. — Приведите доказательства, что перечисленные вами способы принуждения мышления были использованы в Америке!

— Доказательств у меня нет, я располагаю только свидетельствами очевидцев, — вздохнула Тесла. — Прежде всего, материалы о концлагерях во Вьетнаме — это общеизвестная информация. Материалы о программе ЦРУ по контролю разума — это книга Д. Маркса на основе материалов отчета самого ЦРУ. Книга Д. Перкинса, рассказывающая о том, как методы косвенного психологического воздействия были применены к нему для того, чтобы он дал согласие на грязную работу провокатора. Возможно вы правы в том, что программа контроля над разумом ЦРУ не нашла широкого применения в обществе, как в свое время карательная психиатрия в СССР. Однако, мне хотелось бы вам сказать, что эта программа проходила в тесном взаимодействии с научными разработками в сфере психологии в Америке, и наложила глубокий отпечаток на всю психологию и психиатрию Америки. А о том, насколько неэффективна и жестока современная психиатрия давно рассказало миру движение анти-психиатров. И еще неизвестны все последствия утверждения этой жуткой системы, а также бихевиоризма и дарвинизма в психологии.

Что касается косвенного психологического воздействия, я бы порекомендовала вам почитать труды Роберта Грина, автора книг «48 законов власти» и «Искусства соблазна». Между

прочив, его регулярно приглашает в качестве консультанта для выборов Демократическая партия США. Или «Как бы поступил Макиавелли?» Стенли Бинга, он рассказывает о том, что боссы крупного бизнеса, как правило, пользуются косвенным психологическим воздействием на подчиненных, вместо прямого рационального человеческого общения.

— И что же это за эксперименты контроля над разумом ЦРУ? На ком проводили исследования? Это же не массовое явление, как карательная психиатрия в Советах?

— Нет, пока не массовое, слава богу. Но в целом содержание книги Дж. Маркса, который излагает отчет ЦРУ об экспериментах на контроль над разумом на 16 тыс. страниц, можно выразить вот этим коротким абзацем из

«1984» Дж. Оруэлла:

> «У партии две цели: завоевать весь земной шар и навсегда уничтожить возможность независимой мысли. Поэтому она озабочена двумя проблемами. Первая — как вопреки желанию человека узнать, что он думает, и — как за несколько секунд, без предупреждения, убить несколько сот миллионов человек. Таковы суть предметы, которыми занимается оставшаяся наука. Сегодняшний ученый — это либо гибрид психолога и инквизитора, дотошно исследующий характер мимики, жестов, интонаций и испытывающий действие медикаментов, шоковых процедур, гипноза и пыток в целях извлечения правды из человека; либо это химик, физик, биолог, занятый исключительно такими отраслями своей науки, которые связаны с умерщвлением».

В целом проект был признан неэффективным и закрыт. Главные причины, инициировавшие его: соперничество с подобными технологиями, которые якобы разрабатывались в России, и поставленная задача управлять людьми помимо и против их воли, себя не оправдали. У России не оказалось более современных методов, чем методы «испанской инквизиции», а попытки поставить под контроль волю и мысли человека полностью провалились. Ничего другого нельзя было ожидать от «бихевиоризма», изучающего условные рефлексы животных, и на животных. Об этом провале они узнали бы из книг психо-

логов гуманистов заранее, если бы удосужились заглянуть в них. Иван Павлов и его собаки в России, Скиннер в Америке — самые яркие имена бихевиористов, построевших современную бипсихиатрию, по самой своей сутью являющуюся «карательной психиатрией»

Гуманистическая психология Эриха Фромма, Абрахама Маслоу, Карла Роджерса, Карен Хорни, Альфреда Адлера, Виктора Франкла, Гордона Олпорта и др родилась как протест против засилься дарвинизма и материализма бихевиоризма, который сводит духовную энергию человека, личность, разум к условным рефлексам животным. Гуманисты подчеркивали, что бихевиоризм много раз доказал свою неэффективность на практике. Упорство, с которой продолжают цепляться за дарвинизм и бихевиоризм, после этого расследования Маркса наводит на другие мысли. Его неэффективность как метода научной психологии всем известна, однако, продолжают придерживаться не для поддержания здоровья и продуктивности развитой, сильной личности, а напротив, как систему контроля и репрессий, как способ разрушения личности под прикрытием здравоохранительной системы. «Карательной психиатрией» в этом смысле является вся система дарвинистской и бихевиористской психологии и психиатрии. И движение анти-психиатрии тщетно старалось донести эту правду до всего мира. Теперь, с открытием психической энергии, мы можем рассчитывать на успех в важном деле, начало которому положило движение анти-психиатрии.

Э. Фромм «Анатомия человеческой деструктивности»:

> «Скиннера не волнует проблема страстей, ибо он считает, что человек всегда ведет себя так, как ему полезно. И на самом деле общий принцип необихевиоризма состоит в том, что идея полезности считается самой могущественной детерминантой человеческого поведения; человек постоянно апеллирует к идее собственной пользы, но при этом старается вести себя так, чтобы завоевать расположение и одобрение со стороны своего окружения. В конечном счете бихевиоризм берет за основу буржуазную аксиому о примате эгоизма и собственной пользы над всеми другими страстями человека.

> Поскольку бихевиоризм не владеет теорией личности, он видит только поведение и не в состоянии увидеть действующую личность. Для необихевиориста нет никакой разницы между улыбкой друга и улыбкой врага, улыбкой хорошо обученной продавщицы и улыбкой человека, скрывающего свою враждебность. Однако трудно поверить, что профессору Скиннеру в его личной жизни это также безразлично. Если же в реальной жизни эта разница для него все же имеет значение, то как могла возникнуть теория, полностью игнорирующая эту реальность? Необихевиоризм не может объяснить, почему многие люди, которых обучили преследовать и мучить других людей, становятся душевнобольными, хотя „положительные стимулы“ продолжают свое действие. Почему положительное „стимулирование“ не спасает многих и что-то вырывает их из объятий разума, совести или любви и тянет в диаметрально противоположном направлении? И почему многие наиболее приспособленные человеческие индивиды, которые призваны, казалось бы, блистательно подтверждать теорию воспитания, в реальной жизни нередко глубоко несчастны и страдают от комплексов и неврозов? Очевидно, существуют в человеке какие-то влечения, которые сильнее, чем воспитание; и очень важно с точки зрения науки рассматривать факты неудачи воспитания как победу этих влечений»

Д. Маркс «ЦРУ и контроль над разумом»:

> «Возьмем, например, высказывание наиболее известного члена ученого сообщества Б.Ф.Скиннера: ≪В некоторых местах меня считают своего рода монстром, желающим, дергая за ниточки, манипулировать людьми. Это весьма далеко от истины. Людьми манипулируют; я желаю только, чтобы ими манипулировали более эффективно≫. Такие представления значительно более широко распространены в элитных кругах, чем склонны подозревать люди: Д.Ю.Камерон читал доклады об ≪изменении паттерна≫ с помощью электрошока перед собравшимися коллегами-психиатрами, и они выбрали его президентом своей ассоциации. Поведение человека играет столь важную роль, что оно касается каждого из нас. Чем выше будет наша бдительность, тем меньше вероятность, что без собственного ведома мы станем жертвами манипулирования».

ЦРУ отказались в 1972 году, Джон Маркс процитировал в книги формулировку, с которой Готлиб закрыл проект, из которой следует, что какая-то идеология нравственности и гуманно-

сти еще вроде бы остается у ведомства, если эти эксперименты внушали им отвращение:

> «В качестве конечного комментария я бы хотел отметить, что с помощью проекта MKSEARCH секретная служба смогла сохранить контакт с передним краем науки в области биологического и химического управления поведением человека. В течение последних лет выяснилось, что эта сфера имеет все меньшее отношение к секретным операциям. Причин этому много, и они сложны, но две из них, вероятно, следует кратко упомянуть. С научной точки зрения стало совершенно очевидно, что влияние этих материалов и методов на человека не поддается прогнозу в той мере, чтобы в конкретных условиях оставалось целесообразным их применение. Наши оперативники проявили явное и, возможно, похвальное отвращение к применению таких материалов и методов. Они, видимо, понимают, что наряду с моральными и этическими соображениями крайняя их секретность и соображения безопасности требуют от них отказаться».
>
> «В одном из документов ЦРУ обосновывается отказ от пыток: ≪Такое бесчеловечное обращение не только не согласуется с традициями нашей страны; оно неэффективно в сравнении с различными методами психоанализа≫. Вторым и наиболее популярным методом получения ответа является традиционный шпионаж. При наличии достаточного времени хороший разведчик может успешно выведать у человека его тайну. В то время как большая часть населения имеет лишь слабое представление о манипуляциях такого рода, у оперативника-профессионала это способ зарабатывать себе на жизнь: обычно он действует вне системы ограничений, регулирующих личные отношения. Как цинично признается проработавший 20 лет и ушедший в отставку оперативник ЦРУ, ≪я никогда не задумывался о законности и морали. Я делал то, что срабатывало≫.

При всем при этом, незаметно сколько-нибудь чувствительной совестливости в такой постановке вопроса, как поиск технических средств, которые лишат человека воли и превратят в послушный автомат. Маркс говорит, что стандартные мечты всех разведок мира, и ЦРУ просто не исключение, но в таком случае «препохабен тот мир», как говорит Шлезингер, и те государства, которым служат такие разведки.

Джон Маркс «ЦРУ и контроль над разумом»:

> «По крайней мере вначале между учеными и проводившими допросы сотрудниками ЦРУ имело место сотрудничество. Почти в каждом документе ЦРУ подчеркивались такие задачи, как ≪доведение управляемого человека до состояния, при котором он будет выполнять наши указания против своего желания и даже действуя против таких основных законов природы, как чувство самосохранения≫. Прочитав такой меморандум, один из сотрудников ЦРУ написал своему шефу: ≪Если предполагается выдать такие цели за исследование оборонительных возможностей, то они не скрывают истинных намерений≫. Тем не менее многие оперативники и их высокопоставленные спонсоры, такие как Аллен Даллес и Ричард Хелмс, настойчиво продвигают идею чудодейственной техники (так называемый ≪бог из машины≫), которая сможет решить все проблемы. Запутавшись в безнадежных завалах рядовой шпионской деятельности, оперативники надеялись на чудодейственный инструмент. Имея дело с лжецами и обманщиками, они мечтали о ≪наркотике правды≫. Окруженные людьми, знающими слишком много, они искали пути к созданию амнезии. Они мечтали о средствах, заставляющих людей против их желания выполнять такие специальные задания, как кража документов, организация драк, убийства или иные противоправные действия. Секретные агенты, завербованные более традиционными способами с опорой на идеалы, жадность, честолюбие или страх, всегда выполняли такие задания, но одновременно доставляли своим хозяевам головную боль. Измученные неуверенностью, руководители ЦРУ надеялись исключить из действий агентов фактор случайности и даже свободной воли. ≪Проблема каждой разведывательной операции состоит в ответе на вопрос, как исключить человеческий фактор. Оперативники приходили к нам и просили об этом≫...Однако с самого своего возникновения ЦРУ не просто мечтало о ≪волшебной палочке≫. Оно истратило миллионы долларов на обширную исследовательскую программу, чтобы найти наркотики или иные эзотерические средства и полностью заставить подчиняться обычных людей независимо от их желания»

Джон Маркс пишет, что участие в программе контроля над разумом было спровоцировано истерией Холодной войны, и что американцы были напуганы предположениями, что русские имеют какие то передовые научные разработки в химии и биологии, позволяющие им осуществлять волшебное «промывание мозгов»: то есть подчинять своей воле людей. Соответствующая программа по разработке способов «промывания мозгов стала

ответом на предполагаемую угрозу русских. Годы программы контроля над разумом примерно те же двадцать лет, что шла вьетнамская война, от Эйзенхауэра до Уотергейта Никсона. И воглавлял ее Аллен Даллес, младший брат Джона Фостера Даллеса, госсекретаря Эйзенхаура. Возглавлял, пока Джон Кеннеди не уволил его, и не сменил все руководство ЦРУ. Говорят, он планировал также уволить Эдгара Гувера с поста главы ФБР накануне своей гибели.

Джон Маркс «ЦРУ и Контроль над разумом»:

> «3 апреля 1953 г. Хелмс предложил директору ЦРУ Аллену Даллесу создать под руководством Готлиба программу ≪тайного использования биологических и химических материалов≫. Вновь, как это уже не раз происходило в истории создания бихевиористических программ, обороной оправдывали нападение Американское руководство оправдывало преступления и эксцессы, имевшие место, как в то время, так и в дальнейшем, атмосферой холодной войны. Нескончаемыми жалобами сопровождали разоблаченные официальные деятели Америки, работавшие в сфере обеспечения национальной безопасности, свои действия, оправдывая их истерией холодной войны. Как считает Рей Клайн, один из прежних заместителей директора ЦРУ, ≪если бы тогдашний директор ЦРУ не пытался узнать, что русские собирались делать в начале 50-х гг. с препаратами, влияющими на умственную деятельность, то он был бы немедленно уволен≫.

Джон Маркс пишет, что программа растянулась на 25 лет, и что за все 25 лет, как отчитываются агенты ЦРУ в предоставленных ему материалах, им не удалось найти никаких «работающих» методов контроля разума. Они также сумели убедиться за эти годы, что русская сторона не располагает никакими более современными способами «промывания мозгов», чем «испанская инквизиция». О том же пишет и Солженицын в ГУЛАГе: полицейские методы тюремной системы коммунистов не ушли дальше методов средневековой инквизиции: пытки и психологическое давление. На этом основании и был закрыт проект.

Джон Маркс «ЦРУ и Контроль над разумом»:

> «Команда Вольфа и Хинкля стала основной группой исследователей, занимавшейся изучением проблемы ≪промывания мозгов≫ по поручению правительства США, хотя ВВС и армия параллельно осуществляли и собственные программы. Их секретные доклады Аллену Даллесу, опубликованные позднее в рассекреченном варианте, рассматривались как изложение позиции американского правительства по этому вопросу. Если сделать определенные скидки на риторику эпохи холодной войны 50-х гг., то доклад Хинкля-Вольфа остается одним из лучших отчетов о массированных программах политического переобучения в Советском Союзе и Китае. В нем прямо заявлялось, что ни в Советском Союзе, ни в Китае не было магического оружия — ни наркотиков, ни экзотических лучевых пушек или иных фантастических механизмов. Вместо этого в докладе описывались методы допросов, которые практиковались коммунистами: они базировались на умелом, хотя и жестоком применении полицейских методов. Описание советской системы предвосхищает в схематическом виде роман писателя Александра Солженицына ≪Архипелаг ГУЛАГ≫. Хинкль и Вольф показали, что советские методы основаны на кумулятивном эффекте интенсивного психологического давления и человеческой слабости; один лишь этот тезис принес обоим ученым вражду более правых сотрудников ЦРУ, типичным представителем которых был Эдвард Хантер. Некоторые из знавших его вспоминают, как Хантер любил повторять, что советские идеологи ≪промывали мозги≫ людям точно так же, как Павлов делал это с собаками».

Д. Маркс пишет, что, несмотря на публичные заявления о том, что «промывание мозгов» — это грязные методы коммунистов, до которых ЦРУ не опустится даже в целях самообороны, Аллен Даллес санкционировал программу «американского «Промывания мозгов», которую возглавил известный врач-психиатр Камерон. Маркс также замечает, что поиск ученых для участия в проекте и «кроликов» — был очень тяжелой этической задачей, так как ученые, как правило, очень серьезные и ответственные люди, которые не соглашались поступиться профессиональной этикой. Поэтому большинство имен не раскрывается в отчете, но имя Камерона известно. Тактика ЦРУ была направлена на «поиск «плохих мальчиков» в ученых, то есть психологические манипуляции с психологами, с целью заставить их забыть об этике.

Джон Маркс «ЦРУ и Контроль над разумом»:

> «В 1953 г. директор ЦРУ Аллен Даллес сделал редкое заявление по поводу коммунистического ≪промывания мозгов≫: ≪Нам, людям Запада, трудно понять все детали. Немногие выжили, и в нашем распоряжении нет людей, которых можно было бы использовать в качестве «подопытных кроликов», проверяя на них необычные методы≫. Но в то самое время, как Даллес произносил эти слова, в ЦРУ по его распоряжению приступили к поиску и ученых и ≪кроликов≫. Некоторые эксперименты так далеко зашли за черту этических норм экспериментальной психиатрии (которые и без того крайне зыбки), что руководители ЦРУ посчитали благоразумным проводить большую часть работы за пределами Соединенных Штатов.
>
> Действительно, в конечном итоге были нарушены все этические барьеры, и не только этические, но и правовые, — нарушение гражданских прав людей, над которыми ставили эксперименты без их ведома.
>
> «Превратив ученых в шпионов (даже без их ведома), руководители ЦРУ поставили под угрозу репутацию американских исследователей и укрепили существующее во многих странах убеждение в том, что провозглашение в США академической свободы и независимости от государства является чистым лицемерием
>
> Некоторые ученые, как и Лилли, приняли решение не преступать определенные этические границы в экспериментальной работе, тогда как другие были готовы идти даже дальше, чем предлагали их спонсоры из проектов ARTICHOKE и MKULTRA. В самом ЦРУ ставился только один вопрос: будет ли данный метод работать? Руководство внимательно рассматривало каждый вариант, не щадя затрат на проверку любой возможности. Ко времени завершения программы MKULTRA в 1963 г. исследователям из ЦРУ не удалось обнаружить надежный путь ≪промывания мозгов≫. По словам одного из ветеранов MKULTRA, ≪все эксперименты завершались неудачей по той причине, что испытуемый по какой-либо причине отступал, или терял память, или становился кататоником≫. На основании таких работ, как исследования Камерона, руководители ЦРУ установили, что они могут превращать людей в ≪растения≫, но таких людей невозможно использовать в оперативных целях. Посредством пыток их можно было заставить говорить все, что угодно, но никакая наука не могла гарантировать, что они будут говорить правду».

«Нюрнбергский кодекс лежит в основе официальной политики США с 1946 г., однако еще до вынесения приговора специальные разведывательные команды тщательно просеивали и анализировали документы, относившиеся к проводившимся в Дахау экспериментам, имеющим важное военное значение. В отчете одной из групп говорится, что, хотя часть данных страдает ≪неточностью≫, некоторые выводы в случае их подтверждения явятся ≪существенным дополнением к имеющимся сведениям≫. Военные специалисты отправили в Соединенные Штаты собранные отчеты, в том числе и сведения, относящиеся к экспериментам с приемом мескалина и применением гипноза. Данные о немецких исследованиях по контролю над разумом никогда не были опубликованы. Проводившиеся в Дахау эксперименты обнажили жестокость, которую человек способен обрушитьна людей во имя успехов науки и для содействия своей стране в достижении военных преимуществ. Сказать, что эксперименты в Дахау являются объективными уроками, показывающими, насколько далеко могут зайти люди в оправдании применяемых ими средств, означает преуменьшить то, что происходило в концентрационных лагерях. Ничто из того, что когда-либо после войны делало ЦРУ в разработке технологий, связанных с контролем над разумом, даже приблизительно не сравнилось с бездушной жестокостью, с которой нацисты убивали людей в процессе своих ≪авиационных≫ исследований. Тем не менее в попытках отыскать способы и средства, позволяющие манипулировать людьми, сотрудники ЦРУ и их агенты преодолевали те же многочисленные этические барьеры. Они экспериментировали, испытывая неизвестные и опасные методы на людях, не подозревавших о том, что происходило. Они систематически попирали свободную волю и достоинство подопытных и, подобно немцам, предпочтительно выбирали своих жертв среди определенных групп населения, которые рассматривались ими (вследствие предрассудков или по соображениям удобства) как менее достойные, чем те, к которым они относились сами. Там, где спонсоры ЦРУ проводили свои эксперименты, они выбирали собственные эквиваленты для групп, соответствовавших выбранным нацистами евреям и цыганам. Это могли быть душевнобольные, проститутки, иностранцы, наркоманы, заключенные, часто это были люди, принадлежавшие к этническим меньшинствам».

«В конце 1951 г. Аллен обсуждал с известным психиатром (имя которого, как и большинство других, не приводится в публикациях ЦРУ) ужасный, но более реалистический метод. Этот психиатр, консуль-

> тант ЦРУ, сообщил, что электрошок может вызвать амнезию различной продолжительности; свою информацию он получил от пациентов, вышедших после электрошока из ступора. Он сообщил, что определенная настройка вызывающей электрошок машины Рейтера причиняла ≪мучительную боль≫, которая, не являясь лечебной, могла быть эффективным методом при допросах ≪третьей степени≫, заставляя говорить допрашиваемых. Аллен спросил у психиатра, использовал ли тот ≪период дурноты≫, следовавший за электрошоком, с целью получения гипнотического контроля над своими пациентами. Психиатр ответил отрицательно, однако сказал, что попытается сделать это в ближайшее время, а о результатах сообщит в ЦРУ. Он утверждал также, что при длительном применении электрошоковых процедур можно довести человека до ≪уровня растения≫, причем это может быть обнаружено только с помощью особых тестов *(EEG tests)*. Завершая сообщение, Аллен отметил, что на рынок уже выпущены портативные батарейные электрошоковые машины. Вскоре после упомянутого доклада Аллена Управление научной разведки рекомендовало, чтобы этому психиатру из резервных фондов было выделено 100 тыс. долл. ≪на развитие электрошоковых методов и разработки в области гипноза≫. Аллен считал эти исследования перспективными, но у него были некоторые сомнения, связанные с последствиями применения электрошока: Возражения связаны с тем, что после электрошокового воздействия возможно доведение человека до „растительного“ уровня: « Я полагаю, что применение этих способов допустимо только в исключительных случаях; более предпочтительной и безопасной следует считать нейтрализацию людей путем взятия их под арест и/или удаления их из данной зоны».

Эксперименты, которые ставил на людях Камерон, в рамках секретной программы на «промывание мозгов», мало чем отличались от этой санкционированной Даллесом электрошоковой машиной. Камерон утверждал, что если стереть электрошоком сознание человека, превратив его таким образом в «чистую доску», в растение, то потом, можно «перепрограммировать» сознание методом бихевиоризма. Это метод «стимул-реакция», который Павлов изучал на собаках, а Скиннер на крысах. Они сделали далеко идущие выводы из условных рефлексов животных, что духовная энергия человека, разум и сознание могут быть запрограммированы через условные рефлексы: достаточно только

старой как мир тактики «кнута и пряника». Камерон сначала стирал своим несчастным жертвам сознание электрошоком, а потом заставлял людей находящихся в ступоре, прослушивать по многу раз громкие записи своих глупостей. Просто видеть дурака — уже страшная пытка. А быть привязанным к постели, где голос наглого дурака прокручивает целый день одни и те же глупости — самая страшная пытка, какую можно вообразить. Это касается всех бихевиористов, во всех концах земли. Америка удивила сотнями тысяч долларов, миллионами долларов затрат на такие экстраординарные глупости. И пытки. Убить и разрушить человека можно гораздо дешевле и проще, не прибегая к таким изощренным методам. А думать о том, что можно заставить человека с разрушенным электрошоком сознанием быть активным и продуктивным, — неужели надо потратить миллионы долларов, чтобы узнать ответ на этот вопрос? Кстати сказать, Эрнест Хэмингуэй застрелился после того, как его уговорили применить электрошок. «Раньше я мог хотя бы думать», — сказал он перед смертью. Его уверяли, что он страдает паранойей, когда он говорил, что за ним следит американская разведка. А после его смерти рассекретили материалы, которые подтвердили все его подозрения.

Джон Маркс «ЦРУ и контроль над разумом»:

> «Кто может с уверенностью утверждать, что если бы в распоряжении администрации Никсона или Эдгара Гувера были надежные способы управления людьми, они бы не применили их против своих политических противников, точно так же, как в течение долгих лет ЦРУ пыталось применять аналогичные приемы за океаном? Что касается секретов ЦРУ, то сейчас уже слишком поздно ≪закрыть≫ технологии, влияющие на поведение человека. Исследователи должны способствовать прекращению их дальнейшего распространения. Ведь и без того эти технологии распространились на школы, тюрьмы и психиатрические лечебницы, не говоря уже о рекламном бизнесе; помимо того, они были подхвачены силами полиции во всем мире. Закрывать головы политическим заключенным, что является видоизмененной формой лишения их сенсорных впечатлений, стало стандартной практикой во всем мире, от Северной Ирландии до Чили.

> В Советском Союзе в качестве инструмента репрессий использовались возможности психиатрического лечения. Такие методы нарушают основные права человека так же, как и физическое насилие, даже если они не оставляют на теле видимых следов. Возможно, что тоталитарные режимы втайне продолжают поиск средств, позволяющих манипулировать разумом людей, как они это делали в прошлом, независимо от того, что предпринимают США. Перспектива возможности управлять людьми представляется слишком заманчивой для большинства тиранов, чтобы они отказались от нее»

Неудивительно, что все бихевиористские программы и исследования ЦРУ провалились. Человек не собака и не крыса, контроль духовной энергии возможен только одним способом: как можно больше развить способности интеллекта человека, с максимально позитивным социальным окружением: и вы получите самого эффективного, сильного, самостоятельного, социального человека который самоотверженно будет работать во благо общества безо всяких принуждений. При условии, что это будет здоровое общество таких же людей с развитой духовной энергий. Зато негодяям без разума и сердца придется опасаться такого человека: он также самоотверженно, рискуя жизнью, будет бороться с ними до последнего вздоха, защищая слабых и сирых, науку и добродетель. Таков человек с сильной и продуктивной энергией — и это и в самом деле «волшебная палочка» мощной природной энергии, подаренной человеку его творцом. Надо быть тупым, глухим и слепым, чтобы искать роботов и пьяных для подчинения нелепым и мерзкопакостным приказам, и считать это процессом управления человеком. Какое прекрасное исследование написали Джерри Порас и Джим Коллинз, «Построенные навечно» и «От хорошего к великому», ученые Стендфордского университета. Они очень проницательно и тонко подметили все характеристики развитой духовной энергии человека, создав во второй раз «синдром самоактуалов» Маслоу, и сделали вывод, что такими ответственными, дисциплинированными и добросовестными людьми не надо управлять. Важно найти таких людей, и поручить под их ответственность им работу. Вас удивит их самодисциплина,

говорят авторы. Вот ведь, бесплатно, под носом у ЦРУ, лучшие исследования об управление человеком. Они тратят миллионы долларов, чтобы узнать, что разрушенный электрошоком, наркотиками и гипнозом мозг не может дать эффект продуктивной личности. Хотя, наверное, подчинить его удастся. Как собаку, или крысу.

Интересна реакция советской стороны на публикацию Джоном Марксом этой разоблачающей информации о попытках ЦРУ подчинить себе поведение людей. Н. Яковлев пишет в «ЦРУ против СССР», что публикация эта не более, чем утка, а вовсе не разоблачение демократической прессы, рискующей жизнью для того, чтобы донести правду всему миру. Ибо такая самокритика, которая была невозможна в СССР, уже очень много хорошего говорит об Америке. Разоблачения Солженицына, о которых тот же Яковлев пишет в этой книге, как о «происках предателя, пораженного злокачественной похотью славы», имели место только чудом, — поддержка незаурядного Н. Хрущева сделала это чудо возможным. Поэтому подобные разоблачения правительства в западной прессе, советская пропаганда признавать отказывалась. Н. Яковлев уверяет, что это утка самого правительства с целью запугать население информацией о имеющихся к правительства средствах приструнить «инакомыслящих», если они не согласятся на конформизм добровольно. Еще со времен «Возвращения из Москвы» Андре Жида в 1937 году, Москву обвиняли в конформизме, и в репрессиях против инакомыслящих.

— Вот, уважаемые Духоборцы, я коротко передала вам содержание книги Джона Маркса об экспериментах на контроль над разумом. Книга конечно значительно шире, там обсуждается много других вопросов, например, планомерное изучение ЦРУ ядовитых грибов, которые они называли «волшебными грибами»: для целей умерщвления и для изготовления наркотиков. И большой прогресс на этом пути выработки химического и бактериологического оружия, так что в стратегиях убийства подби-

рают препараты, которые могли бы симулировать заболевание, наиболее распространенное в данном регионе. Ну, о стратегиях убийства нежелательных лидеров третьих стран, таких как Патриса Лумумба или Фидель Кастро говорится во всех учебниках об истории Америки: и у Шлезингера, и у Стоуна и Кузника, и у Джона Маркса. А также у Джона Перкинса.

Удивляет острота прозрения Джорджа Оруэлла в «1984» и Бертрана Рассела в «Воздействии науки на общество». И тот и другой говорят о массовом безумии населения, как руководящей стратегии правительства. Разве единство противоположностей диалектики Гегеля не есть такое искусственное разрушение логики, такая провокация безумия? Вообще вся шизоидная философия диалектического материализма и немецкого идеализма?

Дж. Орэлл «1984»:

> «Даже в названиях четырех министерств, которые нами управляют, — беззастенчивое опрокидывание фактов. Министерство мира занимается войной, министерство правды — ложью, министерство любви — пытками, министерство изобилия морит голодом. Такие противоречия не случайны и происходят не просто от лицемерия: это двоемыслие в действии. Ибо лишь примирение противоречий позволяет удерживать власть неограниченно долго. По-иному извечный цикл прервать нельзя. Если человеческое равенство надо навсегда сделать невозможным, если высшие, как мы их называем, хотят сохранить свое место навеки, тогда господствующим душевным состоянием должно быть управляемое безумие. Но в любом случае тщательная умственная тренировка в детстве, основанная на новоязовских словах самостоп, белочерный и двоемыслие, отбивает у него охоту глубоко задумываться над какими бы то ни было вопросами. Бесчисленное множество слов, таких, как «честь», «справедливость», «мораль», «интернационализм», «демократия», «религия», «наука», просто перестали существовать. Их покрывали и тем самым отменяли несколько обобщающих слов. Например, все слова, группировавшиеся вокруг понятий свободы и равенства, содержались в одном слове «мыслепреступление», а слова, группировавшиеся вокруг понятий рационализма и объективности, — в слове «старомыслие». На новоязе нет слова «наука».

— Это ничего не доказывает! — не хотел мириться со своим поражением Фридрих Хайек. — Эксперименты по контролю над разумом ЦРУ проводило систематически каких-то 20—30 лет, десятки, от силы сотни человек. Как вы можете сравнивать с Архипелагом ГУЛАГом в России, где мучили миллионы человек? И ведь, главное, проект закрыт! От него отказались!

— Джон Маркс говорит, что большую часть экспериментов перенесли зарубеж, на военнопленных. А с кем воевала Америка в 50-е, 60-е и в начале 70-х? Правильно, во Вьетнаме были миллионные концлагеря. Наверно были еще массы других военнопленных в эти годы. К кому из них применялись эти методы карательной психиатрии, мы никогда не узнаем. Что касается закрытия проекта, то до тех пор, пока дарвинизм и бихевиоризм стоят на пути настоящей науки по изучению закономерностей духовной энергии человека, и психотерапией называется разрушение мозга в системе биопсихиатрии, попытки контролировать сознание физически, через прямое воздействие на мозг, будут всегда актуальны.

А Джордж-младший, как известно официально возобновил эти эксперименты по контролю над разумом ЦРУ, в качестве разрешенных «психологических пыток» в период Большой войны с террором на военной базе в Гуантанамо, и в др тюрьмах ЦРУ. Вот что об этом говорит Оливер Стоун и Питер Кузник

Оливер Стоун и Питер Кузник «Нерассказанная история Америки»:

> «Хотя организаторы терактов 11 сентября легко ускользнули из рук, ЦРУ и военные захватили тысячи других как в Афганистане, так и за его пределами. Обращение с ними показывало, как далеко Буш и Чейни готовы зайти, прикрываясь именем Соединенных Штатов. Буш объявил задержанных «членами бандитских формирований», а не военнопленными, чьи права нужно было бы уважать, и бросил их на американскую военную базу в Гуантанамо на Кубе или в тюрьмы — «черные точки» ЦРУ, где их можно было держать в течение неограниченного времени. Те, кому повезло меньше всего, подвергались еще худшим издевательствам в тюрьмах союзных США режимов, известных своей жестокостью, таких как правительства Хосни

Мубарака в Египте и Башара Асада в Сирии. Буш отказывался проводить требуемые Женевской конвенцией полевые следственные действия для определения, является ли пленный мирным жителем или же военнослужащим. В результате многие афганские и иракские «охотники за головами» сдавали американцам никак не связанных с «Аль-Каидой»[1] людей, желая получить за них награду. Невиновные не имели права на апелляцию. Среди тех, кого возмутил отказ Буша от выполнения Женевской конвенции, был и председатель КНШ генерал Ричард Майерс. ЦРУ получило распоряжение применять 10 расширенных методов допроса, продукт полувековых исследований в области психологических пыток. Эти методы описаны в книге «КУБАРК: Пособие по проведению допросов», подготовленной по заказу ЦРУ в 1963 году, и доведены до совершенства американскими союзниками в Азии и Латинской Америке в 1960–1980-е. Подобные пытки перестали применяться после окончания холодной войны, а формально были запрещены в 1994 году, когда США подписали Конвенцию ООН о запрещении пыток, но вновь стали использовать после 11 сентября, часто переходя за грань чисто психологических. Артур Шлезингер-младший сказал журналистке Джейн Майер, что он считает новую политику пыток «самым вопиющим, серьезным и радикальным вызовом верховенству права в американской истории». ЦРУ описывало процедуры в деталях. После ареста подозреваемому следовало завязать глаза и заткнуть уши. Если тот отказывался от дачи показаний, его нужно было раздеть догола, постоянно держать под воздействием яркого света и сильного шума до 79 децибел, не давать ему спать до 180 часов [*7,5 суток*]. Когда пленник убеждался, что нет никакой надежды на побег, начинался допрос «всерьез». После того как надзиратели сковывали его по рукам и ногам, надевали ошейник и снимали с него капюшон, дознаватели могли давать ему пощечины, иногда по многу раз подряд, а пользуясь ошейником, бить головой об стену до 30 раз. Следующий уровень включал в себя кратковременное погружение пленника в воду, отказ в посещении туалета, насильственное надевание грязных подгузников, подвешивание к потолку и принуждение к долговременному нахождению в неудобных позах. Международный комитет Красного Креста сообщал, что узникам в Гуантанамо говорили, что их захватили, чтобы «довести до грани смерти и вернуть обратно»

[1] Аль-Каида — террористическая организация, запрещенная на территории РФ

Наконец, послушайте, что говорит Джон Перкинс о методах, которые ЦРУ использовало для психологического воздействия на него самого, и как его сделали помимо его воли соучастником в преступлениях ЦРУ.

Джон Перкинс «Исповедь экономического убийцы»:

> «В ходе собеседований я сообщил, что, будучи лояльным гражданином США, я против войны, и был сильно удивлен, когда мои экзаменаторы не стали углубляться в эту тему. Вместо этого они сосредоточились на моем воспитании, моем отношении к родителям, моих чувствах в связи с тем, что я рос как бедный пуританин среди обеспеченных одноклассников, вкушавших все радости жизни. Они подробно расспрашивали меня о моих переживаниях по поводу отсутствия общения с женщинами, секса и денег в моей жизни и о фантазиях, которые возникали в результате этой нехватки. Только через несколько лет я понял, что с точки зрения АНБ эти недостатки есть скорее достоинства. Свои оценки они основывали не на моей преданности стране, а на неудовлетворенности, которую вызывали во мне различные обстоятельства моей жизни. Злость на родителей, одержимость женщинами, мои амбиции относительно хорошей жизни дали им крюк, на который меня можно было зацепить».

Джон Маркс в тех же терминах описывает способы психологического давления агентов: «Оперативник выискивает людей, которых он может превратить в ≪управляемые источники≫. Выбрав себе мишень, он старается найти в ней слабое или уязвимое место, которым можно воспользоваться. Подобно хорошему рыбаку, умелый оперативник знает, что для того, чтобы подцепить рыбку на крючок, надо выбрать соответствующую приманку, чтобы намеченный объект думал, что схватил ее по собственному желанию. Рыба должна плотно сидеть на крючке».

Джон Перкинс пишет о том, как красивая женщина Клодин обольстила его, и как много месяцев они встречались у нее на квартире, чтобы она научила его всем тонкостям работы «экономического убийцы», и как вожделение заставило его закрыть глаза на вопиющую безнравственность «работы», которую ему предлагали. Он пишет об этом как о самом большом несчастье своей жизни.

Джон Перкинс «Исповедь Экономического убийцы»:

> «Место за столом напротив меня заняла привлекательная брюнетка в строгом темно–зеленом костюме, выглядевшая очень элегантно. В книгу была вложена визитка, на которой было написано: „Клодин Мартин, специальный консультант, Чаз. Ти. Мейн, инк.". Я взглянул в ее мягкие зеленые глаза, и она протянула мне руку. — Меня попросили помочь с вашим обучением, — сказала она. Я не мог поверить, что это происходит со мной. Впоследствии она редко употребляла словосочетание „экономический убийца", мы стали просто „ЭУ". Сейчас я знаю то, чего не знал тогда. Клодин воспользовалась преимуществами, которые давало ей знание моих слабых сторон, почерпнутое из моего досье АНБ. Не знаю, кто предоставил ей эту информацию — Эйнар, АНБ, отдел кадров МЕЙН, но использовала она ее мастерски. Ее подход — сочетание физического обольщения и вербального манипулирования — был разработан специально для меня, и при этом он вполне вписывался в стандартные методы работы. И она была убийственно откровенна в описаниях теневых сторон моей будущей работы. Я не знаю, кто платил ей зарплату, хотя у меня нет никаких оснований подозревать, что это не была МЕЙН, о чем, собственно, и говорила ее визитка. В то время я был слишком наивен, запуган и ослеплен, чтобы задавать вопросы, которые сегодня мне кажутся очевидными. Клодин рассказала, что передо мной ставятся две основные задачи. Во–первых, мне придется обосновывать огромные иностранные займы, с помощью которых деньги будут направляться обратно в МЕЙН и другие компании США (такие, как „Бектел", „Халлибертон", „Стоун энд Уэбстер" и „Браун энд *Рут")* через крупные инженерные и строительные проекты. Во–вторых, моя деятельность будет направлена на то, чтобы обанкротить страны–заемщики (конечно, после того, как они расплатятся с МЕЙН и другими американскими подрядчиками), чтобы поставить их в вечную зависимость от своих кредиторов. Это поможет с легкостью добиться, когда это потребуется, соответствующих уступок, например размещения военных баз, нужного голосования в ООН, доступа к нефти и другим природным ресурсам. правительства этих стран ставились в долгосрочную финансовую зависимость, которая, соответственно, была залогом их политического послушания. Чем больше будет заем, тем лучше. Тот факт, что долговое бремя страны лишает ее беднейшее население здравоохранения, образования и других социальных услуг на многие десятилетия, не принимается во внимание. Каждый раз, покидая квартиру Клодин, я задумывался, правильными ли вещами я зани-

> маюсь. Где–то в глубине души я подозревал, что нет. я продолжал спрашивать себя: а одобрил бы это Том Пейн?».
> «Экономические убийцы (ЭУ) — это высокооплачиваемые профессионалы, которые выманивают у разных государств по всему миру триллионы долларов. Деньги, полученные этими странами от Всемирного банка, Агентства США по международному развитию (USAID) и других оказывающих „помощь" зарубежных организаций, они перекачивают в сейфы крупнейших корпораций и карманы нескольких богатейших семей, контролирующих мировые природные ресурсы. Они используют такие средства, как мошеннические манипуляции с финансовой отчетностью, подтасовка при выборах, взятки, вымогательство, секс и убийства. Они играют в старую как мир игру, приобретающую угрожающие размеры сейчас, во времена глобализации. Я знаю, о чем говорю. Я сам был ЭУ. Я написал эти слова в 1982 году. Так начиналась книга с рабочим названием „Совесть экономического убийцы". В книге рассказывалось о президентах двух стран, моих клиентах, людях, которых я уважал и считал родственными душами: Хайме Ролдосе, президенте Эквадора, и Омаре Торрихосе, президенте Панамы. Незадолго до написания книги оба погибли в ужасных авариях. Их смерть не была случайностью. Их устранили, потому что они выступили против братства глав корпораций, правительств и банков, цель которого — создание глобальной империи. Нам, ЭУ, не удалось вовлечь Ролдоса и Торрихоса в эту компанию, и в игру вступили убийцы другого рода — направленные ЦРУ шакалы, которые всегда подстраховывали наши действия. Тогда меня отговорили писать эту книгу. В течение последующих двадцати лет я четыре раза брался за нее снова. Каждый раз к этому меня подталкивало какое–нибудь событие в мире: вторжение США в Панаму в 1989 году, первая война в Заливе, события в Сомали, появление Усамы бен–Ладена. Но всякий раз угрозами или взятками меня убеждали остановиться»

В конечном итоге, он, подобно Александру Солженицыну, приходит к заключению, что приключившаяся с ним беда — это божий перст, порученная ему миссия разоблачить большое зло. Он теперь знает все о механизмах «глобальной империи корпоратократии», и видит в ней раковую опухоль, которая уже почти задушила демократическую республику, которую когда-то создавали отцы-основатели США. Перкинс тоже прямо говорит о гражданской войне демократов и консерваторов.

Джон Перкинс «Исповедь ЭУ»:

> «Осознать различие между старой американской республикой и новой глобальной империей. Республика давала надежду миру. Ее основания были скорее моральными и философскими, нежели материалистическими. Она была построена на принципе равенства и справедливости для всех. Она была не просто утопической мечтой, но живым, дышащим, благородным организмом, протягивала руку помощи обездоленным. Она давала надежду и в то же время была силой, с которой нельзя было не считаться; при необходимости она была способна на решительные действия, как это случилось во Второй мировой войне, чтобы защитить свои принципы. Те самые институты — крупные корпорации, банки, бюрократические системы, которые представляли угрозу для республики, могли быть использованы во благо — для проведения глубочайших изменений в мире. Эти институты имеют системы коммуникаций и транспорта, необходимые для того, чтобы покончить с голодом и болезнями, даже войнами — если, конечно, убедить их взять этот курс. Глобальная империя, напротив, это возмездие республике. Она эгоцентрична, служит во благо самой себе, алчна и материалистична; это система, основанная на меркантилизме. Как и ранее существовавшие империи, она готова протянуть руки только для того, чтобы присвоить ресурсы, схватить все, что на виду, и набить свою ненасытную утробу. Она использует любые средства, чтобы ее правители обрели еще большую власть и богатство».

— Какие еще сомнения могут быть у вас, уважаемые духоборцы? Вы говорите, тоталитаризм отсутствует в США? Вы можете видеть из истории Джона Перкинса, какого рода методы манипулирования людьми использует ЦРУ и для каких целей. И все-таки демократия еще жива и дышит в Америке: есть ведь такие люди как Джон Маркс и Джон Перкинс, которые рассказали нам о тоталитаризме в своей стране, и которые отчаянно борются с ним, несмотря на угрозы и риск для жизни и благополучия.

ГЛАВА 12
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ ВМЕСТО КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ. ШИЗОИДНОСТЬ РЫНОЧНОГО ХАРАКТЕРА

Людвиг Мизес и Фридрих Хайек настояли на том, чтобы следующие слушания были посвящены концепции «рыночного характера» Эриха Фромма, который Фромм еще определял как «шизоидный характер».

— Мы категорически не согласны ни с теорией, ни с определением! — возмущалась Австрийская школа экономики, вечный антагонист Франкфуртской школы, к которой принадлежал Фромм. — Утверждать, что рыночная экономика извратила человеческий характер до патологии, значит считать прогресс вредным и неестественным для человека процессом. Это глубокое заблуждение. Мы требуем обоснования и доказательств, и готовы опровергнуть данное безосновательное утверждение.

— Да, действительно, — Эрих Фромм улыбнулся своей кроткой доброй улыбкой, поднимаясь на кафедру Центральной Залы Храма Духа, — я сформулировал теорию шизоидного рыночного характера в четырех моих книгах: «Здоровое общество», «Человек для себя», «Иметь или быть» и «Искусство любить». Все мои аргументы изложены в этих книгах с предельной четкостью и детальностью. Если вас не убедили эти аргументы, боюсь, в рамках старой научной парадигмы наш спор останется неразрешимым. Поэтому я предлагаю пригласить Теслу, автора новой парадигмы Энергетики Оствальда, чтобы она сформулировала мою теорию шизоидного характера в терминах теории психической энергии. Насколько мне известно, она уже делала это в своих книгах по Теории ПЭ.

Так и получилось, что Тесла снова оказалась перед лицом великолепного собрания в Центральной Зале Храма Духа.

— Да, уважаемый Эрих Фромм, — сказала несчастная, изувеченная Тесла, когда ее пересадили из коляски в высокое кресло на кафедре, — я считаю вашу концепцию шизоидного характера абсолютно гениальной проницательностью в сущ-

ность патологии современных социальных процессов. Многие писали на эту тему. Даже Альберт Эйнштейн в статье «Почему социализм?» тоже сформулировал ту общую для всех здравомыслящих людей мысль, что энергия эгоцентризма всегда разрушительна. О том же все социальные книги Бертрана Рассела, «Над пропастью во ржи» Дж. Селинджера, и сатирические рассказы Марка Твена. В той же сатирической форме рассказывают об этом романы современного писателя Стенли Бинга. Это лейтмотив не только в научной гуманитарной и социологической литературе всех глубоких мыслителей, но и в серьезной художественной литературе. Например, в классической русской литературе.

Однако, вы, уважаемый Эрих Фромм, своей теорией шизоидного рыночного характера, сумели объяснить на научном языке, как рыночная стихия стала формой активности шизоидной энергии эгозащиты. В этом ваша несомненная заслуга.

— Рынок сам по себе ничего плохого не несет. Это — промежуточная стадия производственных отношений. Первая стадия — это Левиафаны Гоббса, где энергия эгозащиты в виде циклов садомазохизма, господства и подчинения, превращает экономику в грабеж сильными слабых. То, что Маркс называл экономической эксплуатацией и ошибался: суть не в том, что господам нужно эксплуатировать рабов в экономических целях. Суть в том, что таковы закономерности течения энергии эгозащиты, как циклы садомазохизма, поэтому экономически потребности хозяев ненасыщаемы, им важен сам процесс господства и насилия. По той же причине, рабам отчасти нравится их положение, это притяжение влюбленности, замешанное на страхе почитание авторитетов, всемогущих сил СуперЭго. Так или иначе, экономика принимает вид грабежа сильными слабых.

Рынок — это освобождение от пут Левиафана, с его поглощением индивидов в системе господства и подчинения, от грабежа этой системы насилия. Однако, вся его роль только в этой негативной программе разрушения старой патологии Левиафа-

на. Рынок — это общество, где люди уже разрушили старые связи левиафановской системы насилия, но еще не построили новых связей дружбы и сотрудничества, общество чуждых друг другу атомарных индивидов. Потому отношения рынка сводятся к количественным отношениям: индивидуальному производству и обмену товаров через денежный эквивалент на рынке товаров и услуг. Сама по себе это система неустойчива, она будет стремится к двум полюсам равновесия. Либо, как в случае с компаниями, которые описывает Стенли Бинг, к максимальной концентрации капитала и монополизации экономики: «Компании сливаются. Профсоюзов сильных не осталось. Интернет-миллионеры, многие из которых являются людьми откровенно недалекими, превращают экономику в шутовской базар. Не говоря уж о том, что от консолидации просто спасу нет. Сокращения штатов и производства». Либо, как в случае с визинарными компаниями Джерри Пораса и Джима Коллинза — к плановой и социалистической экономике дружеских отношений единого научного коллектива. Тот факт, что третья стадия будет научным планированием и социализмом дружбы и товарищечества следует из разумной и добросовестной природы человека. Нелепая теория Маркса об экономических формациях только извратила смысл духовной эволюции человека.

Шизоидный рыночный характер — это не тот случай с визинарными компаниями, самыми успешными компаниями современного рынка. Шизоидный рыночный характер — это тот, который эти авторы описывают как «серебряных призеров» рынка, а Стенли Бинг как «Макиавеллианцев». Это те воротилы рынка, которые видят своей целью концентрацию капитала и уничтожение конкуренции в монополиях.

Шизоидный рыночный характер — это энергия эгозащиты, которая находит в рыночных отношениях разновидность «безумной философии власти», о которой пишет Б. Рассел, «королевство без королей», если говорить языком С. Кьеркегора, возможность стать «сверхчеловеком» Ницше, и «богочеловеком» Гомера. Это «манипулятивный интеллект», который Фромм

противопоставляет разуму человека (научному интеллекту). Рыночные отношения превращаются в способ доказать и утвердить свое всемогущество: это мистика поля Эгосистемы, противостояние Эго и СуперЭго. Потому Э. Фромм совершенно прав, когда называет этот процесс «новой религией» и шизоидностью.

Есть очень известный американский новеллист, всю жизнь проработавший в высших эшелонах бизнес, и знающий о его механизмах не понаслышке, Стенли Бинг (Джил Шварц его настоящее имя). Его книги о бизнесе полны живого юмора и искусной сатиры. Например, самая успешная его книга «Как бы поступил Макиавелли?». Тонкость юмора и проницательность сатиры сравнимы с марктвеновскими на те же темы. Почему она принесла ему огромный успех? Не только потому, что он сказал правду о мире бизнеса. Википедия пишет, что Джил Шварц анализирует в своих книгах вопросы патологии власти в сатирической форме. Но прежде всего потому, что он проницательно заметил, что несмотря на весь внешний фарс прогрессивной идеологии гуманизма и просвещения, воротилы бизнеса движимы все той же старой энергией эгозащиты, на которой держались жуткие монстры-Левиафаны прошлого. Успешность сатиры в его книгах связанна именно с этой тонкой параллелью: он переводит все действия топ-менеджеров на язык монстров-левиафанов. Маркс Твен говорил, что стилей много, но только юмористический рассказ по настоящему труден. Стенли Бингу удалось создать тонкую сатиру, его бизнес-макиавелли очень смешной.

Он правильно подметил основную специфику энергии эгозащиты, ее антагонизм гуманизму и всему что связано с этикой добросовестности и сочувствия, с объективностью и рациональностью. Это именно «религия» в самом худшем смысле магического сознания (не в смысле христианской философии субстанции духа платоников). Стенли Бинг подчеркивает магическое и иррациональное сознание «монстров бизнеса» также как Эрих Фромм к концепции «шизоидного рыночного характера». Бинг смеется над простыми людьми одураченными «рационализация-

ми» современной культуры, которая уверяет их, что бизнес — это способ эффективного производства, а также самого гуманного способа для человека реализовать себя и свою активность в обществе. Он прямо возражает на все это вранье: «монстры-бизнеса» те люди, которые плюют и на гуманизм, и на эффективность, и на все официальные теории и идеологии, и вместо этого самым циничным образом использует всех и вся в своих целях. При этом, их цели — вовсе не обогащение или контроль, то есть что-то рациональное. Их цели абсолютно безумны — ненасыщаемость, чем больше удается захватить, тем больше хочется; власть для мучительства других, и для экзальтации своего Эго, самого нелепого тщеславия и самовлюбленности. «Безумие», «патология» воротил делового мира рынка — вот проявление магического сознания успешных бизнесменов, о которых пишет Джил Шварц. Это «государи» средневековых государств, которых учил быть хитрыми и наглыми Макиавелли, а весь фасад из современной идеологии свободы и прав человека, делает эту правду жизни очень смешной.

Стенил Бинг «Как бы поступил Макиавелли?»:

1. Вот здесь Бинг формулирует иррациональность мотивации, и дает понять, что речь идет только о мании величия:

> «Я проработал пятнадцать лет, прежде чем понял, что, собственно говоря, представляет собой бизнес. Или, лучше сказать, что он собой не представляет. Задача бизнеса не в том, чтобы предлагать товары или услуги. Не в том, чтобы давать работу людям. Не в том, чтобы правильно руководить предприятием, изменять жизнь к лучшему, заботиться о сотрудниках, устраивать деловые обеды, ужины или хранить верность дяде Бобу. Не в том, чтобы добиваться превосходного качества товаров. Не в том, чтобы иметь возможность играть по выходным в гольф. А в том и только в том, чтобы становиться все больше и больше. Для крупных Макиавелли, которые мыслят в категориях макроэкономики, это означает поедание других существ и расширение своего денежного пространства. Больше, чем Рим! Больше, чем Византия! Это... [место для названия вашей компании]! Не суть. Суть в том, что, каких бы размеров ни было ва-

ше государство, существуют прилежащие территории, которые можно было бы попытаться захватить. Оглянитесь вокруг. Нет ли кого-нибудь поблизости, кого вы могли бы взять под полный контроль? Какая-нибудь мелюзга вроде парня, который работает за соседним станком, скажем. Надо расти! Хватайте все, что ни попадя. Вперед! Без остановок! Никакие семейные обстоятельства не должны быть в ущерб бизнесу — правило для тех, кто желает доминировать во Вселенной; никакие друзья не могут заменить навязчивой идеи успеха, богатства и власти; лишь только индивидуумы, страдающие маниакальным расстройством и стремящиеся к ликвидации всех остальных, имеют шансы подняться на самый верх».

2. Здесь он говорит о том, что мания величия прямо противоположна не только разумному поведению, но и здоровой добросовестности человека:

«Уничтожение собственной совести — один из самых сложных моментов, который вам доведется постичь. Не всякому человеку это дано. Если вы находитесь на более низкой ступени эволюции, постарайтесь внести коррективы в собственную личность, с тем чтобы избавиться от груза совести, насколько это представляется возможным. Чтобы полностью следовать принципам Мастера, мы должны быть эгоистами, отличаться самовлюбленностью, манипулировать людьми. Потребуются, по большому счету, две вещи: Смелость: способность обнаружить свое истинное „я", спрятанное за многовековыми культурными наслоениями, извлечь то самое неприятное жабообразное существо внутри вас и вручить ему ключи от машины. Практика: великие люди не становились великими за одну ночь. Они начинали как обычные люди и лишь позднее превратились в монстров. Вам придется выработать в себе новые привычки и делать это каждый день, вне зависимости от то — го, насколько добрым, маленьким, мягким или уязвимым вы кажетесь самому себе в том или ином отношении. Не беспокойтесь. Чем больше вы будете тренироваться, тем легче вам будет, пока вы, наконец, не превратитесь в чудовищного тролля, которого все ненавидят. И вот в этот самый момент оглянитесь вокруг и убедитесь, что у вас все хорошо — и с финансовой, и с профессиональной точки зрения. Вы будете поражены. Не только гендиректорам дано вести себя как герцогам-правителям. Обман. Манипулирование людьми. Припадки ложного гнева. Припадки истинного гнева. Угрозы. Лесть. Жестокость. Наглая эксплуатация верных вам людей. Культивация чувства вины в людях, которые ложно воспринимают старшее должностное лицо как своего отца

> или мать, — все эти тактические приемы и многие другие должны стать частью повседневной тактики на всех уровнях руководства, а не только уделом „крутых“ парней».

3. Здесь он пишет о том, что активность этой энергии эгозащиты, иррациональной и безнравственной, всегда связана с войной и с мучительством других людей:

> «Он постоянно находился бы в состоянии войны. Отрезать пару голов тут или там совершенно необходимо время от времени, и излишние сантименты по этому поводу ни к чему. Умелое сочетание паранойи с военными действиями является тем фундаментом, на котором зиждется всякое макиавеллистское правление. Жажда крови, обращенная вовне, — более эффективное средство, чем аналогичные эмоции, направленные вовнутрь — на вас самих. Поэтому ступайте и убивайте... кого придется! Поднимите флаг! Определитесь с врагом. Соберите войска! Трубите поход! Цель — деньги. Сражаться, сражаться, сражаться! Он изводил бы людей пытками, пока они сами с радостью не наложили бы на себя руки. Если человек у вас в руках, есть масса способов мучить его. лишение сна. Старый прием в деле промывания мозгов. Держите сотрудников на работе без особых причин, помимо той, что „вы можете вызвать их к себе в любую минуту“, пока они не начнут выть от голода. Звонок подчиненному рано утром с обвинениями в нерадивости и прочими обидными словами также дает нужный эффект. неопределенность. Кто нас покупает? Кто станет моим боссом? Что я буду делать, если мою должность упразднят? Все это хорошие вопросы, на которые вы, впрочем, не даете ответа подчиненным. держать пятки над огнем. Рост, выраженный двузначным числом, должен быть даже тогда, когда рынок не благоволит. носом в точильный круг. Увеличивай прибыль! Вжик! Вжик! капать воду им на голову, пока они не свихнутся»
> Греческая шизоидность тоже проявилось в постоянном состоянии войны друг с другом: это и убило Древнюю Грецию. И. Суриков пишет: «Наверное, ни в одной другой человеческой цивилизации состязательность не была развита до такой высокой степени. Причем, подчеркнем, зачастую это была состязательность практически бескорыстная, не ориентированная на получение материальной прибыли. Не случайно именно Древняя Греция — родина такого феномена, как спорт. Да, в сущности, вся жизнь греков в каком-то смысле была „спортом“. Находясь в состоянии почти постоянных войн друг с другом, греческие полисы при этом стремились к установлению все более тесных контактов различного характера».

Уильям Блум, Оливер Стоун, Ноам Хомский, Джон Перкинс, Джон Маркс, Артур Шлезингер и др. демократы пишут о том, что ЦРУ также сделало войну основным направлением своей внешней политики. Греческий полис балансировал между двумя крайностями: сплоченным коллективом и изощренной конкурентностью и состязательностью. Современная Америка также балансирует между социал-демократами и обостренным индивидуализмом консерваторов, с той разницей, что в современном мире больше ощущаются силы противоборства, чем силы консолидации общества. Однако, как античный «гибрис», так и современная «религия бизнеса» — только средства реализовать манию величия энергии эгозащиты.

Современная теория рынка, основанная на тезисе о «невидимой руке» Адама Смита, не более чем рационализации этой мании величия шизоидной мотивации: борьба всех против всех за утверждение своего всесилия. Адаму Смиту в 18 веке было простительно обобщать положительный эффект стихийного рынка как всеобщий закон, а не как кратковременный эффект. На тот период, во времена, когда люди только вырвались из под ига левиафанов абсолютных монархий эта теория себя вполне оправдала. В современном мире высоких технологий больше не может быть и речи о стихийном взаимодействии независимых атомарных индивидов. Д. Кейн давно выразил свое неприятие теории невидимой руки Смита (о том, что эгоизм каждого приводит к пользе всего общества) в своей формуле капитализма: «Капитализм — это поразительная вера в то, что наиболее порочные из людей, чудесным образом приведут к самому светлому будущему человечества».

В самом деле, сатира Стенли Бинга вскрывает истинную мотивацию «религии бизнемсмена» и отделяет ее от рационализаций в духе стремления к всеобщему благу через стимулирование личной выгоды индивидов. Личная выгода и энергия эгозащиты — это совершенно разные вещи. Личная выгода неотделима от выгоды общественной, как доказывает и сам Герберт Спенсер в «Социальной статике». А вот энергия эгоза-

щиты, напротив, всегда построена на противостоянии и войне, горячей или холодной.

Культ конкуренции, которые консерваторы называют «шпорами нищеты», якобы необходимыми для стимуляции прогресса экономики в обществе. Однако, именно неконтролируемый рынок в конечном итоге ведет к поглощениям, к концентрации капитала, к монополизации экономики и устранению конкурентного рынка.

Стенли Бинг говорит об этом так:

> «Рост, который позволяет Уолл-стрит процветать, вынуждает вас купить с потрохами своего конкурента и таким образом вывести его из игры. Властелин, который хочет заставить свои акции расти, как грибы, обязан *покупать доходы* Это значит покупать целые компании; их выручка может быть попросту прибавлена к вашей, что *дает иллюзию огромного роста прибыли,* квартал за кварталом, год за годом. Данная идея лежит в основе нынешнего впечатляющего процесса консолидации, охватившего нефтегазовую сферу, телекоммуникации, печатное дело, новые и старые средства массовой информации и др. „Come together!“ („Объединяйтесь!“) — пел Джон Леннон. А мы так и делаем, Джонни! Мы так и делаем! Не далек тот день, дамы и господа, когда будет всего восемь или девять невообразимо огромных корпораций, больших и влиятельных, чем любое правительство, когда-либо существовавшее на этой планете».

И такие монополии — это возврат к монархическим левиафанам, когда воротилы бизнеса превращаются в олигархию суверенных королей. Такой же результат давала острая социальная конкуренция древней Эллады: «Боролись друг с другом группировки аристократов; — пишет И. Суриков, — известны и случаи противостояния богатых и бедных. Междоусобные конфликты очень часто приводили к установлению тиранических режимов, и тирания стала в архаической Ионии особенно распространенным явлением». Платон пишет по этому поводу в «Государстве»:

> «Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство»

Конкуренция, состязательность, — хорошие дополнительные стимулы к работе, но они никак не могут быть фундаментальной энергией развития. Человеком движут две энергии: энергия эгозащиты и энергия научного контроля. Для первой рост — это утверждение власти Эго, а значит ее цель преодоление и устранение не только конкуренции, но всякого неповиновения. Для второй развитие — это естественная потребность познания и контроля внешнего мира, а работа возможна только в тесном сотрудничестве и доверии. Это глубоко социальная энергия, добросовестность и сочувствие в основе нее говорят об общности истинного Я человека. Конечно, состязательность как игра — хороший дополнительный стимул в этом случае: какой взрыв веселья играть в состязание с друзьями. Однако, конкуренция как борьба за выживание невозможна для добросовестных и разумных людей, а для энергии эгозащиты — только рационализация в стремлении занять безопасные для всякой конкуренции вершины.

Таким образом, вся идеология «шпор нищеты» и конкуренции как движущей силы общества, заимствованная из глупейшей книги Дарвина «Происхождение человека» — уже фундаментальная ложь в теории рынка. «Борьба еще не была достаточно жестокой для становления человека» — это перл из книги Чарльза Дарвина. Диалектика Гегеля и «художники-воины» также предполагают, что война есть движущая сила прогресса.

А вот что пишут об этом ученые:

А. Адлер «Понять природу человека»:

> «Особую проблему представляет собой лежащий в основе всей нашей жизни принцип конкуренции, доведенный и до детской. Все эти факты жестко, даже слишком жестко определяют ход нашей последующей жизни. Страх, заставляющий столь многих людей избегать основанных на любви отношений, вызван главным образом бессмысленным давлением, которое заставляет любого мужчину доказывать свою мужественность при любых условиях, даже если для этого он вынужден прибегать к предательству и злобе или силе. Очевидно, что, взаимодействуя друг с другом, эти факторы лишают межчеловеческие отношения всякой искренности и доверия. Недоверие

> между полами, приобретшее всеобъемлющий характер, не позволяет людям быть откровенными друг с другом, и вследствие этого страдает все человечество»

Гордон Олпорт:

> «Здесь мы должны добавить пару слов относительно „экономической зрелости". Для многих людей борьба за то, чтобы заработать на жизнь, сохранить платежеспособность, выдержать яростную экономическую конкуренцию, выступает как основное требование жизни. Это вызывает напряжение и порождает кризис, который часто корежит человека сильнее, чем кризис сексуальный или кризис идентичности. Студенты колледжа не всегда правильно оценивают вызов, с которым им предстоит столкнуться, когда они вступят в конкуренцию за доллар. Молодые люди, еще не испытавшие жестоких истязаний на рыночной площади, иногда кажутся спокойными и даже расслабленными. Быть в состоянии содержать себя и свою семью (в Америке, где жизненные стандарты постоянно растут) — пугающее требование.»

А. Маслоу:

> «В рамках США это может быть мелкое предприятие с одним или двумя работниками, действующее в условиях жесткой конкуренции и борьбы за выживание, когда важен каждый цент и босс может продержаться, лишь выжимая из своих подчиненных все до последней капли, доводя их до отчаяния, так что они просто вынуждены уволиться, поскольку он пытается заработать на жизнь, вцепившись в них и высасывая из них максимально возможную прибыль. Не стоит разделять заблуждения насчет того, что крупная корпорация с относительно плохим управлением является образцом „плохих условий" — условия там далеко не так плохи. Следует помнить о том, что 99% человечества отдало бы несколько лет своей жизни за то, чтобы получить работу в наиболее плохо управляемой крупной корпорации нашей страны».

Поль Брегг:

> «Мы живем в сумасшедшем мире, пропитанном духом конкуренции. В условиях нашей цивилизации, когда „человек человеку — волк", нам приходится выдерживать огромное напряжение и переносить тяжелые удары. Я уверен, что это и есть та причина, по которой люди увлекаются табаком, кофе, алкоголем и другими стимуляторами.

> В деловом мире царит не только дух конкуренции, но также и желание укрепить свое собственное положение. Люди вечно стремятся перещеголять друг друга, неустанно следуя ими созданному стереотипу. Но этот фальшивый стереотип забирает огромное количество энергии».

Э. Фромм «Человек для себя»:

> «Поскольку современный человек воспринимает себя и как продавца, и как товар для продажи на рынке, его самооценка зависит от условий, ему неподвластных. Если он „преуспевает“ — он ценен; если нет — он лишен ценности. Степень неуверенности, являющейся результатом данной ориентации, трудно переоценить. Человек чувствует, что его ценность определяется не его человеческими качествами, а успехом в рыночной конкуренции. Если человек вынужден неуклонно пробиваться к успеху, и любая неудача являет жестокую угрозу его самооценке, то результатом будет чувство беспомощности, неуверенности и неполноценности»

Э. Фромм «Здоровое общество»:

> «Но существует еще одна причина, на которую не обратили внимания ни Дюркгейм, ни другие исследователи проблемы самоубийств. Она связана с <балансовым> подходом к жизни как к коммерческому предприятию, которое может закончиться крахом. Причиной многих случаев самоубийств было осознание того, что <жизнь не удалась>, что <она не стоит того, чтобы жить дальше>; человек убивает себя, подобно тому как бизнесмен объявляет себя банкротом, когда его убытки превышают доходы и уже нет надежды «встать на ноги».

Б. Рассел «Образование и здоровое общество»:

> «Наш мир — сумасшедший мир. Уже с 1914 года он перестал быть конструктивным, потому что люди перестали слушаться своего интеллекта в создании международного сотрудничества, но настаивали в разделении человечества на враждебные группы. Этим коллективным провалом в использовании человеческого интеллекта, функцией которого является самосохранение, мы обязаны в основном нездоровым и деструктивным импульсам, которые спрятаны в бессознательном тех людей, кто получил нездоровое воспитание в детстве и юношестве. Несмотря на постоянно растущие возможности техники и производства мы напротив все больше беднеем. Несмотря на то, что мы знаем об ужасах, которые принесет следующая война,

> мы продолжаем культивировать в молодежи те сантименты, которые сделают эту войну неизбежной. Несмотря на науку, мы препятствуем развитию рационального мышления. Несмотря на растущую власть человека над природой, большинство людей чувствуют себя более безнадежными и немощными нежели люди средних веков. Лечение наших проблем в том, чтобы вернуть людям психическое здоровье, а для этого им необходимо давать здоровое образование. На сегодняшний день все факторы которые мы рассмотрели ведут к социальной катастрофе. Религия вдохновляет тупость и недостаточное чувство реальности; национализм, в том виде в котором его преподают в школах учит тому, что основной долг молодых людей есть человекоубийство; классовое сознание способствует соглашательству с экономической несправедливостью; а конкуренция развивает жестокость в социальной борьбе за выживание».

Б. Рассел «Борьба за счастье»:

> «Религия и слава бизнесмена требуют производства больших денег, поэтому, подобно индийской вдове, бизнесмен с радостью истязает себя во имя великой цели. Если американский бизнесмен хочет стать счастливее, он должен сначала изменить свою религию. Пока он не просто хочет успеха, но глубоко убежден, что успех есть долг настоящего мужчины, и что те кто не добивается успеха — презренные существа, он будет слишком напряжен и однонаправлен, чтобы быть счастливым. Корень зла в той значимости, которую придают соревновательному успеху, конкуренции и победе, как основным источникам счастья».

Вернемся к теории шизоидного рыночного характера Эриха Фромма. Мы сделали такое широкое отступление, чтобы развернуто показать, в чем сущность утверждения Фромма. Эрих ФРомм настаивает на том, что есть различие между «манипулятивным интеллектом» и «разумом хомосапиенс». Это та разница, о которой мы говорили в связи с формальной логикой и ее «философиями власти» на поле Эгосистемы: «Разум в смысле понимания является исключительным достоянием Homo sapiens; манипулятивный же интеллект как инструмент достижения практических целей присущ и животным, и человеку. Манипулятивный интеллект, лишенный разума, опасен, так как он заставляет людей действовать таким образом, что это

с точки зрения разума может оказаться губительным для них. И чем более выдающимся является неконтролируемый манипулятивный интеллект, тем он опаснее».

Сущность шизоидного характера в том, что экономика рыночных отношений становится только рационализацией глубоко иррациональной по своей сути энергии эгозащиты, разновидностью «сумасшедших философий власти», о которых писал Б. Рассел в книге «Власть», магическим сознанием самообожествления. Этому способствует количественная абстракция экономики денежных отношений, где все выражено в деньгах.

> «Конкретная реальность людей и вещей, — пишет Э. Фромм в „Здоровом обществе", — с которой мы можем соотнести подлинную сущность нашей собственной личности, заменяется абстракциями, призраками, воплощающими разные количества, но не разные качества. ...Конечно же, современное массовое производство было бы немыслимо без количественного и абстрактного выражения. Однако в обществе, где экономическая деятельность стала главным занятием человека, процесс сведения всего к количеству и абстракциям перерос сферу экономического производства и распространился на отношение человека к вещам, людям и к самому себе... Весь ход жизни воспринимается словно выгодное помещение капитала, где инвестируемый капитал — это моя жизнь и моя личность».

Как мы помним, поле Эгосистемы тоже есть количественная абстракция искаженной информации о себе и мире: противостояние двух сил Эго и всемогущего СуперЭго. Победа над СуперЭго, то есть над внешним миром означает победу Эго и утверждение своего всемогущества вместо СуперЭго. Именно это «бессознательное» магического сознания лежит в основе феномена описанного Стенли Бингом с блестящим юмором: цель рост, больше, еще больше, ПО КРУПНОМУ, не по крупному, а ПО КРУПНОМУ. Смысл здесь в формальности цели роста, где важен сам рост как абстракция, то есть по сути в бессмысленной потребности постоянного расширения. «Вероятно самый важный фактор — это внутренняя неудовлетворенность современного человека результатами погони за „личным интересом". — пишет Э. Фромм в „Человек для себя" — Религия

успеха рушится, остается лишь ее фасад. Все большему числу людей все, что они делают, представляется тщетным. Они все еще находятся под чарующим воздействием лозунгов, проповедующих веру в светский рай успеха и волшебства».

Это и есть ненасыщаемая мотивация цикличного гомеостаза поля эгосистемы. А. Маслоу и Э. Фромм писали о том, что мотивация поля эгосистемы ненасыщаема в принципе. Действительно, это механизм дисбаланса, который запускает эгозащиту, механизм, регулирующий повторение циклов гомеостаза.

> «Если мы дадим страдающему неврозом, который жаждет власти, — пишет А. Маслоу в „Мотивация и личность", — всю власть, к которой он стремится, это не излечит его от невроза и возможно даже не удовлетворит его невротическую потребность властвовать. Как его не насыщай он остается голодным (поскольку на самом деле он ищет совсем иного)».

Д. Майерс Психология (2008):

> «Существуют мотивы, которые похоже не удовлетворяют никакой физической потребности. Миллиардеры стремятся заработать еще больше денег, кинозвезды стать еще более знаменитыми, политики — добиться еще большей власти, сорвиголовы — ощутить еще больший азарт. Подобные мотивы похоже не уменьшаются по мере их удовлетворения. Чем больше мы достигаем, тем еще больше желаем достичь»

Э. Фромм «Человек для себя»:

> «Человеку может казаться, что некое желание вызвано телесными нуждами, в то время как в действительности оно обусловлено иррациональными психическими потребностями. В первом случае в основе дефицита лежат нормальные химические процессы внутри организма; во втором случае желания являются результатом психической дисфункции. В обоих случаях дефицит является причиной напряжения, а избавление от напряжения является причиной удовольствия. Все прочие иррациональные желания, такие, как жажда славы, власти, подчинения или зависть и ревность, не принимающие форму телесных потребностей, также коренятся в складе характера человека и порождены каким-нибудь искажением или деформацией личности»

Эта абстрактная мотивация роста, наряду с количественным абстрагированием смыслов всей остальной реальной жизни, когда все чувства и мысли выражаются в числах рыночного преуспевания или непреуспевания, — и есть самое очевидное проявление «шизоидности» рыночного характера. Э. Дюркгейм пишет в своем исследовании о тотемизме аборигенов Австралии, что они также абстрагировали весь мир в количественные отношения силы, и поклоняясь тотемам, поклонялись на самом деле этим абстрагируемым силам. Не то ли же безумие описывают Стенли Бинг и Эрих Фромм? «В тот самый момент, когда кто-то догадается, почему мужчины на Бонд-стрит носят черные шляпы, он одновременно поймет, — писал Г. Честертон, — почему мужчины в Тимбукту носят красные перья». Взять такой пример как «фабрикация грез» в Голливуде. Герой Джерома Сэлинджера, Холден Калфилд, описывает какую депрессию нагнали на него девушки, которые были озабочены только тем, чтобы успеть увидеть кинознаменитостей в Нью-Йорке. Эрих Фромм пишет, что кинозвезды — святые для людей с рыночным характером, у которых все выражается в валюте успеха и денег.

Э. Фромм «Человек для себя»:

> «В отличие от тех времен, когда актер был социально унижен, но, тем не менее, передавал своей аудитории творения великих поэтов, наши кинозвезды не служат передаче великих творений или идей, их функция — служить как бы связующей нитью между обычным человеком и миром „великих“. Даже если обычный человек и не может надеяться стать таким же преуспевающим, как они, он может стараться подражать им: они его святые, и благодаря своему успеху они воплощают определенные нормы жизни».

Бертран Рассел тоже говорит о шизоидном рыночном характере как о «религии успеха», которая есть в конечном итоге «сумасшедший дом». Религия успеха, волшебство денег с неподражаемой сатирой отображены в рассказе Марка Твена «Банковый билет в 1 000 000 фунтов стерлингов». Конечно, деньги удобны, но помните как сказал Христос: «Что мне толку, если я приобре-

ту весь мир, а душу свою потеряю?». Рынок еще никогда не решил проблем экономики, оставаясь кризисной и проблемной системой производства и потребления. Однако, наихудшее его свойство в том побочном продукте, который оно имеет в качестве провокации энергии эгозащиты.

Bertrand Russell in a newspaper-column in 1932:

> «В течении последних лет огромное количество денег и мозгов было задействовано для навязывания людям ненужных им товаров, то есть для побуждения беззащитных людей тратить деньги на покупку вещей, которых им не хочется приобретать. Это специфика нашего времени, что подобные вещи считаются достойными похвалы: читаются лекции, обучающие людей искусству продавать, и те кто наиболее преуспел в навязывание своих товаров другим высоко вознаграждается. Все эти несуразности происходят из того факта, что экономические отношения рассматриваются с точки зрения производителя, а не потребителя. В прежние времена люди пекли хлеб, чтобы его кушать; теперь считается, что хлеб едят, чтобы его производить. Когда мы тратим деньги на покупки, нас рассматривают не как потребителей, получающих удовольствие от приобретенных предметов, а как объекты обогащения для тех, кто произвел эти предметы. Поскольку величайшим искусством считается искусство ведения бизнеса, и поскольку это искусство видится в том, чтобы заставлять людей покупать то, без чего бы они прекрасно обошлись, наибольшее уважение вызывают люди, которые причинили наибольшую боль покупателям, преодолев наибольшее сопротивление. Все это происходит из примитивной ошибки мышления, именно неспособности понять, что то, что человек тратит в одном направлении, он не сможет потратить в другом, так что третирование покупателей не поможет увеличить его суммарные расходы. И так все что мы делаем, мы делаем для отчужденных от нас целей. Мы делаем деньги не для того, чтобы наслаждаться тем, что на них можно приобрести, а чтобы наши затраты позволили другим сделать на нас деньги, которые они потратят, чтобы другие сделали новые деньги которые... Но в конечном итоге это просто сумасшедший дом»

Джон Перкинс пишет в «Исповеди ЭУ»:

> «Мы скорее предпочитаем верить мифу о том, что тысячелетняя социальная эволюция наконец создала идеальную экономическую систему, чем признать, что мы поверили ложной концепции и воспри-

> нимаем ее как Евангелие. Мы убедили себя, что экономический рост приносит пользу человечеству и что чем больше этот рост, тем лучше для человечества. И наконец, мы убедили друг друга, что последствия этой концепции морально справедливы: те, кто высекают благословенную искру экономического роста, должны быть возвышены и вознаграждены; стоящие же в стороне подлежат эксплуатации. И сама концепция, и ее следствие используются для оправдания всех видов пиратства»

Другой наглядный пример безумия «религии успеха» — это книги известного американского писателя Роберта Грина. Он пишет, в сущности о том же, о чем пишет Стенли Бинг: о том, как «религия успеха» создает власть из магического сознания, из намеренного отказа от нравственности, из манипулятивного интеллекта, хитрости и жестокости. Радикальная разница между этими авторами состоит в том, что Стенли Бинг понимает, что это глубокая «патология», и смеется над этой патологией, сравнивая ее с официальной идеологии гуманизма и просвещения. Роберт Грин пишет без тени иронии, на полном серьезе рекомендуя «48 законов власти» этого подлейшего «синдрома макиавелли». И он пользуется большим успехом! Вот что можно прочитать об этом авторе в интернете:

> «Роберт Грин — автор книг-бестселлеров. Культовый американский писатель. Родился в Лос-Анджелесе (США) в 1959 году. Учился в престижных учебных заведениях (Калифорнийский университет, Университет Висконсин — Мэдисон, Беркли), имеет ученую степень по классическим дисциплинам. В свое время бросил Беркли из-за увлечения греческим языком и движением хиппи. Начал карьеру в Нью-Йорке, где, работал автором и ведущим журналистом таких издании, как «The New Yorker», « Esquire». Затем по приглашению кинопродюсеров переехал в Голливуд для работы по доработке сценариев ряда кинокомпаний. Свободно владеет несколькими иностранными языками, считается одним из лучших коучеров и лекторов, приглашаемых читать лекции топ — менеджерам крупных компаний. Активно используется руководством Демократической партии США (в прессе его называют Карлом Роувом от демократов) для ведения предвыборных кампаний».

О Карле Роуве сообщается, что это американский консерватор, советник президента Буша-младшего, который помог ему обойти на выборах президента 2000-го года Эла Гора. Одивер Стоун и Питер Кузник пишут об этих выборах как о мошеннических, и недвусмысленно заключают: «Буш украл выборы у Эла Гора». Что же, лестное сравнение для представителя демократической партии Америки.

Почему книги Грина пользуются успехом, если они так откровенно глупы, спросите вы? (Я говорю о двух его книгах «48 законов власти» и «Искусство соблазна»). Ответ очень прост. Если Бинг как умный и порядочный человек посмеялся над патологией энергии эгозащиты, то Грин показывает читателям механизмы функционирования энергии эгозащиты и учит их манипулировать людьми путем контроля этих механизмов. Именно потому, что он видит эти механизмы довольно тонко, и скорее всего его советы будут иметь какой-то результат, его книги и пользуются успехом. Как пишет Э. Фромм: «Используя психиатрический термин, человека с рыночным характером можно было бы назвать шизоидным, однако такой термин может ввести в заблуждение, так как шизоидная личность, живя среди других шизоидных личностей и успешно функционируя, не испытывает чувства беспокойства, которое свойственно ей в более „нормальном“ окружении». Действительно, когда энергия эгозащиты обожествляется религией успеха во всем обществе, кто вздумает возмущаться цинизмом и аморальностью книги, если ей можно найти практическое применение?

Эрих Фромм, А. Маслоу, А. Альфред, К. Хорни, Г. Олпорт, В. Франкл, К. Роджерс и др гуманистические психологи ставят прямо противоположную задачу в своих книгах: показать людям всю болезненность энергии эгозащиты, всю ее патологию, чтобы научить их как избавится от этой энергии, и открыть свои ресурсы здоровой энергии научного мышления, искренности, спонтанности и самоуважения. То, что называется «макиавеллизмом», и то что проповедуется в книгах Роберта Грина ставит обратную задачу: свести на нет гуманистическую этику совести и сочувствия,

добиться инфляции своего Эго (то есть мании величия), и научится манипулировать другими («охотиться на жертву») в таких рамках в каких вам это выгодно. Это называется властью и обольщением. Почему это имеет эффект? Прежде всего он оговаривается, что с умными людьми у вас возникнут проблемы. Это срабатывает потому, что бессознательные автоматизмы энергии эгозащиты срабатывают как притяжения Самолюбия и Влюбленности, и если знать механизмы этих притяжений, то можно научиться вызывать их у людей незаметно для них. В этом и состоит суть его «коучерской работы», если судить по книгам. Однако, если смотреть на вещи трезво, то не вызывает сомнений факт, что применение подобных знаний по контролю механизмов бессознательно к беззащитным людям, такое же насилие и мошенничество, как физическое покушение, а в ряде случаев много хуже. Поэтому человека нужно защищать от таких «охотников» не только своевременными знаниями в системе образования, но и на правовом уровне. Сегодня «пиратство» в психической зоне никак не регулируется правом (это оборотная сторона того извращения который получила психология в биопсихиатрии), напротив, пишутся пособия по обучению людей такому пиратству. И они являются официальными консультантами американских политиков и пишет сценарии для Голливуда.

Вот некоторые перлы из его работ.

1. Инфляция Эго (вместо снятия эгозащиты):

> «Эгоизм, корыстный интерес — рычаг воздействия на большинство, людей. На протяжении истории люди неблагородного происхождения — Феодора Византийская, Колумб, Бетховен, Дизраэли — придерживались Стратегии Короны, так твердо веря в собственное величие, что это становилось пророчеством, и оно исполнялось! Корона, возможно, выделит вас из толпы, но не менее важно сохранить ее блеск на долгое время. Для этого нужно вести себя особо, как бы указывая своим поведением на расстояние, разделяющее вас и окружающих. В то же время важно уметь играть на естественной склонности людей выходить из себя, если их обижают или насмехаются над ними.

> В конце концов, способность управлять другими — оружие, намного более мощное, чем любой инструмент агрессии»

Роббер Грин 48 законов власти

2. Магическое сознание, манипуляции механизмами бессознательного:

> «Людям хитрым и оборотистым это предоставляет бескрайний простор для жульничества. Тем, кому предоставлена возможность выбора, трудно поверить, что они стали объектом манипуляции или обмана. Говорят, если сможешь добиться, чтобы птичка сама вошла в клетку, она будет петь намного, лучше. Со слабыми необходимо быть агрессивнее. Давите на их эмоции — тревогу, ужас, это, в конце концов, подвигнет их на действия. Попробуйте обратиться к их разуму — и они всегда найдут способ увильнуть. Лучший способ сделать это — прибегнуть к театральным эффектам. Окружите себя роскошью, ослепите своих сторонников внешним блеском, пустите им пыль в глаза, устройте спектакль. Это не только замаскирует нелепость ваших идей, прикроет нестыковки в системе верований, но и привлечет больше внимания и больше поклонников. структура религиозная организации — иерархия, имена и титулы, пожертвования. Создавайте ритуалы для своих приверженцев; организуйте их в иерархические структуры, выстраивая по степени личной преданности; присваивайте им имена и титулы, которые перекликались бы с религиозными образами; просите их о жертвах, которые будут заполнять ваши сундуки и усилят вашу власть.. Не давайте докопаться до истинного происхождения вашего богатства — то есть карманов ваших приверженцев»

Роберт Грин 48 законов власти

3. Манипулятивный интеллект:

> «Власть процветает, пока может гибко менять формы. Быть лишенным определенной формы не означает быть аморфным, бесформенным — формой обладает все, этого невозможно избежать. Отсутствие у власти определенной формы означает, что она, подобно воде или ртути, может принимать очертания всего, что ее окружает. Постоянно изменяясь, она всегда остается непредсказуемой. власть чуть ли не полностью зависит от видимости и иллюзий, создаваемых вами. Ваши публичные выступления подобны произведениям искусства — они должны быть яркими, захватывающими, далее развлекающими. Подобно музыке, она прорывается, минуя заслоны

> рациональных, рассудочных мыслей. Слова возбуждают споры и дискуссии, образы объединяют людей. Образы — важнейшие и необходимые инструменты власти»

Роберт Грин 48 законов власти

4. Лицемерие, маска, «изображение чувства коллективизма»:

> «Спрятавшись за располагающую, не очень выразительную внешность, можно планировать любое злодейство, никто вас ни в чем не заподозрит. Этим оружием пользовались многие могущественные исторические деятели. Люди, обладающие истинной властью, отнюдь не ведут себя с окружающими оскорбительно, в отличие от Солка они научаются быть хитрыми лисами и изображать чувство коллективизма. На протяжении столетий именно такое поведение было и остается характерным для авантюристов, мошенников и политиков. Вступая в социум, оставьте за бортом собственные идеалы и воззрения, наденьте маску, которая лучше всего подходит для той группы, в какой вы сейчас находитесь. Никто не сможет упрекнуть вас в цинизме и отсутствии идеалов и ценностей. Разумеется, они у вас есть — вы разделяете идеалы окружающих ровно до тех пор, пока находитесь в их обществе»

Роберт Грин 48 законов власти

5. Отказ от совести и этики человечности:

> «К неконтролируемым эмоциям можно отнести параноидальный страх — страх, неадекватный ситуации, или любое низменное побуждение: жадность, тщеславие, ненависть или похоть. Находясь в тисках эмоций, люди часто не владеют собой, и вы сможете управлять ими. Вам как лидеру ни в коем случае нельзя замарать руки нечистыми или кровавыми делами, ваша репутация должна оставаться незапятнанной. В то же время власть не может выжить без постоянного подавления людей — всегда будет потребность в разных грязных делишках, необходимых для того, чтобы удержаться на троне. Для этого-то и требуется фаворит, который, как доверчивый кот из басни, собственной лапой таскал бы для вас из огня каштаны. Выберите кого-нибудь, кто не входит в ваш ближайший круг и поэтому вряд ли поймет, что его или ее используют. Вы найдете таких простофиль повсюду — им доставляет удовольствие угождать начальству, особенно если кинуть им пару-тройку косточек в награду. И последнее предупреждение: не воображайте, что зависимость

> вышестоящего от вас заставит его полюбить вас. Скорее он будет бояться вас. Но, как сказал Макиавелли, лучше вызывать страх, чем любовь. Страхом можно управлять, любовью никогда. Зависимость от таких тонких и переменчивых чувств, как любовь и дружба, делает вас, только незащищенным. Часто на роль жертвы для заклания выбирают именно самого невинного. Такой человек недостаточно влиятелен, для того чтобы сопротивляться, а его наивные протесты можно трактовать как доказательство вины» Роберт Грин 48 законов власти»

Роберт Грин 48 законов власти

6. Старая власть государей:

> «В действительности же власть, претерпев количественные изменения, осталась неизменной по существу. Возможно, поубавилось число могущественных тиранов, вершивших судьбы миллионов, но по сей день существуют тысячи карликовых деспотов, которые распоряжаются в своих мелких владениях, навязывая собственную волю с помощью скрытых рычагов власти, харизмы и других механизмов. Сильные люди не теряют времени даром. Они могут сделать вид, что верят, будто власть поделена между многими, — но между тем будут внимательно наблюдать за ключевыми фигурами группы, у которых на руках все козырные карты. Именно от них все и зависит. Если начинаются неприятности, нужно искать, что лежит в основе, и вычленить из общей картины одну сильную фигуру, человека, которого необходимо изолировать или убрать, чтобы буря улеглась»

Роберт Грин 48 законов власти

— Многолетние исследования ученых Стендфордского университета, Джерри Пораса и Джима Коллинза, выводы которых они изложили в книгах «Построенные навечно» и «От хорошего к великому» дает надежду на оптимизм, несмотря на все эти грустные факты! — заключила Тесла свою речь в Храме Духа. — С одной стороны, «сравниваемые компании» или «серебряные призеры» рынка подтвердили весь синдром «шизоидного рыночного характера», описанного Э. Фроммом. С другой стороны, «золотые медалисты», победители рынка, «визинарные компании» показали, что здоровая энергия тоже может существовать и развиваться на рынке, и побеждать все эти нелепые стратегии власти и роста ради роста «религии успеха».

Однако, самый важный вывод состоит в том, что здоровая энергия лидеров визинарных компаний, в конечном итоге также перерастает рынок. Но если «религия успеха» ведет рынок назад к Левиафану, то сплоченный коллектив самоактуалов, ведет рынок к плановой экономике демократического социализма. Этот вывод сами авторы не сделали. Но мы постараемся доказать его очевидность на следующих слушаниях.

ГЛАВА 13
КОМИССИЯ БЕРТРАНА РАССЕЛА «КТО УБИЛ КЕННЕДИ?»

Наконец, когда дело дошло до кульминационного момента Холодной войны между двумя сверхдержавами, до убийства президента Америки Джона Кеннеди, Большой Суд Храма Духа пребывал в чрезвычайном волнении. Ленин, Маркс и Энгельс были глубоко возмущены попытками консерваторов списать подлое убийство своего президента на коммунистов.

— Террор буржуазии — это священная война истинных коммунистов! — запальчиво говорил им Ленин. — Однако, если бы коммунисты взялись убивать президента Америки, вряд ли бы они выбрали самого демократичного, социально ориентированного и дружественного Советам!

— Это вы развязали войну между Америкой и Россией своей навязчивой идеей стереть с лица земли класс эксплуататоров! — не менее страстно возражал ему Людвиг Мизес. — Вы угрожали мировой революцией всем цивилизованным странам, вы держали весь свободный мир в страхе проснуться однажды в ваших ГУЛАГах! Почему бы вам и не убить президента Америки!

— Кто бы говорил! — возражал ему Лев Толстой. — Если кто и страдал паранойей, так это вы! Вы везде воевали с коммунистами как донкихот с мельницами! Стоило человеку сказать, что он сочувствует беднякам, сирым и слабым, как вы кидались на него с дикими воплями: бей коммуниста!. За что вы выгнали Чарли Чаплина из Америки? Только за то, что весь мир обожал

его доброе сердце, его полного юмора бродягу, образ, в котором этот великий художник сочувствовал обездоленным всего мира! Не любить марксизм — это одно, я сам не люблю марксизм. А видеть во всех добрых сердцах диктатуру пролетариата, в каждом проявлении христианского сострадания и милосердия коллективизм тоталитаризма — вот где паранойя!

— И то верно, — поддержал Толстого Кропоткин, — социализм — только развитие христианской любви к ближнему и единство людей в братстве. Коммунизм и диктатура пролетариата — ошибка, трагическая ошибка, но идея социализма даже в коммунизме Маркса остается правильной и здоровой идеей. Мы, социалисты, не поддерживали Маркса и Ленина. Но мы всегда оставались социалистами, ничего не мешало нам искать свободу, равенство и братство своими путями. В этом мы всегда были братьями и со всеми демократическими движениями в Европе, и с демократами Америки.

— Мы не позволим голословно обвинять консерваторов Америки в убийстве своего Президента! — возвысил голос Фридрих Хайек. — Какие ваши доказательства?

Вот тогда на кафедру Большого Суда поднялся Владимир Высоцкий.

— Дорогие Духоборцы! Друзья! За время Большого Суда над Холодной войной мы все прослушали огромное количество материалов, смотрели документальные фильмы, читали статьи и книги самых уважаемых авторов. Сегодня мы, наконец, рассматриваем кульминационный момент всей Холодной войны — убийство президента Америки. Да, друзья, я согласен с вашей формулировкой о том, что именно убийство Кеннеди стало самым драматическим событием этой нелепой борьбы. Безжалостность, с которой внутренние силы политической Америки уничтожили одного из самых ярких своих представителей того прекрасного и доброго, что несла в мир Америка, — говорит о злокачественности другой силы, противостоящей этому свету и лучистому теплу.

Мы не были в восторге от страны Советов, — это правда. Но все же мы не уехали из нее, хотя возможностей было масса.

Ты, Лев Ландау, когда тебе предложили остаться у Нильса Бора в Европе, отказался и вернулся в страну Советов. А ведь ты обожал Нильса Бора! Потому что ты убежденный социалист как Эйнштейн! Да, коммунизм советов не тот социализм, который мы искали. И Лев Ландау страстно критиковал репрессии и тоталитаризм, в которые скатывалось общество после революции. И сидел в тюрьме, и если бы Капица его не вытащил, то и сгнил бы там. Мы боролись со своей системой как могли, но все же предпочли остаться дома. «Потому что мы нужны в Париже, как в русской бане пассатижи», — писал я тогда.

1) Юрий Носенко

— Что бы мне хотелось сказать об убийстве Кеннеди? — продолжал Высоцкий, обводя своим настороженным взглядом прекрасные сосредоточенные лица в Храме Духа. — Мы все были очарованы его энергией, его умом и юмором, храбростью и добросовестностью, которые он излучал. И нам было больно услышать эти вести, как всем нормальным людям того времени. Тогда почти одновременно пришли две вести: сначала убили Кеннеди. А потом сбежал русский чекист Юрий Носенко. Оба события до сих пор покрыты тайной. Мое личное убеждение состоит в том, что эти два случая — ключ к решению одной тайны. Да, попробую себя опять в роли Жиглова, друзья! Покажите, пожалуйста, статью А. А. Соколова о Юрии Носенко! — обратился к Духоборцам Владимир Семенович.

— Я много думал над тем, что мы здесь услышали. И хочу вам рассказать, почему я пришел к выводу, что случай Юрия Носенко является ключом к убийству Кеннеди, а убийство Кеннеди — ключом к случаю Носенко.

А. Соколов пишет, что до сих пор неизвестно, сбежал ли Юрий Носенко или его похитили. Он приводит цитаты из автобиографий тогдашних руководителей КГБ, и в частности председателя КГБ, генерал-полковника Владимира Семичастного. Генерал сообщает, что Юрий выехал в Женеву для вербовки француженки, и что, выйдя с ней на контакт, он пропал. После ужина на швейцарско-французской границе, он исчез без следа.

> «Прежде всего, важные сведения впервые прозвучали в 2001 г. в воспоминаниях Семичастного: «В январе 1964 г. Носенко поехал, уже не в первый раз, в Женеву как член советской делегации на переговоры по разоружению. Официальное назначение было лишь прикрытием для его настоящей работы: разведчик Носенко имел довольно важное задание от КГБ. В Женеве он должен был встретиться также с начальником контрразведки Грибановым. КГБ проявлял интерес к одной француженке, которая по её собственным словам имела доступ в некоторые организации и к определённой информации. Заданием Носенко было выйти на контакт с ней и завербовать её. Приехав в Швейцарию, Носенко нашел её и договорился о встрече: решено было вместе поужинать. Встретились они в гостинице на французско-швейцарской границе. Это была наша последняя информация. После ужина Носенко исчез без следа. Это произошло за два дня до приезда в Женеву Грибанова. Очаровательная дама оказалась разведчицей, вероятно, более способной. О том, что произошло позднее, я могу только догадываться. Очевидно, французская мадам работала не только на разведку своей собственной страны».

Это 1964 год, в полный ход работает комиссия Э. Уоррена по расследованию убийства Кеннеди. В 1962 году Юрий Носенко якобы сам вышел на американскую разведку впервые, но бежать не спешил. Почему он сбежал именно сейчас, когда работала комиссия Уоррена? А. Соколов приходит к выводу, что Носенко был похищен: его арестовали вместо того чтобы предоставить политическое убежище, потому что боялись что он убежит в российское посольство и заявит, что был похищен. На мой взгляд, — прищурился Высоцкий, входя в роль Жиглова, — истина тут посередине: он не убежал, и его не похитили. Его просто соблазнили. «Французская мадам», которая по выражению Семичастного оказалась «лучшим агентом», чем Носенко, конечно, знала свое дело. Плюс расследование Джона Маркса о широком использовании ЦРУ наркотиков. Видимо все вместе, и Носенко и соблазнился, и скомпрометировал себя, и обратной дороги уже не было. Помните, Джон Перкинс пишет, что его также соблазнили красивой любовницей, которая и сделала из него «экономического убийцу». Низость, которой будет пользоваться институт разведки, пока она работает, и по-

ка этот институт существует. Он выдал много важной информации, но он не назвал ни одного имени, под жуткими пытками в течении более трех лет! Носенко — честный человек. — опять громко отрезал Высоцкий.

— Позвольте мне продолжать. Зачем же Носенко потребовался ЦРУ в разгар работы комиссии Уоррена? Я думаю, вы все понимаете, что ЦРУ ставило себе целью «промыть мозги» Носенко с тем, чтобы тот оговорил и себя и свою страну: дескать, да, мы послали Ли Харви Освальда. Для ЦРУ — это был единственный шанс придать своей теории, которая разваливалась на кусочки, какую-то весомость. Вспомните теорию Вышинского, о которой рассказывает Солженицын, и на основе которой строились приговоры в ГУЛАГах: только признание определяет виновность человека, даже если факты против его признания. Итак, ЦРУ работало стандартными методами промывания мозгов тоталитарных систем. И ставило себе задачу, как там у Джона Маркса написано: «заставить человека делать что-то против своей воли и даже против законов природы». Это самый разгар экспериментов по программе Аллена Даллеса на «промывание мозгов» в ЦРУ. Джон Маркс подробно описывает, как пытали Юрий Носенко в рамках этой программы. Видимо, информация о его пытках широко известна, потому что о них также подробно пишет Н. Яковлев в книге «ЦРУ против СССР». Для последнего Носенко — предатель, который заслужил и пытки и смерть.

— ЦРУ утверждает, что Носенко — двойной агент, что его заслали Советы для того, чтобы он сбил со следа ЦРУ, рассказывая, что Освальд не был русским агентом! — гневно возразил Высоцкому Фридрих Хайек.

— Ну, конечно, ЦРУ ведь не может прямо сказать, зачем они привезли Носенко в Америку. Однако, факты говорят сами за себя. Во-первых, СССР не имело никакой мотивации оправдываться перед Америкой или перед мировой общественностью: Правительство США не предъявляло СССР никакого обвинения по делу Кеннеди, Освальд был признан убийцей –одиночкой. А общественное мнение итак не верило в официаль-

ную версию, отчет комиссии Уоррена был повсеместно признан сомнительным. А во-вторых, Носенко не позволили предстать перед комиссией Уоррена, и даже не позволили допрашивать его в Конгрессе. Когда его затребовала Комиссия Уоррена, министру обороны Макнамаре и госсекретарю Раску пришлось писать письма о том, что Освальд — убийца-одиночка, СССР не мог иметь участия в этом деле, и что поэтому допрос Носенко на комиссии необязателен. Вот как! Все что угодно, только никому не показывать такого ценного свидетеля. А Носенко продолжал под пытками утверждать правду: Освальд никак не связан с русской разведкой. А. Соколов приводит много другой дополнительной информации, подтверждающую нашу точку зрения: Носенко был привезен в Америку для того, чтобы он под психологическими пытками программы «промывания мозгов» оговорил себя и русскую разведку, и придал весомости нелепой теории ЦРУ о том, что президента убил безобидный маленький человек по имени Ли Харви Освальд. «Я никого не убивал, — успел сказать он журналистам, когда его арестовали. — Я — козел отпущения. Они меня взяли, потому что я жил в СССР». Самое время вспомнить советы Роберта Грина о «48 законах власти»: «Ищите козла отпущения. Обвините самого невинного в своих кровавых делах». Освальду также не позволили предстать перед судом, его застрелили. Как Носенко не позволили предстать перед комиссией Уоррена и перед Конгрессом. У меня все, — сказал Владимир Высоцкий, спускаясь с кафедры под гром аплодисментов.

Джон Маркс «ЦРУ и контроль над разумом»:

> «Несостоятельность методов ≪промывания мозгов≫ поставила ЦРУ в трудное положение, когда в феврале 1964 г. к американцам перебежал Юрий Носенко, занимавший высокий пост в КГБ Советского Союза. Он принес с собой удивившую многих информацию. Так, он сообщил, что русские ≪начинили≫ подслушивающими устройствами американское посольство в Москве. Это оказалось правдой. Кроме того, он назвал некоторых русских агентов на Западе и он заявил также, что лично просматривал файл Ли Харви Освальда, который несколькими месяцами ранее был убит,

прежде чем смог предстать перед судом за убийство президента Кеннеди. Носенко сообщил, что, по его сведениям, КГБ не интересовалось Освальдом. Говорил ли Носенко правду или он был ≪подсадной уткой≫ КГБ, посланной, чтобы отвести внимание американцев от Освальда? Была ли его информация правдивой или он сам был подосланным агентом? Действовал ли он, веря в свои сообщения? Верили ли люди из ЦРУ в его искренность? Ричард Хелмс, вначале в качестве заместителя директора, а затем директора ЦРУ, разрешил оперативникам подвергнуть Носенко допросу с использованием метода, которому он сам очень доверял. Этот метод не был разработан в рамках программы по ≪промыванию мозгов≫ (≪сыворотка правдивости≫, программа электросудорожной терапии при изменении паттерна). Хелмс провел Носенко через проверенный советский метод, заключающийся в изоляции заключенного с последующим сенсорным ограничением; после этого заключенный бывает, как правило, сломлен. Более трех лет, точнее говоря, 1277 дней, оперативники ЦРУ держали Носенко в одиночном заключении. Все выглядело так, будто они использовали в качестве руководства к действию исследование Хинкля-Вольфа, а в качестве образца опирались на случай с кардиналом Миндсенти. Оперативники наблюдали за Носенко днем и ночью, не оставляя его без наблюдения ни на одно мгновение. В его камере постоянно горела лампа. Ему не разрешали читать даже этикетки на тюбиках от зубной пасты. Когда он попытался отвлечься и изготовить комплект шахмат из хлопкового волокна, имевшегося в камере, охранники обнаружили это и вымели все волокна. В камере Носенко не было окна; в конечном итоге он был помещен в стальную камеру размером 12 Х 12 *м*. Носенко сломался. Он галлюцинировал. Он разговаривал со своими тюремщиками, которые допрашивали его в течение 292 дней, причем часто в то время, когда он был привязан к детектору лжи. Если он говорил правду, ему не верили. В то время как советская и китайская стороны показали, что они могут заставить человека сделать любое признание, сотрудники ЦРУ, проводя допросы, не имели, по-видимому, ясного представления, какого признания они бы хотели добиться от Носенко. Когда все было позади и по истечении трех с половиной лет незаконного задержания Хелмс отдал приказ об освобождении Носенко, некоторые руководители ЦРУ по-прежнему полагали, что он оставался агентом КГБ. И нерешенным остался большой вопрос: кем же был Носенко в действительности? По этой проблеме среди сотрудников ЦРУ нет единого мнения. Со случаем Носенко программа ≪промывания мозгов≫

> совершила полный оборот. Встревоженные тактикой коммунистов, руководители ЦРУ исследовали всю проблему, приступили к реализации своего проекта и воспользовались новейшими технологиями, чтобы внести улучшения. Получив по истечении десяти лет исследований ужасающие результаты, руководители ЦРУ не создали сколько-нибудь надежных методов. И когда наступил критический момент, они обратились к грубым методам разведки советской системы»

2) Кеннеди — социал-демократ.

Вслед за Владимиром Семеновичем на кафедру поднялся Артур Шлезингер, друг и коллега Джона Кеннеди, работавший весь президентский срок последнего бок о бок с ним.

— Мне близка версия Владимира Высоцкого, — сказал Шлезингер утирая слезу. — Я был другом Джона Кеннеди, я знал его отважную, благородную душу лучше, чем кто-либо. Сейчас на него льют помои, пачкают сексуальными скандалами, вешают на него войны и кровь, — это все та грязная старая стратегия «жабообразных троллей», как говорит о консерваторах Стенил Бинг, по обвинению самого невинного. Оклеветать жертву — первое правило каждого убийцы.

Но я знал Кеннеди, как никто другой, и сразу написал о нем, чтобы защитить от клеветы.

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Он был моим другом, в годы его президентства я работал в его аппарате и не могу поэтому гарантировать свою полную беспристрастность в оценке событий и деятелей того периода.
> Итак, в 1961 г., в первые месяцы пребывания Кеннеди у власти, каждый новый день как будто и впрямь приносил с собой новый кризис: события в Лаосе, в связи с которыми Эйзенхауэр счел нужным подсказать Кеннеди, что Соединенным Штатам, возможно, придется вмешаться «в одностороннем порядке»; подготовка вторжения на Кубу, которую Эйзенхауэр рекомендовал «продолжать ускоренными темпами»; события в Конго; запуск советского космонавта; убийство Трухильо; энергичная советская поддержка «национально-освободительных войн» в Алжире, Вьетнаме и на Кубе; встреча в Вене с Хрущевым и попытки Советского Союза выдворить союзников из Западного Берлина; возобновление советских

ядерных испытаний. Это был суровый год. Несмотря на кратковременное нездоровое увлечение планами контрреволюций. Кеннеди в долгосрочном плане в своей политике по отношению к странам «третьего мира» собирался лечить не симптомы, а саму болезнь. «Те, кто препятствует мирным революциям, — заявил он на встрече с группой латиноамериканских послов в 1960 г., — неизбежно провоцирует революции кровавые». Его Союз ради прогресса ставил себе целью содействие мирным реформам в странах «третьего мира». Даже Кастро назвал союз «хорошей идеей... в политическом плане весьма разумной концепцией, призванной оттянуть приход революции». После смерти Кеннеди его политика поддержки реформистских режимов в Латинской Америке была предана забвению. Но его Союз ради прогресса и по сей день остается перспективной идеей, и нам в нашем стремлении к конечному торжеству демократии в Западном полушарии следовало бы возродить ее в той или иной ипостаси. В национальных движениях Кеннеди видел мощную политическую силу современности. Своей основной задачей он считал координацию американской политики с развернувшейся на его глазах во всем мире борьбой, которую он сам называл «революционным движением за национальную независимость». Мир будущего виделся ему как «многообразный мир», сообщество стран с разным государственным устройством и разной идеологией, «в котором в рамках международного сотрудничества каждое государство сможет решать свои проблемы в соответствии с собственными традициями и идеалами». Формулируя свое внешнеполитическое кредо, он процитировал знаменитые слова Вильсона о том, как отвести всемирную угрозу от демократии. Наибольшую озабоченность Кеннеди вызывала национально-освободительная война во Вьетнаме. Он придерживался курса прежней администрации и даже кое в чем признавал справедливость теории домино Эйзенхауэра. Число американских военных советников во Вьетнаме при Кеннеди превысило 1 6 тыс.; 7 3 из них погибли в бою. Однако президент неизменно отклонял рекомендации Пентагона направить во Вьетнам американские войска и постоянно оказывал нажим на властолюбивого Нго Динь Дьема. Суть своих взглядов Кеннеди изложил в сентябре 1963 г., сказав о южных вьетнамцах: «Это их война — они и будут вести ее до победного конца... или проиграют». Он сам был свидетелем, как лет за десять до этого французская армия увязла во Вьетнаме, поэтому он был абсолютно убежден, что крупномасштабное американское вторжение лишь сплотит силы национального освобождения и мобилизует их на борьбу с иностранным захватчиком. После обнародования сек-

ретных документов Пентагона достоянием гласности стал и план Кеннеди отозвать американских советников из Вьетнама к 1965 г.; Джонсон отказался от этого замысла несколько месяцев спустя после Далласа. Кеннеди признался в свое время Майку Мэнсфилду, что его целью был полный вывод американского персонала: «Но я не могу сделать этого до 1965 г., то есть до новых президентских выборов». В ядерный век он не видел альтернативы сбалансированной политике. «Человечество должно положить конец войне, — заявил Кеннеди в ООН в 1961 г., — иначе война покончит с человечеством». Всеобщее и полное разоружение, по его словам, — «дело жизни и смерти». После вывоза ракет с Кубы Кеннеди не выдвинул новых требований к Москве, не подверг ее унижению, а, напротив, взял четкий курс на ослабление международной напряженности. На следующее утро после кубинского ракетного кризиса он сказал мне, что опасается, как бы люди не пришли к неверному выводу, будто русских легко сломить, действуя с позиции силы. В своей речи в Американском университете в июне того же года Кеннеди призвал американцев и русских пересмотреть политику «холодной войны». Обе стороны, сказал он, «попали в порочный и опасный круг, когда подозрения одной стороны порождают аналогичные подозрения и у другой, а создание все новых видов вооружений влечет за собой разработку соответствующих средств противодействия». По словам Хрущева, «ни один американский президент со времен Рузвельта не произносил такой сильной речи». Увы, спустя десятилетия мы так и не вырвались из этого порочного круга. Первой попыткой Кеннеди разорвать этот порочный круг стало подписание договора ограничении ядерных испытаний. Для ратификации договора ему нужно было убедить ястребов в конгрессе и, кроме того, военных в необходимости этого шага или по крайней мере заткнуть им рты. Он добился этого, пойдя на определенные уступки военным и обратившись за поддержкой к общественному мнению. Кеннеди иронически заметил в те дни, что и на него самого, и на Хрущева оказывают давление сторонники жесткого подхода, которые любой шаг в направлении к разрядке истолковывают как проявление слабости. «Ястребы в Советском Союзе и в Соединенных Штатах существуют за счет друг друга». Кеннеди был миротворцем; как признал Хрущев в своих мемуарах: «Это был человек, которому мы могли доверять... (В дни карибского кризиса) он занял в высшей степени гибкую позицию, и вместе нам удалось избежать катастрофы... Он проявил мудрость и талант подлинного государственного деятеля»

И все же можно с достаточным основанием предположить, что останься Кеннеди в живых, то, получив от избирателей более внушительный мандат на выборах 1964 г. и имея дело с более уступчивым конгрессом, он достиг бы намеченных им «новых рубежей». Выполняя намеченный план, он к 1965г. вывел бы войска из Вьетнама, вместо того чтобы «американизировать» войну, к чему пришел в том же году Джонсон. Останься Кеннеди в живых, Хрущев, возможно, дольше продержался бы у власти. (Кастро позднее в беседе с одним американским репортером сказал, что, по его мнению, Кеннеди не стал «закручивать гайки» во время ракетного кризиса, чтобы «спасти Хрущева».) Эти два лидера, заглянувшие в те роковые октябрьские дни в атомную пропасть, возможно, смогли бы продвинуться значительно дальше по пути разоружения и мира. Он верил, что в стране (особенно среди молодежи) сохранился запас идеализма, что людям присуще бескорыстное желание помочь бедным и слабым, и он старался направить этот идеализм в нужное русло. Достаточно вспомнить в этой связи о Корпусе мира и его деятельности в зарубежных странах и в самих США. Его прямота, непредубежденность, вера в целесообразность переговоров, иронический склад ума и врожденное чувство юмора, нередко направленное и в собственный адрес, в сочетании с благородством его представлений о роли Америки очистили страну от коросты — наследия 50-х годов. Его способность отвлечься от общепринятых взглядов и институтов высвободила в американском обществе заряд критической энергии. Негритянская община США относилась к Кеннеди с любовью; он был первым после Франклина Рузвельта президентом, нашедшим путь к сердцам молодежи. В других странах в нем видели носителя американского идеализма и подлинного гуманиста. На какое-то время ему действительно удалось превратить политическую деятельность, говоря словами Бьюкена из «Пути пилигрима», которые, кстати, он любил цитировать, в «величайшее и самое достойное занятие».

Артур Шлезингер остановился, снял очки и протер слезившиеся глаза. Духоборцы шумно рукоплескали его искренней сердечной речи.

— Вы все знаете, друзья, — продолжал этот прекрасный человек, надевая вновь очки, — какой кристальной честностью отличалось его правительство, и кА он любил окружать себя профессорами из университетов, и не любил бизнесменов. Его общество «Новых рубежей» — было обществом борьбы за равные гражданские права, обществом широких социальных программ по борьбе с бедностью.

> «По части вмешательства в экономические процессы Кеннеди добился немалых успехов. Но его честолюбивые планы в этой области — крупномасштабные социальные программы, такие, как федеральные ассигнования на медицинскую помощь («Медикэр»), на образовательные цели, финансовая поддержка городов и борьба за гражданские права, потерпели неудачу из-за имевшегося тогда соотношения сил в конгрессе. Как и любому президенту-демократу после Рузвельта начиная с 1938 г., ему противостояла палата, находившаяся под контролем консервативной коалиции республиканцев. ...Однако в период кампании 1960 г. Герберт Гувер уже критиковал Никсона за то, что тот тратит слишком много времени, соглашаясь с Кеннеди. «Цели, к которым стремится Кеннеди, — зло», — изрек непреклонный старец, убежденный в том, что кандидат от демократической партии мечтает о «социализме под маской всеобщего благоденствия» и о «новом издании «нового курса"Рузвельта».
> «Я намерен просить конгресс, — заявил Кеннеди, — сделать то, чего он ни разу не делал в XX веке, а именно: взять на себя обязательство покончить с расизмом и в американской жизни, и в американском законодательстве». Это, сказал он, «этическая проблема, старая, как Святое писание», и «простая, как американская Конституция». Ни один американский президент до него ничего подобного не говорил.
> Итак, Кеннеди прочно связал себя с борьбой за гражданские права, пойдя на огромный политический риск. Его активность в этом направлении привела к падению его популярности. Его противники утверждали, что движение за гражданские права — коммунистический заговор, что Мартин Лютер Кинг находится под контролем коммунистов»

— Я написал эти строки о своем друге, с которым мы все проработали в администрации все три года его короткого президентства. Недавно вышла книга Оливера Стоуна и Питера Кузника «Нерассказанная история Америки», которая повторяет сделанные мной заметки ранее. Я очень этому рад, потому что как я уже писал, обычно «ревизионисты» переиначивают историю в обратную сторону, объявляя Эйзенхауэра — голубем мира, а Кеннеди — ястребом войны. Оливер Стоун и Питер Кузник написали правду.

Оливер Стоун и Питер Кузник «Нерассказанная история Америки»:

> «Всего через год после Карибского кризиса с Джеком Кеннеди, старым солдатом холодной войны, произошли значительные изменения. Они с Н. С. Хрущевым предприняли шаги к разрядке напряженности в холодной войне, которые казались немыслимыми ни в октябре 1962 года, ни на протяжении всех предыдущих 16 лет. Они были врагами, в любой момент готовыми к броску. 7 ноября губернатор Нью-Йорка Нельсон Рокфеллер объявил о своем намерении участвовать в праймериз Республиканской партии по выдвижению кандидата на президентский пост. В последующие две недели он подвергал политику Кеннеди постоянным нападкам. Он обвинял Кеннеди в мягкости по отношению к коммунизму. Президент «наивно полагал», что советское руководство «благоразумно, готово к компромиссам и стремится к фундаментальному урегулированию с западными странами». В результате «наша безопасность была подорвана». Он не остановил агрессию коммунистов в Лаосе. Он не смог предоставить воздушную поддержку во время вторжения в заливе Свиней и «безразлично наблюдал за строительством Берлинской стены». А Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах «глубоко шокировал» европейских союзников США.
>
> Обещанное всенародное восстание так и не началось. Банди, Раск и сам Кеннеди неоднократно говорили ЦРУ, что ни о какой воздушной поддержке не может быть и речи. Они понимали, что подобные действия нанесут серьезный урон имиджу США на мировой арене и послужат прямым приглашением для Советов начать вторжение в Западный Берлин. Незадолго до наступления 18 апреля Кеннеди, Джонсон, Макнамара и госсекретарь Дин Раск встретились в Белом доме с председателем КНШ генералом Лимэном Лемнитцером, начальником штаба ВМС адмиралом Арли Берком и начальником отде-

ла тайных операций ЦРУ Ричардом Бисселом. Берк и Биссел в течение трех часов пытались убедить Кеннеди направить наземную и воздушную поддержку. Они с самого начала знали, что это единственный шанс на успех, и были совершенно уверены, что Кеннеди уступит их давлению. Позже сам Кеннеди скажет: «Они были уверены, что я сдамся и дам им отмашку». «Для них было немыслимо, — соглашается с Кеннеди его советник Уолт Ростоу, — чтобы президент Америки, держа в своих руках всю военную мощь страны, позволил провалиться такой операции». Лемнитцер обвинял Кеннеди в том, что «выбросить белый флаг — немыслимо... возмутительно и почти что преступно». Но Кеннеди был непоколебим. Он объяснял одному старому другу: «Я не позволю вовлечь нас в цепь безответственных действий только потому, что кучка фанатиков в наших рядах ставит национальную гордость выше национальных интересов». 114 человек из сил вторжения было убито, 1189 попали в плен. Среди жертв были и четверо американских летчиков из Национальной гвардии штата Алабама, служивших по контракту в ЦРУ.

После провала вторжения Кеннеди решил все же перетряхнуть «сукиных детей» в КНШ и «этих ублюдков из ЦРУ». Он угрожал «порвать ЦРУ на мелкие кусочки и пустить их по ветру». Председателем КНШ вместо Лемнитцера он назначил Максуэлла Тейлора, но, надеясь умиротворить «ястребов», решил поставить во главе штаба ВВС Кертиса Лемея — решение, о котором он впоследствии пожалеет. В ЦРУ Даллеса заменил консервативный бизнесмен-республиканец Джон Маккоун. Президент заставил написать заявления об отставке и двух заместителей Даллеса — Ричарда Биссела и генерала Чарлза Кэбелла. Всех зарубежных агентов ЦРУ и военных в других странах он подчинил послам, а также принял решение о сокращении бюджета ЦРУ к 1966 году на 20%.

Среди тех, кто впоследствии подтвердил намерения Кеннеди вывести войска, были Роберт Кеннеди, Роберт Макнамара, Артур Шлезингер, Тед Соренсен, Майк Мэнсфилд, Тип О'Нил, а также помощник госсекретаря Роджер Хилсмен. Когда Дэниел Эллсберг брал интервью у Роберта Кеннеди в 1967 году, еще до Тетского наступления, повлекшего за собой перелом в общественном мнении относительно войны, Кеннеди объяснил, что его брат пребывал «в абсолютной решимости не направлять боевые части сухопутных войск».. Наиболее ярким ответом Кеннеди на мирные инициативы Хрущева было его обращение, произнесенное в Американском университете в июне 1963 года. Он и его ближайшие советники написали эту речь, не привлекая ни КНШ, ни ЦРУ, ни Госдеп. И возможно, это была наиболее свободная от стереотипов президентская речь за все XX сто-

летие Нигде в мире речь Кеннеди не получила столь широкого резонанса, как в СССР. Хрущев назвал ее лучшей речью президента США со времен Рузвельта. Вдохновленный услышанным, он публично выступил за подписание договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере. 25 июля представители США, СССР и Великобритании парафировали этот важный договор. То было первое в истории соглашение по контролю над ядерными вооружениями.

Но гнев Рокфеллера не шел ни в какое сравнение с той яростью, какую испытывали ЦРУ и КНШ, руководство которых Кеннеди постоянно раздражал с самого начала своего президентства. Летом 1962 года Кеннеди прочел сигнальный экземпляр будущего бестселлера Флетчера Нибела и Чарльза Бейли «Семь дней в мае», в котором рассказывалось о военном перевороте в США. Идея романа пришла в голову Нибелу во время интервью с генералом Кертисом Лемеем. Кеннеди тогда сказал одному своему другу:

«Это возможно. Такое может произойти в нашей стране...»

По мнению многих руководителей армии и разведки, Кеннеди совершил гораздо больше трех предательств. Так, он был виноват в том, что отступил из залива Свиней, ослабил ЦРУ и сменил его руководство, отказался от вмешательства в Лаосе и сделал там ставку на нейтралистов, заключил Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах, планировал уйти из Вьетнама, заигрывал с идеей окончания холодной войны, прекращения космической гонки, стимулировал национализм в странах «третьего мира», а также — о, ужас! — достиг разрешения Карибского кризиса путем переговоров. 22 ноября 1963 года, до того как Кеннеди сумел воплотить их общую с Хрущевым мечту о перестройке всего мира, его жизнь оборвали пули убийцы на улицах Далласа. Возможно, убийц было несколько. Возможно, мы никогда не узнаем ни о мотивах этого убийства, ни о том, кто за ним стоял. Комиссия Уоррена постановила, что Ли Харви Освальд был убийцей-одиночкой. Член комиссии Джон Макклой настаивал на том, чтобы доклад комиссии был одобрен единогласно, хотя четверо ее членов: Ричард Рассел, Хейл Боггс, Джон Шерман Купер и сам Макклой, — испытывали серьезные сомнения относительно стрелка-одиночки и магической пули. Линдон Джонсон и губернатор Джон Коннели, который также был ранен, тоже сомневались в результатах расследования, как и Роберт Кеннеди. Общественность сочла доклад неубедительным. Что мы знаем — это то, что у Кеннеди было много врагов, которые ненавидели его за стремление к переменам так же, как их предшественники ненавидели Генри Уоллеса: в 1944 году они заблокировали тому все попытки повести США и весь мир по новому пути мира и процветания.

> Кеннеди смело противостоял могущественным силам, которые хотели ввергнуть США в войну с СССР. И едва ли не большей смелостью обладал Хрущев. Будущие поколения находятся в огромном долгу перед этими двумя людьми, заглянувшими в бездну и ужаснувшимися тому, что увидели там».

— Позвольте мне на этом закончить свою речь. Я передаю слово глубоко уважаемому мной Бертрану Расселу. Это его голос, голос его Трибунала военных преступлений во Вьетнаме, голос его «Комиссии Кто убил Кеннеди?» поддерживал тогда нас всех. И сегодня его книги о социальном зле, его книги о военных преступлениях и статья «16 вопросов убийства Кеннеди» — самая убедительная критика консервативной политики в Америке. По сути, его статья, в которой он неслучайно упоминает Дело Дрейфуса, тоже может быть озаглавлена подобно знаменитому выступлению Золя «Я обвиняю». Бертран Рассел обвиняет в этой статье Консерваторов!

Бертран Рассел недвусмысленно говорит в начале своей статьи, что уже состав комиссии Уоррена внушает подозрения. Прежде всего, вся комиссия представлена членами правительства, но не народом Америки. И это именно правые консерваторы, представляющие движение Голдуотера, или же бывший директор ЦРУ Аллен Даллес, снятый с должности Джоном Кеннеди, представитель ФБР, или же Сенатор Рассел, который, подобно Голдуотеру, выступил против Закона о Гражданских правах Джона Кеннеди

Б. Рассел «16 вопросов убийства Кеннеди»:

> «Состав Комиссии Уоррена совершенно не был представлен народом Америки. Он включал два представителя партии Демократов, сенатора Джорджии Рассела и конгрессмена Лузианы Боггса. Оба они своими расистскими взглядами навлекли позор на Америку. Два представителя партии Консерваторов, сенатор Кентуки Купер и конгрессмен Мичигана Джеральд Форд. Последний — лидер своего местного движения Голдуотера, бывший член ФБР, которого знают в Вашингтоне как официального представителя ФБР. Аллен Даллес, бывший директор ЦРУ. И м-р Макклой, которого представили как выразителя мнения бизнес сообщества. Лидерство в обструкции в сенате против Билля о гражданских правах не позволи-

ли сенатору Расселу посетить ни одного слушания комиссии за этот период.

1. И здесь мой первый вопрос: Почему все члены Комиссии Уоррена имели непосредственное отношение к правительству Америки?

Если состав комиссии внушал подозрения, то ее поведение подтвердило наши самые худшие опасения. Ни одному юрисконсульту не позволили защищать интересы Освальда, так что перекрестный допрос был закрытым. Позже, под давлением, Комиссия назначила президента Американской ассоциации адвокатов, лидера движения Голдуотера в Аризоне, представлять Освальда. Насколько мне известно он не посетил ни одного слушания, но удовлетворился пересказом очевидцев. Для соблюдения нац безопасности, слушания Комиссии держались в секрете, продолжая таким образом политику, которой был отмечен весь курс этого дела. И у меня возникает второй вопрос:

2. *Если Освальд, как нам говорят, убийца-одиночка, почему это дело национальной безопасности?*

3. Действительно тот же самый вопрос здесь уместен как во Франции во время дела Дрейфуса: «Если правительство так уверено в своей правоте, почему все следствие велось в такой строгой секретности?

В самом начале Комиссия 6 групп персонала для расследования по следующим направлениям:

1. Что делал Освальд 22 Ноября 1963?

2. кто стоял за Освальдом?

3.Что делал Освальд в Корпусе морской пехоты США и в СССР?

4. Как Руби убил Освальда?

5. Кто стоит за Руби?

6. Что было сделано для того чтобы защитить президента 22 ноября?

И здесь возникает мой четвертый вопрос:

4. Почему Комиссия не утвердила персонала для изучения вопроса «Кто убил президента Кеннеди»?

Все свидетельства, которые давались комиссии попадали в раздел «Совершенно секретно», даже запрос на публичное слушание дела. Несмотря на это, Комиссия сама сливала много информации в прессу, правда только те свидетельства, которые подтверждали что Освальд был убийцей одиночкой. Так, Верховный Судья Уоррен созвал пресс-конференцию после того как жена Освальда Марина дала показания что она считает что ее муж был убийцей. Перед тем как дать показания, Роберт Освальд, брат Освальда, добился соглашения что комиссия не будет комментировать его свидетельства.

Пока он давал показания в течении двух дней, Аллен Даллес, бывший директор ЦРУ, оставался в комнате слушаний, и позже туда вошли представители прессы. На следующий день все газеты были полны сообщений, что «член комиссии» сказал прессе что Роберт Освальд показал что он считает что его брат агент СССР. Роберт Освальд был взбешен этой ложью, и сказал что не может молчать пока лгут в отношении его показаний. Он никогда так не говорил и никогда так не считал. Все что он сказал Комиссии: что он считает что его брат никоим образом не причастен к убийству.
Методы которыми пользовалась комиссия были плачевными, но важно рассмотреть целиком роль комиссии Уоррена. Они заявили что не будут проводить самостоятельного расследования, но будут основываться на государственных службах — ФБР, ЦРУ и полиция Далласа. Таким образом, доверие к комиссии Уоррена предполагает доверие к этим трем институтам.
5. Мой пятый вопрос: Почему так много либералов перенесли свою собственную ответственность на комиссию, обстоятельства которой они отказываются проанализировать?
Известно, что строжайшие и самые тщательные меры безопасности были приняты для президента США 22 ноября в Далласе. Город имело репутацию преступности и был местом обитания право-радикальных фанатиков в Америке. Мистер и Миссии Линдон Джонсон подверглись там нападению когда он был кандидатом в вице-президенты. Адлай Стевенсон подвергся физической атаке всего за месяц до визита Кеннеди когда он выступал в городе. На утро 22 ноября, Даллас Морниг Ньюз опубликовала на целую страницу рекламу, которая ассоциировала Президента с коммунизмом. *Город был покрыт афишами с фото Президента под заголовком «Разыскивается за госизмену». Список диверсантов Далласа включал 23 имени, где Освальд занимал первое место. За всеми была установлена слежка в тот день кроме Освальда.*
6. Шестой вопрос: Почему власти преследовавшие как потенциального убийцу всякого, кто когда-либо высказывался в пользу десегрегации публичных школ в Далласе, не смогли засечь вход Освальда в здание книгохранилища, несущего якобы винтовку длинной в четыре фунта?
7. Мой седьмой вопрос: Почему маршрут Президента был изменен в последнюю минуту, чтобы Президент проехал мимо место работы Освальда?
После убийства и ареста Освальда, приговор был объявлен быстро: Освальд был убийцей, и он действовал в одиночку. Никакой попытки арестовать других, никакого блокирования дорог вокруг района убийства, и каждый элемент свидетельств, которые могли обвинить

Освальда были объявлены прессе Окружным прокурором Далласа, Мистером Уейдом. Таким образом, миллионы людей имели предвзятое мнение об Освальде еще до того, как дело дошло до суда. Первая теория, объявленная властями, состояла в том, что машина Президента была на Хьюстон стрит, приближалась к зданию книгохранилища, когда Освальд открыл огонь. Когда доступные фотографии и очевидцы показали, что это неправда, от этой теории отказались и изобрели новую, где машина была в правильном месте.

8. Восьмой вопрос: Почему медицинское свидетельство касательно смерти Президента было изменено до неузнаваемости? Хотя считается, что Освальд застрелил Президента сзади, имеется много свидетельств тому, что Президент был застрелен спереди. Среди них два репортера из Fort Worth *Star Telegram*, четверо из Даллас Морниг Ньюз, и два человека которые стояли перед зданием книгохранилища, директор и вице-президент фирмы. Оказывается, что только два человека вошли в это время в здание книгохранилища, директор и офицер полиции Далласа. Оба считают, что выстрелы раздались перед машиной Президента. Побежав в направлении выстрелов, полицейский был информирован «кем-то», что выстрелы раздавались сзади, и он поспешил назад, в здание. Известно также, что первая сводка по радио сообщала что «выстрелы раздались с тройной эстакады напротив фронтальной части машины президента».

The Secret Service уничтожила все свидетельства из машины, так что теперь невозможно изучить сломанное лобовое стекло.

9. Вопрос: Какие свидетельства подтверждают утверждение, что Президент был убит выстрелами спереди?

Наиболее веские доказательства — фотографии снятые на месте преступления. Одна молодая женщина, которая стояла сразу слева машины президента снимала его машину, когда раздались выстрелы, ее снимки запечатлели всю фронтальную часть здания книгохранилища. Агенты ФБР немедленно отобрали у нее пленку и до сих пор отказываются показать ей, что она запечатлела на пленке.

10. Вопрос: Почему ФБР отказывается опубликовать свидетельство, которое было бы самым надежным доказательством во всем этом деле?

В этой связи стоит отметить также, что невозможно найти фотографии самого оружия убийства, о которых говорит печать. Когда Тайм магазин опубликовала фото ареста Освальда — единственное фото — фон был затемнен по причинам, которые никогда не объяснили. Трудно вспомнить случай, где бы столько фальсификаций с фотографиями имели место как в деле с Освальдом.

11. Вопрос. Как случилось, что миллионы людей введены в заблуждение полнейшей фальшью в прессе?
Шериф полиции Далласа заявил в ноябре 23 что результаты теста доказывают, что Освальд — убийца. Директор ФБР в Даллас заявил о ходе расследования: Это был парафиновый тест. Парафиновый тест подтвердил что Освальд имел нитраты и порох на лице и руках. Это доказывает что он стрелял из винтовки 22 ноября». Дело даже не в том, что этот ненадежный тест ничего не доказывает. Дело в том что позже выяснилось, что тест на самом деле имел негативный результат, порох не был обнаружен на Освальде, что говорит о том что он вряд ли стрелял в тот день из винтовки.
12. Вопрос: Почему парафиновый тест был изменен перед тем как о нем объявили власти?
Освальд, как мы помним, был впервые арестован и обвинен в убийстве полицейского Типпетта. Типпетт был убит 22 ноября мжчиной, который сначала затеял с ним разговор, затем заставил его выйти из полицейской машины, где он сидел и застрелил его пистолетом. Miss Helen L. Markham, которая уверяет что она единственный очевидец этого преступления, дала полиции Далласа описание нападавшего. После того как она подписала письменное свидетельство, она была проинструктирована ФБР, Секретной Службой и полицией что ей не разрешалось обсуждать это дело с кем бы то ни было. Все что она сказала в своем описании убийцы, значилось «молодой белый мужчина». Позже она дала более детальное описание, и это описание никак не совпадало с внешностью Освальда. Ее свидетельство — это все, что есть у полиции для обвинения Освальда в убийстве Типпетта.. И все же Прокурор округа Уейд заявил: У нас больше свидетельств, что Освальд убил Типпета, чем у нас есть, что он убил Кеннеди». Обвинение против Освальда в убийстве Типпетта, продолжил он, доказанное обвинение.
13. Вопрос: Почему единственное описание убийцы Типпета нарочно пропущено полицией из письменных свидетельств единственного очевидца происшествия?
Описание Освальда транслировалось по телевидению полицией Далласа всего 12 минут спустя после выстрелов в Президента. Это поднимает экстраординарный вопрос:
14. Вопрос: Почему полиция Далласа передавала по радио описание Освальда *в 12.43 p.m. 22 ноября, если Типпет был застрелен только в 1.06 p.m.?*
Другим экстраординарным свидетелем в деле Освальда стала его жена, Марина. Ее посадили в тюрьму, когда ее муж был еще жив и Шериф показал ей винтовку. Когда ее спросили его эта винтовка,

она ответила что у него есть винтовка, но эта не похожа на его винтовку. Она и ее свекровь были в большой опасности пока проходили по делу об убийстве, потому что публика могла сорвать зло на них. В это время ни один офицер полиции не стал их защищать. Когда же Освальд был убит, Секретная Служба нелегально удерживала женщин против их желания. Через три дня их разделили, и Марина больше никогда не была доступна для публики. Пробыв в следственном изоляторе 9 недель и будучи опрашиваемой ФБР Секретной Службой каждый день, она в конечном итоге дала показания Комиссии Уоррена и согласно Эрлу Уоррену, сказала, что она считает, что ее муж убийца. Верховный Судья добавил, что на следующий день они намеревались показать ей оружие преступления, и они не сомневались, что она подтвердит, что винтовка принадлежит ее мужу. И на следующий день Эрл Уоррен подтвердил, что все действительно так и случилось. Mrs Oswald все еще в следственном изоляторе Секретной Службы. Изолировать свидетеля на 9 недель и подвергнуть его повторяющимся допросам Секретной Службой такими методами в других странах называется промыванием мозгов.
15. Вопрос. Как удалось Эрлу Уоррену предвидеть, что показания Марины Освальд будут прямо противоположны ее предыдущим показаниям (когда она не узнала винтовку)?
После того как Руби убил Освальда прокурор Уейд рассказал о передвижениях Освальда во время подготовки к убийству. Он назвал имя водителя такси, который якобы подписал показания, что вез Освальда. Оказалось что таксиста с таким именем Darryll Click, нет во всем Далласе. Тогда Прокурор изменил его имя на имя William Wahley. Уейд работал прокурор 14 лет, а до этого был агентов ФБР.
16. Вопрос. Как окружной прокурор с таким опытом работы объясняет все эти экстраординарные изменения в свидетельствах и показаниях, которые он сделал на протяжении дела Освальда?
Это только некоторые вопросы поднятые официальным расследованием убийства Кеннеди, и теми методами которыми все дело против Освальда проводилось. Эти 16 вопросов не заменят полное исследование всех факторов этого дела, но я надеюсь что они покажут всю необходимость предпринять такое новое расследование. Я обязан Mr Mark Lane, the New York criminal Lawyer, за большую часть информации в этой статье. Его расследование, которое продолжается, заслуживает самой широкой поддержки общества. Комиссии гражданского расследования учреждены с этой целью в Нью Йорке, и аналогичные комиссии учреждаются в Европе. В Британии я пригласил известных людей в интеллектуальной жизни страны присоединиться к нашей комиссии «Кто убил Кеннеди Комитет». Мы под-

> ходим к проблеме со всей серьезностью. Посольства Америки много времени назад отчитывались в Вашингтон о том, что во всем мире никто не верит в обвинение, выдвинутое против Освальда, но это никогда не было отражено в американской прессе. Ни американское телевидение, ни массовые газеты никогда не посмели противоречить постоянному базису всего выдвинутого обвинения: что Освальд был убийцей, и что он действовал в одиночку. Это задача, которую предстоит решить американскому народу».

— Всем известно, что всего через 5 лет после убийства Джона Кеннеди, были убиты почти одновременно, его брат Роберт Кеннеди, выставивший свою кандидатуру в президенты Америки, и Мартин Лютер Кинг, которому покровительствовали оба брата, поддерживавших движение десегрегации. Мартин Лютер Кинг, из-за которого у Джона Кеннеди был конфликт с Эдгаром Гувером, уверявшим, что последний коммунист, а с коммунистами Гувер не церемонился. И тогда братья Кеннеди за него поручились. Говорят, Кеннеди собирался уволить Гувера, как уволил Аллена Даллеса. Даллес был членом комиссии Уоррена, а Гувер проработал еще десятки лет после смерти Кеннеди, и умер на своем посту.

Да, друзья, я обвиняю консерваторов! — заключил свою речь Бертран Рассел. — Кеннеди сражался с промышленниками, как в случае знаменитого конфликта в стальной промышленности, где он не допустил роста цен. Кеннеди выступал за мир с Хрущевым, Кеннеди собирался вывести войска из Вьетнама, и Кеннеди инициировал Билль о Гражданских правах, чтобы уничтожить сегрегацию. Его называли коммунистом за мирное разрешение Карибского кризиса, социалистом за социальную помощь в рамках программы «Новые рубежи», «Союз ради прогресса», «Корпус мира». Он отказался от «тайных операций» ЦРУ по утверждению правых диктатур в пользу мирного реформирования стран Третьего мира в рамках этих программ. Его смерть расчистила дорогу тем, кто начал массированное наступление во Вьетнаме, и кто в конечном итоге свернул все преобразования демократов в стиле «Нового курса» Рузвельта. На руку Ричарду Никсону, Генри Киссинджеру,

Эдгару Гуверу, Аллену Даллесу, Рональду Рейгану и Джорджу Бушу.

Артур Шлезингер «Циклы амеиканской истории»:

> «Ни одно правительство или общественная система не являются настолько порочными, — заявил президент Кеннеди в Американском университете в 1963 г., — чтобы можно было обвинить их народ в нехватке добродетели». И он призвал как американцев, так и русских пересмотреть свое отношение к «холодной войне», полагая, что «наше отношение так же важно, как и их отношение». Кто бы мог предположить, что ровно через двадцать лет другой американский президент заклеймит Советский Союз как «средоточие зла в современном мире» и призовет американцев «противостоять ему всей нашей мощью»? При Рональде Рейгане официальная американская версия «холодной войны» избрала обратный путь и двинулась, ...минуя Кеннеди и «многообразие мира», назад к «священной войне» Джона Фостера Даллеса".

ГЛАВА 14
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ КАРЛА МАРКСА. СУД НАД КАПИТАЛИЗМОМ

Речь, которую Тесле предстояло сказать сейчас в Храме Духа, была настолько трудной и ответственной, что ей стало трудно дышать, когда великие духоборцы подняли ее коляску на кафедру. Сердце бешено колотилось, все взоры великого Собрания были устремлены к ней. Шутка ли, впервые после Маркса опровергать эффективность рыночной экономики, опровергнув прежде самого Маркса. Это ведь его грубые ошибки убедили противную сторону, что они победили. Это ведь он своим нелепым диалектическим материализмом уничтожил всю Левую идею, всю здравую теорию социализма. И теперь, когда Холодная война продолжалась уже после распада Советов, и после отказа от марксизма-ленинизма, по крайней мере в России, как никогда важно было объяснить, что такое экономика, и каковы пути ее истинного развития и становления. Важно для остановки ставшей уже бесконечной Холодной войны.

Глубоко вздохнув, Тесла собрала все свое мужество, и смело бросилась в бой, как она обычно это делала.

— Великолепные и прекрасные! Умнейшие и мудрейшие! Благороднейшие и добросовестные! — начала она свою речь в глубоком волнении.

Современная социальная наука крайне примитивна в своей сути. Возьмите хоть «Происхождение человека» Дарвина, писания биолога о тысячах лет становления Интеллекта и Духа, хоть «Капитал» Маркса — материалиста, также игнорировавшего самую суть человека, его духовную энергию. Социальная наука, в основе которой такие откровенные глупости, и есть истинная причина современной катастрофы.

Господа Капиталисты утверждают, что они ненавидят Маркса всеми силами души. Они врут, и это очень легко доказать. Теория рыночной экономики Адама Смита — такая же часть классической политической экономии, как и «Капитал» Маркса. Существо политической экономии в том, что она превратила производственные отношения между людьми в отдельную науку, независимую от психики, сознания, духовной энергии человека. Политическая экономия придумала основные категории этой экономической науки, — такие как Товар, Деньги, Капитал, Прибыль, Стоимость, — увязала эти категории математическими соотношениями в бухгалтерском балансе, и заявила, что эта объективные законы природы, не зависящие от воли человека.

Существо этой подмены истинных человеческих отношений, которые выражаются качественными показателями, такими как дружба, безопасность, доверие, уважение, искренность, юмор, сотрудничество, состоит в переходе к абстрактным количественным показателям. Это именно тот феномен, о котором говорит Эрих Фромм в своей концепции рыночного характера, который подменяет все человеческое количественной абстракцией денег. Сейчас мы говорим не о характере, а об экономике как науке. Мало того, что политическая экономия подобно дарвинизму и немецкому идеализму консервируют патологическую энергию эгозащиты, она еще и разрушает настоящие производственные

отношения и тормозит становление и развитие экономики, поскольку искажает представление о науке экономике.

И Адам Смит, и Карл Маркс абсолютно согласны в этом фундаментальном положении политической экономики: что экономические отношения заданы объективными законами производства, выраженными математическими соотношениями. Соотношения всем известны, и у Смита они такие же как у Маркса: производство товаров, обмен товаров, стоимость как денежный эквивалент, накопление стоимости, подсчет затрат производства и прибыли, рост капитала. Эта святая азбука математики производственных отношений нисколько не меняется ни в катехизисе рыночной экономики, ни в катехизисе так называемого коммунизма марксистской экономики. Суть производственных отношений сводится к тому, что все должны производить товары, обменивать их через денежный эквивалент, выражать стоимость в денежном эквиваленте, подсчитывать затраты и прибыль, чтобы стимулировать рост Капитала. Вот этот Рост Капитала — суть любой теории политической экономии. И в этом смысле, название основного труда Маркса выражает эту сущность очень точно: «Капитал». Бухгалтерский учет, на котором стоит вся современная экономика, от рынка до плановой экономики советов — это подсчет роста Капитала. Такова сущность производственных отношений в теории политической экономии.

Эта сущность отображается формулой воспроизводства:

«Производство — Распределение — Обмен — Потребление».

И эта формула воспроизводства также в равной мере верна для рыночной экономики Адама Смита, и для плановой экономики Карла Маркса. Различия состоят лишь в нюансах организации процесса на стадии Обмена: для Смита — это свободный и конкурентный обмен частного капитала, для Маркса — это обмен по плановым ценам государственного капитала. Вот, собственно, все различия. Поэтому, мы можем смело говорить о том, что экономическая система, нарисованная Марксом, вовсе и не была Экономикой Социализма. Разница между Адамом

Смитом и Карлом Марксом в РАЗНОВИДНОСТИ КАПИТАЛИЗМА: в первом случае, это частный капитализм, а во втором случае — это государственный капитализм. Действительно, и в том, и в другом случае, в основе системы хозяйствования одна и та же формула воспроизводственного процесса, и бухучет как подсчет возрастания абстрактной денежной стоимости, обозначенной Капиталом.

Что же такое Экономика Социализма в таком случае?

Начнем с концепции Богатства, которую эти авторы исказили в первую очередь своим математическим, количественным подходом к измерению человеческой энергии.

Человеческую энергию нельзя измерить количественно в абстрактных эквивалентах, вроде денег. Духовная энергия человека измеряется Интеллектом и Добродетелью, то есть умственным и эмоциональным здоровьем. Здоровье человека и человечества — вот единственный критерий Богатства человеческого общества. Поскольку человек обладает двумя видами энергий — биологической и психической, — мы говорим о здоровье на двух этих уровнях. О приоритете этих двух энергий в форме дискурса о соотношении души и тела, философия спорит столько, сколько ей лет. Энгельс даже назвал этот вопрос — основным вопросом философии. Мы знаем, как решили этот вопрос в марксизме — это и повлекло все ошибки, и в философии, и в экономике. Мы решаем вопрос иначе: «Суть человека — дух, — говорит Кьеркегор, — а значит неважно, ходит ли он на двух ногах». Для нас это важно, но не приоритетно. Психическое здоровье — вот приоритет. Если бы психическое здоровье можно было сохранить только за счет ущербности биологического здоровья, человек все равно выбирал бы психическое здоровье, если дух есть его сущность. К счастью, оба вида здоровья только дополняют друг другу, нигде не вступая в конфликт. Однако, если для авторов политической экономии, Смита и Маркса, значим только уровень биологического здоровья, то мы, напротив, утверждаем, что богатство есть в первую очередь — здоровье психическое,

и из этого будем исходить в построении нашей теории производственных отношений.

Экономика Социализма — это экономика, которая понимает Богатство как качественные показатели уровня психического здоровья человечества и биологического здоровья. В таком определении, понятие богатства теряет тот пошлый оттенок, который придает ему философия материализма, как ненасытной жадности в накоплении всего подряд. Нас интересует только уровень здоровья, так что мы вполне можем остановиться в накоплении, чтобы сохранить экологию, а значит сохранить здоровье.

Политическая экономия выделяет три фактора производства: землю, труд и капитал, то есть накопленную стоимость или, иначе, «овеществленный труд» по Марксу. Мы утверждаем, что это неправда. Земля есть у всех, но только человек способен производить «богатства». Рабский труд самый тяжелый, но он ничего не производит. Накопленная стоимость намного чаще растрачивается на контрпродуктивные цели, чем на конструктивную деятельность. Нет, не земля, труд и капитал лежат в основе великого процесса производственных отношений человечества.

Да, вы правы, господа, главным и единственным ресурсом производства является Духовная энергия человечества, — энергия интеллекта, ответственности, дружбы и творчества. Именно этот ресурс отличает человека от всего прочего мира, и именно он сделал его способным производить богатства. Богатства в истинном их смысле контролируемой энергии природы, а не в пошлом смысле материального обжорства. Маркс ошибался, как обычно, не труд создал человека. Человека создал разум, энергия интеллекта, которая сразу положила между ним и обезьяной непроходимую пропасть новой энергии природы, энергию мышления. А уже разум сделал человека способным к труду, ибо сущность труда в освоении окружающего мира, в познании его законов, — такова энергия разума. Неолитическая революция, переход к производящему хозяйству был толь-

ко проявлением этого забившего в человеке источника энергии мышления.

Маркс полагал, что труд сделал человека человеком, а производство материальных благ и их накопление являются целью его движения. Это неправда. Энергия интеллекта сделала человека человеком, научив его трудиться, а целью его движения является научный контроль, в котором энергия интеллекта находит свое равновесие. Маркс полагал, что людей связывает общая собственность, но на самом деле энергия интеллекта уже есть общее поле истины, совести и сочувствия. Если вы рискуете жизнью чтобы спасти утопающего, если вы бичуете себя за нанесение ущерба другому, если вам легче пострадать, чем вынести несправедливость в отношении других — это значит у вас единая духовная энергия, единое «Я». Это и раскрывает существо «доброты» и «любви к ближнему» — единое поле духовной энергии человечества. Искренность, доверие, понимание, единая истина законов природы и единый научный контроль — таково богатство здоровья духовной энергии человека.

Маркс считал, что в основе единства человечества — общая собственность. И эта мысль вызывала справедливое отвращение и умных людей. Общая собственность с жуликами, подлецами, негодяями и просто дураками! Мало того, что смотреть на них противно, так еще добровольно отдавать им свой пот и кровь и называть их братьями! Отвратительно! В самом деле, картина неприглядная, и ее мы и получили в Советском Союзе. Однако, вы, великие из великих, духоборцы всех времен и народов, отважные и добросовестные, умнейшие из умнейших, скажите великолепные: Кто бы из нас отказался быть частью друг друга? Кто бы не посчитал это величайшей божьей благодатью? И разве вы не испытали этой волнительной радости, этого ощущения достижения райской благодати, увидев здесь это Великое Собрание самых высоких душ?

Действительно, великие, не собственность объединяет людей. Людей объединяет здоровая духовная энергия. Ибо вы уже не скажите, не хотим быть вместе, потому что тот подлец, а этот

дурак. Вы знаете, что нет места среди вас дуракам и негодяям, что только высокий ум, отважное сердце, тонкий юмор, взаимное уважение, искренность, прозрачная как родниковая вода и доверие, обволакивающее своим неизбывным теплом — вот что найдете вы друг у друга. А это значит многократное увеличение духовной энергии каждого за счет соединения с другими.

Что это единение в здоровом духе есть счастье, вы могли сами убедиться. Однако, посмотрите, что это единение значит для продуктивности труда, для высвобождения творческой энергии человечества. Это просто Цунами работоспособности, питаемое самодисциплиной, долгом, любовью друг к другу, уважением и доверием, компетентностью и потребностью в научном контроле. Вот где, господа, лежит клад всех факторов производства, клад, которого классики политической экономии так и не нашли. Народы, демонстрировавшие на протяжении истории так называемое «экономическое чудо» — это те народы, которые умели сплотиться в решающий момент в этот единый источник духовной энергии интеллекта.

А теперь посмотрите, что делает с этим энергетическим ресурсом конкуренция рыночной экономики. Прежде всего, философия рынка ведет к распаду единого поля духовной энергии и к провокации энергии эгозащиты. Нет больше доверия и искренности, дружбы и безопасности, сотрудничества и взаимопомощи. Их место заняли тщеславие и страх, господство и подчинение, хитрость и ненависть, война и злорадство. Уже на этом психологическом уровне убиты психические ресурсы творческой энергии. Что бы не говорили сторонники «конкуренции как стимула развития», страх и ненависть, тщеславие и зависть — самые плохие источники продуктивной энергии. Только самые амбициозные и жестокие сохраняют мотивацию сражаться за место под солнцем, остальные ломаются и лениво выполняют стандартные функции винтиков большой машины, поддакивая боссам и дежурно улыбаясь окружающим. Сотрудничество невозможно в обществе, которым правит энергия эгозащиты, замешанная на страхе и тщеславии. Внешний лоск

остается вежливым, но за фасадом всегда «реал-политик» силового соотношения, господства и подчинения цикличного гомеостаза эгозащиты. Маркс наивно называл энергию садомазохизма эгозащиты — эксплуатацией одного экономического класса другим классом. Такой подход рационализирует отношения, в которых рациональности уже не осталось. Никто никого не эксплуатирует с рациональными целями обогащения и достижения благ: просто люди перестали существовать за автоматизмами энергии бессознательного. Об этом и пишет Э. Фромм как о шизоидном рыночном характере. Ненасыщаемость энергии эгозащиты, каких бы благ и власти не достигали «макиавеллианцы» доказывает факт иррациональности этой энергии.

Но не только на эмоциональном уровне уходит энергетический ресурс духовной энергии. Он уходит, прежде всего, на уровне интеллектуальном. Рушится единый научный контроль, масштабность постановки задач, коммерческие тайны и лицемерие, хитрость и недоверие, огромные расходы на контрпродуктивные затраты, вроде войны и институтов контроля за бессовестным поведением друг у друга. Посмотрите, на что сегодня тратят деньги самые передовые рыночные экономики мира, и вы увидите, что вся продуктивная энергия общества, которая еще у него остается в условиях рыночных джунглей, спускается, словно вода в сломанном бачке унитаза. Инфляция и кризисы перепроизводства, когда уничтожаются тонны продукции, перераспределение стоимости через финансовые системы государства и банков, роскошь и пропасть неравенства, потребление стимулируемое рекламой и маркетингом, войны за рынки сбыта, расходы на войны в горячих точках Холодной войны (они идут до сих пор!), на вооружение (вплоть до звездных войн Рейгана и космического оружия, ядерная гонка вооружений), наркотики, никотин и алкоголь, огромный штат гражданского войска в виде полиций и гвардий, фабрики грез нелепой кинопродукции, преступность и насилие. Р. Коуз, лауреат Нобелевской премии, поставил также общественность

перед фактом, что издержки функционирования рынка составляют до 60% ВВП. Действительно одно только юридическое обслуживание сделок в условиях всеобщего недоверия и противостояния будет стоить бешеных денег.

Маркс предложил вылечить это зло рыночной экономики всеобщего противостояния объединением собственности. Эта идея оказалась еще хуже рыночной борьбы индивидов друг с другом, ибо лучше драться друг с другом, когда ненавидишь, чем иметь общую собственность и жить под одной крышей. Результатом марксизма стала не единая духовная энергия, которой неоткуда было взяться, а возврат к садомазохизму Левиафана, гораздо большая деспотия, которая отняла остатки свободы, которой обладает индивид в рыночных джунглях.

Итак, мы не говорим об объединении собственности, мы говорим о единении духовной энергии человечества. Если такого единения удастся достичь — это уже огромное богатство, свидетельствующее о новой ступни эволюции, на которую поднялся человек (духовной эволюции). Сегодня люди поголовно несчастны в обществах атомарных индивидов, одиночество, страх и недоверие, потребность в искренности и человеческом тепле, униженность и забитость. Здоровье психической энергии, которое проявляется в духовном единении, в дружбе, искренности и доверии — уже достижение главной цели всей продуктивной деятельности человека.

И мы знаем, что этого богатства нельзя достичь теми математическими методами «роста капитала», о котором пишут теоретики капитализма от Адама Смита до Карла Маркса. «На деньги счастья не купишь» — говорит пословица. Эта пословица на самом деле формулирует ущербность всей теории капитализма, поскольку единственное богатство, за которое стоит сражаться — это счастье, то есть здоровье духовной энергии человечества.

Система образования, которая будет включать информацию закономерностей психической энергии, двух силовых полей психики, автоматизмов бессознательного поля эгозащиты и спо-

собов нейтрализации этих автоматизмов — вот первый шаг к здоровому обществу, и к богатству мощнейшего энергетического источника психической энергии. К единому полю духовной энергии общества. Когда-то я назвала такое образование — институтами контроля ДТПЭ (детерминированный ток психической энергии, то есть автоматизмы бессознательного энергии эгозащиты). Именно эти институты контроля ДТПЭ, эта система образования, включающая нейтрализацию поля эгозащиты, есть первая и необходимая стадия воспроизводственного процесса в нашей Экономике Социализма.

Как же будет выглядеть процесс Воспроизводства в Экономике Социализма? В чем его качественное отличие от процесса воспроизводства в системах частного и государственного капитализма у Смита и Маркса?

«Система образования — Научное планирование — Производство — Потребление».

Примерно так. Это значит, во-первых, что самым важным ресурсом экономики признается духовная энергия научного контроля и сотрудничества, высвобождаемая в процессе правильно организованного образования. Далее, эта схема воспроизводства указывает отсутствие количественного измерения «роста капитала» как ключевого фактора экономики. Целью экономики не являются количественные показатели, в основе экономики не лежит бухгалтерский учет рост капитала и подсчета прибыли. Научное планирование –это схема оптимальных производственных связей для современного уровня технологий, где все субъекты хозяйствования, весь производственный процесс налажен не через рынок товаров и услуг, а государственным планированием. Цель производства — не рентабельность, как это имеет место у капиталистов, а поддержка производства на оптимальном уровне для настоящих технологий. Как только что-то серьезно меняется в технологиях, вводятся изменения в оснащение производства и снова производство поддерживается на статичном уровне заданных показателей. Кто определяет разновидности товаров, если не спрос формирует предложение, в научное планирование? Есть масса

способов гибкого решения этой проблемы. Прежде всего, следует учитывать, что речь идет об очень богатом обществе, где показатели выпуска могут значительно превышать нужды населения, где доступ к конечному продукту — будет свободным. Это не денежная, не количественная, не капиталистическая экономика. Здесь не может быть концентрации финансовых ресурсов в бюджетах и банках, не может быть инфляции и кризиса перепроизводства, не может быть поисков рынков сбыта и неравенства в доходах. Здесь очень много продуктивной энергии, нет контрпродуктивных расходов, доступ к продуктам свободный.

Работает множество очень образованных людей, разрабатывая самые изысканные дизайны продукции или же продуктов питания, с учетом их влияния на здоровье. Но здесь нет мотивации конкуренции выжить кого то с рынка и разорить. Здесь действует противоположная мотивация — послужить людям, послужить обществу, выполнить свой долг, сделать, что то для людей, которые тоже так много для тебя делают, для людей которых ты любишь, и общество которых делает тебя счастливым. Здоровье единой духовной энергии — это когда общество становится той настоящей семьей, которую отдельные индивиды получают в качестве исключения, очень нечасто. Потому что, только когда здоровье духовной энергии есть главная забота всего общества — это счастье становится по настоящему доступным. Конечно, уйдут годы, сменятся поколения, но ведь главное знать в каком направлении мы движемся, какие цели ставим, и начать процесс.

Итак, отличительные особенности Экономики Социализма состоят в следующем:

1. Духовная энергия человечества как основной экономический ресурс производства. К. Поппер писал по этому поводу в «Открытом обществе», что если человечество потеряет все свои производства, но сохранит знания, оно быстро восстановит материальную технику. А вот если потеряет все накопленные знания, то придется начинать с каменного века. Все знания человечества, и особенно знания о его собственной энергии — вот что составляет основу духовной энергии.

2. Свободный доступ к конечному продукту. Отсутствие денежной экономики и распределения стоимости, стадии обмена продуктов на рынке.

3. Прямое научное планирование всех хозяйственных, внутрипроизводственных связей.

4. Отсутствие рентабельности производства, бухучета роста капитала. Поддержка стабильного производства на уровне поддержки психического и биологического здоровья. Богатое общество с перепроизводством продукции на мелкие нужды бытового обихода.

Теперь вы убедились, уважаемые друзья, что марксизм был таким же капитализмом, с рентабельностью производства, с распределением и перераспределением стоимости, с заработной платой и рыночным обменом товаров. Пусть рынок был несколько урезан госконтролем, но он был, как и все остальные стадии капиталистического воспроизводства.

Наша Экономика Социализма — это радикально иная экономическая система, в которой не экономика является наукой с объективными законами, которым должен подчиняться человек. Для нас психология, теория психической энергии является наукой с объективными законами, которым должна подчиняться экономика. Поэтому мы не имеем ничего общего с количественными методами капиталистов, с их бухгалтерскими балансами, с их материализмом общества потребления, одурения маркетингом и рекламой. Наши методы — это методы поддержки качественного уровня здоровья на психическом и биологическом уровнях.

Тесла остановилась, чтобы перевести дух. Она с тревогой вглядывалась в лица великих духоборцев. Они казалось с нетерпением ожидали продолжения ее речи.

Бертран Рассел, Александр Герцен, Жозеф Прудон первыми нарушили напряженную тишину.

— Браво, — сказал Герцен. — Я тоже писал, что предпочитаю «подход врача подходу судьи»! Это и есть научный контроль психики. Весь мой «Доктор Крупов» об этом.

— Браво! — подхватил Прудон. — Научный контроль вместо голоса большинства! Я всегда говорил это.

— Поздравляю, — сказал, наконец, и Бертран Рассел, — я писал в «Дорогах свободы» о том же «подходе врача вместо подхода судьи», как говорит Герцен. Во «Власти» я писал, что первым основал политическую и экономическую теорию на психологии, и всегда ставил в вину Марксу его отказ от психологии. Так и вышло, он проиграл из-за своей нелепой философии материализма и экономизма.

А тебе, Тесла, не надо увлекаться. Без полиции какое государство? Даже если будут эти институты ДТПЭ, как ты их называешь, и будет контроль энергии эгозащиты (я тоже много писал о необходимости такого контроля!), все равно не все и не сразу станут здоровыми людьми в полном смысле этого слова. А на полицию расходы не так уж и велики, не обеднеет твое пребогатое социалистическое государство! — улыбнулся великий философ.

Тесла только густо покраснела. Каким утопистом она могла показаться в глазах этих великих мыслителей. И тоже беспомощно улыбнулась в ответ.

— Я согласна с вами на все сто, уважаемый Бертран Рассел, — наконец сказала она. — Мне только осталось подтвердить свои выкладки исследованиями визинарных компаний учеными Стендфордского университета Джерри Порасом и Джимом Коллинзом, с вашего позволения.

И поскольку вся Центральная Зала Храма Духа ободряюще зааплодировала, Тесла решилась продолжать свою революционную речь.

— Ученые Стендфордского университета, Джерри Порасс и Джим Коллинз написали книгу «Построенные навечно» о самых успешных мировых компаниях, оказавших влияние на мировую культуру и просуществовавших около века и более, причем лидерами рынка. Позже, Джим Коллинз продолжил эти исследования и написал по результат еще одну книгу — «От хорошего к великому», тоже с коллективом ученых. Что поражает в результатах этих исследований?

Эти ученые не были психологами, и текст их книг ни в коей мере не выдает ни эрудиции в области психологии, ни желания вести исследования с психологической точки зрения. И тем не менее, результаты получились такими, словно они знали об исследования Абрахама Маслоу и Эриха Фромма: их лучшие компании — это синдром самоактуалов Абрахама Маслоу, а «сравниваемые компании» — это шизоидный рыночный характер Эриха Фромма. При этом, именно рыночный характер сравниваемых компаний выглядит частью своей среды, среды капиталистического рынка; в то же время визинарные (visionary) компании, то есть лучшие компании выглядят исключениями в этом мире капиталистической конкуренции. Давайте рассмотрим подробнее.

Представляя «визинарные компании», авторы исследования подчеркивают, что их исследование не связано с традиционным курсом экономики, оно не изучает количественных абстракций и математических соотношений, маркетинга и рекламы. Это исследование о компании как об общественном организме. Результат их изучения самого успешного бизнеса принес неожиданные результаты для них самих: причиной успеха оказался человеческий фактор, а не те модели экономического поведения, которые преподают в школах экономики. В то же время, поведение «сравниваемых компаний» оказалось вполне стандартным с этой точки зрения.

Джерри Порас и Джим Коллинз «Построенные навеки»:

> «Мы сделали эти выводы, когда обнаруженные в нашем исследовании факты проделали дыру в двух широко поддерживаемых и глубоко лелеемых мифах, доминирующих в популярном мышлении и в доктринах бизнес школ годами: миф о великой идее и миф о великом харизматическом лидере. Курсы стратегического менеджмента и предпринимательства бизнес школ обучают важности начинать прежде всего с хорошей идеи или должным образом разработанных продукта или маркетинговой стратегии, и потом прыгнуть сквозь „окно возможности“ прежде чем оно закроется. Но люди, которые строят визинарные компании часто не думают так

> и не ведут себя подобным образом. Случай за случаем, их поступки идут в разрез с теориями, которым обучают бизнес школы. Так, на ранних стадиях нашего исследования, мы были вынуждены отказаться от великой идеи и от бриллиантовой стратегии, как объяснения корпоративного успеха и осваивать новое мировоззрение. Нам пришлось посмотреть на мир сквозь совершенно новые очки. ***Мы были вынуждены прекратить рассматривать компанию как средство для производства продуктов и увидеть продукты как средство для существования компании***».

Джерри Порас, Джим Коллинз «Построенные навечно»:

> «Это книга не о харизматических лидерах пророках. Она также не об умении предсказать успешные продукты и не о маркетинговых инсайтах на будущее. Она даже не об умении загадать линию развития компании. Эта книга содержит информацию о чем-то значительно более важном, более долгосрочном и существенном. Эта книга о **визинарных компаниях**. Что такое визинарная компания? Визинарные компании — это лучшие институты — драгоценные жемчужины (crown jewels) — в своих индустриях, которыми широко восхищаются конкуренты и имеющие длинный послужной список значимого воздействия на окружающий мир. Ключевой момент здесь в том, что визинарные компании — это организации, институты. Все индивидуальные лидеры, неважно насколько они харизматичны и способны видеть будущее, в конечном итоге умирают; и все долгосрочные продукты и услуги — все „великие идеи" — в конечном итоге устаревают. Действительно, целые рынки могут устареть и исчезнуть. И только визинарные компании процветают, успешно преодолевая жизненные циклы множества продуктов и множество поколений активных лидеров. Мы хотели бы сразу прояснить: „сравниваемые компании" в нашем исследовании — это далеко не худшие компании, они даже не из тех компании, которые совсем лишены способности видеть будущее. Схематично можно обрисовать отношение визинарных компаний к сравниваемым, как отношении золотых медалистов к обладателям серебряных и бронзовых медалей. Мы предпочли термин „визинарные" терминам „успешный" и „долговечный", чтобы отразить в названии тот факт, что эти компании выделили себя как очень специфичную и элитарную категорию институтов. Они более, чем успешные. Они более, чем долговечные. В большинстве случаев, они лучшие из лучших в своих индустриях, и оставались такими десятилетиями. Многие из них служат ролевыми моделями — иконами, на самом деле, — для практического менеджмента по всему миру».

Джери Порас и Джим Коллинз «Построенные навеки»:

> «Мы просим вас сделать поворот в мышлении того же масштаба, что предшествовал ньютоновской революции... До Ньютоновской революции, люди объясняли мир вокруг себя преимущественно в терминах Бога, который принимает конкретные решения.…Люди думали о всемогущем Боге, который ответственен за каждое малейшее событие, которое случается. В 1600-х люди сказали: „Нет, все не так! Бог создал мир с определенными законами, а наша задача выяснить механизмы этих законов. Бог не принимает всех решений. Он устанавливает закономерности процессов, которые затем существуют в заданном режиме“...Таким же образом, мы призываем вас видеть успех визинарных компаний — по крайней мере частично — происходящим от основополагающих процессов и фундаментальных механизмов заложенных в организации, а не преимущественным результатом великой идеи, или какого-либо великого, все знающего, богоподобного провидца, который делает великие решения, обладает харизмой, и подчиняет всех своей власти... Они концентрируются, прежде всего, на строительстве организации — строительстве тикающих часов — а не на завоевании рынка гениальным продуктом, управляя кривой роста его цикла жизни. И вместо того, чтобы концентрироваться на приобретении личных черт гениального лидера, они берут подход архитектора и концентрируются на создании организации, отвечающей характеристикам визинарной компании. Основным результатом всех их усилий является не материальное воплощение великой идеи, не реализация харизмы их личности, не возвеличивание Эго или же накопление личного состояния. Их величайшим творением является компания сама по себе и ценности, которые они отстаивают... Таким же образом, величайшим „продуктом“ Массуры Ибука был не Walkman и не Trinitron; а сама компания Сони и ценности, которые она отстаивает. Великим творением Уолта Диснея стала не Фантазия, и не Белый снег, и даже не Диснейленд; а компания Уолт Дисней и ее сверхъестественная способность делать людей счастливыми».

Таким образом, из приведенных цитат можно видеть, что авторы считают свое исследование революционным переворотом во всей экономической теории, и основа этого переворота состоит в том, о чем мы говорили ранее: не математические соотношения и экономические модели определяют производственные отношения, а человеческий фактор, который в дан-

ном случае выступает у авторов в виде особенных визинарных компаний. Дальше мы увидим, что все особенности, которые авторы открыли в этих компаниях полностью соответствуют открытому А. Маслоу синдрому самоактуалов. И таким образом, мы говорим об одном и том же основном факторе производства и энергетическом ресурсе экономики: это здоровая духовная энергия человечества.

Джерри Порас и Джим Коллинз «Построенные навеки»:

> «Вопреки доктринам школ бизнеса, *мы не нашли «максимизации благосостояния учредителей» и «максимизации прибыли» в качестве доминирующей движущей силы или основной цели, изучая истории визинарных компаний.* Мы обнаружили у них тенденцию иметь совокупность целей, из которых деньги — это только одна, и не обязательно доминирующая цель. Действительно, для многих из визинарных компаний бизнес исторически был больше чем экономическая активность, больше чем просто способ делать деньги. Истории большинства визинарных компаний обнаруживали идеологию смысла своего существования, которая превосходила чисто экономические соображения. И — и это ключевой момент — они имели философию смысла своего существования в гораздо большей степени, чем компании из сравниваемой группы. Детальный парный анализ показал, что визинарные компании были в общем и целом значительно более мотивированны идеологически и меньше мотивированны просто получением прибыли, чем компании из сравниваемой группы в 17 из 18 случаях.
> **Прибыльность необходимое условие существования и средство для более важных целей, но она не является самой целью для большинства визинарных компаний. Прибыль как кислород, пища, вода, и кровь для тела; они не являются смыслом жизни, но без них жизнь невозможна.**
> Как мы можем быть уверены, что философия смысла визинарных компаний представляет собой больше, чем просто связку благозвучных банальностей — слова без жала, слова, цель которых всего лишь в умиротворении, манипулировании или в попытках ввести в заблуждение. визинарные компании не просто декламируют свою идеологию; они также принимают меры, чтобы сделать идеологию проникающей сквозь все механизмы организации и чтобы она пережила всех лидеров компании.
> — Визинарные компании прибегают к более интенсивной индоктринации своих служащих, чем компании из сравниваемой группы, со-

> здавая такие сильные культуры, что они больше походят на культовое служении их идеологиям
> — Визинарные компании более основательно подходят к воспитанию и избранию высшего менеджмента в соответствии с философией смысла существования компании, чем сравниваемые компании
> — Визинарные компании достигают более систематичного выравнивания целей, стратегий, тактики и дизайна организации с философией смысла существования нежели компании из сравниваемой группы».

С самого начала становится ясно, что визинарными компаниями движет духовная энергия человечества, которая не сводится к целям абстрактного количественного роста, выраженного в деньгах, как у людей с энергией эгозащиты, движимых тщеславием. Напротив, визинарные компании имеют устойчивую философию, и именно эта философия есть смысл их жизни и деятельности. Они посвящают много средств и времени благотворительности, создают условия для работы компетентного персонала, вкладывают большие деньги в научные исследования и новые технологии. Главное, что отличает эти компании — особый интерес к личности людей, которых они нанимают. «Стереть как вирус», — говорят исследователи о тех, кто не подходит под эти критерии отбора: высокая самодисциплина, философия выше прибыли, компетентность, научные исследования, ответственность, поскольку людям предоставляют свободу творчества. Человеческий фактор как ключевой фактор — это лейтмотив обоих исследований. Вот, например, что пишет Джим Коллинз в книге «От хорошего к великому», следующего исследования на ту же тему (напомним, что Абрахам Линкольн — один из «подопечных» в исследовании самоактуалов Маслоу):

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> *«Лидеры 5 уровня перенаправляют потребности своего Эго от себя к более большой цели построения могучей компании. Дело не в том, что лидеры 5-го уровня не имеют Эго или личных интересов. На самом деле они невероятно амбициозны — но их амбиции связанны в первую очередь с институтом, а не с ними самими...5-й уровень ли-*

> *деров следует изучать как дуализм: скромные и волевые, застенчивые и бесстрашные. Может быть сравнение визинарных компаний с Абрахамом Линкольном будет несколько натянутым, тем не менее они обнаружили идентичный с ним дуализм личных характеристик... GG компании строят прочные системы с ясными должностными функциями, но они также дают людям свободу и ответственность в пределах структуры этих систем. Они нанимают людей с высокой самодисциплиной, которые не нуждаются в том, чтобы ими управляли, а потом управляют системой, а не людьми»*

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «Один из неизменных принципов управленческой физики — это «закон Паккарда», названный так, потому что мы открыли его в рамках нашего предыдущего проекта, когда встречались с Дэвидом Паккардом, одним из основателей компании Hewlett-Packard. Звучит он так: **ни одна компания не может наращивать свои продажи быстрее, чем растет ее способность нанимать нужных ей людей. Если рост ваших продаж опережает рост числа ваших сотрудников, вы не создадите, просто не сможете создать великую компанию. те, кто создал великие компании, понимают, что основной ускоритель роста — это не рынок, не технологии, не конкуренция, не продукты. Фактор, который важнее всех остальных, — это способность найти и удержать нужных компании людей.** Команда менеджеров Circuit City интуитивно знала «закон Паккарда». Проезжая несколько лет назад Санта-Барбару на следующий день после Рождества, я заметил, что есть что-то необычное в облике магазина Circuit City. На других магазинах висели плакаты и реклама типа «самые низкие цены, всегда» или «праздничные скидки» или «лучший выбор после Рождества» и так далее. Но не на Circuit City. На их магазине висел плакат: «Ищем выдающихся людей». Этот плакат напомнил мне беседу с Уолтером Бракартом, вице-президентом компании времен перехода от хорошего к великому. **Когда мы попросили его назвать пять факторов, определивших этот переход, он сказал: «Первый — люди. Второй — люди. Третий — люди. Четвертый — люди. И пятый — люди. Огромную часть нашего успеха составляет умение находить нужных людей».**

Абрахам Маслоу так определяет синдром самоактуалов: интеллектуалы, которые никогда не приближаются к деревьям настолько, чтобы перестать видеть лес, не-эгоцентричны, долг ответственность, посвящают себя разрешению важных обще-

ственных задач, научных и социальных, самостоятельны, дисциплинированы, ответственны, с чувством юмора, человечны и демократичны, избирательны в общении, дружат только с такими же здоровыми людьми, сильные личности и имеют дружить и любить, философы, спонтанны и искренни, отвага и сильная воля.

Если мы теперь обратимся к исследованию Джерри Пораса и Джима Коллинза мы увидим, что они нашли в визинарных компаниях тот же синдром самоактуалов:

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «Тогда я понял одну вещь: в командах руководителей великих компаний всегда было нечто, что было трудно описать, но что явно отличало их от других. Завершая мое интервью с Джорджем Вайсманом из Philip Morris, я сказал: „То, как вы описываете вашу работу в компании, похоже на историю любви“, он хмыкнул и ответил: „Да, если не считать мою жену, то это действительно была самая сильная страсть моей жизни. Я не думаю, что многие поймут то, о чем я говорю, но мои коллеги поняли бы“. Вайсман и многие другие руководители из его команды имели кабинеты в компании и регулярно приходили на работу даже после того, как они формально вышли на пенсию. Один коридор в головном офисе компании называется „холл волшебников бывшего города“. Это коридор, по которому Вайсман, Калман, Максвелл и другие продолжают приходить в свои офисы, просто потому, что им нравится проводить время друг с другом. Аналогичным образом, Дик Апперт из Kimberly-Clark сказал в беседе с нами: „Никто никогда, за все 41 год моей работы в компании, не сказал мне недоброго слова. Я благословляю тот день, когда меня наняли на работу, потому что я работал с замечательными людьми. Хорошими, очень хорошими людьми, которые всегда уважали друг друга“. Члены управленческих команд великих компаний стали и остаются друзьями на всю жизнь. Верность принципу „сначала кто“, возможно, то самое звено, которое соединяет великую компанию и великую жизнь. Не важно, чего мы смогли добиться в жизни, но если мы проводим большую часть нашего времени с людьми, которых не любим и не уважаем, у нас, возможно, далеко не лучшая жизнь. Если же большую часть времени мы проводим с людьми, которых любим и уважаем, с людьми, которых желаем видеть вокруг себя и которые никогда нас не разочаруют, у нас наверняка замечательная жизнь, вне зависимости от того, чем мы занимаемся. Руководители великих компаний, которых мы интервьюировали, вне всякого

> сомнения, любили то, чем они занимались, в основном и потому, что они любили тех, с кем они это делали».

В то же время, «сравниваемые компании» — это синдром, которым Э. Фромм описал как шизоидный рыночный характер, и который гуманистические психологии описывают как «ложное Эго» невротической личности. Здесь вы не найдете научное мышление самоактуалов, его место занимает тщеславие. Если визинарные компании видят прибыль средством для реализации своей философии, и делают только то, что соответствует их философии, то сравниваемые компании движимы простым тщеславием: рост ради роста. Они не имеют ни философии, ни единой стратегии научного мышления. Только хаос амбициозных толчков, победить и разбогатеть. Поэтому Коллинз сравнивает визинарные компании (великие компании) с «эффектом маховика», когда успех достигается просто долгой целенаправленной работой реализации научного контроля, а сравниваемые компании с хаотичным движением во все стороны, так что движение останавливается. Первые достигают успеха, вторые разоряются. Он подчеркивает иррациональное мышление, ожидание «магического момента» у сравниваемой группы. В первом случае линейное развитие научного мышления, во втором случае цикличное движение по кругу энергии эгозащиты, «порочный круг».

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «Эта аналогия с маховиком наглядно демонстрирует, что происходило внутри компаний, которые осуществили переход от хорошего к великому. И неважно, насколько впечатляют их конечные результаты; превращение хороших компаний в великие никогда не происходило «одним махом». Не было одного решающего мероприятия, не было суперпрограммы, не было одной убийственной новации, одинокого прорыва, все сметающей революции. Компании, которые добились выдающихся результатов, достигли этого благодаря длительному процессу — шаг за шагом, действие за действием, решение за решением, оборот маховика за оборотом — и это был путь к долгосрочным и совершенно исключительным результатам. ....Тогда нас осенило: *чудесного момента не было*. Мы назвали это «эффектом маховика», и это касается не только инвесторов, но и внутренней структуры. ...Компании, которые мы использовали для сравнения, вели се-

> бя совершенно по-другому. Вместо спокойного, взвешенного подхода и анализа того, что должно быть сделано, и претворения в жизнь намеченного, эти компании пытались запустить новые программы, обычно с большим шумом и помпой, что должно было поднять боевой дух «в войсках», но, как правило, результаты этих программ не оправдывали ожиданий. Начальники пытались найти *единственное* действенное решение, выработать *всеобъемлющую* программу, сделать одно спасительное открытие, найти *магический* момент, который позволил бы проскочить тяжкий этап наращивания потенциала прямо к этапу стремительного роста. Они раскручивают маховик в одном направлении, затем останавливаются, меняют направление, снова толкают его, затем снова останавливаются и снова меняют направление. После многолетнего шарахания из стороны в сторону этим компаниям не удается накопить никакого потенциала, и они оказываются в ситуации, которую мы назвали «порочный круг».

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «**Они делают только то, что понимают, и позволяют своим способностям, а не своим эго, определить, что именно предпринять**.». Так писал Уорен Баффет о своих $290 млн вложений в Wells Fargo, которые он сделал, несмотря на серьезные сомнения по поводу банковской отрасли. И это различие исключительно важно.. … Возьмем Great Western и Fannie Mae. «Great Western — это неуправляемый ребенок, — писала *The Wall Street Transcript*. — Он хочет расти во все стороны.» Компания искала себя на финансовом рынке, в лизинге, в страховании, производстве, постоянно покупая компании в погоне за ростом. Больше! Еще больше! Такие фразы, как «мы пытались добиться роста любой ценой», «верим, размер значит успех» часто встречаются в материалах прессы по этим компаниям. С другой стороны, ни одна из великих компаний не была одержима идеей роста. И все же их рост в долгосрочной перспективе намного превзошел рост компаний, для которых он был мантрой»

Авторы исследования подчеркивают различия между визинарными и сравниваемыми компаниями как общественными организациями, и приводят пример средневековых монархий, где движущей силой считался абсолютный монарх, и демократической республики Америки, где движущей силой стали конституция, декларация независимости и другие институты демократии. Теперь говорят авторы, не монарх как волшебная личность, а са-

ма организация определяет свою успешность и направление своей деятельности. Действительно, традиционные компании рыночной экономики часто страдают этим синдромом «средневековых королевств» с монархом и олигархией высшего менеджмента. Бертран Рассел писал об этом в книге «Личность и власть», о том, что многие современные бизнес-компании так четко разделены внутри на менеджмент и наемных работников, что напоминают монархии. Он цитировал какое-то фундаментальное исследование по теме. Также и Джим Коллинз пишет, что если визинарные (великие) компании — это демократия, где высший менеджмент намерено исключает всякую иерархию, а профсоюзы не требуются из-за абсолютно слаженной работы коллектива, то сравниваемые компании напротив, имеют выраженные иерархии, неравенство в доходах, и разделение на власть и подчинение, отсутствие единой команды.

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «Управленческие команды великих компаний состоят из людей, ожесточенно спорящих по поводу решения, но действующих единой командой при его осуществлении, невзирая на личные амбиции. На самом деле, один из основных факторов, позволяющий компаниям перейти от хорошего к великому, выглядит несколько парадоксально. Вам нужны руководители, которые будут обсуждать и спорить, иногда ожесточенно спорить, в поисках наилучших решений, а с другой стороны, претворяя решения, выступят единой командой, невзирая на расхождение мнений и собственные интересы. Одна из статей о Philip Morris так характеризовала эпоху Калмана. «Эти парни никогда друг с другом не соглашались, они спорили по каждому поводу, они готовы были убить друг друга, они вовлекали в спор всех, кого могли, и чье мнение ценили. Но когда приходило время принимать решение, оно всегда было наготове. Это и был Phillip Morris». «Неважно, сколько они там спорили, — говорит один из руководителей Philip Morris, — они всегда искали наилучший выход. И в итоге каждый поддерживал принятое решение. Все споры были только защитой интересов компании, а не проявлением чьих-то личных амбиций. ...В отличие от великих компаний, уделявших огромное внимание созданию сильной команды менеджеров, несостоявшиеся великие поразительно часто использовали модель «гений с 1000 помощников». Согласно этой модели, компания — не что

> иное, как поле для приложения талантов одной экстраординарной личности. В этом случае талант, тянущий на буксире всю компанию — основной фактор ее успеха, ее главный актив, и все держится только на нем до тех пор, пока он остается в компании. Таланты не собирают выдающихся команд менеджеров — они им не нужны. Очень часто они их просто не хотят. Если вы гениальны, вам не нужна команда такого профессионального уровня, как у Wells Fargo, ребята могут искать себе другого работодателя. Что вам нужно, так это армия исполнительных солдат, которые бы помогали претворять в жизнь ваши выдающиеся идеи»

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «Райхард ясно дал понять: мы не собираемся заставлять страдать всех остальных в компании, пока мы наверху сидим и прохлаждаемся. Мы начнем полоскать наш *собственный* творог прямо здесь, в кабинете президента. Он на два года заморозил зарплату высшего руководства (несмотря на то, что у Wells Fargo был один из самых прибыльных периодов за всю его историю). Он закрыл столовую высшего руководства и вместо этого заключил договор с компанией, которая обслуживала студенческие общежития. Он отключил лифт для высшего руководства, продал корпоративные самолеты и запретил держать растения в кабинетах начальства, поскольку посчитал, что поливать их слишком дорого. Он убрал бесплатный кофе из зала заседаний. Он отменил рождественские елки для руководства. Он бросал обратно отчеты людям, которые подшивали их в дорогие папки: «Вы бы потратили ваши *собственные* деньги на это? К чему эта папка?» Райхард сидел на совещаниях в потертом старом кресле, из которого торчала пакля. Иногда, говорилось в одной статье, слушая, как кто-то предлагал увеличить траты, он просто сидел и выдирал куски набивки,» [и] многие проекты, которые представлялись необходимыми, улетучивались сами собой». Прямо через дорогу, в Bank of America, руководство тоже столкнулось с отменой государственного регулирования и также осознавало, что нужно избавиться от «хлама». Однако, в отличие от Wells Fargo, руководство Bank of America не обладало дисциплиной для «полоскания собственного творога». Они оберегали свое королевство в высоченной башне в центре Сан-Франциско».

Джим Коллинз «От хорошего к великому»:

> «Центральным звеном в концепции Nucor была идея связать интересы рабочего с интересами руководства и акционеров через эгалитарную меритократию, в которой отсутствовали бы классовые

> различия. Кен Иверсон писал в книге „Простой разговор“ в 1998 году: „Неравенство все еще огромно в большинстве коммерческих организаций. Я говорю о иерархическом неравенстве, которое узаконивает принцип „мы“ против „них“... Люди на верху корпоративной иерархии выбивают себе привилегию за привилегией, хвастаются этими привилегиями перед теми, кто выполняет всю работу, а потом удивляются, почему никто не вдохновляется призывами менеджеров снизить затраты и увеличить производительность... Когда я думаю о миллионах долларов, потраченных людьми на верху иерархии, чтобы стимулировать работу людей, которые постоянно подвергаются оскорблениям со стороны *этой самой* иерархии, я могу только в недоумении покачать головой“. Кен Иверсон сказал, что практически 100% успеха Nucor приходится на ее способность превратить простую концепцию в дисциплинированные действия, согласующиеся с ней. Nucor стала компанией с $3,5 млрд и попала в список *Fortune 500,* имея только четыре уровня управления и всего 25 человек в головном офисе, включая высшее руководство, финансовый отдел, секретарей и так далее, вся контора теснилась в арендованном офисе размером с зубоврачебный кабинет. Дешевая фанерная мебель в фойе, которое само не больше шкафа. Руководство принимало дорогих гостей не в корпоративном обеденном зале, а в Phil’s Diner, маленьком кафе через дорогу. Дополнительные выплаты и прочие блага, предоставляемые руководству, не были выше, чем у простых рабочих. На самом деле, у руководства было *меньше блат*. Так, каждый рабочий (но не руководитель) мог получать $2000 в год в течение четырех лет для оплаты высшего образования на каждого ребенка. Почему у Nucor отношения с рабочими были намного лучше, чем у Bethlehem? Потому что Кен Иверсон и его команда имели простую и понятную „концепцию ежа“: интересы рабочих должны совпадать с интересами менеджеров».

Джим Коллинз еще больше противопоставляет лидеров визинарных компаний и сравниваемых компаний, чем это сделано в первом исследовании. Действительно, Линкольн, Рузвельт и Кеннеди против Никсона, Рейгана и Буша. По крайней мере, Коллинз пишет, что лидеры сравниваемых компаний очень тщеславны, эгоцентричны, создают вертикали власти вместо команды, и любят сравнивать себя с «Рэмбо»: « Продав компанию и прикарманив миллионы, Данлап написал о себе книгу, в которой он обыгрывал свою кличку «Рэмбо в костюме в полосочку». «Мне нравятся фильмы о Рэмбо, — написал он. — Это парень,

у которого нет никаких шансов на успех, и все-таки он всегда побеждает». Оливер Стоун и Питер Кузник пишут в «Нерассказанной истории Америки»: «Обозреватель Роберт Сэмюельсон писал: «В глазах иностранных критиков присущая Бушу мораль в стиле Рэмбо подтверждает худшие стереотипы об американцах как людях тупых, неосмотрительных и кровожадных». Видимо, прав был Э. Фромм о современном значении голливудской фабрики грез, и Дж. Селинджер в оценке коммерческого кино.

Как бы то ни было, совершенно очевидно, что визинарные компании стали теми прекрасными продуктивными демократичными и социальными общественными системами не благодаря, а вопреки рыночной экономике. Их стержень — это линейное развитие научного контроля. Их внутренняя система — это социализм равенства и братства интеллектуалов, компетентных работников и просто хороших людей. Их цель — не рост ради роста и поедание конкурентов и других компаний, а реализация философии служения обществу, реализации творческого потенциала. Это организации научного планирования социалистической экономики, либеральной социалистической экономики, то есть социалистической демократии. Как мы могли видеть, «Новый курс» Рузвельта и «Новые рубежи» Кеннеди тоже были программой социалистической демократии. Для нас очевиден тот факт, что развитие общества, высвобождение здоровой энергии приведет к эволюции капиталистической демократии в социалистическую демократию. О том же говорит и современное противостояние капиталистов и демократов в США, то есть противостояние демократов и консерваторов, о котором упоминает Артур Шлезингер в «Циклах американской истории».

ГЛАВА 15
ДЕМОКРАТИИ-ТИРАНИИ ШИЗОИДОВ. СУД НАД НАЦИОНАЛИЗМОМ

Суд над Капитализмом поднял большие волнения в Собрании Духоборцев. Теория Экономики Социализма, вводившая новую формулу процесса общественного воспроизводства, была основана на идее Естественного права, а значит на философии рационализма, на признании законов природы в социальной жизни общества. Естественное право и есть реализация научного контроля над такими законами природы общей человеческой природы.

Партия Канта никак не хотела принимать своего поражения. Немецкий идеализм непобедим, — уверяли они. Законодательствующий практический разум Канта, который сам устанавливает себе законы, и нигде не ограничен в своей свободе воли! Разве можно спорить с этой общеизвестной истиной! Возмущению субъективистов –либертарианцев не было конца. Фихте с пеной у рта доказывал, что «Я» всегда субъективно и всегда абсолютно свободно полагать свою волю. «Законы природы в сознании!» — хохотал он в неистовом раздражении. Ницше поддержал товарищей по школе немецкой философии. Человек свободен во всем, заявил Ницше, и особенно свободен ОТ нравственности. Мишель Фуко обнял Ницше и сказал, что научился этой свободе От нравственности и истины у него, и что написал об этом в своих книгах. Что тут началось. Все субъективисты и эмпирики спешили выразить свою поддержку Канту, Фихте и Ницше. Гегель заявил, что Нравственности как таковой нет, также как и истины, потому что для каждой эпохи своя истина и свое понимание справедливости и морали. Фуко опять пожал ему руку, он ведь пользовался идеями Гегеля в своей теории разорванного времени.

— Жаль, наш Храм Духа не вместил великое творчество маркиза Сада! — вздохнул Мишель Фуко. — Я писал в «Истории безумия в классическую эпоху», как важно было его творчество для свободы духа. Прошу заметить, он сам никого не убивал,

а только писал о преступлениях! Я не вижу, почему его нельзя было пропустить в наше сообщество как творца и мыслителя.

М. Фуко «История безумия в классическую эпоху»:

> «Но безумие, в отличие от телесных болезней, являет собой некую истину: оно выводит на поверхность внутренний мир дурных наклонностей, извращений, страданий и насилия, прежде погруженный в дремоту. Оно обнажает ту бездонную пропасть, которая и придает свободе человека весь ее смысл; эта пропасть, высвеченная безумием, есть злоба в своем диком состоянии. Благодаря Саду и Гойе западный мир вновь обрел возможность перейти черту разума в неистовстве насилия и, минуя все обетования диалектики, вернуться к трагическому опыту безумия. Неразумие в современном мире, после Сада и Гойи, принадлежит к решающим моментам любого творчества, — иначе говоря, к тем смертоносным, властным стихиям, которые заложены в творчестве как таковом»

— Причем здесь Гойа? — заорал на него Лион Фейтвангер, автор самой красивой художественной книги о Гойе. — Его «черные картины» — это только крик против творящегося беззакония его протест пороку, разложившему добросовестность разумных людей. Его протест нравственному безумию! А вы ставите этого великого духоборца на одну доску с сумасшедшим извращенцем! Стыдитесь! Как бы и вас не выгнали из храма духа!

> — «Я оцениваю *силу воли*, — громко крикнул Ницше, чтобы слова из его книги слышали во всех концах Храма, — по количеству сопротивления, которое она может оказать, по количеству боли и пыток, которые она может вынести, и знаю, как обратить ее к ее собственной выгоде. Я не указываю на зло и боль существования пальцем укора, но, напротив, я питаю надежду, что жизнь может однажды стать еще более злой и еще более полной страданий, чем когда-либо. Задача в том, чтобы достичь той огромной *энергии величия*, которая сможет создать человека будущего посредством дисциплины, а также посредством уничтожения миллионов „недоделанных и неполноценных“ и которая сможет все же *устоять и не погибнуть* при виде страданий, тем самым создаваемых, подобных которым никогда не видели раньше».

— Браво! Нет ни бога, ни законов природы, есть только абсолютная свобода воли! «Бог умер, и это я убил его!» — крикнул

Сартр свою любимую фразу из Ницше. И стал цитировать свою статью «Экзистенциализм — это гуманизм»:

> «Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам. Таким образом, нет никакой природы человека, как нет и бога, который бы ее задумал. Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать. Это и называется субъективностью, за которую нас упрекают. Но что мы хотим этим сказать, кроме того, что у человека достоинства больше, нежели у камня или стола? Человек — это прежде всего проект, который переживается субъективно, а не мох, не плесень и не цветная капуста. Ничто не существует до этого проекта, нет ничего на умопостигаемом небе, и человек станет таким, каков его проект бытия».

Айн Рэнд с отвращением поморщилась. Не было здесь человека, который бы больше презирал партию Канта и всех субъективистов, которые его поддерживали. Особенно ее бесило, когда ее теорию эгоизма путали с философиями субъективистов: она ведь основоположник философии объективного рационализма! И когда либертарианцы Америки ссылались на ее имя, она протестовала всеми силами души. Серен Кьеркегор, Фридрих Шеллинг, Альбер Камю и Жюльен Бенда едко шутили над «свободой от нравственности» сверхчеловеков, развеселив Айн Ренд. Она никогда такого не утверждала, чтобы ей не приписывали. На такое способны только субъективисты.

— Это безумные философии власти, — сказал им тихо Бертран Рассел, направляясь к кфедре. — Я писал о них в книге «Власть».

— Я прошу тишины, уважаемые господа! — обратился Бертран Рассел к великому Собранию, поднимаясь на кафедру. — К счастью, мы с вами в Храме Духа, а не где-нибудь в парламенте, где можно драть глотки без пользы для истины. Нам с вами предстоит НАЙТИ и ДОКАЗАТЬ ИСТИНУ. Поэтом успокоимся и перейдем к научному дискурсу. Ваша позиция понятна. Сформулируйте свой вопрос, пожалуйста.

Карл Поппер, Людвиг Мизес и Фридрих Хайек громко смеялись над чем-то.

— Законы природы в обществе! Как вы могли такое придумать! Всю свою жизнь я спорил с Дж. Миллем и с тобой Рассел, на эту тему. Вы — психологисты, всегда утверждали, что обществом правят естественные законы психологии. Но правы мы, Хайек, Мизес, я и.... Маркс! Да-да, Маркс, я писал об этом в «Открытом обществе»! Потому что мы отрицаем естественные законы в обществе. Законы психологии, вы меня насмешили.

В. Дильтей, Иеремия Бентам и Макс Вебер поддержали австрийскую школу громкими аплодисментами. Гобсс, Боден и Макиавелли саркастически улыбались. Уж они знали, что законы выдумывает монарх, государь, а все остальные обязаны им повиноваться. Какое такое естественное право?

— Наш вопрос очень прост, — сказал Макс Вебер, теоретик «свободной от этики социологии», — вы утверждаете, что обществом движут естественные законы психики. Что законы природы также управляют социальным миром, как они управляют миром физическим. В таком случае, как ваша так называемая «теория психической энергии» объясняет историю человечества на основе этих провозглашенных законов психики? И особенно, что такое современное демократическое общество? Какие законы им движут и почему оно именно такое, какое оно есть?

Тесла готова была возражениям, но такой агрессии от великих мужей она не ожидала. Ей трудно было собраться с мыслями. Бертран Рассел тепло поддерживал ее все это время, и это придало ей сил.

— О сути исторического процесса на основе теории психической энергии смотрите мою монографию «Ось мировой истории. Авраамические религии и век разума», — наконец сказала несчастная изувеченная Тесла. — Что же касается специфики демократического общества и направления его развития, то по моему мы с вами только об этом и говорили на всех слушаниях Большого Суда Холодной войны. Извольте, я расскажу еще раз, более подробно.

Главный момент в переосмыслении современных демократий, если смотреть на них с точки зрения естественного права,

состоит в том, что сами демократии позиционируют себя как рациональные общества, которые принимают решения на основе свободного и сознательного выбора. И этот свободный и сознательный выбор большинства и движет этими обществами. Теория большинства Иеремии Бентама, никогда не признававшего ни психологию, ни естественного права, ни прав человека.

— Конечно, все так и есть! — согласился Бентам. — Вот спросите у Поппера.

— Мне известна точка зрения Карла Поппера. — продолжала Тесла. — Поппер ребром поставил вопрос о разделении законов природы в физике, и договорных законов, то есть юридизма в обществе. Он считает, что под юридическим правом нет основы из права естественного. Что единственная основа юридического права — это рациональные дебаты, договор большинства и силовые институты, которые устанавливают эти законы как правила поведения под угрозой наказания.

Итак, господа, вы утверждаете, что греческие демократии договорного большинства (а они мало изменились со времен древней Эллады) — это рациональные институты, движимые разумным выбором.

Это как раз то положение, против которого направлена наша критика.

Мы утверждаем обратное. Во-первых, что демократии со времен зарождения у древних эллинов никогда не были просто демократиями, то есть управлением голосами народного большинства. Борьба за власть была всегда настолько острой, а революции такими частыми, что речь может идти только о Демократия-Тираниях. Эти два режима существовали попеременно, и одинаково составляли существо греческого полиса. Греки как известно считали недопустимым порабощать эллинов, но не варваров. Дихотомия свободный-раб красной чертой разграничивала мир свободных и рабов античной цивилизации.

Теперь давайте взглянем на последующую историю развития демократий-тираний в Европе. Римская республика вскоре стала ареной не менее острой борьбы за власть. Гражданские

войны следовали одна за другой, составляя целые периоды истории. Принципат Августа совмещал в себе черты античной республики и власть тирана. Междоусобные войны стали неотъемлемой частью Древнего Рима до самого его развала. И причиной этого развала. Таким образом, Рим — такая же история демократий-тираний, какой была история эллинов.

Темное средневековье с самого начала несло в себе эти два начала. Сначала противостояние Пап и королей, потом противостояние итальянских республик и Императоров, потом борьба королей и феодалов, народа и аристократии. В конечном итоге, республики вновь вытеснили монархии, как когда-то в античной Греции и Риме, и на смену Левиафанам пришли демократии. Были ли эти демократиями в то же время тираниями?

Давайте посмотрим. Революция Кромвеля в Англии? Да, бесспорно, демократия-тирания. Революция во Франции? Да, бесспорно, террор директории, гражданский кодекс и империя Наполеона. Революция в Америке? Бесспорно: южные штаты оставались рабовладельческими. Наконец, задолго до революций, еще монархическая Европа обратила в колонии открытые новые земли, и новорожденные республики не собирались от них отказываться. Испанская, Британская империя стали одними из самых могучих колонизаторов. Европа прочно держит знамя республики как Демократий-Тираний. Франция перерождается из республики в империю, из империи опять в республику не один раз. Теперь нам будет легко понять, превращение империи Бисмарка в Веймарскую республику, а из Веймарской республики — в империю Гитлера.

Чтобы не говорили консерваторы в своей черной ненависти к стране советов, а СССР был такой же демократией-тиранией, в общем русле обществ западной культуры. Он вырос из европейской революции, из европейской философии, и оставался частью европейской культуры. Лион Фейхвангер восхищался конституцией советов. Ноам Хомский пишет в книге «Системы власти», что современные двойные стандарты в Америке напоминают ему лицемерные разговоры о свободе в советах. Двой-

ные стандарты в Америке — современное проявление этой самой фундаментальной черты европейских республик: балансировать между полюсами демократий и тираний. В СССР побывало множество общественных деятелей. Бертран Рассел был негативно впечатлен увиденным, но все таки не посчитал нужным открыто выступить против советов, увидев и положительную сторону в становлении молодой республики. В книге «Практика и теория большевизма» он пишет об обоих сторонах. Лион Фейхтвангер также дает полный отчет увиденного, и много очень хорошего рассказывает о Москве 1937 года. Даже Андре Жид, которого больше впечатлила сторона тирании, сказал и о другой светлой стороне в своей книге «Возвращение из Москвы». Бернард Шоу, Герберт Уеллс, Анри Барбюс, Эмиль Людвиг, Ромен Роллан и др мыслители выступили в защиту советского эксперимента. Нравится это консерваторам или нет, а большое множество выдающихся людей видели, не одну, а две стороны в молодой советской республике. Также, собственно говоря, как две стороны имела вся история западной культуры. До сегодняшнего дня, по крайней мере.

О современной Америке и говорить нечего. Достаточно открыть книги тех уважаемых демократов и патриотов Америки, имена которых мы уже не раз перечисляли нашему высокому Собранию: Стедли Батлер, Даниэл Эллсберг, Артур Шлезингер, Оливер Стоун, Питер Кузник, Джон Сноуден, Меннинг, Уильям Блум, Ноам Хомский, Джон Перкинс, Джон Маркс, Джон Дин и другие замечательные люди, душой болеющие за выживание своей страны как демократической республики. Они также подчеркивают, что Америка балансирует на грани между мировой империей и демократической республикой. Итак, господа, вы не будете спорить, что вся история западной цивилизации — это история Демократий-Тираний, обществ балансирующих между полюсами свободы и насилия. И что эта вовсе не история только демократии и только свободы!

— Из этого ровно ничего не следует! — сказал Макс Вебер. — Политика и есть власть и насилие, я всегда это утвер-

ждал. И политика не только никак не связана с этикой, но противоположна ей. Да-с, дьявольские силы! — захохотал великий социолог двадцатого века.

М. Вебер «Политика как профессия и как призвание»:

> «Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства.. Разве для этических требований, предъявляемых к политике, должно быть действительно так безразлично, что она оперирует при помощи весьма специфического средства — власти, за которой стоит насилие? Разве мы не видим, что идеологи большевизма и “ Спартака», именно потому, что они применяют это средство, добиваются в точности тех же самых результатов, что и какой-нибудь милитаристский диктатор?..Кто хочет заниматься политикой вообще и сделать ее своей единственной профессией, должен осознавать данные этические парадоксы и свою ответственность за то, что под их влиянием получится из него самого. Он, я повторяю, спутывается с дьявольскими силами, которые подкарауливают его при каждом действии насилия. Великие виртуозы акосмической любви к человеку и доброты, происходят ли они из Назарета, из Ассизи или из индийских королевских замков, не “ работали» с политическим средством — насилием; их царство было «не от мира сего», и все-таки они действовали и действовали в этом мире, и фигуры Платона Каратаева и святых Достоевского все еще являются самыми адекватными конструкциями по их образу и подобию. Кто ищет спасения своей души и других душ, тот ищет его не на пути политики, которая имеет совершенно иные задачи — такие, которые можно разрешить только при помощи насилия. Гений или демон политики живет во внутреннем напряжении с богом любви, в том числе и христианским Богом в его церковном проявлении, — напряжении, которое в любой момент может разразиться непримиримым конфликтом. И в связи с такими ситуациями Макиавелли в одном замечательном месте, если не ошибаюсь, «Истории Флоренции», заставляет одного из своих героев воздать хвалу тем гражданам, для которых величие отчего города важнее, чем спасение души».

— Ошибаетесь, господа, из этого следует радикальный вывод, опровергающий всю вашу теорию западной культуры как культуры, якобы, свободы, извините. А ваша теория, уважаемый

Макс Вебер, как раз одна из тех «безумных философий власти», которые выросли из немецкого идеализма, в частности неокантианства.

Понятно, что ваше определение демократии как свободного выбора рациональных людей опровергается историей демократий-тираний. Зато наше определение истории западной культуры как развернутого становления Шизоидного Интеллекта получает полное подтверждение. Вы спрашивали, как на основе законов природы человека мы объясняем становление западной культуры. Вот наш ответ. Если начальный период становления на Востоке — это цикличная энергия эгозащиты (что и нашло отражение в цикличной истории Востока), то тот же начальный период на западе — это шизоидная энергия эгозащиты. Этими особенностями объясняется специфика в историческом развитии Востока и Запада, а также во многом одинакого примитивный характер первых этапов истории (чтобы не думал о себе Запад), — ведь и в том и в другом случае речь идет о примитивной энергии эгозащиты, работающих как бессознательные автоматизмы. Конечно, и на востоке, и на западе базовая энергия человечества — это поле интеллекта и совести, и эта базовая здоровая и разумная энергия больше объединяет восток и запад и все человечество, чем временные различия в специфике энергии эгозащиты, и вообще противостояние индивидов и наций, движимых энергией эгозащиты. Со временем, когда поле интеллекта и совести достигнет своего полного развития и становления все принципиальные различия между востоком и западом спонтанно сойдут на нет. Останется только единое человечество, везде высоко развитое, интеллектом и духом, хотя наверняка способности и наклонности будут у всех отличаться.

Специфика шизоидной энергии эгозащиты запада связана, как мы уже не раз упоминали, с большей интенсивностью природной одаренности интеллектом западного полушария. Неслучайно, это родина научной цивилизации. Подобно одаренным интеллектом подросткам, характер которых приобретает черты шизоидности, западная культура в своем младенчестве также

страдает шизоидностью. Мы уже говорили, что это связано с ложным статусом интеллекта, который вторгается на поле эгосистемы, чтобы доказать примат Эго над СуперЭго посредством логики. Из этого рождаются «философии власти», которые Бертран Рассел совершенно справедливо называет безумными. О том же пишет и Кьеркегор в «Болезни к смерти», когда говорит, что «кривое зеркало» фантазий, когда человек забывает о «необходимом» (законах природы, творце), приводит к патологическим попыткам «создать свое собственное Я» и «упереться против своего творца», то есть против своей природы. Эти «короли без королевства» оказываются «прикованы к внутреннему рабству», потому что нельзя уйти от законов природы, противопоставив им свою волю. И Кьеркегор и Шеллинг — страстные критики немецкого идеализма, и оба пишут в духе Рассела о философии Фихте и Гегеля, как о такой шизоидной попытке создать всемогущее Я, упирающееся против законов природы. «Идеализм, скольких философов ты вернул к своему реализму?» — спрашивает Шеллинг в духе Кьеркегора в «Ночных бдениях», где он рассматривает тему безумия. Ну, дальше вы знаете, Ницше, Сартр, Фуко, Сад и так далее, этим безумным философиям власти нет конца, пока шизоидный интеллект не разоблачен и не осужден. Эрих Фромм называет его манипулятивным интеллектом, и видит именно манипулятивный интеллект в основе рыночного характера. В этом смысле философия рынка становится такой разновидностью безумных философий власти за утверждение власти Эго над окружающей средой.

Б. Рассел «Власть»:

> «Любовь к власти является частью нормальной человеческой натуры, но философии власти в определенном смысле безумны. Существование внешнего мира, как вещей так и других людей, есть факт, который может быть принижен для возвеличивания спеси, но который не может отрицать никто, кроме сумасшедшего. Людей, которые позволяют их любви к власти искажать свое видение окружающего мира можно найти в любой психиатрической клинике: один думает, что он председатель центрального банка Англии, другой считает себя королем, а третий вообразил себя Богом.

> Очень близкие иллюзии, будучи изложены образованными людьми в туманных выражениях позволяют занять профессорскую кафедру; а будучи изложены эмоциональными людьми в красноречивых выражениях способствуют становлению диктаторов. Признанные психи изолированы из-за их предрасположенности к насилию; не признанным психам поручают командование мощными армиями, так что в их власти оказываются жизни и благополучие всех здоровых людей, находящихся в зоне досягаемости. Успех безумия в литературе, в философии и в политике есть одна из особенностей нашего века, и успешные формы безумия происходят практически полностью из импульсов власти... Возьмите культ героя Ницше, которому недоделанные и неполноценные должны быть принесены в жертву... Философии власти, если рассматривать их с точки зрения социальный следствий, отрицают сами себя. Утверждение, что я есть Бог, если никто другой его не разделяет, должно заставить меня умолкнуть; если же его разделяют другие, оно ведет к войне в которой я скорее всего погибну. Культ героя порождает нацию трусов. Вера в прагматизм, будучи распространенной, ведет к власти грубой силы, которая неприятна, и таким образом согласно ее собственному критерию, вера в прагматизм ложна. Если социальная жизнь должна удовлетворить социальные потребности, она должна базироваться на философии, не имеющей своим происхождением любовь к власти»

Итак, в таком ракурсе греческая «свобода» — это свобода противопоставления своего Эго законам природы, утверждение, что человеческое поведение основано на свободной воле и выборе. Это безумие и погубило Элладу. Но то же самое безумие стало наследием и современной западной культуры. Мало сказать «Свобода». Важно еще сказать, Какую свободу имеют в виду? Свободу шизоидов, утверждающих абсолютную власть своего Эго подобно Гомеру и философам немецкого идеализма? Подобно либертинам маркиза Сада? Или свободу осознанной необходимости рационалистов: Платона, Декарта, Спинозы, Кьеркегора, Шеллинга, Эйнштейна?

Свобода определяет мышление, или научное мышление определяет пределы свободы? В первом случае речь идет о шизоидной свободе. Во втором случае, речь идет об относительной свободе научного контроля, о свободе быть самим собой, быть

тем, кем мы созданы творцом законами природы, и не упираться против него в поисках произвола Эго.

Мы можем видеть, что западная культура развивала обе линии: и философию рационализма с пониманием истинной свободы в рамках законов природы, и философию субъективизма, «безумные философии власти» Эго.

Демократии-тирании современного мира — это победа философий субъективизма. Ведь они отрицают естественное право, то есть законы общей природы человечества. Они основаны на философии немецкого идеализма, из которых такие философы как К. Поппер, Ф. Хайек, Л. Мизес, М. Вебер, М. Фуко делают выводы о том, что нет и не может быть законов природы в обществе, и следовательно, общество имеет только законы юридизма, которые вводятся силовыми институтами. Мне хотелось бы подчеркнуть, что такого рода рассуждения утверждают шизоидные философии абсолютного Эго, отрицая философию рационализма и законы природы, отрицая естественное право.

И когда мы определились с тем, что несмотря на две с половиной тысячи лет с эпохи Гомера, республики западной цивилизации остаются республиками шизоидной свободы абсолютного Эго (что сегодня называется индивидуализмом, который жестко противопоставляется коллективизму), мы можем уже видеть причину, почему западные республики никогда не бывают просто демократиями, но всегда остаются демократиями-тираниями. Свобода шизоидов проистекает из крайне болезненного самолюбия. Поэтому греки скорее согласились бы умереть, чем подчиниться друг другу: их демократия выросла из неспособности жить в иерархии господства и подчинения. И они постоянно убивали друг друга из-за этого обостренного самолюбия, выражавшегося не только в острой состязательности, и но и в постоянной войне богатых и бедных. В конечном итоге, это болезненное самолюбие убило их, развязав полномасштабную войну между греческими полисами. Но пока они были живы, они были способны только к Олигархии: содружество свободных «художников-воинов»,

как сказал бы Ницше, против «черни», варваров-рабов. Позиция власти необходима этому обостренному самолюбию, ищущему утверждения своей философии абсолютного Эго. Такие «демократии» — это негативные образования, цель которых не допустить власти других, сохранить равенство, чтобы не задеть ничье обостренное самолюбие. В них нет никакого позитивного элемента, для которого бы они учреждались. Все пять институтов демократии, выборность, срочность, подконтрольность, возмездность, коллегиальность, — это институты, которые предохраняют руководителя от концентрации слишком большой власти. Негативные по своему характеру институты. Сказать, что позитивным элементом таких демократий является свобода, тоже нельзя: какая же свобода в олигархия, в постоянной смене тираний, в войнах и хаосе. Именно на этом были основаны все возражения Платона против демократии-тирании греков: из хаоса демократий, писал великий человек, рождаются жеточайшие тирании». Не это ли правило мы только что проследили в истории западной культуры?

Конечно, естественное право — это тоже история западной культуры. Но до сегодняшнего дня оно проигрывало безумным философиям власти, основанным на субъективизме Эго, и отказе от признания общей человеческой природы.

— Хорошо, мы поняли ваш ответ на вопрос, как вы понимаете современные демократии с точки зрения закономерностей психической энергии. — перебил Теслу Марк Вебер. — Вы сказали, что это пока еще не настоящие демократии, а наполовину демократии, наполовину тирании, потому что в их основе ненастоящий, манипулятивный интеллект. Вместо научного интеллекта, который открывает законы природы, этот интеллект — формальная логика, который сочиняет безумные философии власти абсолютной свободы Эго. И вы привели довольно убедительные примеры таких философий. Этот шизоидный интеллект создает негативные сообщества, цль которых уберечь ранимое самолюбие друг друга от чьего-либо господства, и утвердить свою власть на недостойных варварах. Поскольку они болезненно

нуждаются во власти. Свободы не получается, потому что вместо того чтобы «быть самими собой», им постоянно приходиться воевать в погоне за призраком абсолютного Эго, которого не существует, и которое есть только выдумка «безумных философий власти». Я правильно вас понял?

— Да, благодарю, все очень точно. По этой причине, мы не рассматриваем современные демократии как окончательную стадию эволюции. Всего лишь как переходный период от Левиафанов деспотических монархий. Помните, у Огюста Конта говорится о негативном периоде истории, когда рушится старое, но еще не создано новое? Вот именно, и этот период уже затянулся на третье тысячелетии: все рушат левиафаны, а нового позитивного пока так и не создали. Естественное право законов природы, и государство научного контроля — будет таким новым сообществом, с позитивным содержанием свободы, как возможности быть самим собой. Бертран Рассел поражает своей проницательностью, ибо он подчеркивает, что мы только в середине своего эволюционного пути, что коммунизм и капитализм в равной степени несовершенные системы, также как современная демократия, которую он немало критикует в книгах «Образование и здоровое общество», «Личность и Власть», «Власть», «Воздействие науки на общество», «Борьба за счастье», «Дороги свободы» и многих других. Его позиция (равно как позиция О. Конта, который также предсказывал победу научного контроля над юридизмом) бросается в глаза, особенно на фоне таких наивных утверждений как «конец истории» Фукуямы (он строит свое видение на политической теории Гегеля), или же «свободные от этики социологии» неокантианцев, вроде вас, Макс Вебер, или С. Хантингтона.

— Но ведь, послушайте, Америка, и современный запад в целом, предлагают всему миру Универсальные ценности? Разве эти ценности не составляют самое существо понятия позитивной свободы? Мы, конечно, говорил о правах человека! — гордо выпрямился С. Хантингтон

— Права человека и ценности — это совершенно разные вещи, даже взаимно отрицающие. Права человека — это естественное право, а ценности — это субъективизм философий власти. Первое — это общая природа человека, а второе — это специфика вашего национального самосознания.

Тот факт, что вы превратили теорию прав человека — в ценности своей нации, разрушив теорию естественного права, и привел к кризису прав человека во всем мире. Сколько бы вы не называли свои национальные ценности — ценностями универсальными, они не станут от этого общими. Общими могут быть только законы природы, а законы природы вы отрицаете. В этом все дело.

— Это неправда! Не мы разрушили институт прав человека! Америка считает себя учредителем и распространителем этого института, и мы следим за ситуацией с правами человека во всем мире. Однако, другие культуры, авторитарные и деспотичные восточные культуры, отказываются признавать права человека. И это они поставили этот институт на грань кризиса.

С. Хантигтон «Столкновение цивилизаций»:

> «Универсалистские претензии Запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями, наиболее серьезным — с исламом и Китаем... Америка сдалась в борьбе за права человека в Китае и других странах, можно назвать безоговорочной капитуляцией... Ислам и Китай обладают великими культурными традициями, очень отличными от традиций Запада и, в их глазах, намного превосходящими традиции Запада. Мощь и самоуверенность обеих цивилизаций по отношению к Западу растут, и конфликты между их ценностями и интересами, а также ценностями и интересами Запада становятся все более многочисленными и напряженными. Это сотрудничество заметно во многих аспектах, включая права человека, экономику и, что наиболее заметно, в попытках стран из обеих цивилизаций повысить свой военный потенциал, особенно в области оружия массового уничтожения и средств их доставки, то есть ракет, чтобы компенсировать превосходство Запада по обычным вооружениям. К началу 1990-х годов «конфуцианско-исламские» связи имели место между Китаем и Северной Кореей, с одной стороны, и — в различной степени — Пакистаном, Ираном, Ираком, Сирией, Ливией и Алжиром, с другой, чтобы противостоять Западу в этой области. За редкими ис-

> ключениями, как например осуждение Ирака, почти все резолюции по правам человека в ООН отклонялись при голосовании. «Международный режим соблюдения прав человека, установившийся с 1945 года, — заметил один американский поборник прав человека, — больше не существует. Американское господство ослабло. Европа, даже после событий 1992 года, остается не более чем полуостровом. Мир теперь настолько же арабский, азиатский и африканский, насколько и западный. Сегодня Всемирная декларация прав человека и международные договоренности намного менее важны для большей части планеты, чем в эпоху сразу же после окончания Второй мировой войны».

— В контексте общей политики США такая реакция со стороны других стран — единственно правильная. Права человека в качестве универсальных ценностей национальной культуры Америки — это оскорбление для других национальных государств. Они правильно противятся их принятию, и правильно возражают, что почему бы тогда вам не принять их национальные ценности в качестве универсальных. Это логичный ответ. Например, президент России В. Путин заявил в мюнхенской речи, что США навязывают всему миру свое национальное право в виде теории прав человека. И что это непозволительно, потому что они не могут вмешиваться в дела суверенных государств. Это та же позиция. И с этой точки зрения, и Китай, и Иран и Россия оказываются правы. Однако, как только институт прав человека станет реализацией научного метода мировой науки, а не особенностью национальной культуры Америки, как они его сегодня представляют, дискуссия перейдет в совершенно иное пространство.

Потому я вам и говорю, уважаемый Самюэль Хантингтон, что это ваша позиция разрушила институт прав человека. Ведь он перестал быть институтом естественного права, а только теория естественного права делает его легитимным.

Майкл Игнатьев, писатель и историк, директор Центра правозащитной политики при Школе государственного управления имени Кеннеди Гарвардского университета, пишет в книге

«Права человека как политика и как идолопоклонство»:

> «Всемирная декларация прав человека обозначила возвращение европейской традиции к идее естественного права: поворот, нацеленный на восстановление человеческой *субъектности*, на обретение индивидами гражданской стойкости в тех ситуациях, когда государство требует от них чего-то недозволительного и недопустимого».

Однако, дальше в той же книге он пишет о кризисе института прав человека, и о зыбкости его фундамента как теории естественного права, поскольку философия эмпиризма и субъективизма отрицает законы природы. Остается юридизм, то есть право, вводимое парламентом представительной демократии и силовыми институтами под угрозой наказания (М. Вебер, К. Поппер, И. Бентам и др). Юридизм не есть свобода, поскольку государство сосредотачивает в руках деспотическую власть. Книга П. Новгородцева, известного русского ученого юриста, «Кризис современного правосознания» раскрывала эту тему еще в начале 20-го века. О том, что представительная демократия по оценкам многих исследователей, не представляет народную волю и не может ее представлять. О. Конт писал в этой связи, что на смену юридизму обязательно придет научный контроль.

— Значит, вы утверждаете, что права человека, если они не основаны на философии естественного права и не имеют под собой научного базиса законов природы — это не есть позитивный смысл свободы современных демократий? В чем же позитивный смысл свободы?

— Позитивный смысл в институте прав человека, основанного на естественном праве. Но естественное право сегодня отрицается. Вместо него, как известно, устанавливаются «национальные ценности». Относительная истина, относительная мораль, различные истины и правды различных наций, культур и цивилизаций. Все та же философия национализма В. Дильтея, М. Вебера, О. Шпенглера, А, Тойнби. Да вы ведь на них и ссылаетесь в своей книге, уважаемый Самюэль Хантингтон. Марксисты вообще не принимали идеи прав человека, для них, как для мистиков диалектического материализма, и как для экономистов

теории естественного права не существовало. Современный запад сделал из нее политический инструмент, но разрушил связь прав человека с законами природы, с научным контролем. В итоге, теория прав человека не представляет сегодня позитивного смысла свободы. Ее место заняла теория национальных суверенитетов, с их специфичной истиной и моралью для каждой нации, так что только сама нация может решать, что хорошо, а что плохо для нее. Но «нация» — это власть государства, а не народ, и значит, народ остается беззащитным перед абсолютом своей власти. Например, США, которые учат всех правам человека как части своей собственной культуры «универсальных ценностей», на деле отказываются признавать их юрисдикцию выше собственного национального права. Получается, они выступают в роли того гоббсовского царя Левиафана, который устанавливает законы для других, но сам им не подчиняется.

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Вдохновляющая активистов-правозащитников утопия, в рамках которой можно было бы наказывать государства, попирающие права человека, не сочетается с представлением о том, что подобные права черпают свою легитимность из народного суверенитета нации. С точки зрения европейцев и канадцев, например, американское допущение смертной казни является нарушением статьи 3 Всеобщей декларации, но большинство граждан США убеждено в том, что за такой практикой стоит демократически выраженная воля народа. Следовательно, протесты международного правозащитного сообщества отвергаются как несостоятельное вмешательство в чужие дела..Американское правительство прославилось — или обесславилось, в зависимости от точки зрения, — своим нежеланием признавать легитимность принудительного обеспечения прав человека вопреки его воле на том основании, что его власть базируется на „согласии управляемых“ с принципом конституционного демократического суверенитета».

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Если культурный кризис правозащитной идеи был обусловлен спорами о межкультурной ценности прав человека, то ее духовный кризис связан с определением финальных, метафизических оснований этих норм. Почему человеческие существа вообще должны обладать

> какими-то правами? Какие особенности человечества как вида и отдельных его представителей позволяют говорить о правах?..Права человека предназначены для того, чтобы формализовать в юридических терминах естественный долг человеческой совести в тех ситуациях, где гражданские и политические установления либо не смогли предотвратить злоупотребления, либо вообще рухнули. Как представляется, доктрина прав человека призвана напоминать о том, что, если вся система наказаний и поощрений, используемая в управляемых обществах, вдруг падет, правозащитные нормы по-прежнему будут требовать от людей уважать человеческое достоинство. Но отсюда вытекает, что способность вести себя достойно — это естественный атрибут. Имеются ли эмпирические доказательства того, что дело обстоит именно так?..Именно из-за того, что эти идеи достоинства, ценности и святости подменяют сущее должным, они оказываются противоречивыми, а поскольку они противоречивы, то чаще всего от них проистекает не польза, а вред для правозащитного дела. Более того, они противоречивы еще и потому, что каждая версия прав человека, рассматриваемая в подобной перспективе, содержит в себе некие метафизические утверждения, касающиеся человеческой природы, а это делает ее изначально спорной».

М. Игнатьев «Права человека»:

> «Например, по мнению философа права Майкла Перри, идея прав человека „неустранимо религиозна". До тех пор, пока вы не преисполнитесь убеждения в том, что человек священен, полагает он, у вас не будет оснований полагать, что достоинство человека можно отстоять, лишь присвоив ему определенные права. Согласно этой логике, только религиозная трактовка человека как творения Божия способна поддержать представление о том, что индивиды обладают неотчуждаемыми естественными правами. Макс Стекхаус, теолог из Принстонского университета, считает, что идею прав человека можно обосновать сугубо идеей Бога или по меньшей мере идеей „трансцендентного морального закона". Для того чтобы объяснить, почему человеческие существа „имеют право обладать правами", правозащитной идее требуется теологическое подспорье»

— Что мы можем заключить из этих формулировок директора Центра правозащитной политики Гарвардского университета? Что теория прав человека — неработающая теория без философии рационализма, которая допускает законы природы в качестве метафизики божественного интеллекта. Философия

рационализма сегодня атакована с двух сторон: со стороны эмпириков и материалистов, а также со стороны субъективистов немецкого идеализма. В итоге мы имеем «безумные философии власти» диалектического материализма, прагматизма, ницшеанства, но теряем естественное право. Вот о чем говорят эти выдержки.

Государства закрываются друг от друга в национальные суверенитеты, и предстают Левиафанами для собственного народа, подчиняя себе парламенты и национальное законодательство. Народ, который получил шанс с институтом прав человека, на защиту международного этического суда, теряет эту возможность реальной свободы.

Ж. Бенда «Предательство интеллектуалов»:

> «Это только наши современники — стараниями интеллектуалов — превращают государство в башню, бросающую вызов небесам. Другая новая черта в патриотизме современных интеллектуалов — их стремление соединить свой духовный строй с некой *национальной* духовной формой, которую они, естественно, противопоставляют иным национальным духовным формам... Они провозглашают, что не существует высшей морали, перед которой должны склоняться все люди; что если рассматривать, в частности, международные отношения, то у каждого народа своя *собственная*, специфическая мораль, имеющая такую же ценность, как и мораль его соседей; и что те должны понимать эту мораль и к ней приспосабливаться... Это возвеличение особой морали и презрение к морали всеобщей. Как известно, целая школа, включающая не только политических и общественных деятелей, но и солидных философов, в течение полувека доказывает, что народ должен составить понятие о своих правах и обязанностях, обусловленное изучением его особого духа, его истории, его географического положения и конкретных обстоятельств, в которых он находится, а не велениями иллюзорного сознания человека всех времен и народов; что класс должен построить для себя шкалу блага и зла, определенную рассмотрением его особых нужд, особых целей, особых условий его жизненной среды, и не помышлять о ≪справедливости самой по себе≫, «гуманности самой по себе≫ и другой ≪мишуре≫ общей морали»

В прекрасной книге «Предательство интеллектуалов» Ж. Бенда наилучшим образом сформулировал это разрушение тео-

рии прав человека в субъективистских философиях, отрицающих единую истину и единую мораль — основу естественного права.

— Правильно ли я понял, что вы утверждаете, что национальные суверенитеты — это зло?

— Национальные суверенитеты сыграли свою историческую роль, когда утверждалось всеобщее право, и шла борьба с анархией и беззаконием; они помогли и в борьбе с колониализмом. Сегодня стоит новая задача на повестке дня: как защитить народы от всесилия их собственных правительств с одной стороны, и как защитить государства от манипулирования институтом прав человека более сильными государствами? Например, всем известно, что США в своей политике «двойных стандартов» манипулируют доктриной прав человека для вмешательства в политику и экономику других государств. Они фактически превратили теорию прав человека из теории научного контроля естественного права в свою собственную национальную «философию власти», и используют ее прямо противоположно тем целям, для которых идея прав человека была изначально заложена.

Артур Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Не является ли вся концепция политических и гражданских прав этноцентричной и связанной с одной культурой? И не представляет ли из себя американская решимость насильно навязать ее миру авантюру в духе культурного империализма? „Было бы хорошо, если бы американцы, с такой уверенностью заявляющие о своем знании того, чего хотят другие люди и что хорошо для них в плане политического устройства, — писал Джордж Кеннан, — спросили у самих себя, не пытаются ли они фактически навязать свои собственные ценности, традиции и образ мыслей народам, для которых эти вещи не имеют никакой значимости и не приносят никакой пользы“. Кампания за права человека даже у настроенных проамерикански европейцев пробудила беспокойство по поводу вспыхнувшего за океаном мессианства, этого „нового издания идеи о миссии Америки по усовершенствованию мира“, — заметил английский исследователь Фердинанд Маунт».

Чтобы защитить народы от всесилия их собственных правительств, и чтобы ограничить манипуляции с идеей прав человека

как с инструментом политической игры, важно восстановить связь между институтом прав человека и естественным правом. Это также будет означать ограничение национальных суверенитетов, которым придется признать юрисдикцию естественного права выше национальных правовых систем.

> «Конфликт вокруг универсальности правозащитных норм есть акт политической борьбы. В ходе этого конфликта традиционные, религиозные и авторитарные источники власти подрываются защитниками прав человека, многие из которых являются выходцами из местных культур. Они оспаривают эти источники власти во имя тех, кто чувствует себя исключенным и угнетенным. Авторитарное сопротивление правозащитному натиску неизбежно облекается в форму спасения местной культуры как таковой от агрессивных нападок культурного империализма Запада. Но на деле посредством этой релятивистской линии отстаивается политическая или патриархальная власть.
> …В последние двадцать лет в западной политической мысли оформилось влиятельное течение, которое утверждает, что, используя формулировку Адамантии Поллис и Петера Шваба, «права человека есть западный конструкт ограниченного применения», выдумка XX столетия, мотивированная правовыми традициями Америки, Великобритании и Франции и, следовательно, непригодная для культур, которые непричастны к исторической матрице либерального индивидуализма. У этого тренда довольно сложная интеллектуальная родословная: здесь смешались марксистская критика правозащитного дискурса, антропологическая критика невежественного буржуазного империализма конца XIX столетия и постмодернистская критика универсалистских претензий европейского Просвещения. Все эти тенденции сошлись в атаке на западную интеллектуальную гегемонию, воплощенную в языке прав человека. Права человека рассматриваются как хитроумный трюк коварного западного разума: утратив возможность контролировать мир посредством прямого имперского правления, западный разум прячет собственную волю к власти под универсалистской лексикой прав человека и пытается навязать свою узкую повестку множеству мировых культур, никогда не разделявших западные представления об индивидуальности, субъектности, свободе. Мода на этот постмодернистский релятивизм зародилась в западных университетских кампусах, но со временем он смог просочиться и в правозащитные практики Запада, заставив многих активистов усомниться в состоятельности того универсализма, который прежде принимался ими на веру».

Майкл Игнатьев «Права человека»

Действительно, все эти препятствия, составившие вместе кризис института прав человека имеют место быть: национальные суверенитеты не хотят признавать ограничения своей власти и ссылаются на уникальность своих культур; а политика США, как пишут многие исследователи в самом деле злоупотребляет идеей прав человека как политическим инструментом для своекорыстного вмешательства в экономику и политику других государств. И все эти проблемы решаются с утверждением естественного права, хотя бы в долгосрочной перспективе.

А. Эйнштейн «Цитаты и афоризмы»:

> «Национализм, по моему мнению, есть не что иное, как идеалистическая рационализация милитаризма и агрессии Национализм — это детская болезнь, свинка человечества. Секрет бомбы должен быть передан мировому правительству... Пока государства требуют себе неограниченного суверенитета, мы несомненно снова и снова будем сталкиваться с масштабными войнами, в которых будет использоваться все более мощное и высокотехнологичное оружие. Всякий, кто действительно хочет уничтожить войну, должен решительно высказаться за ограничение суверенитета собственной страны в пользу международных институтов. Спасти человечество может лишь наднациональная система, основанная на законе, созданная для того, чтобы стать заменой методам грубой силы. Я выступаю за мировое правительство, поскольку убежден, что у нас нет другого пути избавления от опасности, угрожающей сейчас человечеству, — величайшей опасности на протяжении всей нашей истории. Избежать полного уничтожения — эта цель должна быть для нас важнее всех прочих. Необходимо создать мировое правительство, имеющее юридическую власть разрешать конфликты между государствами... Власть его должна быть основана на четкой и ясной конституции, одобренной государствами и народами, и только ему должно быть разрешено распоряжаться наступательным вооружением. Есть лишь один путь к миру и безопасности — путь наднациональной организации. Одностороннее вооружение тех или иных государств никого ни от чего не защищает, а лишь увеличивает общую напряженность и неопределенность. Единственное спасение цивилизации и рода человеческого — создание мирового правительства, при котором безопасность государств и народов будет охраняться законом. Все

> что происходит в международных делах, должно делаться с мыслью о том, поможет ли это или помешает созданию мирового правительства?»

— Как же сформулируем различия в политических организациях научной свободы осознанной необходимости с одной стороны, и шизоидной свободы философий власти с другой стороны?

Последние отрицают научный контроль естественного права и законы общей природы человечества; вместо этого они утверждают юридизм договорного права и силовых институтов, что в итоге приводит к сосредоточению деспотической власти в руках государства. Они разделяют человечество на национальные суверенитеты враждующих культур, и могут использовать идею прав человека для военного подавления более слабых государств, для скрытой колониальной политики.

Первые напротив, утверждают научный контроль естественного права, и видят именно в этом существо международного института прав человека, как реализации идеи общей природы человека. В этом случае власть национальных государств признает юрисдикцию международного института прав человека, и корректирует свои национальные правовые системы в соответствии с требованиями международного института. Институт представляют ученые всего мира, гражданское население, не представители государств.

ГЛАВА 16
ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ КОНСЕРВАТОРОВ. БЕРТРАН РАССЕЛ ПРОТИВ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Александр Солженицын казался очень расстроенным. Россия, которую он любил всем сердцем, была в опасности. Как защитить Россию? Не было ли и его вины в том, что сегодня стало с отчизной? Он уже в 2006 году, отвечая на вопросы газеты «Московские новости», он заявил:

> «НАТО методически и настойчиво развивает свой военный аппарат — на Восток Европы и в континентальный охват России с Юга. Тут и открытая материальная и идеологическая поддержка „цветных революций“, и парадоксальное внедрение Северо-атлантических интересов в Центральную Азию. Все это не оставляет сомнений, что готовится полное окружение России, а затем потеря ее суверенитета».

Солженицын умер в 2008 году. На его похоронах присутствовали все три после-перестроечных президента России: Горбачев, Ельцин и Путин. Владимир Владимирович на тот момент только премьер-министр. Михаил Сергеевич уже легендарная фигура, чья политика должна была положить конец Холодной войне. Солженицын теперь много думал об этом. Почему не получилось у Горбачева? Почему он уже ясно видел в 2006 году, задолго до прихода к власти Путина, что война продолжается, и что НАТО планомерно окружает Россию? Уже больше пойти на уступки, чем пошел Горбачев, прекративший в одностороннем порядке Варшавский договор, и согласившийся на распад СССР было невозможно. Быть более податливым, чем был Ельцин — невозможно. Почему же запад не принял добрую волю России? Почему даже не захотели поблагодарить за эту добрую волю, и вместо этого хвастливо кричали, что жесткая риторика Рейгана, запугавшего «империю зла» звездными войнами напугала Горбачева. Что он делал то, к чему его вынудили, а не то, что исходило из его благородного и великодушного сердца.

— Уважаемые духоборцы! — печально начал свою речь Солженицын в Храме Духа. — Только этот Большой Суд над Холодной войной внушает мне надежды разрешить когда-нибудь те сложные вопросы, которые тянутся десятилетиями, и конца и края им не видно. Объясните мне, почему Запад продолжает ненавидеть Россию после того, как она отказалась от коммунизма? Вы заметили, ничего не изменилось? Теперь они говорят о «бывших коммунистах», словно бы речь идет о какой-то врожденной патологии? И как положить конец этой вражде?

Мы смотрели с вами материалы о том, как продолжается Холодная война в России, где президентом стал В.В.Путин. Интересный фильм Оливера Стоуна, «Интервью с Путиным».

Попробую коротко сформулировать общее содержание этого фильма.

Оливер Стоун — настоящий патриот своей страны, защищающий демократическую республику Америки от посягательств имперских амбиций консерваторов. Это Демократ с большой буквы. Оливер Стоун борется с империализмом внутри Америки, который подобно раковой опухоли пожирает республику отцов-основателей. Он прилагает все усилия, чтобы остановить этот процесс.

Если говорить по существу, то Оливер Стоун обвиняет Америку консерваторов в разрушении американских идеалов свободы, демократии и верховенства закона, в коррупции политической системы страны, в тайной диктатуре «имперских президентов» при помощи секретных, незаконных операций спецслужб. Тайные операции ЦРУ, о них уже прямо пишет Артур Шлезингер в «Циклах американской истории». О том, как Эйзенхауэр и братья Даллес поручили К. Рузвельту, агенту ЦРУ свергнуть правительство Моссадыка в Иране, и утвердить правительство шаха. ЦРУ блестяще справилось с поставленной задачей и этим открыло эру «тайных операций» ЦРУ по насаждению собственных режимов. Другими их жертвами стали Альенде, президент Чили, Сукарно, президент Индонезии, на место которых пришли жестокие диктатуры Аугусто Пиночета и режим Сухарно. Война во Вьетнаме была такой же попыткой установить вместо легального правительства Хо Ши Мина — правительство Дьема, насаждаемое ЦРУ. Об этом написал Бертран Рассел в книге «Военные преступления во Вьетнаме». Он пишет, что если демократы Франклина Рузвельта и Генри Уоллеса поддерживали законное правительство Хо Ши Мина, то уже Трумен, и особенно Эйзенхауэр, решительно переходят на сторону колониальной войны Франции, стремившейся вернуть себе колонию. Правительство Дьема стало типичным марионеточным правительством ЦРУ, которое должно было

представлять «национальное правительство» в войне, носившей на самом деле откровенно колониальный характер. В сущности, Шлезингер и Стоун говорят о том, что ЦРУ превратилось в преступную организацию, нарушающую не только внутреннее законодательство США, но прежде всего нормы международного права, и границы суверенных государств. Об эксперименте ЦРУ в Иране, откуда начались тайные операции ЦРУ против суверенитетов национальных государств, пишут А. Шлезингер, О. Стоун, Б. Рассел, У. Блум. Джон Перкинс рассказывает в «Исповеди экономического убийцы» как его посвятила в эту историю Клодин, сотрудница спецслужб, обучавшая его профессии «ЭУ».

А. Шлезингер «Циклы американской истории»:

> «Крупным нововведением ЦРУ стал упор на „тайные операции“ в мирное время, то есть использование подпольных методов для изменения политики и смены режимов в других странах. Вместо того чтобы ограничиваться выяснением, что происходит в тех или иных регионах, ЦРУ готово превзойти всех в попытках сделать так, чтобы происходило именно то, что ему нужно. Шпионаж в некотором смысле „нормальное“ явление, явление принятое, хотя и не имеющее легального статуса в межгосударственных отношениях. Тайные операции несут куда более серьезную угрозу договорным обязательствам и нормальным отношениям между государствами. Однако американские администрации одна за другой игнорировали последствия тайных операций ЦРУ и то, как они сказываются на мировом правопорядке»

Оливер Стоун возмущен вторжением войск НАТО в суверенные государства Ливии, Ирака, Сирии, потому что консерваторы США разваливают эти государства, лишают их суверенитета и оставляют на произвол судьбы в условиях тягчайшей гуманитарной катастрофы. Поэтому Оливер Стоун поддерживает позицию Китая, Ирана и России, не поддающихся влиянию США и противостоящему ему в попытках разрушить их суверенитет. В том числе путем военного вмешательства. Оливер Стоун считает, что Америка Консерваторов двигается к мировому господству, и что консерваторов надо остановить. Он благодарен Путину за его сдерживающее в этом направлении влияние на Штаты.

Он заявляет, что американские военные базы достигли 800—1000 баз по всему миру в 130 с лишним странах, никто не знает точного числа, и что со времен Гитлера на границах России не было сосредоточено столько вооружения. Режиссер сетует на тот факт, что Америка намеренно нагнетает риторику Холодной войны, чтобы поддерживать «концепцию врага». Что СМИ настроены антироссийски, и призывают к Холодной войне.

Оливер Стоун «Интервью с В. Путиным»:

> «О. С.: *Я тоже так считаю, но средства массовой информации призывают к холодной войне и настроены очень антироссийски.*
> В. П.: Проблема не в персоналиях. Проблема в том, что сегодняшнее американское руководство не терпит никакого мнения, кроме своего собственного. Им не нужны страны, имеющие суверенитет.
> О. С.: *Вернемся к периоду с 2001 года, когда вы заключили этот союз с США, до нынешнего, 2016 года. Я кратко перечислю для читателей произошедшие события, а вы потом можете меня поправить. Итак, в 1990-е годы вы уже имели представление, что происходит, и наверняка знали о действиях США в Косово, о бомбардировке Белграда и, понятное дело, о развале Югославии. Вместе с тем в 2001 году вы предлагаете союз, сотрудничество и дружбу администрации США, и все это в итоге выливается в разочарование и неудачи коалиции США — НАТО в Афганистане и Ираке. В этот период происходит расширение НАТО, еще одна волна расширения НАТО с последующим аннулированием Договора по ПРО 1972 года со стороны Соединенных Штатов. В этом же периоде вы получили «оранжевую революцию» на Украине в 2004 году. Мы говорили об этом вчера вечером, и, как я понял, тогда не было угрозы разрыва отношений между Россией и Украиной. Она не рассматривалась. Политические фракции на Украине начали разваливаться, спорить и бороться друг с другом, и угрозы, опасений, что единая Украина уйдет от России, не было. Насколько я понимаю, в этот же самый период вы были в определенной мере влюблены в идею партнерства с Соединенными Штатами и вас обхаживала и поощряла Уолл-стрит. В 2004 году, например, все видели, как вы пели вместе с Шарон Стоун. Итак, ваш первый президентский срок подходит к концу. В 2005 году, вы мне красочно рассказывали об этом во время моего первого визита, вы пожаловались Бушу на поддержку терроризма в Средней Азии со стороны США. И, по вашим словам, ЦРУ направило вашим спецслужбам письмо с подтверждением того, что они фактически поддерживали террористов в Средней Азии. Я прав?*

В. П.: Да, у нас был такой разговор.
О. С.: *Это противоречивое и странное поведение.*
В. П.: Мы уже к этим противоречиям привыкли. Тогда мне тоже казалось, что это противоречие. Такая позиция, будто хочется кого-то использовать в своих целях и не хочется сотрудничать для достижения целей своих партнеров.
О. С.: *Хорошо, с вашей точки зрения — а вы знакомы со многими мировыми лидерами, — мистер Буш — приличный человек, честный, но его постоянно вводят в заблуждение эксперты, специалисты.*
В. П.: Ну, во-первых, не постоянно. Во-вторых, после террористических атак в Нью-Йорке, конечно, президент Буш думал о том, как защитить Соединенные Штаты и их граждан. Конечно, ему легко было поверить в данные, которые представляли спецслужбы, даже если они не были достоверны. Буша пытаются постоянно демонизировать. Я считаю, что это несправедливо.
О. С.: *Окей, окей. Мистер Буш продолжил расширение НАТО после того, как Клинтон начал этот процесс.*
В. П.: Это еще одна ошибка.
О. С.: *Сегодня понятно, что вы не заметили изменения направления ветра — сигналов было много, включая выход мистера Буша в 2001 году из Договора по противоракетной обороне 1972 года.*
О. С.: *Так перестаньте называть их партнерами — «нашими партнерами», как вы часто говорите. Вы выражаетесь слишком мягко. Они больше не партнеры.*
В. П.: Потому что диалог должен быть продолжен.
О. С.: *Да, но «партнеры» — это эвфемизм. Иногда преуменьшение не работает. Но в этот период выход из Договора по ПРО, вторжение в Ирак, расширение НАТО... Ясно, что ваши взгляды на намерения США наверняка должны были смениться подозрениями и что российская политика должна была измениться. В 2007 году в Мюнхене вы сделали заявление, которое ознаменовало изменение отношения России.*
О. С.: *Что мы, в принципе, имеем в США — это двухпартийная внешняя политика, политика создания военных баз везде и вмешательства в дела других государств. Сейчас у нас проблемы, препятствия в Китае, Иране и России. И они постоянно говорят об этой тройке. О чем я хотел бы поговорить в следующий раз, так это о стремлении Америки к мировому господству. Какие препятствия для этого останутся и как Россия воспринимает себя в данном контексте?*
В. П.: Только давайте договоримся. Я знаю ваше критическое отношение к политике США. Не втягивайте меня в антиамериканизм.
...

О. С.: *Да, но мы говорили о возможности ошибки, неправильного восприятия. Речь шла о том, что мы, возможно, недооцениваем мощь ядерного арсенала России. Поэтому мы заинтересованы прежде всего в разрушении этой экономики. А потом, я думаю, что некоторые в моей стране полагают, что после разрушения этой экономики сменится руководство, то есть вы, мистер Путин, уйдете и уступите место более мягкому лидеру. Они захватят власть в России и уничтожат ядерную отрасль в ней или поглотят ее иным образом.*

О. С.: *Это было другое время в том смысле, что происходило задолго до выступления в Мюнхене в 2007 году. Тогда вы сказали фактически, что «они — Соединенные Штаты — ставят нас на грань одного конфликта за другим. Политические решения становятся невозможными».* А это ставит более широкий вопрос: куда нацелена политика США? В чем заключается их стратегия в мире в целом?

В. П.: Я вам обязательно очень подробно на этот вопрос отвечу и очень откровенно, но только после того, как выйду на пенсию.

О. С.: *Я могу сформулировать ее для вас, а вы можете возразить мне. Я думаю, как и многие люди, знающие люди, что стратегия США в настоящий момент нацелена на разрушение российской экономики, на ее возврат на уровень 1990-х годов и смену руководства — на превращение России в нового союзника и восстановление прежнего доминирования США. Возможно, они чувствуют, что им не удалось добиться ничего существенного.*

О. С.: *Абсолютно так, но идеалистически. Как вы знаете, Соединенным Штатам необходимы враги.*

В. П.: Может быть. Может быть. Я считаю, что больше нужны партнеры и союзники. Можно философию совершенно поменять, можно думать и действовать в другой парадигме.

О. С.: *Это возвращает нас к реальности, где все намного сложнее. У нас, в США, в этом году выборы и ни один из этих вопросов — окружающая среда, укрепление сотрудничества — не поднимался ни разу. Зато риторика становится все жестче. Наши военные поднимают головы. И это происходит на обеих сторонах, включая Хиллари Клинтон, которая, совершенно очевидно, стала неоконсерватором, ястребом. Сильный уклон против России. Она была против ядерной сделки Обамы с Ираном, она определенно за интервенцию в Сирии и т. д. Надежды на изменение в этом направлении крайне малы. Помимо всего новый генерал в Пентагоне недавно заявил, что Россия — это угроза номер один для Соединенных Штатов. Он очень решителен в своих заявлениях.*

> В. П.: Мы знаем об этом и, конечно, не можем приветствовать. Наоборот, мы были всегда готовы к диалогу практически по любому направлению сотрудничества.
> О. С.: *Да, понимаю. Администрация Обамы тоже может успокаивать вас, однако при этом Обама с Пентагоном совершенно безрассудно наращивают присутствие НАТО у границ России. В этом году они потратили в Восточной Европе в четыре раза больше, чем в прошлом.* Со времен Гитлера у границ России не было такого наращивания силы, что очень неожиданно для Обамы.
> В. П.: Да, это нас беспокоит. Именно об этом я говорил в Мюнхене в 2007 году.
> О. С.: *Так почему вас так ненавидят в США?*
> В. П.: Вы уже на этот вопрос ответили в начале нашей беседы. Правящий класс считает, что должен бороться с Россией, должен ограничивать Россию, должен сдерживать ее развитие, и информационная обработка населения — это один из способов создать внутриполитические условия для реализации этих целей. Это ложные цели и ошибочная политика».

«Концепцию Врага», считает Оливер Стоун, требует экономическая и политическая структура империи: разросшаяся после Второй мировой войны военная индустрия, которой необходимо производить оружие, политика расширения военных баз, проводимая НАТО. Он видит целью консерваторов Америки установление мирового господства, путем последовательного лишения суверенитетов других национальных государств. Разрушение экономики России, развал ее ядерного потенциала, ее государственной власти только частный случай этой общей политики. Этим он объясняет ненависть американцев к президенту России: тот сумел противостоять этим тенденциям американской империи, утвердить стабильную государственную власть и приостановить процесс поглощения России. Оливер Стоун высоко оценивает мюнхенскую речь Путина в защиту национальных суверенитетов, и призыв к соблюдению международного права, к демократии в рамках международных организаций. Президент России отвечает, что целью его речи было донести до Америки, что Россия видит направление ее политики, и не позволит «тащить себя на живодерню» под ее собственные аплодисменты.

— Вы помните, в своей Гарвардской речи я обвинил США в материализме, — продолжал Александр Исаевич, — и сказал, что именно материализм стал тем философским фундаментом современного культурного кризиса, который мы наблюдаем одинаково в России и на Западе. Оливер Стоун соглашается со мной, и с другими мыслителями в этой оценке материализма.

Оливер Стоун «Интервью с В. Путиным»:

> «О. С.: *Времена меняются, и, на мой взгляд, Америка может исходить из того, что и Великобритания, и Франция, и Германия когда-то были могущественными государствами — империями с богатой историей. Великобритания и Германия, что с ними произошло?*
> В. П.: Это закономерный результат Первой и Второй мировых войн.
> О. С.: *Да, но я хочу сказать, что после Второй мировой войны эти страны фактически стали сателлитами Америки. И сейчас они делают в мире то, что хочет Америка. Потрясающе — все это произошло на моем веку. Если вы помните, в 1960 году Шарль де Голль сказал «нет» американской экспансии в Европе. Он настоял на выходе Франции из НАТО*. Он хотел избавиться от присутствия Соединенных Штатов во Франции. Очень решительная позиция. Видели ли вы что-нибудь похожее в Европе после этого? Госпожа Меркель, похоже, делает все, что хотят американцы, как и мистер Аденауэр в прошлые времена, а Англия, по сути, выполняет наши команды. Я не вижу никакой независимости ни в одной из этих стран, и это беспокоит меня**. Время идет, и вы видите этот ползучий материализм.** На Украине отчетливо видно, насколько эффективно эти неправительственные организации продвигают подход **«присоединись к Европе/стань богатым, материализм работает, мы хотим американский образ жизни».** Это приманка. И я боюсь, что это проникнет также и в вашу страну через рекламные кампании, средства массовой информации, социальные сети, призывы к хорошей жизни».

Оливер Стоун говорит, что консерваторы Америки обвиняют правительство Путина в формальной демократии, за просвещенным фасадом которой прячется диктатура заурядной деспотии: царизм, коммунизм, путнизм –один режим тирании. Что оппозиционные партии профанируют либеральную дискуссию в обществе, оставаясь только формальной оппозицией. Что парламент подчинен руководству и власти президента и его партии, как когда-то Верховный Совет власти КПСС. В аннексии Крыма

у украинского государства, в предоставлении политического убежища Джону Сноудену, в нарушении территориальной целостности Грузии.

Какие ответы дает на его вопросы В.В.Путин? Президент в целом согласен с видением Оливера Стоуна. Он говорит, что «американские партнеры» обеспокоены не состоянием демократии в России, а стабильностью государственного аппарата, который не позволяет им расшатать ситуацию изнутри и развалить Россию. Что их интересуют не высокие идеи либерализма и легализации оппозиции в России, а состояние хаоса, которое позволило бы лишить Россию суверенитета. Что раскручивается целенаправленная и одиозная пропаганда с целью выставить Россию «империей зла» несущей «родимые пятна сталинизма». Это результат политики «концепции врага», посредством которой Америка стремится превратить Россию в своего вассала и сателлита. Что ненависть к нему, к президенту России, обусловлена его успешным противостоянием попыткам лишить Россию суверенитета и навязать ей свою политическую и экономическую волю. Тем не менее, со слов президента Америка постоянно предпринимает все мыслимые меры, чтобы расшатать внутриполитическую ситуацию внутри России. Путин говорит о том, что США инициировали войны на Северном Кавказе, стимулируя и направляя радикальный ислам и террористов. И что на его прямой вопрос Бушу-младшему о том, что ЦРУ курирует террористов на Кавказе, тот прислал ответ через ЦРУ о том, что Америка будет поддерживать все политические силы, в том числе оппозицию. «Нас это очень разочаровало, они поддержали не демократическое правительство Ельцина, а бандитов и террористов». Далее, президент настаивает на том, что война в Грузии, стала следствием нападения Саакашвили на Южную Осетию, также имела под собой как минимум моральную поддержку США. Южная Осетия и Абхазия отказываются входить в состав Грузии, однако США склонно расценивать этот отказ как провокацию России против Грузии. Здесь также очевидна политика двойных стандартов. Сепаратизм од-

них поддерживается, как право на самоопределение, а стремление к независимости других наций видится как незаконное нарушение границ, территориальной целостности государства. В. Путин считает, что Саакашвили обязан был договариваться с руководителями и народами республик с тем, чтобы они захотели добровольно стать частью Грузии.

Оливер Стоун «Интервью с В. Путиным»:

> «О. С.: *Мы знаем, что Буш поддержал агрессию Грузии в 2008 году. ... можно сказать, что после того, как Россия заняла жесткую позицию в отношении Саакашвили — очень жесткую позицию и, так сказать, провела красную линию в Грузии, — на тот момент не было никаких новых конфликтов вокруг ситуации с Грузией. На мой взгляд, Обама принял эти условия.*
> В. П.: Президент Саакашвили отдал приказ своим войскам, они неожиданно напали на территорию Южной Осетии и в первом же ударе уничтожили базу российских миротворцев. У нас тогда погибло человек 10–15. Грузинские войска нанесли удар с помощью системы залпового огня. Люди не успели даже выйти из казарм. А затем последовала крупномасштабная военная акция. Я хотел бы посмотреть на представителей других стран, если бы одним ударом уничтожили их миротворцев. Так что мы и помогали Южной Осетии, и исполняли, я хочу это подчеркнуть, свои обязательства как миротворцы. я, даже будучи президентом, ни разу не встречался с руководителями непризнанных тогда республик — ни Южной Осетии, ни Абхазии, поскольку всегда надеялся на то, что этот длящийся уже не одно десятилетие внутренний конфликт удастся все-таки урегулировать мирным путем. Вместо этого господин Саакашвили пошел на провокацию. Я тогда разговаривал с некоторыми коллегами, и они мне говорили: «А что вы хотите, он же сумасшедший». С коллегами — имеется в виду с руководителями западных стран.
> О. С.: *Так вы говорили с коллегами на Западе и они винили за случившееся Саакашвили?*
> В. П.: Да. Прямо в первые дни конфликта. На что я им отвечал: «Может быть, он и сумасшедший, но он убивает наших людей. Или вы его остановите, или мы вынуждены будем что-то предпринимать».
> О. С.: *Вы считаете, что США или НАТО поддерживали Саакашвили в его действиях или говорили: «Давай, попробуй»?*
> В. П.: Я этого не знаю. Но мне кажется, что он никогда бы не решился самостоятельно на эту провокацию. Во всяком случае его точно ни-

> кто не останавливал. Господин Саакашвили публично заявил о том, что он отдал приказ войскам начать эту акцию, причем один из его высокопоставленных военных выступил даже по телевидению и сказал об этом. Я не поверил своим ушам и глазам, когда увидел, что западные средства массовой информации обвиняют в этом нападении Россию. И главное, миллионы людей во всем мире в это поверили. Это потрясающая способность ваших коллег в США и в Европе. Вы все очень талантливые люди. Но, когда наши журналисты начинают защищать российские национальные интересы, занимают определенную позицию, их тут же объявляют рупором кремлевской пропаганды, что меня очень огорчает.
>
> О. С.: *Это двойной стандарт. Хотел бы я видеть дебаты между мистером Саакашвили и вами — было бы здорово увидеть вас обоих в одной комнате.*
>
> В. П.: Мы с ним встречались многократно.
>
> О. С.: *Вы уверены, что он сумасшедший?*
>
> В. П.: Я так не говорил».

Война в Украине началась с цветной революции, инициированной Америкой, а потом выросла в полномасштабный конфликт с Россией, считает президент. Крым — территория, присоединенная к России в результате всенародного референдума под контролем международных наблюдателей. Россию вынудили провести этот референдум развязыванием жестокой нацистской войны в Украине. Жестокое избиение мирной демонстрации в Одессе вынудило правительство России защищать русское население Крыма от подобной участи организацией всенародного референдума. Таковы ответы президента по Грузии и Украине.

Война в Сирии — это попытка Путина остановить беспредел консерваторов США в разрушении суверенитетов национальных государств, а также остановить процесс гуманитарной катастрофы, который приходит вслед за падением государственной власти в таких регионах. ИГИЛ[1] и терроризм — есть главное следствие такого разрушения государственной власти в Ливии, в Ираке, в Сирии, считает Путин. Президент считает, что Америка вероломно нарушила договор о нерасширении НАТО на Восток, и окружает Россию со всех сторон своими во-

енными базами. Что Клинтон предложил выход из Договора по противоракетной обороне, а Буш-младший его осуществил. Что Америка, окружая Россию, и нарушая договора о сокращении ядерных программ, стимулирует новый виток гонки вооружений.

Владимир Владимирович жалуется Оливеру Стоуну, что не всегда понимает «логику партнеров», которые говорят одно, а делают, как правило, другое. Коммунизм ушел в прошлое, СССР больше не существует. Откуда вновь берется риторика Холодной войны? Путин предлагал Клинтону принять Россию в НАТО, но команда президента, возмущается Путин, была на грани истерики от одного такого предположения, хоть внешне Клинтон обещал рассмотреть предложение. НАТО — рудимент, атавизм Холодной войны, считает президент, военный блок, которому нет места в мирное время. Вместо того, чтобы строить отношения партнерства, равного диалога, учитывающего интересы всех сторон, «наши американские партнеры» ищут способы лишить Россию политической воли и превратить в своего вассала. Это контрпродуктивное поведение, замечает президент. Демократия как считает президент, не может быть насажена извне военными методами, — такими методами достигается только окончательный развал государства и гуманитарная катастрофа его населения. «Легче всего отбомбиться, а потом наступит полная благодать, и все будет как в Америке». Он считает, что американская демократия — это полная благодать, вот в чем его коренная ошибка.

Солженицын пожал плечами.

— Я говорил уже в своей Гарвардской речи, — продолжал он, — как далека современная демократия от «полной благодати». Путин считает, что совершенство американской демократии нельзя привнести извне. За демократию бороться надо, он со-

[1] ИГИЛ — террористическая организация, запрещенная на территории РФ

гласен, но не такими методами. Звучит так, как будто он верит, что Америка такими методами борется за демократию. Оливер Стоун не так доверчив, он говорит президенту России, что чтобы Америка послала в Саудовскую Америку 500000 солдат, у нее «должны быть там очень, очень серьезные интересы». Оливер Стоун и Владимир Путин сходятся на представлении об имперском сознании политической Америки, которая навязывает эту идею непогрешимости и исключительности всему населению, загоняя себя тем самым в ловушку в поисках всестороннего контроля и надежд на безнаказанность.

В чем расходятся мнения режиссера и президента? Прежде всего американский режиссер — демократ, а В. Путин и его правительство позиционируют себя как консерваторы. Оливер Стоун — человек мира, не проамериканский, не прорусский. Он за истину и мир во всем мире. Он призывает Путина выступить против имперской Америки с открытым забралом, сказать ей в лицо о том зле, которое она сегодня несет свободе и миру на планете. «Перестаньте называть их „нашими партнерами“, — говорит он президенту. — Это эвфемизм. Не всегда работает». Расскажите, что вы думаете о стремлении Америки к мировому господству? Почему вас так ненавидят в Америке? Что вы думаете о Буше-младшем?

Здесь позиция В. В. Путина расходится с позицией режиссера. «Я вам расскажу о стратегии Америки в отношении России, когда выйду на пенсию. Не втягивайте меня в свой антиамериканизм, — говорит он Оливеру Стоуну, — Буш — очень порядочный человек, только его администрация его неправильно понимала. Его демонизируют, и это несправедливо. Использование силы иногда необходимо, но лучше это делать по приглашению легитимного правительства или с согласия международного права». Президенту не нравится, когда Стоун наивно заявляет, что Уолл-стрит боится, что рабочий класс возьмет власть в свои руки. «Вы коммунист? — спрашивает он. — Я вынужден защищать от вас своих друзей на Уолл-стрит. Честно говоря, в России никогда не было власти рабочего класса».

Тут Александр Исаевич перевел дух.

— Вот это меня задело, — сказал он. — Путин называет демократическую позицию Стоуна, как истинного патриота, спасающего республику отцов от разложения имперских амбиций, называет, повторяю, «антиамериканизмом». И Стоун справедливо возмутился! «Не втягивайте меня в антиамериканизм». Такая позиция производит неблагоприятное впечатление, говорит о том, что его собственная позиция состоит в попытках стать частью западной правящей элиты, быть принятым в священный круг олигархов консерваторов. Он понимает, что его ненавидят, но не оставляет надежды, что его примут на равных в то же НАТО. В этом глубинное непонимание сути проблемы, — опять выдохнул Солженицын.

— Абсолютно согласен с тобой, — сказал Солженицыну Бертран Рассел, тоже поднимаясь на кафедру. — Вы знаете, я всю жизнь боролся с национализмом. Смотрите, как прав я оказался. Ибо эта Холодная война — война двух примитивных национализмов. Война консерваторов против демократического населения планеты.

НАТО — не рудимент прошлого, потому что не Коммунизм был причиной Холодной войны. «Безумные философии власти» — вот истинная причина Холодной войны. И коммунизм, и капитализм далеки от зрелой науки, я всегда это писал. В равной степени ущербные системы, они противостояли друг другу просто своими Эго, своей «волей к власти», а вовсе не как стороны Правды и Неправды, Добра и Зла. Вспомните жестокую братоубийственную войну Спарты и Афин, войну, погубившую великую цивилизацию эллинов. Они тоже считали, что государственное устройство Афин — это демократия Перикла, которая несовместима с тиранией Спарты, где правил «коммунизм» Ликурга. Сегодня мы восхищаемся обеими системами в равной степени. Тогда это была кровавая война коммунистов и демократов, война, которая уничтожила Элладу. Греция погибла в поисках всеобщего равенства, но наследник ее культуры, Рим, сумел найти решение: Римская империя, цезари Рима,

стали той мировой олигархией, мечам которых покорился мир варваров.

НАТО становится такой мировой армией господской олигархии консерваторов, поставившей себе задачу подчинить и покорить варваров силой меча. Это все те же безумные философии власти младенческого шизоидного интеллекта. Только у греков и римлян — это были песни богочеловеков Гомера, и философия ненависти к варварам, а в рамках западной культуры за годы Холодной войны сформировалась своя легенда об «империи зла коммунистов» и святости универсальных ценностей американской республики. Эта легенда и положена в основу новой философии власти. «Империя зла коммунистов» становится идеологическим инструментом, на котором строится все здание насилия возникающей империи, новая граница разделения господ и рабов, элиты и черни, олигархии патрициев и подчинения плебеев. И институтом, который это господство утвердит, предстоит стать громадной армии НАТО. И если президент Путин думает, что своими разговорами о новой России, о полной благодати демократии в Америке, о конце коммунизма, он сможет присоединиться к этой мировой олигархии власти, то он глубоко ошибается. Если империя консерваторов Америки когда-нибудь встанет во весь рост, то она сделает это на костях разрушенной России. Такова легенда, идеология ее изначального становления из противостояния коммунизму, и такова логика ее окончательной победы. Ибо, ненависть консерваторов к коммунизму находит легитимное оправдание в жестокости диктатуры пролетариата, но основы ненависти много глубже, и о них уже нельзя говорить открыто: это ненависть к самым основам демократии в виде принципов равенства и братства. Ненависть к коммунизму должна оставаться лозунгом консерваторов если они хотят скрыть свою ненависть к демократии, и иметь легитимный предлог задушить эту демократию, и утвердить свое господство, господство своей империи, и господство олигархии НАТО. В этом свете сломить Россию — принципиальная потребность этого импер-

ского сознания. В каком-то смысле, это задача выживания этого сознания номер один. Либо победит демократический дух республики отцов –основателей, либо имперское сознание будет отчаянно добиваться своей цели по уничтожению суверенитета России, Китая, Ирана, и всех кто еще противиться.

— Значит, ты Бертран Рассел, поддерживаешь политику президента Путина? — настороженно спросил философа Александр Солженицын.

— И да, и нет. — твердо ответил Рассел. — Конечно, правильная позиция в сложившейся ситуации восстать против наглого нарушения границ суверенитетов другим суверенным государством. Это собственно и называется империей — поглощение суверенитетов самостоятельных государств. Повторяю, восстать в такой ситуации, и правильно, и благородно и необходимо. Говорить о том, что только уровень международных отношений может ограничивать суверенитеты стран, и что непосредственно между государствами возможен только равный партнерский диалог — это единственно трезвая позиция. И это именно та позиция, которую занял президент В. Путин. Оливер Стоун прав, когда он симпатизирует такой позиции.

Однако, есть и оборотная сторона медали. Позиция НАТО и ЦРУ, как они сегодня есть — это зло. Более того, это преступление. Мы видели, что творили эти люди во Вьетнаме в свое время. Я писал о работе нашего Трибунала по военным преступлениям в книге «Военные преступления во Вьетнаме». И сейчас каждый честный человек, который видит это зло, должен прямо в лицо ему об этом сказать и занять непримиримую позицию борьбы с преступными организациями, нарушающими порядок международного права. Да, именно так, преступные организации. Увы, президент Путин этого не сделал. Он не занял позицию борьбы со злом. И он об этом прямо и многократно заявляет на протяжении интервью Оливеру Стоуну. Оливер Стоун занял такую позицию, мы тоже в свое время заняли, движение «оккупируй Уолл-стрит» тоже заняло. И что говорит всем нам Путин? Он говорит Стоуну: «Не втягивайте меня в антиамериканизм», он

говорит, что отказал Джону Сноудену в помощи, когда тот впервые к нему обратился, и что не одобряет его поступка, и не стал бы держать его у себя, если бы у него были другие юридические отношения с Америкой; его друзья на Уолл-стрит находятся на противоположной стороне движения «оккупируй Уолл-стрит». Он защищает этих своих друзей от гнева Оливера Стоуна.

— Такое у меня сложилось впечатление после просмотра фильма Оливера Стоуна. — серьезно заключил Бертран Рассел. — Он плоть от плоти тех консерваторов, с которыми он борется. Президент говорит, что ему нравятся Джон Маккейн и Хилари Клинтон, что Буш-младший, спровоцировавший войны на Кавказе — порядочный человек, что Саакашвили — его коллега. Такая позиция слишком «скользкая» и не внушает доверия, ни к одной, ни к другой стороне. И борются консерваторы за власть и деньги, потому что они «по ту сторону добра и зла». Здесь нет правой и неправой стороны. Это противоборство двух Эго, одной воли к власти против другой воли к власти! А должна быть борьба добра и зла, правды и неправды. Так дрались мы в свое время. Достаточно посмотреть на внутреннюю политику. Пропаганда патриотизма, то же раздувание эгоцентризма националистического сознания населения, — зеркальное отражение политики консерваторов на западе. То о чем в свое время столько писали мы, Толстой, Швейцер, Ренан, Бенда, Ясперс, Эйнштейн и другие.

Бертран Рассел «Образование и здоровое общество»:

> «В любви к дому, любви к родной стране, даже в некоторой доле гордости в ее исторических достижениях, настолько насколько эти достижения действительно достойны гордости, нет ничего недостойного. Это сложное чувство, частично происходящее из любви к земли и окружению, где ты вырос, а частично это сродни любви к семье. Но это примитивное чувство не имеет ничего общего ни с экономикой, ни с политикой. Это любовь к своей стране, а вовсе не ненависть к другим странам. У городского жителя взамен по большей части искусственное чувство, происходящее из его образования и газет которые он читает, и как правило очень вред-

> ных. Это чувство не столько любви к дому или к согражданам, сколько ненависть к иностранцам и желание экспроприировать другие страны. Как большинство других плохих сантиментов, оно скрыто за преданностью. Если вы хотите чтобы человек пошел на какое то гадкое преступление, от которого он в обычном состоянии в ужасе отшатнется, вы сначала должны приучить его преданности банде преступников, а потом представить его преступление как способ продемонстрировать свое достоинство в преданности. Патриотизм лучший пример такого рода подвоха. Возьмите, к примеру, почитание флага. Флаг это символ мощи вооруженных сил нации. Он подразумевает битвы, войну, соперничество, и деяния героизма. Британский флаг символизирует Нельсона и Трафальгар, но не Шекспира, Ньютона или Дарвина. Вещи, которые были сделаны англичанами для содействия цивилизации, не были сделаны под символом флага, и потому не возникают в сознании во время благоговения перед этим символом. Самое лучшее, что сделали англичане, они сделали не как англичане, а как индивидуумы. Вещи, которые они сделали, осознавая, что они англичане и потому что они англичане относятся к наименее впечатляющим. Но это именно те вещи, о которых мы вспоминаем, когда восхищаемся своим флагом. И то, что верно в отношении английского флага, также верно и в отношении звезд и полос, или в отношении флага любой другой могущественной нации»

И напоследок, я хотел бы подчеркнуть. И те, кто не видит очевидных заслуг президента Путина, также неправы, будь они американцы или россияне. Он сделал большое дело, отстояв суверенитет России, в этом его правда. И когда так называемая оппозиция России, валит на Путина всю эту гремучую смесь архетипической ненависти к коммунистам смешанную с критикой возродившейся Святой православной Руси, им следует помнить, что только та критика выглядит правдоподобно, которая учитывает обе стороны деятельности человека. В противном случае, это вульгарный пасквиль, бульварный роман. Я сказал так называемая оппозиция, потому что, чтобы противостоять политике, надо самому быть политиком. Фильмы расследования о коррупции — это важные и нужные фильмы. Но они не делают человека политиком. Научитесь политической критике, заимейте политическую позицию для начала. Потом можно будет говорить

о российской оппозиции. Сегодня это какая-то массовка в виде группы поддержки с шариками и фейерверками американской оппозиции России. Создается впечатление, что если Путин стремится в элиту мировой олигархии консерваторов на принципиальных условиях сохранения суверенитета России и равного партнерства, то оппозиция России готова на любые условия, чтобы иметь к этой элите хоть какое-то отношение.

Тесла, автор теории психической энергии, родом из России. Пусть она расскажет нам свое мнение о продолжении Холодной войны в Современной России.

— Низкий поклон Собранию Великих Душ, — сказала Тесла, обращаясь с кафедры к Духоборцам. — Я выросла в России, на ваших книгах прекрасные из прекрасных, я читала на русском и английском языках. Я читала русскую классику, и каждый из вас, великие, стал частью моего сердца, моего Я, моего мировоззрения. Я не могу не любить Россию и русских, свою плоть и кровь, свою родину в самом высоком смысле этого слова. И чем больше она унижена сейчас, тем больше я ее люблю, великие. Мне было бы больно, если бы ее лишили суверенитета, оскорбили, посмеялись и вытолкали с арены мировой культуры. Потому я положительно оцениваю усилия нынешнего правительства по защите суверенитета страны.

Однако, я как всегда, всецело согласна с мнением глубоко мною почитаемого Бертрана Рассела. Во всем остальном, я оцениваю политику современной России негативно.

Чтобы закончился этап деструкции, этап хаоса и развала, и начался процесс конструктивного взаимодействия, прогресс в разумном и сердечном диалоге мирового сообщества, человечество должно совершить скачок, «прорыв», от энергии эгозащиты к энергии научного сознания и совести. Сегодня, когда людьми движет энергия эгозащиты, планета поделена на большие группы раздутого Эго, которые «защищают свои национальные интересы», и борются друг с другом, тайно и открыто. Кремль против Белого дома, Америка против России. Сколько

стран, столько и враждующих групп. Бертран Рассел много об этом писал.

Это потому что сегодня линия борьбы проходит через поле Эгозащиты. Истинное поле человечности и разума задавлено этими автоматизмами иррациональности и страха, провоцирующей нелепые войны. Человек, чтобы восстать из гроба, в который его заточила эта мертвая и тупая энергия, должен провести другую границу, другой фронт, другое поле битвы. Начать со своего сознания, разделяя Эго и «Истинное Я», как делали все великие философы, пророки и гуманистические психологи, литераторы и мыслители, и закончить твердой оппозицией недемократическому и агрессивному сознанию консерваторов во всем мире. Объединить все демократические силы. Не Америка против России, не Кремль против Америки, а демократы России против консерваторов России и Америки, и демократы Америки против консерваторов России и Америки.

Современная политика идет прямо противоположным путем. Патриотизм и национализм, который пропагандируют, как говорил Рассел, чтобы создавать рекрутов для власти, раздувает инфляцию Эго, инстинкты страха и войны, своих и чужих, иррациональность мифов вместо единой истины общей человеческой природы. Рассел писал о том, что Лига Наций должна организовать работу над учебниками всемирной истории, свободными от вранья и пропаганды, пригласить для этих целей ученых со всех стран, и из СССР тоже, подчеркивает философ. Что мы видим сегодня везде? И в России в том числе? Противоположный процесс. Эго раздувается за счет национальной пропаганды. Политика национализма становится тем очередным инструментом консервации энергии эгозащиты, которая лежит в фундаменте всего зла и порока в человеческом обществе. Посмотрите на внутреннюю политику президента Путина: он мило улыбается Стоуну, когда рассказывает о «наших партнерах» и «американских друзьях», а внутренняя пропаганда создает образ Америки-врага, интенсивно готовит сознание людей к войне, нагнетает ненависть и милитаризм. Образу

враждебной Америки противопоставляется образ «русского мира», та же инфляция Эго, которая у американцев принимает вид избранного богом народа. Это провокация энергии эгозащиты, которая одинаково противна у обеих сторон, одинаково оглупляет, и служит базисом деспотической власти правящей элиты во всем мире. И в России, и в Америке, и в Европе и на Востоке.

Мы должны бороться со злом, должны ненавидеть порок, должны отстаивать добродетель, должны бороться за интересы нашего «Я». Только никогда не верьте людям, которые будут вам говорить, что злом могут быть целые нации и даже все сознание одного человека, что плохой и порочной может быть Америка, Европа или Россия. Что ваше Я — это ваша страна и ваша семья, что ваш разум — это ваши традиции и религия предков. Закономерности духовной энергии одинаковы во всех странах, добродетель есть в каждом человеке, в ком то побеждает порок, но надежда всегда есть. Наша задача взывать к добродетели, к духу интеллекта и совести, к демократическим силам во всем мире. Вот где проходит линия фронта у тех, разум которых не затуманен инфляцией Эго националистической пропаганды.

— Поддерживаю тебя, Тесла, деточка моя! — сказал Лев Николаевич несчастной, изувеченной Тесле. — Вот Владимир Путин меня упоминает в разговоре с Оливером Стоуном: «Когда-то наш великий соотечественник Лев Николаевич Толстой говорил о том, что нужно определить… я не точно, может быть, воспроизведу цитату, пространство возможного и границы недопустимого и в рамках этого пространства выстраивать наиболее безопасные отношения». А ведь я совсем противоположное говорил его политике нынешней! И не только его политике.

Лев Толстой «Царство Божие внутри вас»:

> «Средство есть то, что я не умею назвать иначе, как гипнотизация народа. Средство это состоит в том, чтобы задерживать духовное развитие людей и различными внушениями поддерживать их в отжитом уже человечеством понимании жизни, на котором зиждется власть правительств. Гипнотизация эта в настоящее время организо-

вана самым сложным образом и, начиная свое воздействие с детского возраста, продолжается над людьми до их смерти. Начинается эта гипнотизация с первого возраста в нарочно для того устроенных и обязательных школах, в которых внушают детям воззрения на мир, свойственные их предкам и прямо противоречащие современному сознанию человечества. В странах, где есть государственная религия, детей обучают бессмысленным кощунствам церковных катехизисов, с указанием необходимости повиновения властям; в республиканских государствах их обучают дикому суеверию патриотизма и той же мнимой обязательности повиновения правительствам. В более взрослых годах гипнотизация эта продолжается над людьми поощрением и религиозного суеверия и патриотического. Религиозное суеверие поощряется устройством на собранные с народа средства храмов, процессий, памятников, празднеств, с помощью живописи, архитектуры, музыки, благовоний, одуряющих народ, и, главное, содержанием так называемого духовенства, обязанность которого состоит в том, чтобы своими представлениями, пафосом служб, проповедей, своим вмешательством в частную жизнь людей — при родах, при браках, при смертях — отуманивать людей и держать их в постоянном состоянии одурения. Патриотическое суеверие поощряется устройством правительствами и правящими классами на собранные с народа средства общественных торжеств, зрелищ, памятников, празднеств, располагающих людей к признанию исключительной значительности одного своего народа и величия одного своего государства и правителей его и к недоброжелательству и даже ненависти к другим народам. При этом деспотическими правительствами прямо воспрещается печатание и распространение книг и произнесение речей, просвещающих народ, и ссылаются или запираются все люди, могущие пробудить народ от его усыпления. ...Человек древнего мира мог считать себя вправе пользоваться благами мира сего в ущерб другим людям, заставляя их страдать поколениями, потому что он верил, что люди рождаются разной породы, черной и белой кости, Яфетова и Хамова отродья. Величайшие мудрецы мира, учители человечества Платон, Аристотель не только оправдывали существование рабов и доказывали законность этого. Люди древности и даже средних веков верили, точно верили, что люди не равны, что настоящие люди только персы, только греки, только римляне, только французы; но ведь нам нельзя уже верить в это. И те люди, которые в наше время распинаются за аристократизм и за патриотизм, не верят, не могут верить в то, что они говорят. Мы все знаем и не можем не знать, если бы даже мы никогда и не слыхали и не читали ясно выраженной этой мысли и никогда сами не выражали ее, мы, всосав

> это носящееся в христианском воздухе сознание, — все, всем сердцем знаем и не можем не знать ту основную истину христианского учения, ту, что мы все сыны одного отца, все, где бы мы ни жили и на каком бы языке ни говорили, — все братья и подлежим только одному закону любви, общим отцом нашим вложенному в наши сердца»

ГЛАВА 17
ДЕМОКРАТЫ И КОНСЕРВАТОРЫ В РОССИИ. ВОПРОСЫ УБИЙСТВА Б. НЕМЦОВА И ВОПРОСЫ ОТРАВЛЕНИЯ А. НАВАЛЬНОГО

Большой Суд в Храме Духа был очень впечатлен выступлением Солженицына о современной политике России и стран НАТО. Еще больше духоборцы заинтересовались фильмом Оливера Стоуна о российском президенте, которого так ненавидит Запад. «Почему вас так ненавидят на западе? Хилари Клинтон сравнивает вас с Гитлером». Как обстояла ситуация с противостоянием Демократов и Консерваторов в России? Кем был российский президент В. Путин, демократом или консерватором? Кто именно ненавидит Путина, консерваторы или демократы Америки? Ведь это мировоззрения противоположны и видят одни и те же вещи в разном свете. Вопросов стало слишком много, так что следующие слушания было решено посвятить изучению ситуации с противостоянием демократов и консерваторов в России. Аналогичных слушаний по Америке было достаточно. Дошла очередь и до России.

— Демократы в России есть, — сказала Тесла, вновь представ перед вопрошающим взором великого Собрания. — Это безусловно партия Григория Явлинского, партия «Яблоко». Это серьезный, честный, думающий политик, отважный человек, который желает России добра. И члены его партии во многом соответствуют этим качествам председателя партии. В самом деле, единственная партия в России, которая искренне пытается занимать либеральную и прогрессивную позицию.

— Ты считаешь, что у нее это не получается? — спросил Бертран Рассел Теслу. — Почему ты сказала, искренне пытается?

— Увы, да, не получается. «Яблоко» уважает вся интеллигенция России, но интеллигенции в современном мире не так уж много, в том числе и в России. Однако, дело не только в этом. Нишу консерваторов России занимает партия В. Путина, «Единая Россия». Нишу демократов, партия Г. Явлинского, «Яблоко». Обе партии впадают в недопустимые крайности: консерваторы рисуют Запад как образ врага, демократы рисуют запад как образ друга. Мы могли убедиться, что правда посередине: есть друзья на западе в лице демократов, и есть враги на западе в лице консерваторов, которые хотят лишить Россию самостоятельности. В. Путина ненавидят за образ врага, а наивность Г. Явлинского может привести к победе консерваторов на западе, к уничтожению суверенитета России. Заметьте, он всегда обвиняет политику России в продолжении Холодной войны. А это значит, что он не видит и не признает реальной агрессии «ястребов-консерваторов» на западе, о которых пишут западные же демократы.

Явлинский считает, что за все войны на территории бывшего СССР ответственен Путин, и что это и есть его ответственность за продолжение Холодной войны. Однако, мы имели случай видеть из книг и фильмов демократов Америки, что «тайные операции» ЦРУ по насаждению нужных режимов очень часто, практически постоянно развязывают такие региональные войны. Можно спорить, кто в данном случае инициировал войну в зависимости от мировоззрения и личных симпатий, но ни в коем случае, при таких обстоятельствах, нельзя априори утверждать, что вина за развязывании войн лежит обязательно на российской стороне.

Вот взять хотя бы вьетнамскую войну. Хрестоматийный случай преступной политики ЦРУ, связанной с политикой установления скрытых колониальных режимов. Демократы Америки сплошным фронтов выступили в свое время против этой темной политической игры консерваторов. Оливер Стоун даже сравнивает с новой гражданской войной после Линкольна. Даниэл Элл-

сберг, опубликовавший «Документы Пентагона» стал национальным героем. А ему грозило больше 100 лет тюрьмы! В чем же состояла суть этого конфликта?

Это ведь двадцать лет (20лет!) безумного кровопролития, которое началось как колониальная война Франции после Второй мировой войны. Франция хотела вернуть себе колонии во Вьетнаме, потому что к тому времени вьетнамцы во главе с Хо Ши Мином вернули своему государству самостоятельность и суверенитет. И помог им в этом Франклин Рузвельт! Да! Демократы Америки выступили на стороне законного вьетнамкого правительства и против колониальной политики Франции! А после Второй мировой Франции, весьма подло, решила отобрать у вьетнамцев их недавно обретенную государственность. Бертран Рассел пишет в книге «Военные преступления во Вьетнаме» что Англия им помогала в этой нелегкой задаче. а вскоре и Америка встала на сторону Франции, на сторону колониальной войны. Рассел связывает эти перемены со смертью Франкина Рузвельта и отставкой Генри Уоллеса — самого благородного правительства демократов Америки после А. Линкольна. Уже при Д. Эйзенхауэре, Р. Никсона и братьях Даллес, знаменитых консерваторах Америки, начинается полномасштабная война во Вьетнаме. В этот же период берут начало так называемые «тайные операции ЦРУ» по насаждению в других государствах правящих режимов, угодных ЦРУ. Другими словами, марионеточных правительств. Об этом пишут Артур Шлезингер в «Циклах американской истории», Оливер Стоун и Питер Кузник в «Нерассказанной истории США», Джон Перкинс в «Исповеди экономического убийцы», Джон Маркс в «ЦРУ и контроль над разумом» и др.

И здесь не обошлось без такой тайной операции, ведь Америка, будучи флагманом демократического мира, не может открыто вести колониальную войну. Поэтому, законному правительству Хо Ши Мина противопоставили свое марионеточное правительство Дьема, утвержденного ЦРУ. И дальше война уже называлась не колониальной, а национально-освободительной.

Мы все знаем, какие ужасы принесла вьетнамская война и как она закончилась. Это не только зверские расправы с мирным населением, которое уничтожали иногда деревнями, это — миллионы крестьян в концлагерях. Трудно сказать, чем эта жуткая война со всех сторон — с нравственной стороны, или со стороны жестокости, или масштабности издевательств над народом — отличалась от недавно закончившейся гитлеровской войны, где американцы выступили против империи Гитлера. И уже конечно, они не показали себя сколько-нибудь милосерднее сталинских ГУЛАГов. Война закончилась победой демократов, иначе не могло и быть! Ведь Америка дитя демократии, она может заблуждаться, но не сможет сохранить себя если уйдет от основы основ своего существования. Америка признала свое поражение, свою неправоту и покинула Вьетнам, чтобы позволить ему стать самостоятельным государством. Это не было простым решением! Когда северные штаты боролись против рабовладения южных штатов, они победили, но жертвой пал президент Линкольн! Так и теперь, народ в конечном итоге победил, несправедливую войну остановили, но жертвой пал президент Кеннеди, который собирался положить ей конец на 10 лет раньше!

Вот если помнить об этом хрестоматийном случае, и понимать к чему могут привести «тайные операции» ЦРУ по утверждению марионеточных правительств, то не будут относиться с такой халатностью и неосторожностью к пониманию причин Холодной войны. А помимо этого хрестоматийного случая, поставившего Америку на пороге второй гражданской войны, были и многие другие. Смотрите книгу Уильяма Блума «Убийство демократии в Америки: тайные операции ЦРУ и Пентагона». Самые яркие случаи: это смещение правительства Мосадыка в Иране и замена его правительством шаха (что позже спровоцировало революцию Хомейни), смещение правительства Альенде в Чили, место которого с позволения ЦРУ и Г. Киссинджера занял Аугусто Пиночет, смещение правительства Сукарно в Индонезии, где ЦРУ утвердило правительство Сухарто. Кам-

боджийский диктатор Пол Пот также пришел к власти вследствие «ковровых бомбежек» Р. Никсона в Кмбодже, и Г. Киссенджер, как пишут Оливер Стоун и Питер Кузник признали власть этих бандитов. С правительством Дьема во Вьетнаме ничего не вышло, его убили собственные генералы, зато в других местах ЦРУ были весьма успешны.

Вот что пишет Википедия о том, как была учреждена Комиссия сенатора Черча, которая привела к отставке директора ЦРУ Уильяма Колби. Его место занял будущий президент США и вице-президент при правительстве Рейгана — Джордж Буш.

> «Стена была сломана 22 декабря 1974 года, когда Нью-Йорк таймс опубликовала длинную статью Сеймура Херша с детальным описанием проводимых в течение лет операций ЦРУ, которые были названы «Фамильные драгоценности ЦРУ». Впервые были опубликованы подробности тайных программ, включавших попытки убийств иностранных лидеров и свержения иностранных правительств. Вдобавок в статье обсуждались действия разведывательных служб по сбору информации о политической деятельности граждан США. Эти разоблачения убедили многих сенаторов и представителей, что Конгресс был слишком вял, доверчив и наивен при организации надзора за деятельностью разведывательных служб».

Поэтому нельзя утверждать подобно Г. Явлинскому, что только Россия виновна в продолжении Холодной войны после распада СССР. Нельзя априори говорить, что войны на Кавказе, и войны на Украине спровоцированы российской стороной, если есть столько информации о подрывной деятельности ЦРУ. Можно спорить, но как можно быть уверенным?

Г. Явлинский «Без путинизма и популизма», 06.02.2021:

> «В политических кругах Европы и США понимают Россию все хуже и хуже. И это началось не вчера. Помните, Джордж Буш-младший в июне 2001 года в Любляне „заглянул в глаза“ Путину, „ощутил его душу“ и увидел в нем „прямого и достойного доверия человека“? Так что полезно знать мнение Запада, но не стоит ориентироваться на него. Кроме того, тот огромный шум, что поднялся в мире после отравления Навального, конечно, был связан не с ним самим,

> а с очередным подозрением в использовании Россией боевых отравляющих веществ. Этого, естественно, на Западе очень боятся, поэтому и разыграли шумное шоу с подвернувшимся под руку странным отравлением. Такую реакцию вполне можно понять в контексте новой холодной войны, которую, безусловно, спровоцировала Россия и лично Путин. И здесь важно напомнить об убийстве в 2015 году Бориса Немцова. Как политическая фигура Немцов был значительно крупнее Навального, однако на Западе это сочли внутренним делом России и подобных сегодняшним журналистских расследований не проводилось».

Получается, единственная оплошность Буша-младшего в том, что он не разглядел диктаторской личности Путина. Столько в прессе информации о его собственных диктаторских способностях, но Явлинский по каким-то причинам их полностью игнорирует. Из этого отрывка известной статьи Явлинского «Без путинизма и популизма» за февраль этого года, наглядно видна его позиция по вопросу Холодной войны. Явлинский, подчеркивает, что Холодную войну «безусловно спровоцировала Россия». Он упоминает о Буше-младшем вроде бы критически, но только чтобы сказать, что Буш положительно оценил личность В. Путина. То есть, «Хуже, чем Уотергейт» Джона Дина о Буше, фильмы и книги Оливера Стоуна, или же книга членов Комиссии Черча, просто игнорируются. Но точка зрения демократов Америки в политике Явлинского почему то игнорируется. Именно это самый выпуклый ее недостаток. Игнорируя опасность, нельзя избавится от этой опасности.

Википедия: «Главный советник комиссии Фредерик Шварц в соавторстве с Азиз Наком резко возразил на эту критику книгой, в которой обвинил администрацию Буша в использовании событий 9/11 для «монархических претензий», которые «беспрецедентны по эту сторону Северной Атлантики». Книга называлась «Unchecked and unbalanced: Presidential power in a time of Terror (New Press, 2007)»

В том же русле Явлинский пишет об Алексее Навальном. К нему он настроен еще более критически, перечисляет его «вождистские» и нацистские личные недостатки, но опять слепнет,

когда речь идет об очевидных связях Навального с западным истеблишментом. Он готов обвинить его в чем угодно, сравнить с Гитлером, сказать что русские марши Навального привели к убийству двух журналистов, но он не говорит даже в качестве гипотезы, что за ним могут стоять те же самые «тайные операции» ЦРУ. А разве такая гипотеза не напрашивается сама собой? Явлинский характеризует его как правового диктатора. Артур Шлезингер пишет, что ЦРУ насаждает правые диктатуры. Тот факт, что сам Алейксей Навальный никогда не критикует консерваторов Америки уже в меньшей степени удивляет, чем слепота Явлинского.

О случае с отравлением А. Навального Явлинский пишет, что «Запад разыграл шумное шоу с подвернувшимся под руку странным отравлением», потому что боится «боевых отравляющих веществ» России в контексте новой холодной войны, спровоцированной Россией». То есть получается, что несмотря на поток информации в публицистике демократической Америки о самой плотной причастности Америки к инициированию новой Холодной войны, Явлинский даже не рассматривает возможность, что Путин просто отвечал на вызов, которого нельзя было игнорировать. Тогда как Оливер Стоун, считает именно такое объяснение наиболее логичным, исходя из логики глобальной империи американских консерваторов. Явлинский не рассматривает того случая, что «шумное шоу с отравлением» могло не «подвернуться под руку» Западу, а быть инициировано с самого начала, именно с целью утверждения позиции Явлинского: что Россия несет однозначную ответственность за продолжение Холодной войны. При этом сам Явлинский крайне негативно оценивает А. Навального как политика.

Г. Явлинский «Без путинизма и популизма»:

> «Политическое направление Навального — это популизм и национализм. Наиболее точно, на мой взгляд, его суть сформулировала в 2011 году Валерия Новодворская: Навальный может стать «будущим лидером обезумевших толп, да еще и с нацистским уклоном… Если толпы пойдут за Навального, страну в будущем ожидает фашизм…

Волна, которая сейчас поднимается, поднимается отнюдь не только против Путина. Она поднимается за недемократическое будущее России. Она поднимается за прошедший коммунизм или за будущий фашизм. И Навальный — один из потенциальных лидеров этой новой погибели». Навальный вернулся в Россию намеренно, несмотря на недвусмысленное предупреждение со стороны властей об аресте. Решение суда о заключении Навального — политическое. Но политическими были и замена приговора по делу «Кировлеса» на условный в июле 2013 года, и передача ему властями подписей для участия в выборах мэра Москвы, и игнорирование неоднократных привлечений к административной ответственности и поездок за границу как законного основания для замены условного срока на реальный. Все судебно-правовые события, происходящие с Навальным, политически мотивированы и до самого последнего времени отражали, мягко говоря, внутриэлитные интриги и противоречия. И всем, кто выходил и еще будет выходить на улицы в поддержку Навального, полезно понимать те общественно значимые роли, которые он играет в последние годы. Как блогер-разоблачитель, «ревизорро» верхних эшелонов российской власти и бизнеса Навальный служил индикатором, позволявшим по характеру транслируемой информации судить о подковерной борьбе внутри элит. Расследования Навального, к сожалению, не имели и не могут иметь практических результатов для общества. Все разоблаченные остаются на своих местах и при своих деньгах. Дело здесь не столько в вековой традиции воровства во власти, сколько в том, что в ходе реформ 1990-х и, в частности, полукриминальной (а в некоторых случаях, таких как залоговые аукционы, и полностью криминальной) приватизации на основе слияния собственности и власти была создана система, не предполагающая существование в стране независимого суда, независимых СМИ, настоящего парламента и честных выборов. А без категорического отделения собственности и бизнеса от власти, без разделения властей борьба с коррупцией невозможна. Поэтому главный общественно значимый эффект, на который ориентирована стилистика «разоблачительных» фильмов Навального, — это разжигание примитивной социальной розни. С тех пор совершенно ничего не изменилось. В претензиях Навального на участие в российской политике с предлагаемыми им идеями и повесткой дня нет ничего позитивного. Когда в 2009 году неонацисты убили в центре Москвы правозащитника Станислава Маркелова и журналистку Анастасию Бабурову, Навальный организовывал «Русские марши», на которых, собственно, и разжигалась межнациональная ненависть и происходили подстрекательства к подобным убийствам. Этот националистический вектор Навальный не скрывал и во время войны

> с Грузией, и комментируя войну в Донбассе. Ни самого Навального, ни его окружение не волнуют поломанные судьбы граждан, которые по их призыву вышли на несанкционированные акции и оказались за решеткой (достаточно вспомнить обещания денежных компенсаций через ЕСПЧ за задержания). Они сознательно выступают за преступное использование несовершеннолетних в политических целях. Навальный как единоличный вождь ориентирован только на себя и уничтожает любые наметки на коалиции».

Это довольно справедливая и жесткая критика, и однако, опять бросается в глаза, что Явлинский даже не ставит вопроса о том, что вся эта деструктивная деятельность А. Навального, как он понимает его деятельность, могла быть спровоцирована не «подковерной борьбой российских элит», а например «тайными операциями» ЦРУ. Разве не более логично предположить, что ЦРУ, давний враг Кремля, который меняет режимы по всему миру с главной целью когда-нибудь установить свой режим в Кремле, сделало ставку на амбициозного молодого политика, как когда-то на Дьема во Вьетнаме, на Сухарто в Индонезии или на Аугусто Пиночета в Чили, на шаха в Иране. Почему надо говорить, что Кремль сам себя полощет в грязи? По крайней мере, чем не версия участие «тайных операций» ЦРУ? Но мы видим, что Явлинский при всем своем жестком неприятии личности и политики А. Навальном, все равно сохраняет образ абсолютно дружественной Америки, и не готов бросить тень на ее спецслужбы. В российской политике не нашлось человека, который бы прямо заявил, что за расследованиями Навального может стоять ЦРУ. Дмитрий Песков, пресс-секретарь президента России, говорил об этом вскользь, но никто не предпринял расследования в отношении главного расследователя страны. Даже после «громкого шоу с отравлением», как выразился Явлинский. Лучше сказать Бушу в глаза, что он мудак, если ты уверен, что он посылает на Кавказ террористов, чем называть его порядочным человеком, которого «несправедливо демонизируют».

Так стоит ли за расследованиями А. Навального ЦРУ? Если политиков, которые бы задались этим вопросом в России не нашлось, то с этой задачей на мой взгляд блестяще справился укра-

инский блогер Анатолий Шарий. Буквально обо всех его аналитических видео, посвященных деятельности Навального, можно сказать, что это самая трезвая оценка ситуации. Сам он хвалит как разоблачающие и острые, интервью К. Собчак во время кампании Навального в президенты России, и интервью Ю. Дудя, уже после отравления. Видео Анатолия Шария «Бенито Бонапартович» о муниципальных выборах в Москве в 2017 году, когда А. Навальный отказался поддержать «Яблоко» Г. Явлинского и Д. Гудкова, потому что его партию не допустили к выборам. А критика «шумного шоу с отравлением» в целом сводится к перефразу булгаковского: «Меня терзают смутные сомнения… у Джона Перкинса — Клодин, у Юрия Носенко — французская мадам, а у А. Навального — Мария Певчих». А. Шарий выражает уверенность в причастности этой дамы к английской разведке. «Вопросы отравления Алексея Навального», которыми задается Шарий, в целом говорят не в пользу Навального и за его сотрудничество с иностранной разведкой. В отличии от «Вопросов убийства Бориса Немцова», которыми задаются со дня его смерти множество журналистов и блогеров, и которые отсылают к Кремлю, подобно тому, как «Вопросы убийства Кеннеди» отсылают к ЦРУ и ФБР.

Так или иначе, совершенно очевидно, что А. Навальный и его команда не тянут на статус демократической оппозиции консерваторам России, и тут Г. Явлинский абсолютно прав. Его «Яблоко» все еще в гордом одиночестве в демократической нише российской политики. Однако, Явлинский, подобно Попперу, делает ставку на институты, и также как он пренебрегает психологизмом. Он считает, что сознание всегда готово к демократии, что манипулирования сознанием не существует, и что не нужно никакой особенной системы образования, чтобы подготовить людей к гражданскому обществу. Достаточно просто сказать: теперь у нас будут независимые суды, независимые СМИ, мы разделим власть и бизнес — и все выстроится само собой. Он видит корень проблем в личности диктатора, каковым признает Путина, но не видит фундаментальной проблемы на уровне зрелости духовной энергии общества.

Лев Толстой писал в «Царствии божьем внутри вас»:

> «Да какое же разумное и нравственное общество можно устроить из таких людей? Как из гнилых и кривых бревен, как ни перекладывай их, нельзя построить дома, так из таких людей нельзя устроить разумное и нравственное общество. Из таких людей может образоваться только стадо животных, управляемое криками и кнутами пастухов. Так оно и есть».

Толстой понимал становление общества как созревание духовной энергии в христианстве. Для Явлинского такой проблемы не существует. Именно поэтому у власти Путин, а не Явлинский: на деле такая демократия приводит к хаосу, и единственной альтернативой этому хаосу становится деспотическая государственная власть. Когда во время интервью у Явлинского спросили, отпустит ли он на свободу политических заключенных путинского режима, и что будет, если люди пойдут за Навальным, Явлинский ответил: «Конечно, отпущу. Ну и что, что пойдут? За Гитлером люди тоже пошли. Я уважаю свободный выбор своих граждан». Да, но на Гитлере демократия закончилась. Оказалось, что демократию надо защищать, она сама себя не воспроизводит.

Г. Явлинский «Без путинизма и популизма»:

> «Что же касается процессов в России, то приравнивание политического лидерства к владению технологиями манипулирования массовым сознанием — ошибка вчерашнего дня, породившая сегодняшние проблемы. И это крайне порочная практика — ссылаться на то, что на Западе, мол, развитая демократия, а у нас система Путина, в борьбе с которой все средства хороши. Такой подход уходит корнями в опасливо-пренебрежительное отношение советской и постсоветской элиты к народу, „не доросшему“ до реальной демократии и вечно нуждающемуся в некой „руке“ — то ли „поднимающей на дыбы“ (диктатора), то ли ловкой (манипулятора). Никакого достойного будущего не построить, если здесь и сейчас не практиковать отношения к гражданам, соответствующего той России, которую мы хотим создать. Крайне важно, чтобы протест был политически осознанным, гражданским в полном, высоком смысле этого слова. Основа такого протеста — люди, которые открыто выступают против системы Путина, но при этом не поддерживают популизм, отторгают национализм, вождизм, большевистское разжигание социальной

> рознии, не приемлют подмену демократических процедур и институтов властью толпы, манипулирование. Эти люди и есть основа России будущего. Мы будем бороться за то, чтобы представлять их интересы».

Огюст Конт, как известно, понимал исторический процесс согласно закону трех стадий мышления, который он вывел из философии Ф. Шеллинга: первая стадия — мифологическое мышление, вторая стадия — метафизическое мышление, и третья стадия — научное мышление. Первой стадии соответствуют Левиафаны военных обществ, второй стадии — юридизм промышленных обществ, и только третьей стадии — научный контроль единого человечества. Вторую метафизическую стадию он считал негативной стадией, сущность которой в разрушении предыдущего периода и подготовке к созиданию третьей стадии научного мышления. Его критика метафизического мышления — это по сути продолжение критики немецкого идеализма, начатую в философии Ф. Шеллинга и С. Кьеркегора. В данном контексте западные демократии (как они были до сих пор) — просто переходный период становления метафизического (по Конту) интеллекта, шизоидного или манипулятивного (по Фромму), демонического, уперевшегося против творца (по Кьеркегору), негативного, мистического интеллекта (по Шеллингу). Потому собственно, это демократии-тирании, то есть приближение к полноценным демократиям, но еще не полноценные демократии. Важно тут отметить, что социальная структура рождается из степени зрелости сознания. Факт, который российская демократическая оппозиция признавать отказывается.

Партию Консерваторов потому и называют консерваторами, ведь она консервирует архаичное мифологическое сознание. Это энергия эгозащиты, с которой начали радикально бороться уже в первое осевое время, о котором писал К. Ясперс: Будда, Заратустра, еврейские пророки, греческие философы, потом Христос. Уже тогда знали, что энергия эгозащиты разрушает духовную энергию разума и совести, и что суть и смысл человече-

ского бытия в том, чтобы сохранить свою духовную энергию, и что для этого надо избавиться от энергии эгозащиты. Не в том ли суть всех проповедей этих великих мыслителей и пророков? Для того времени, поклонявшегося языческим богам и мифам, философия единого бога, нравственной религии, духовной энергии, истины и совести была необычайным прогрессом. И было понятно, что это только начало, что дальше человечество больше будет узнавать о своей духовной энергии. Действительно, развитие науки принесло представление о духе как о психической энергии: Фрейд, Юнг, Дюркгейм, Тойнби, Рассел, — все больше ученых пишут о психике как об энергии природы. Гуманистическая философия Платона, Спинозы, Кьеркегора, а вслед за ними гуманистическая психология разделили две энергии психики: истинное Я и ложное Я, авторитарная и гуманистическая совесть, манипулятивный (шизоидный) и научный интеллект.

Однако, современные Консерваторы склонны игнорировать этот прогресс. Для них время остановилось в первое осевое время, когда разум раздирали две противоречивые энергии, когда Левиафаны мифологического сознания еще крепко стояли на ногах на Востоке, а в Греции уже зародились первые демократии-тирании шизоидного интеллекта. Шизоидный интеллект — небольшой прогресс в сравнении с мифологическим сознанием Левиафанов. И те и другие остаются на поле кривого зеркала Эгосистемы, просто у последний лучше развит формальный интеллект.

Мы видели, как безумные философии власти законсервировали энергию эгозащиты на Западе. Нам предстоит увидеть, какие попытки предпринимают консерваторы в России, чтобы законсервировать энергию эгозащиты на базе мифологического сознания. Вот и вся разница между двумя системами. Вовсе не разница между свободой и рабами, а разница всего лишь между степенями несвободы.

«Единая Россия» — партия власти, партия правящего политического режима, партия президента России В. Путина, хоть он

объявил себя «над схваткой» в партийной борьбе. Тем не менее, это партия Консерваторов, которых представляет современное правительство России. В. Соловьев, председатель журналистов России, ведущий популярных политических программ, в книге «Революция Консерваторов» делает попытки дать теоретическое обоснование философии «Единой России» и всего правящего режима.

«Суверенная демократия в конституционно-правовом измерении», сборник статей и материалов ведущих ученых правоведов страны (М: «Российская газета», 2007) представляет философию демократии в концепции российских консерваторов, как «суверенную демократию». Идеологема «суверенная демократия» сформулирована Владиславом Сурковым в 2005—2007 г, заместителем президента администрации президента России. Далее он развивает эту концепцию в статье «Долгое государство Путина». Наконец, нашумевшая диссертация на тот момент министра культуры России В. Мединского дает представление о теории консерватизма правящей партии России. Сам Владимир Путин, как известно, на валдайском форуме в Сочи, в 2021 году, определил политику своей партии как политику «здорового консерватизма», ссылаясь на Николая Бердяева и Александра Солженицына.

— Я бы хотела обратить внимание еще на одну важную с этой точки зрения книгу, — сказала Тесла. — Это книга Н.И.Грачева «Происхождение суверенитета», 2009 и 2018 годов издания. Все что недоговорено в предыдущих изложениях, сформулировано в этом учебнике с предельной ясностью. И это теория гоббсовского Левиафана во всем архаичном деспотизме. Автор монографии ссылается на такие имена как Д. Гоббс, Ф. Ницше, М. Вебер, Гегель, Аристотель, Боден, К. Шмитт, Ленин и др.

Левиафан Гоббса — это европейская теория, узаконивающая восточные деспотии времен фараонов. Однако, Гоббс сегодня признан во всем мире одним из основоположников современной теории государственного суверенитета наравне с Боденом и Макиавелли. Поэтому ссылки на него вполне легитимны при

нынешнем состоянии социальной науки не только у российских консерваторов. Надо также вспомнить, что незрелый интеллект современной ступени духовной эволюции, — «метафизическая» по по Конту, или «шизоидная», «мистическая» по Фромму, Кьеркегору, Шеллингу, — дает только «демократии-тирании». «Суверенная демократия» российских консерваторов привсем ее несовершенстве, тоже только вариант такой «демократии-тирании». Либеральная демократия запада, как мы могли видеть, также колеблется между полюсами свободы и несвободы. В этом смысле «суверенная демократия» российских консерваторов в самом деле то, за что они ее выдают: их способ либерализовать государство в соответствии со спецификой сознания и культуры российского народа на данном этапе развития общечеловеческой цивилизации. То есть «суверенная демократия» также несовершенна как «либеральная демократия», являя собой разновидность «демократии-тирании» на стадии шизоидного (манипулятивного, незрелого, мистического) интеллекта. И соответственно, и та и др сторона ссылается на одних и тех же авторов философии немецкого идеализма, и отказывается от теории естественного права в кантианском юридизме (Макс Вебер, Карл Поппер, И. Бентам, Маркс и Гегель).

Следует признать, что в условиях современной российской действительности суверенная демократия консерваторов больше отражает реальность, чем либеральная демократия Г. Явлинского. Мы все видели, к какому хаосу привела либеральная демократия 90-х годов, когда власть сконцентрировалась в руках бандитов и коррумпированных силовиков. Когда Россия если не де юре, то де факто уже была лишена суверенитета, поскольку почти напрямую управлялась западными советниками и представителями аналитических служб. Достаточно прочитать книгу американского журналиста русского происхождения Пола Хлебникова «Крестный отец Кремля или история разграбления России», чтобы стало очевидно, что «либеральная демократия» в ее классическом западном варианте породила хаос, который стал началом конца государства. Действительно, была необходи-

мость защитить государственные структуры страны и их защитили в попытках выстроить сильную центральную власть, чтобы предотвратить развал государства, и защитить его самостоятельность и самоопределение. Это положительные результаты правительства Путина, о которых следует сказать, прежде чем переходить к критике консервативной теории.

В чем ущербность этого незрелого интеллекта переходной стадии духовной эволюции человечества: от Левиафанов насилия к свободным государствам научного контроля? Мы помним три стадии становления сознания по Огюсту Конту: мифологическая, метафизическая и научная. Незрелый интеллект переходной стадии называют по разному: формально-логический, мистический, метафизический, манипулятивный, шизоидный. Не все названия точны, но все вкладывают значение отрыва мышления от реальности, от действительности за формально-логическими конструкциями и схемами.

Реальность — это законы природы, закономерностей природных энергий, знание которых открывает нам доступ к силе этих энергий. Следовательно, научный, зрелый интеллект — это естественное право законов природы, о котором мы столько уже говорили. Все самые знаменитые концепции современного правового государства построены на концепции естественного права. То что есть живого и настоящего в концепции правового государства — все от теории естественного права. «Государство» Платона — первая теория естественного права, которая до сих пор остается несущим столпом всего направления. «Законы государства» Цицерона, почитателя Платона, стоики-юристы Римской империи, «Град Божий» Августина — все это усердные продолжатели теории естественного права. Далее, такие знаковые политические трактаты как «Богословско-политический трактат» Спинозы, «Трактат о праве войны и мира» Гуго Гроция, «Общественный договор» Ж-Ж. Руссо, «Очерк о развитии разума» Кондорсе, «Век разума» Томаса Пейна, «Два трактата о правлении» Джона Локка, «Позитивная философия Огюста Конта» Дж. Милля, «Социальная статика» Г. Спенсера, «Этика» П. Кропоткина,

политическая теория А. Герцена, «Власть» Бертрана Рассела, «Царство божие внутри вас» Льва Толстого.

Важно понимать, что теория правового государства этих великих мыслителей — это теория естественного права, поскольку все они утверждают, что только законы, заложенные в природе человека, могут быть основой для позитивного, утвержденного юридически человеком права. И таким образом общего для всех права не только в рамках одного государства, но также в границах всего человеческого сообщества. Эту теорию также поддерживали Альберт Швейцер и Эрнест Ренан, Жюльен Бенда и Альбер Камю, Карл Ясперс и Фридрих Шеллинг, Альберт Эйнштейн и Ромен Роллан.

Сегодня теория правового государства держится на трудах Руссо, Локка, Монтескье. В чем существо этой теории? Верховенство закона, разделение законодательной и исполнительной власти, народный суверенитет, когда народ выступает одновременно субъектом и объектом власти. Все это важные постулаты современной теории правового государства, которые возникли из теории естественного права и не могут существовать вне этой теории. Отнимите идею о том, что все человечество имеет общую природу, выраженную в законах его духовной энергии, его сознания и этики, и не останется больше основания, почему закон должен быть выше воли правителя, почему власть принадлежит народу. Это то настоящее, то что берет начало не в манипулятивном интеллекте, а в научном интеллекте познания законов природы. Вот эту часть зрелой правовой науки, теорию естественного права уже не отнять у теории государства. Она будет только развиваться, и постепенно вытеснит все ложные теории.

А ложных теорий очень много, и мы видели, что на них держится здание современных идей «либеральных демократий». Немецкий идеализм отказался от теории естественного права. Кант, Фихте, Гегель — авторы очень популярных работ по теории государства и права. Гоббс, Боден и Макиавелли строят свои теории государственного суверенитета на теории деспотическо-

го правления силовых институтов, утверждающих законы силой «меча». Макс Вебер, И. Бентам, К. Поппер, Карл Шмитт (юрист Третьего рейха), Маркс и Ленин, австрийская школа Л. Мизеса и Ф. Хайека — все отказываются от теории естественного права, отказываются признавать общую природу человека, и необходимость согласовывать с этой природой правовые системы государств. Эта та самая гремучая смесь немецкого идеализма, эмпиризма и материализма Дарвина, о которой мы говорили как о лженауке, спровоцировавшей «безумные теории власти» переходного периода незрелого интеллекта.

В итоге, «Кризис современного правосознания», о котором пишет П. Новгородцев в одноименной книге, кризис института прав человека, о котором пишет Майкл Игнатьев в книге «Права человека». Как представительная демократия может ссылаться на «Общую волю» народа Руссо, если отказ от естественного права означает отказ от общей природы человека? Как контролировать духовную энергию и энергию эгозащиты, как предохранить коррупцию, когда верховенство права попирается, а народный суверенитет игнорируется? Известно, например, что президент Ричард Никсон говаривал, когда нарушал законы США, что «Президент не может нарушать законов». Народный суверенитет, верховенство закона и международный институт прав человека правового государства держатся на теории естественного права, и без нее разваливаются на кусочки как это показано в специальной литературе, посвященной кризису современного правосознания, и кризису института прав человека.

Поэтому нас не удивит уже тот факт, что «Происхождение суверенитета» Н. Грачева прямо отрицает народный суверенитет, верховенство закона, разделение властей и институт прав человека, как «англосаксонскую модель» государства и права, которая якобы не подходит для государства российского. Как мы можем видеть, это опять таки процесс, который идет параллельно, и на западе и в России. Мы имеем в виду процесс отказа от теории естественного права, и соответственно от правового государства и института прав человека. Нелепо обвинять Россию

в деспотизме, когда реакция ретроградного движения России основана на западной философии и теории права. И Н. Грачев прямо ссылается на этих «западных» авторов, когда утверждает специфически национальную российскую идею суверенной государственности.

Это, конечно, совершенно безобразная теория. Своей нелепостью она напоминает философию антиинтеллектуализма Шопенгауэра или Бергсона, которые средствами интеллекта стараются доказать, что интеллекта не существует. Также и здесь, средствами интеллекта отказываются от разума, и стараются искусственно вернуть время и людей в стадию мифологического сознания. Ибо они правильно рассудили, что Левиафан самой мощной государственной деспотии соответствует именно мифологической стадии сознания, и без этой основы «одурения», как говорил Лев Толстой, никакого Левиафана не получится.

Н. Грачев «Происхождение суверенитета»:

> «Концепция народного суверенитета носит совершенно умозрительный характер, смешивает понятия и смещает акценты. Доведенная до своего логического предела, она ведет к отрицанию суверенитета как политико-правового явления, а следовательно, и к отрицанию самой суверенной государственности. Самым значительным пороком этой концепции является противопоставление государства образующему его народу, который является его этносоциальным субстратом. Другой ее существенный недостаток заключается в потере суверена как субъекта верховной власти, обладающего правом и способностью принятия последних окончательных решений общенародного значения... Не случайно процесс нахождения общей воли, вытекающей из недр общественного мнения, Г. Гегель связывает с деятельностью великих людей. С указанной точки зрения, авторитаризм и диктатура не могут быть решительной противоположностью демократии, а демократия — диктатуре и авторитаризму, на что практически в одно и то же время указывали такие разные мыслители, как В. И. Ленин, М. Вебер и К. Шмитт. Народ не может сидеть на престоле, надевать на себя венец и порфиру, постоянно пребывать в роли суверенного правителя. Ни весь народ, ни даже его активное меньшинство (элита) не способны быть последней инстанцией при принятии решений общегосударственного значения. Народ является прежде всего объектом вер-

> ховной власти, а не ее субъектом. Неслучайно отождествление субъекта и объекта верховной власти стало основным логическим противоречием либерально-демократических теорий 19—20 веков, которое оказалось неразрешимым и для практики современных демократических государств»

Н. Грачев «Происхождение суверенитета»:

> «Именно десакрализация верховной власти и утрата веры в экстраординарные, харизматические качества монарха как ее носителя приводит к возможности создания иной, демократической организации верховной власти. Теоретическим основанием такой замены и явилась концепция народного суверенитета. Можно сколько угодно сетовать по этому поводу, но „суверенный народ“ оказался не в силах узнать в себе нового Бога, по крайней мере в части реализации им суверенных прав фактически, а во многом и формально юридически, передав их реализацию и осуществление своим полномочным представителям в органах высшей государственной власти. Как политический актор он оказался неспособен заниматься решением конкретных вопросов, что с неизбежностью породило необходимость продолжение существования особой организации верховной власти, не совпадающий с народом и продолжающей по прежнему представлять собой феномен реального носителя государственного верховенства (суверенитета) ...Народный суверенитет как особое политико-правовое явление, отличное от суверенитета государства, оказался не слишком глубоко проработанной юридической фикцией»

Н. Грачев «Происхождение суверенитета»:

> «В сознании людей традиционного общества государство и государственная власть имеют происхождение мистически-религиозное, всегда связанное с именем такого единоличного властителя. Хотя процесс образования государственности занимает длительное время, сам момент появления конкретного государства на исторической сцене выглядит как некий скачок, революционный взрыв в доселе плавно-эволюционном развитии этноса. Это всегда некое «чудо», божественный всплеск, воля провидения. Но видимой причиной этого «чуда» всегда выступает Сверхчеловек, Человек-Герой, причастный небесному огню хварно, обладатель харизмы, особой божественной благодати и наделенный свыше качествами, намного превышающими человеческую ограниченность и дающими ему силу для актуализации (проявления) и реализации суверенитета, как

> высшего жизненного символа народной жизни. Человек, в данном контексте, пользуясь словами ницшевского Заратустры, «есть нечто, что должно превзойти (преодолеть. — Г. Н.) ...сверхчеловек — смысл земли»

Из этих цитат наглядно прослеживается общая тенденция всей книги. Под «суверенитетом» понимается Левиафан Гоббса, который держится на добровольном отчуждении подданными своей воли в пользу воли «сверхчеловека» — властителя, субъекта власти, монарха, который издает законы, но сам им не подчиняется. Народный суверенитет, то есть власть народа, верховенство закона предстает в этой трактовке фикцией, абсурдом, который не стоит даже обсуждать. Автор монографии доходит до таких высот нелепостей, что трактует великую Античность, пробуждение интеллекта в Древней Греции, как рациональную культуру, настолько неестественную и вредную для человечества, что она стала причиной гибели эллинов. «Золотым веком» подается период восточных деспотий, Левиафанов фараонов. Одним словом, такая откровенная апология мифологического сознания, и возвращения назад ко временам жесткой иерархии, господства и подчинения, строго разделения субъекта и объекта власти. Вертикаль власти.

В том же духе выдержана книга В. Соловьева «Революция консерваторов». Там утверждается, что Египет возвращается к фараонам, Африка к вождизму первобытных племен, Германия к пруссачеству времен Фридриха, а Россия соответственно к опричнине Ивана Грозного. В. Соловьев преклоняется перед «политической волей» Дэн Сяопина, не дрогнувшего послать танки на Тяньаньмэнь. «Самым ярким воплощением является, бесспорно, китайский опыт, — пишет он об альтернативе демократическому обществу, — когда Дэн Сяопин фактически в одиночку выстроил систему сдержек и противовесов, поиска талантливых людей и присмотра за ними во время их профессионального и карьерного роста».

Как можно видеть, это почти дословное повторение теории суверенитета, изложенной в «Происхождении суверенитета» Н.

Грачева. Складывается впечатление, что такова официальная теория консерваторов современной России: возврат в мифологическую эпоху, отказ от государства народного суверенитета, и института прав человека. Соловьев также презрительно отзывается о рационализме в пользу «национальных традиций» и мифов, также твердит о возврате к вертикали власти и строгом разделении на господ и слуг, на субъект и объект власти, и также растворяет личности в служении Левиафану.

В. Соловьев «Революция консерваторов»:

> «Трагедия России в том, что традиционное представление о том, что хорошо и что плохо, в 90-е годы оказалось загнано в прокрустово ложе западной модели, которая нам, вежливо говоря, отнюдь не близка и не очень подходит. Ведь как было просто во времена князей и императоров в таком нехитром вопросе, как оплата труда государевых людей! Получаешь высокую должность — а вместе с ней правитель тебе и высокое содержание назначает. Может поместье с несколькими сотнями душ пожаловать, может дать на кормление уезд или губернию, может дом подарить, может шубу со своего плеча пожаловать, может как вдове и детям Пушкина, пенсион назначить. То есть по мере поднятия по служебной лестнице твои проблемы моментально решались. Если государь тебе сегодня дал имение, а завтра забрал — имеет полное право. Он самодержец. Хозяин земли русской. Общество было устроено просто и понятно: есть царь, есть аристократия — и дальше по нисходящей. Как ни странно во времена советской власти многое осталось тем же самым. Мало кто знает, что именно Сталин ввел в обиход пресловутые «конверты». В том или ином виде эта система существовала все советское время. ...Не только потому, что мы вождистская страна и готовы принимать правила игры, которые диктует верховный правитель. Именно поэтому меня умиляют разговоры о возрождении в России монархии. Да вы мне еще найдите ныне живущего монарха, у которого были бы такие полномочия, как у президента России после написания Конституции под Ельцина! Дело не в этом. Как создать современную элиту? О чем она? Как ей платить? Как дать почувствовать себя защищенной? Ну что, опять вводить звания и титулы? Наверное, но выглядит как-то смехотворно и искусственно. ...Мы сейчас живем в условиях страшного разрыва между представлениями элиты, чудесным образом задержавшейся в понятиях 90-х, и народа, который переживает консервативную революцию. Народ, к примеру хочет суверенитета. Он доволен тем, что происходит во внешней политике — поэтому кстати, люди настолько

> одерживают политику Путина. Но отнюдь не рад внутренней экономической политике государства. Революция, которая нарастает в сознании людей, подталкивает нас вернуться к суверенитету — но к суверенитету реальному. К суверенитету, который будет построен на творческом переосмыслении нашего национального характера, нашего представления о том, что хорошо и что плохо. Хватит слепо идти за Западом, потому что мы все равно будем похожи на Дуньку, которую не пустили в Париж. Не получается у нас стать европейцами — и никогда не получится. «Не будем, — говорит народ, — не побежим. Мы другие! Мы этого не приемлем»

В. Соловьев «Революция консерваторов»:

> «Все это нашло отражение в конституции, которая была предоставлена народу и за которую народ думал, что голосует. Хотя, конечно, смешно всерьез ожидать, что народ может взять и выбрать себе конституцию. Конституция требует вдумчивого чтения и понимания, что из чего следует и к чему приводит. Поэтому, конечно, это всегда дело конституционного собрания. Как оно формируется — вопрос другой. Мы решили, что у страны нет своего особенного пути, — поэтому зачем нам „правящая“ идеология? Нашли себе отмазку, что мол любая идеология не должна быть „правящей“. Но идеология, действующая на государственном уровне всегда должна быть! А у нас вся конституция построена на ложных посылках, на заблуждениях, а главное — на ложном определении цели. ...Короче говоря, конституция должна быть прописана таким образом, чтобы опираясь на нее, можно было выстроить систему власти. При этом уже в конституции заложено представление о том, каким мы хотим быть общество. К слову, довольно наивно закладывать туда то, что сегодня представляется нам „общечеловеческими“ ценностями. Если кто вдруг не знает — это те, что записаны в Декларации прав человека».

В октябре 2021 года президент России В. Путин изложил свою теорию консервативной политики России на форуме «Валдай» в Сочи. Дмитрий Киселев в вечерних новостях назвал эту теорию консерватизма В. Путина — «национальной идеей» России.

Дмитирий Киселев «Вести» 24. 10. 2021:

> «Владимир Путин выступил с едва ли не самой важной своей речью. Кто-то из обозревателей уже назвал это изложением национальной идеи. Пожалуй, так оно и есть. И если раньше наиболее концепту-

> альной считалась Мюнхенская речь Путина 2007 года, а это был российский взгляд на международные отношения, то сейчас системно изложены основы нашего, российского мировоззрения в условиях быстрых и глобальных перемен.
> «Скажем прямо, на предстоящий период мирового переустройства, которое может продолжаться довольно долго и окончательный дизайн которого неизвестен, умеренный консерватизм — самая разумная, во всяком случае, на мой взгляд, линия поведения. Она неизбежно будет меняться, но пока врачебный принцип „не навреди“ представляется наиболее рациональным», — заявил Путин.
> Президент говорит о консерватизме как российском выборе, но обязательно уточняет: это «умеренный», это «разумный» и это «здоровый» консерватизм. Идея — развитие русской философии.
> «Когда я говорю о здоровом консерватизме, всегда вспоминаю Николая Бердяева, которого я тоже уже неоднократно упоминал. Это наш выдающийся философ. Он, как известно, был изгнан из Советского Союза в 1922 году, но он человек, всем своим существом устремленный в будущее. Он тоже был сторонником консерватизма. При этом он говорил, может быть, я не воспроизведу точно эту цитату, но тем не менее: консерватизм — это не то, что мешает идти вверх и вперед, а то, что мешает идти назад и вниз, к хаосу. Вот если мы так будем воспринимать консерватизм, то это будет хорошим подспорьем для развития», — подчеркнул глава государства».

— Увы, — покачала головой Тесла, — быть консерватором и не двигаться назад невозможно. Консерватизм как национальная идея — это идея гоббсовского Левиафана, так талантливо нарисованного Н. Грачевым применительно к России 21 века, что трудно поверить в серьезность автора. Это Левиафан в «Революции консерваторов» В. Соловьева, где автор прямо говорит, что следует отказаться от общечеловеческих ценностей в виде Декларации прав человека. Сам же Владимир Владимирович, говорит, как всегда туманными и абстрактными фразами, которые могут означать все и ничего, называя консерватизм «здоровым, разумным и умеренным». В интервью Оливеру Стоуну, он говорит прямым текстом, что не считает коммунистическую революцию какими бы то ни было демократическими переменами в российском обществе: «табличка стала другая», говорит президент, а сущность осталась преж-

няя. Создается впечатление, что его определение консерватизма — это понятие, противоположное «революции». Он винит во всех бедах человечества «Революции», и в этой связи особо выделяет историю России как особенно трагическую историю. Действительно, для теоретиков «золотого века» Левиафанов древних фараонов, «Революции» должны казаться бедами и потрясениями.

В. Путин «Валдай» 24.10.2021 «Здоровый консерватизм»:

> «Говоря прямо, доминирование Запада в мировых делах, начавшееся несколько столетий назад и ставшее едва ли не абсолютным на короткий период в конце XX века, уступает место намного более многообразной системе. В последние десятилетия многие жонглировали броскими концепциями, согласно которым роль государства провозглашалась устаревшей и уходящей. Якобы в условиях глобализации национальные границы становятся анахронизмом, а суверенитет — препятствием для процветания.
> Но развитие, когда говорили о необходимости раскрытия границ, развитие, как я уже сказал, пошло в противоположном направлении. Только суверенные государства способны эффективно отвечать на вызовы времени и запросы граждан. Соответственно, любой действенный международный порядок должен учитывать интересы и возможности государства, идти от них, а не пытаться доказывать, что их быть не должно. Тем более нельзя кому-то или что-то навязывать, будь то принципы общественно-политического устройства или ценности, которые кто-то по своим соображениям назвал универсальными.
> Эти примеры нашей истории позволяют нам утверждать: революция — путь не выхода из кризиса, а путь на усугубление этого кризиса. Ни одна революция не стоила того урона, который она нанесла человеческому потенциалу.
> Адепты так называемого социального прогресса полагают, что несут человечеству какое-то новое сознание, более правильное, чем прежде. И дай бог им, флаг в руки, как у нас говорят, вперёд. Только вот знаете, о чём сейчас хочу сказать: предлагаемые ими рецепты совершенно неновы, всё это — как это, может быть, кому-то покажется неожиданным — мы в России уже проходили, у нас это уже было. Большевики после революции 1917 года, опираясь на догмы Маркса и Энгельса, тоже объявили, что изменят весь привычный уклад, не только политический и экономический, но и само представление о том, что такое человеческая мораль, основы здорового существования общества.

> Разрушение вековых ценностей, веры, отношений между людьми вплоть до полного отказа от семьи — такое было, — насаждение и поощрение доносительства на близких — всё это объявлялось поступью прогресса и, кстати говоря, в мире достаточно широко поддерживалось тогда и было модным, так же как и сегодня. Кстати говоря, также большевики проявляли абсолютную нетерпимость к любым другим мнениям.
>
> Классики объявляются отсталыми, не понимающими важности гендерного или расового вопроса. В Голливуде выпускают памятки, как и о чём нужно снимать кино, сколько персонажей какого цвета или пола там должно быть. Получается похлеще, чем отдел агитации и пропаганды Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза.
>
> Повторю, для нас в России это не умозрительные постулаты, а уроки нашей непростой, временами трагической истории. Цена непродуманного социального естествоиспытательства иногда просто не поддаётся оценке, оно разрушает не только материальные, но и духовные основы существования человека, оставляет за собой нравственные руины, на месте которых долго невозможно вообще ничего построить».

Консерватизм противостоит прогрессу разума, прогрессу науки, — в этом фундаментальное значение философии консерватизма. И Н. Грачев и В. Соловьев показывают хорошее понимание этого основного значения понятия «консерватизм» в своих книгах. Если вещи, которые В. Путин критикует в современной западной культуре — не разумны, то они не имеют отношения к прогрессу. Их можно называть шизоидными, манипулятивными, еще как-то, но только не прогрессивными и разумными. Разум и прогресс связаны воедино, поэтому никак нельзя противопоставить разумность консерватизма — неразумности прогресса. Консерватизму противостоит прогресс научного знания, так как консерватизм связан с магическим сознание мифологической эпохи. Осевое время К. Ясперса начинается как революция Логоса, мышления против автоматизмов неразумного мифологического сознания, как революция разумного духа против мистического идолопоклонства. Это время великих революций мышления в Израиле, в Персии, в Греции, в Индии, в Китае. Из этих революций осевого време-

ни выросла вся современная культура, вся современная наука, все искусство и все мировые религии. Неужели нам следует, в самом деле, поверить Н. Грачеву, его теории «золотого века» восточных деспотий в Месопотамии, Египте, Китае до осевого времени духовных революций? И Россия не была единственной ареной для эксперимента социальной революции: революции происходили на всем протяжении истории человечества, и всегда были спровоцированы загнивающей атмосферой системы насилия и подчинения Левиафанов.

«Разве ты не слышишь запаха бойни и харчевни духа? Разве не стоит над этим городом смрад от зарезанного духа? — говорит Ницше в Заратустре. — Разве не видишь ты, что души висят здесь, точно обвисшие, грязные лохмотья?»

Левиафаны древности никогда не были «золотым веком», чтобы не писали консерваторы в учебниках о происхождении суверенитета. Они всегда были «бойнями и харчевнями духа», потому что Левиафаны возрастают на энергии эгозащиты, противоположной по своей сущности энергии разума и совести, духовной энергии. Поэтому вся история человечества, хотим мы того или не хотим, — это история острой борьбы Левиафанов, с его мифологическим сознанием и садомазохизмом поглотившим личность с одной стороны, и духовной энергией разума и совести личности и свободных обществ научного контроля, только становящихся, только ищущих себя с другой стороны. Революция — не акт агрессии и экстремизма. Революции — великая освободительная борьба разума с Левиафанами рабских обществ садомазохизма, где «души висели, словно грязные лохмотья», распятые жрецами и чиновниками. Революциям мы обязаны современным гражданским обществом, современным правовым государством и институтом прав человека.

И Русская Революция была таким же шагом к прогрессу как все другие революции, начиная от Реформации Лютера. И Английская революция Кромвеля, и Американская революция отцов-основателей Америки и Французская революция Свободы, Равенства и Братства — все внесли громадный вклад в становле-

ние современного демократического и правового общества. Конечно, было бы прекрасно, если бы этих результатов можно было достичь без революций, без насилия и кровопролития. Но на то Левиафаны и Левиафаны, с их жесткими системами садомазохизма, господства и подчинения, нелепого магического сознания, что сущность их в насилии, и избавиться от них без ответной агрессии никак невозможно. Ведь вся история человечества — это пытки и издевательства над интеллигенцией в таких вот Левиафанах, с военно-жреческой верхушкой. Возьмите любую эпоху, любую страну, любую цивилизацию. Вы обязательно найдете там конфликт двух противоположных энергий: садомазохизма магического сознания и духовной энергии научного мышления. И всегда побеждали первые, истязая одиночных бунтарей-ученых, готовя для них эшафоты, виселицы и аутодафе. И только в периоды великих революций верх брала духовная энергия разума и совести. Вот как велико значение этих революций! Ибо как ни редки были эти штормы и цунами духа, которые сметали со своего пути затхлое пространство бездушных Левиафанов, на них держится вся современная цивилизация.

И Русская революция не была исключением. Не Маркс и не Ленин стояли за этим великим народным возмущением. За ним стояла русская литература Толстого и Чехова, Герцена и Кропоткина, Достоевского и Чернышевского, Гоголя и Гончарова, Белинского и Некрасова. Интеллигенция пробудила духовную энергию народа, заслуга Ленина только в том, что он сумел организовать ее. Революции безобразны в том вале насилия и хаоса, на гребне которого они проходят. Увы, нет из Левиафанов другой, более мирной дороги. А выйти из Левиафана — основная задача человечества, ибо это и есть «родиться второй раз от духа».

Владимир Путин противопоставляет консерватизм — революциям, и винит революции во всех бедах человечества. Можно подумать, что Левиафаны фараонов и в самом деле были «золотым веком», а великая Античность, подарившая миру все его современное интеллектуальное и культурное наследие —

всего лишь веком рационалистического заблуждения, который привел к власти «ремесленников и торговцев» (вместо сакральной аристократии знати и жрецов), как утверждает Н. Грачев. И это официальный учебник «Происхождения суверенитета». Консерватизм только тогда консерватизм когда он выступает против разума, против рационализма, против науки. И именно так и позиционирует себя философия консерватизма в означенных книгах. Там нигде не поднимается вопрос науки и естественного права. И Владимир Путин не сказал о том, что его теория «здорового консерватизма» основана на противопоставлении теории суверенитета — естественному праву, то есть научному мышлению. Однако, на самом деле так оно и есть, если судить по книгам его соратников консерваторов.

В. Путин «Валдай» 24.10.2021 «Здоровый консерватизм»:

> «В современном хрупком мире значительно возрастает важность твёрдой опоры, моральной, этической, ценностной. По сути, ценности — это продукт культурно-исторического развития каждой нации и продукт уникальный. Взаимные переплетения народов, без сомнения, обогащают, открытость расширяет кругозор и позволяет по-иному осмыслить собственную традицию. Но этот процесс должен быть органичным и не бывает быстрым. А чуждое всё равно будет отторгнуто, возможно, даже в резкой форме. Мы с удивлением смотрим на процессы, разворачивающиеся в странах, которые привыкли считать себя флагманами прогресса. Конечно, те социально-культурные потрясения, которые происходят в тех же Штатах и в Западной Европе, не наше дело, мы туда не лезем. Знаете, ещё раз хочу подчеркнуть, это их право, мы не лезем туда. Мы просим только в наш дом особенно не лезть. У нас другая точка зрения, во всяком случае, у подавляющего большинства российского общества — так будет, конечно, более точно сказать — другая точка зрения: мы полагаем, что должны опираться на свои духовные ценности, на историческую традицию, на культуру нашего многонационального народа».

Президент России противопоставляет универсальные ценности запада и многонациональный уклад — ровно в том духе, в котором пишет С. Хантингтон о взбунтовавшихся не-западных цивилизациях против культурного диктата запада в «Столкновении цивилизаций». Это бунт одного национально-

го тщеславия против другого национального тщеславия, одного Эго против другого Эго. Консервация энергии эгозащиты со всех сторон. Потому возмущение Хантингтона так неосновательно. Никто не согласится признать чьи то национальные ценности — универсальными. В данном случае, монография Жюльена Бенда «Предательство интеллектуалов» выглядит исчерпывающим анализом ситуации, когда мистические философии субъективизма, материализма и немецкого идеализма, ввели весь мир в заблуждение тотального национализма. В результате мир потерял единую мораль, единую этику, единую истину, и превратился в «организмы» О. Шпенглера, где каждый цветок нации есть отдельная цивилизация. И Хантингтон, выступающий с позиций философии Шпенглера хочет быть убедительным, возмущаясь националистическим бунтом других государств. Президент Путин четко разграничивает сферы влияния соответственно границам государственных суверенитетов, оставляя внутри этих границ неограниченную власть Левиафанов над подданными: мы к вам не лезем, и вы к нам не лезьте. И он прав, и будет прав, пока незрелый западный интеллект не преодолеет своего младенческого периода, не откажется от шизоидных философий власти, и не обратиться к научному мышлению законов природы. Тогда уже всему миру придется иметь дело не с универсальными ценностями запада, что в самом деле возмутительно, а с естественным правом законов природы единого научного контроля человечества.

А. Швейцер «Упадок и возрождение культуры»:

> «Что такое национализм? Неблагородный и доведенный до абсурда патриотизм, находящийся в таком же отношении к благородному и здоровому чувству любви к родине, как бредовая идея к нормальному убеждению. К началу XIX столетия мышление признало за национальным государством право на существование. В обоснование этого указывалось на то, что национальное государство как естественный и гомогенный организм лучше всего способно осуществить идеал культурного государства. Современные массы требуют оградить национальные воззрения от влияния

> разума и нравственности, считая это самым верным средством не допустить профанации священнейших чувств. Если в былые времена упадок культуры не вызывал такой путаницы в чувствах народов, то объясняется это тем, что национальная идея в рамках прежних культур никогда не возводилась до уровня культурного идеала нынешней значимости. Поэтому тогда и не могло случиться, чтобы национальная идея в конце концов подменила подлинные идеалы культуры и еще больше стимулировала и усложнила состояние бескультурья представлениями и убеждениями, внушенными уродливо националистическим подходом к жизни. В том, что истоки национализма лежат не столько в самой действительности, сколько в ее искаженном преломлении в воображении масс, нетрудно убедиться на примере любой националистической концепции. ... Так мир становится ареной конкуренции национальных культур, пагубно сказывающейся на собственно культуре. Мы уже больше не верим, что народы, которые в качестве наследников греко-римского мира вместе вступили в средневековье и затем в условиях интенсивнейшего взаимного обмена идеями на собственном опыте познали Ренессанс, Просвещение и мышление нового времени, составляют вместе со своими ответвлениями в новых частях света монолитное культурное целое. Но если различия в их духовной жизни проявлялись в новейшее время все сильнее, то причина здесь прежде всего в неуклонном упадке культуры. Так при отливе обнажаются разделяющие водную стихию мели, которые во время прилива скрыты под водой»

— Так отвечают Швейцер и Ренан, Бенда и Рассел, Эйнштейн и Ясперс на теории национализма и консерватизма. — заключила свою речь Тесла, и в волнении обвела высокое Собрание Храма Духа взглядом.

— Дорогая Тесла, — сказал Бертран Рассел. — Кто же искалечил тебя, дитя мое? Неужели, консерваторы России?

— Меня искалечили консерваторы, — подтвердила Тесла, заерзав в своем кресле-коляске. — Но, увы, не только консерваторы России. Вы помните, как назвал Александр Солженицын свои воспоминания? «Угодило зернышко промеж двух жерновов»? Меня покалечили консерваторы обеих враждующих сторон Холодной войны. Да, да, кто бы не привел задачу в исполнение физически, спровоцировали ситуацию в равной степени обе стороны. У меня сейчас нет возможности показать и доказать

вам, какая грязная и подлая игра шла с обеих сторон, но когда-нибудь, когда новая научная парадигма и естественное право займут свое законное место в мировой культуре, преодолев варварство национализма консерваторов, это все выяснится, и будет представлено на публичный суд. Сегодня мне нечего добавить. Я ничего не знаю о конкретных исполнителях, но я точно знаю, что нападение на меня спровоцировали обе стороны: консерваторы обеих сторон Холодной войны.

Тесла заметила, как глаза Бертрана Рассела наполнились слезами. Нет слов передать, как глубоко ее растрогало сочувствие этого великого человека.

— Мы докажем новую научную парадигму! Мы победим национализм, утвердим теорию естественного права, и построим на ней величественное здание Международного института прав человека! Он будет охранять суверенитеты государств друг от друга, а граждан от деспотической власти самих государств. Ты пострадала не зря, дитя мое! Ты героиня, и мы гордимся тобой!

В самом деле, видимо не зря, думала Тесла, проснувшись дома под одеялом. Только эти слова Бертрана Рассела стоили того, чтобы страдать и работать во благо науки и человечества.

ГЛАВА 18
ПОБЕДА В ХРАМЕ ДУХА. НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

Суд над Холодной войной в Храме Духа закончился полной победой Духоборцев над национальными разведками. Последним пришлось отступить и признать, что они коварно мешали победе новой научной парадигме, чтобы сохранить свою власть. Им пришлось признать, что они повинны в несчастьях Теслы, автора Теории ПЭ, которая давно доказывала, что субъективизм, материализм и дарвинизм — губители человеческого рода.

Радость переполняла высокое Собрание Духоборцев. Партия Канта спешила признать свое поражение.

— Отныне нет преград философии рационализма и теории естественного права! Теория психической энергии, открыв самую важную энергию природы, духовную энергию человека, доказала вашу правоту, братья! — сказал Кант дрожащим от волнения голосом.

— Дружище Кант! — обнял старого друга Карл Ясперс. — Ты жил святым человеком, ты ратовал за мировое правительство и единое человечество. Ты не отдал дух — материалистам! Ты не виновен в своих ошибках, и ты тоже внес свой позитивный вклад в развитие знаний о духе, когда мы все боролись с материализмом!

Ницше и Шопенгауэр, Сартр и Дильтей, Фуко и Леви-Стросс, Мизес и Хайек, Бентам и Поппер, Бергсон и Бретон, Гегель и Фихте, — сдаваться шла партия Канта.

Материалисты были мрачны, но и они вынуждены были признать свое поражение: Эпикур и Лукреций, Дидро во главе энциклопедистов, Маркс и Энгельс, Фейербах и Ленин, Дарвин и Геккель, — сдаваться шли все. Вслед за материалистами выстроились эмпирики: Д. Гоббс, Давид Юм, Эрнест Мах, Нильс Бор, Вильгельм Оствальд, Огюст Конт, Г. Спенсер и Дж. Милль.

Эйнштейн смеялся в глаза Нильсу Бору: «Капенгагенская интерпретация, Нильс, малычик, ну как ты мог!»

— Как люблю я вас, прекрасное Собрание высоких Душ! — сказал Владимир Высоцкий, наблюдая эту потрясающую картину. — Только вы, великие, умеете признавать свои ошибки, умеете хранить верность истине и правде, и плевать на тщеславие. И теперь заряд духовной энергии Храма Интеллекта станет еще выше, еще светлее, еще радостнее! Ведь мы преодолели наши разногласия, мы смогли найти истину. А ведь истина есть цель и сущность нашей энергии! Истина — единство друг с другом!

— И все это благодаря этой маленькой девочке, которую так беспощадно искалечили! Искалечили только за то, что она посвятила свою жизнь науке, и смело выступила против уста-

ревшей научной парадигмы, на которой держалась власть национальных разведок. На которой держалась шизоидная мысль Холодной войны! — сказал Александр Солженицын. — Ты больше не зернышко между двух жерновов, Тесла, как я когда-то. Пришел час и твоей победы, как когда-то моей победы. Ты теперь одна из нас.

— Я не великий Владимир Высоцкий, — сказала в ответ Тесла, растроганная до слез посвящением в Духоборцы Храма Интеллекта, — но я сочинила стихи в подражание ему. Стихи называются «Я не люблю», подобно знаменитой песне поэта. Эти стихи — пафос нашей сегодняшней победы над материализмом лженауки старой научной парадигмы.

Я не люблю людей без разума и сердца
Людей, которым надо оправдать
Электроволны Максвелла и Герца
Не верит им материалистов рать

Я не люблю когда мертвец кичится
Пластмассовым тщеславием в груди
Там, где родник живой души струится
(Но эти люди ещё только впереди)

Я не люблю когда зверей отличие
От духа разума не видится всерьёз
И требуют, плюя на все приличия
Не отделять шипы зверья от роз

Духовного развития человечества
Научного прогресса и души
И все подлейшие отходы человечества
Оправдывают похотью свиньи

Я не люблю когда железной вертикалью
Задушен общества живой родник

Когда у мертвой власти голова канальи
А дружбы мир трагически поник

Мой пафос стар как все искусства мира
Как 66 сонет Шекспира
Как древних эллинов любовь к науке
Но я пою его не ради скуки

Кляли тщеславие Шекспир и трагики поэты
В отчаянии искали судьбоносные ответы
И только современной мысли прозелиты
В науке утвердили дарвинизма реквизиты

Теперь любить обязаны научный эгоизм
Селекцию борьбы за выживание
Отбросить ум и сердце как пошлый атавизм
И славить похоть без содрогания

Мой пафос стар как мудрость мира
Как 66 сонет Шекспира
Я лженауки узел разрублю
А подлость никогда не полюблю

Духоборцы были снисходительны к искреннему порыву Теслы. Громкими аплодисментами поддержали они душевные, хоть и не очень выразительные стихи Теслы. Празднование победы только начиналось.

Исайа и Второисайа возглавили делегацию еврейских пророков, Заратустра представлял персидский зороастризм, Будда шел опираясь на Шанкару, Ганди и Вивекананду, Пифагор, Орфей, Сократ, Платон, Ксенофан представляли осевое время эллинской цивилизации. Христос стоял поодаль с Августином, Спинозой, Лютером, Львом Толстым, Роменом Ролланом и Эрнестом Ренаном.

Серен Кьеркегор прослезился, о чем то оживленно споря с Г. Лессингом. Ф. Шеллинг крепко жал руку евангелисту Иоанну, которого он всегда ценил много выше других.

— Я говорил, — сказал Шеллинг, — что началось все с католиков, с апостола Петра. Потом развитие мышление привело к Реформации, к торжеству апостола Павла. И наконец, на третьей стадии, победит научное мышление, рационализм апостола Иоанна

— Да, — живо подхватил Лессинг, — и я говорил, что евангелие Иоанна и было тем радикально новым, что принесло христианство. Рационализм греческой философии.

— Мы все об этом говорили! — заметили Штраус, Ренан и Рассел.

— Мы знали об этой грядущей победе еще только когда забрезжили первые проблески великого духа осевого времени! — громко возвестили еврейские пророки. — Наши откровения все были об этом! Придет день и разум победит! Придет день и люди узнают о великом божественном даре — духовной энергии разума и совести! Мы только начинали говорить об этой энергии! Мы оставались на почве мифов, мы не преодолели магического сознания. Однако, разум проснулся, разум обрел себя и искал себя в науке! Сон разума рождает чудовищ, как прав ты был, Гойа! А пробуждение разума ведет к рождению великой науки! нашей, вашей наукой было довести начатое нами дело до конца: сказать наши мысли на другом языке, не мифологическом. Сказать наши откровения на языке научного мышления, стройной научной теории, которую можно будет проверить и подтвердить опытом. Так чтобы мифологическое мышление раз и навсегда отделить от научного мышления. Оставить его как сказку, но нейтрализовать как руководство для жизни. Мы объявили войну Мифу, противопоставив ему Логос, Вы — закончили эту войну, рассказав о духе на языке науки, на языке закономерностей природы. Закономерностей психической энергии! Слава вам, великие мужи!

Данте, Карлейль, Шекспир, Мильтон, Байрон шумно выражали свой восторг. Партия рационалистов раскачала на руках Рене Декарта, и под крики восторга кидала к самому куполу микелан-

джевской красоты: «Я мыслю, — кричали они, — и следовательно, я существую!». Спиноза и Лейбниц, Эйнштейн и Максвелл слезящимися глазами смотрели на своего кумира.

— И мы приняли у вас эстафету! — громко возликовал Г. Лессинг. — Помните, я писал в «Воспитании человеческого рода», что ваши пророчества были первыми откровениями, и что по мере развития научного мышления человечество получает новые откровения, уже в виде более рациональных теорий. И наконец стройная научная теория! Разве философия Кьеркегора не стала достойным продолжением философии Платона и Спинозы в том, что касается теории психической энергии? разве эти великие философы не писали на своем языке о двух противоборствующих энергиях в психике? О том, о чем вы, великие сообщили нас сначала в виде мифов, и в виде заповеди отказаться от себя и возлюбить ближнего?

— Да! — сказал Вильгельм Оствальд, — Мы, эмпирики проиграли! Проиграли вам, рационалисты! И как же я рад этому, братья! Ведь только на фундаменте философии рационализма работает моя теория познания, моя теория Энергетики!

Вы помните, как заслуженно тогда посмеялись над моей Энергетикой все, кому не лень: Больцман, Планк, Эйнштейн, даже Ленин. Ленин, как всегда самый вредный: «Оствальд крупный химик, но мелкий философ»! Сам ты мелкий, Ленин! Можешь видеть, теории Энергетики не хватало только базиса философии рационализма!

Вы помните в чем существо теории познания как теории Энергетики? Я тогда сформулировал, что человек сам есть природная энергия, и потому видит и может познавать только энергии природы. Что весь мир — это пучок разных природных энергий, и что человек может познавать только энергии, а все остальное вне научного знания!

Я тогда сказал, что основной закон физики — закон сохранения силы, и что именно этот закон есть ключ к новой теории по-

знания. Я считал, что изучение энергий природы должно сводиться к одному закону сохранения силы: измерить как одна энергия перетекает в другую энергию через закон сохранения силы. Вы тогда посмеялись над моим «эвристическим методом»! Я это заслужил! Я понимал «Энергию» с позиций эмпиризма как «количество работы».

Но теперь, с позиций философии рационализма, энергия получает совсем другое определение. Система законов природы, знание которых открывает доступ к силе данной энергии — вот определение философии рационализма! И теперь энергетическая теория познания не только доказана, но еще и снимает «проблему Юма», которое с тех самых времен дамокловым мечом висела над всей наукой! Ибо у нас есть ответ на его вопрос: как доказать что законы природы существуют? Это просто! Если система законов открывает доступ к силе энергии природы, значит эти законы природы существуют!

И теория Огюста Конта о иерархии наук, стоит только перейти на базис философии рационализма, доказывает правоту энергетической теории познания в очередной раз. Ибо, его дисциплины в иерархии наук — это энергии природы!

— Действительно! — выдохнул Огюст Конт. — А энергетическая теория познания позволяет нам сформулировать законы Духа, то есть сделать то, что нам так и не удалось сделать на почве эмпиризма и позитивизма. Мы признавали законы природы в обществе, но мы называли их «социальной физикой», игнорируя психологию и сознание. Ибо, мы считали, что то, чего нельзя воспринимать органами чувств, не существует. Сознание, как его воспринимать эмпирически? Мы выкинули сознание из анализа. И мой закон трех стадий развития сознания завис в воздухе. И мое учение о том, что Этика — вершина иерархии наук тоже зависло в воздухе. Что существо этики в противоборстве эгоизма и альтруизма! Как я мог говорить и доказывать такие вещи, если исключил сознание и психологию! Правильно меня ругает Дж. Милль в своей книге о моем позитивизме: я

свел социальную науку к френологии, к изучению мозга! Вот что делает с людьми эмпиризм!

А теперь, когда энергетическая теория познания открыла нам, что именно природные энергии лучшим образом контролируются опытом, и что именно энергии природы — единственный объект научного познания, мы понимаем: сознание и есть такая природная энергия психики! Духовная энергия! и именно об этой энергии я говорил как о вершине иерархии наук. Именно ее главный закон выразил как эволюцию человеческой этики от эгоизма к альтруизму!

— Не только тебе энергетическая теория познания позволяет сформулировать теорию психической энергии! — сказал наконец Серен Кьеркегор. — Да мы ведь все о ней писали! Начиная уже с Платона и Спинозы! Посмотри, разве две энергии Герберта Спенсера (обожание силы против сочувствия, симпатии) не есть та же теория психической энергии? Разве две энергии Фихте, о которых он пишет в «Речах к немецкой нации» не есть те же две энергии Теории ПЭ? Зигмунд Фрейд первым сказал об этом в науке, но ему как всем материалистам и эмпирикам помешал философский базис развить свое открытие психической энергии.

Эмиль Дюркгейм, Арнольд Тойнби, Бертран Рассел, Серен Кьеркегор — все это классическая теория психической энергии до открытия энергетической теории познания. Бертран Рассел считал свою книгу «Власть», где он излагает основы психической энергии, своего рода революцией в политической теории. Он был как громом поражен, что, выражаясь словами Юма, книга оказалась «мертворожденной». Ее не заметили, потому что старая научная парадигма не вмещала в себя представление о сознание как о природной энергии психики.

Наконец, вликие гуманистические психологи: Абрахам Маслоу, Эрих Фромм, Карен Хорни, Карл Роджерс, Альфред Адлер, Виктор Франкл, Карл Юнг, Гордон Олпорт и др — все мои последователи, — гордо выпрямился Кьеркегор, — и все они писали

о психической энергии, о том же противоборстве энергии эгозащиты и энергии разума и совести, что и все мы! Успех русской классической литературы также объясняется тем, что она смотрела в корень духовной энергии и вскрывала закономерности противоборства эгозащиты и совести на своем, художественном языке. Таков секрет успеха всей великой мировой литературы! Только как мы могли сформулировать закономерности нашего открытия вне энергетической теории познания! Да здравствует философия рационализма, да здравствует энергетическая теория познания!

Духоборцы шумно присоеденились к радости Кьеркегора. Рене Декарт наконец приземлился наземь, и счастливо улыбался своим друзьям.

— Как бы прекрасны не были чисто интеллектуальные и эстетические следствия победы философии рационализма, — сказал торжественно Бертран Рассел, — еще больше значение этой победы в политическом плане. Ибо отныне философия рационализма утверждает теорию естественного права.

Вы помните, мы с Сашей Герценым говорили в этой связи о «подходе врача» вместо «подхода судьи». Естественное право против юридического права, научный контроль вместо юридизма.

> *«Люди только справедливы к безумным и к совершенным дуракам, их по крайней мере мы не обвиняем за дурное устройство мозга, им прощаем природные недостатки; с остальными страшная моральная требовательность. Почему мы ждем от всех встречных на улице примерных доблестей, необыкновенного понимания — я не знаю; вероятно, по привычке все идеализировать. Я иначе смотрю, я привык к взгляду врача, к взгляду совершенно противоположному судьи. Врач живет в природе, в мире фактов и явлений, он не учит, он учится; он не мстит, а старается облегчить; видя страдания, видя недостатки, он ищет причину, связь, он ищет средств в том же мире фактов. Нет средств, он грустно пожимает плечами, досадует на свое неведение — и не думает о наказании, о пени, не порицает. Взгляд судьи проще, ему собственно взгляда и не надо. Недаром Фемиду изображают с завязанными глазами, она тем справедливее, чем меньше видит*

> *жизнь; наш брат напротив, хотел бы, чтоб пальцы и уши имели глаза. ...да, я отпускаю им зло, ими причиненное, так, как вы отпускаете холодной погоде, которая на днях простудила вашу малютку».*

А. Герцен «С того берега»

> *«Когда человек болен инфекционным заболеванием, он опасен для общества, и потому меры по ограничению его контактов с обществом необходимы. Однако, никому не приходит в голову винить его в его болезни. Напротив, его друзья соболезнуют ему. Все предписываемые наукой процедуры, а также временные ограничения свободы, как правила принимаются без возражений в таких случаях. Точно такой же подход следовало бы практиковать и в ситуации с тем, что мы называем „преступлением“. Предполагается, что преступник мотивирован эгоистическими соображениями, и что страх наказания, как ресурс противоположного стимула, наилучший сдерживатель от преступления. „The dog, to gain some private end, went mad and bit the man“. Таков распространенный взгляд на преступление; в то же время ни одна собака не сходит с ума по своему предпочтению, и скорее всего, то же самое можно сказать о большинстве преступников, конечно в случаях преступлений на основе страсти. И даже в тех преступлениях, которые основаны на эгоистических мотивах, цель — предотвратить преступление, а не заставлять страдать преступника. Любая боль, которую может повлечь процесс предупреждения преступности, должна быть сведена к минимуму, как боль при хирургических операциях. Человек, который идет на преступление из импульса к насилию, должен быть подвергнут психологическому лечению, рассчитанному на высвобождение более здоровых импульсов. Человека, который идет на преступление из эгоистических соображений, следует убедить в том, что правильно понимаемая любовь к себе, будет значительно лучше удовлетворена полезной для общества жизнью, чем вредительством другим людям. Для этой цели преимущественно необходимо расширить его кругозор и увеличить уровень знаний»*

Бертран Рассел «Дороги к свободе»

Очень важные формулировки научного контроля, вытекающего из естественного права дают Ж. Прудон в «Что такое собственность?» и Огюст Конт, Герберт Спенсер и Дж. Милль, два английских позитивиста. Карл Поппер, проиграл Миллю в вашем вековечном споре о психологизме и юридизме.

Я писал в своих книгах, — сказал Бертран Рассел, — что существо психической энергии заключается в том, чтобы избавит-

ся от любви к власти в виде насилия, и направить энергию на любовь к власти в виде научного контроля. Так я формулировал закон сохранения силы и два поля психической энергии.

> «Все еще случаются войны, гнет и тирания, чудовищная жестокость, и жадные люди все еще отбирают имущество у тех, кто менее бессердечен, чем они сами. Любовь к власти все еще создает широкое поле тирании, или же просто препятствует развитию там, где открытая тирания становится невозможной. И страх — глубокий, едва осознаваемый страх, — все еще доминирующий мотив в очень многих жизнях. Любовь к силе может быть удовлетворена многими другими путями, которые не несут в себе вреда другим людям: путем власти над природой, происходящей из открытий и изобретений, путем выпуска книг и работ искусства, которые становятся предметами всеобщего восхищения, и путем успешного убеждения. Энергия и желание быть эффективным благотворны, если они находят правильные отдушины, и вредоносными в других случаях — как пар, который может либо двигать поезд, либо взорвать котел»

B. Russell «Authority and individual»

Какие последствия теория естественного права будет иметь для политической мировой системы?

Прежде всего утверждением научного контроля над юридизмом, а значит утверждением международного института прав человека над национальными правовыми системами.

Это значит ограничение национальных суверенитетов во всем, что касается соответствия правовых национальных систем международному естественному праву. Но только в этом.

Тогда мы легко можем ответить на вопрос, как разграничить субъект и объект власти в теории народного суверенитета?

Ответ очевиден: народ выступает субъектом научного контроля в международном институте естественного права (прав человека, что одно и то же); и объектом права государств, гражданами которых они являются.

Наконец, наши знания о природе человека, сущность которой в том, что человеком не рождаются, человеком становятся, говорит нам о том, что право на образование — фундаментальное

право, в соответствии с которым должны строится все правовые национальные системы.

> «В этой книге я ставлю своей целью доказать, что фундаментальной концепцией социальных наук является Власть, в том же смысле, в каком Энергия является фундаментальной концепцией физики. Ортодоксальные экономисты, также как и Маркс, который в данном вопросе с ними соглашается, ошибались, когда старались представить экономическую выгоду как основной движущий мотив в социальных науках. Только если мы поймем что любовь к силе («love of power») есть истинная причина активности, истинная мотивация важных социальных процессов, мы сможем правильно истолковать историю.
> *Мировые войны, и диктаторство, которое они принесли, повлекли недооценку всех видов власти, кроме военной и государственной. Это ограниченный и неисторический взгляд. Если бы мне предложили назвать четырех человек, у которых было больше власти, чем у кого бы то ни было, я бы назвал Будду и Христа, Пифагора и Галилея. Ни один из них не имел поддержки государства, пока их учения не получили широкого распространения. Никто из них не имел особого успеха во время жизни. Ни один из них не смог бы оказать такого колоссального влияния на развитие человечества, если бы власть была их основной целью. Никто из них не гнался за властью, которая порабощает других, но каждый находился в поисках энергии, которая освобождает — первые два показали людям как побороть страсти, которые ведут к вражде и таким образом предотвратить рабство и подчинение одних другим; а двое других показали научный контроль, позволяющий овладеть силами природы. В конечном итоге, не насилие управляет обществом, а мудрость тех, кто взывает к общечеловеческому стремлению к внутреннему и внешнему миру, к счастью, к пониманию мира, в котором всем нам предстоит жить»*

Bertrand Russell Power

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель «Этика» М: Астрель, 2011
2. Аристотель «Политика» М: Астрель 2011
3. Аристотель «О душе»
4. Мельников С. Введение в философию Аристотеля. Rosebud Publishing 2018
5. Лосев А. Ф. Аристотель И: Молодая гвардия 2014
6. Пейн Т. Здравый смысл
7. Пейн Т. Век Разума И: Академия наук СССР 1959
8. Басинский П. «Лев Толстой. Бегство из рая» М: Астрель 2011
9. Толстой Л. Н. Повести и рассказы М: Детская литература, 2011
10. Толстой Л. Исповедь. О жизни. Азбука-классика 2009
11. Толстой Л. «Царство Божие внутри вас» 2011
12. Толстой Л. Соединение и перевод четырех Евангелий М:T8RUGRAM, 2017
13. Толстой Л. Исследование догматического богословия Editorial URSS 2016
14. Плутарх Сравнительные жизнеописания СПб Азбука 2012
15. Плутарх Исида и Осирис М: Эксмо 2007
16. Плутарх Избранные жизнеописания в 2 т. И: Правда 1987
17. Вольтер Философские повести М: Астрель 2011
18. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации СПб Наука 2009
19. Фишер Куно Фихте И: Русского христианского гуманитарного института 2004
20. Фишер Куно От Канта до Фихте И: Ленанд 2006
21. Гегель Г. Философия духа Эсксмо 2016
22. Гегель Г. Феноменология духа Академический проект 2016 642
23. Ницше Ф. Так говорил Заратустра М: Астрель 2011
24. Ницше Ф. Воля к власти И: Азбука классика 2010
25. Ницше Ф. Генеалогия морали И: Азбука аттикус 2011

26. Ницше По ту сторону добра и зла Спб: Азбука-классика 2009

27. Шестов Л. Достоевский и Ницше. Апофеоз беспочвенности И: Азбука аттикус 2016

28. Фрейд З. Письма к невесте СПб Азбука 2011

29. Фрейд З. Неудобства культуры СПб Азбука-классика 2010

30. Фрейд З. Психоаналитические этюды Мн: Попурри 1997

31. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности И: Лениздат, Команда А 2013

32. Фрейд З. Будущее одной иллюзии И: Фолио 2013

33. Фрейд З. Тотем и табу И: Лениздат Команда А 2013

34. Фрейд З. Я и Оно И: Эксмо 2016

35. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия АСТ 2015

36. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого ЯАСТ 2018

37. Katharine Tait My father Bertrand Russell New York and London 1975

38. Bertrand Russell, Autobiography London Allen&Unwin 1975

39. Russell B. «The conquest of happiness» (London Allen & Unwin, 1930)

40. Russell B. «Political ideals»

41. Russell B. «The Power» London Allen & Unwin, 1938

42. Рассел Б. Автобиография. Выдержки.

43. Russell B. Education and the social order First published in the Routledge Classics in 2010 by Routledge, London and New York

44. Рассел Б. Практика и теория большевизма И: Наука 1991

45. Рассел Б. Брак и мораль И: Крафт 2004

46. Russell B. The authority and the individual Routledge, London and New York, 1995

47. Рассел Б. «История западной философии» Новосибирск. НГУ 1997

48. Russell B.«Proposed roads to freedom»

49. Рассел Б. Избранные труды Сибирское университетское издательство 2009

50. Данте А. Божественная комедия М: Эксмо 2009

51. Платон Диалоги М: Астрель 2012

52. Платон Государство И: Эксмо 2018

53. Платон и его эпоха. Статьи. Изд: Наука 1979

54. Гоголь Н. В. Мертвые души М: Дрофа 2012

55. Гоголь Н. В. Петербургские повести М: АСТ Астрель 2011

56. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства СПб Азбука 2010

57. Руссо Жан-Жак Исповедь М: Астрель 2011

58. Руссо «Эмиль, или о воспитании» И: Книговек 2018

59. Руссо Жан Жак Об общественном договоре М: КАНОН — ПРЕСС-Ц 1998

60. Захер-Мазох «Венера в мехах» СПб Азбука 2012

61. Гете И. В. Фауст СПб Азбука 2011

62. Гете И. В. Поэзия и правда М: Захаров, 2003

63. Гете И. В. Страдания юного Вертера И: Детская литература 1982

64. Морозова Е. Маркиз де Сад М: Молодая гвардия 2007

65. Сад Жюстина или несчастья добродетели СПб Азбука классика 2008

66. Сад Преступления любви СПб Азбука-классика 2008

67. Дарвин Ч. Происхождение человека и половой набор, в 2-х томах, М: ТЕРРА — Книжный клуб, 2009

68. Ленин В. И. «Материализм и эмпириокритизм» М: Издательство политической литературы 1984

69. Ленин В. И. Теория насилия М: Алгоритм 2007

70. Фридрих Гернек «Пионеры атомного века» 1974

71. Хайдеггер М. Бытие и время Москва: Академ. проект, 2011

72. Оствальд В. Философия Природы СПб 1903

73. Лауэ Макс История физики Москва 1956

74. Мах Эрнст Познание и заблуждение Москва 2003

75. Маркс К. Капитал 1985

76. Фромм Э. Человек для себя Мн: Коллегиум, 1992
77. Фромм Э. Искусство любить М: АСТ, 2010
78. Фромм Э. Здоровое общество М: АСТ, 2005
79. Фромм Э. Иметь или быть? М: АСТ, 2000
80. Фромм Э. Величие и ограниченность Фрейда М: АСТ, 2000
81. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М: АСТ, 1998
82. Адлер А. Наука жить Киев 1997
83. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии
84. Адлер А. Понять природу человека Спб 1997
85. Адлер А. О нервическом характере АСТ 1997
86. Адлер А. Воспитание детей Ростов на Дону 1998
87. Маслоу А. Мотивация и личность Спб Питер 2003
88. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы М: Смысл 1999
89. Маслоу А. Психология Бытия М: 1997
90. Франкл В. Человек в поисках смысла М: Прогресс 1990
91. Франкл В, Психолог в концлагере (Сказать жизни да) М: Смысл 2004
92. Франкл В, Доктор и душа Спб: Ювента 1997
93. Олпорт Г. Становление личности М: Смысл 2002
94. Роджерс К. О становление личности Киев 2004
95. Роджерс К. Психология супружеских отношений М: Изд-во Эксмо, 2002
96. Роджерс К. Консультирование и психотерапия
97. Левин К. Динамическая психология М: Смысл 2001
98. Юнг К. Сознание и бессознательное: сборник. Спб: Университетская книга, 1997
99. Юнг К. Архетип и символ СПб: Ренессанс 1991
100. Юнг К. Проблемы души человека
101. Хорни К. Невроз и личностный рост Спб ВЕИП, 1997
102. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство Москва, Академ. проект 2001

103. Леви — Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М. «Педагогика — пресс». 1994.

104. Мади С, Теории личности. Издательство: С. Пб. 2002.

105. Хъелл. Л. Зиглер Д. Теории личности. С. Пб. Питер.1999.

106. Ходжсон Д. Экономическая теория и институты. М: Издательство «Дело» 2003.

107. Спиноза Этика М, Хар, 1998

108. Спиноза Краткий трактат о Боге, человеке и его счастье М, Хар, 1998

109. Спиноза Богословско-политический трактат Минск Литература 1998

110. Делез Жиль Эмпиризм и субъективизм. Кант. Бергсон. Спиноза. ПЕР СЕ 2001

111. Беляев В. А. Лейбниц и Спиноза Изд: Наука 2007

112. Коников И. А. Материализм Спинозы Наука 1971

113. Свифт Д. «Путешествия» Лемюэля Гулливера СПб Азбука 2013

114. Ганди М. «Моя жизнь» СПб: «Лениздат», «Команда А», 2012

115. Gandhi M. «My experiments with truth», US Beacon Press, 1993

116. Перкинс Исповедь экономического убийцы Москва Претекс 2005

117. Тетчер Искусство управления государством Москва, Альпина Паблишер, 2003

118. Васильев Л. С. История Востока М Высшая школа 2005

119. Людвиг Э. Наполеон М. Вагриус 1998

120. «Built to last» by Jerry I. Porras and James C. Collins HarperBusiness 1994

121. «Good to Grate» by James C. Collins HarperBusiness 2001

122. Юнге Таудль Воспоминания секретаря Гитлера

123. Хлебников П. Крестный отец Кремля. Борис Березовский или история разграбления России. М. Детектив-Пресс 2001

124. Макиавелли Н. Государь М: Эксмо 2009

125. Грин 48 законов власти «РИПОЛ классик»; М; 2005

126. Грин Искусство обольщения «РИПОЛ классик»; М; 2005

127. Мортон Э. История Моники М: ФОРУМ, ИНФРА-М, 1999

128. Дробанская — Ландау К. «Как мы жили». Воспоминания.

129. Бинг С. Как бы поступил Макиавелли?

130. Хитченс К. Томас Пейн Права человека

131. Блекберн С. Платон Республика

132. Браун Д. Дарвин Происхождение видов

133. Вин Ф. Маркс Капитал

134. Milgram S. Obedience to authority: an experimental view NY: Harper Perennial Classic, 1983

135. Майерс Д. Психология Минск Попурри 2008

136. Майерс Д. Социальная психология Спб: Питер 2009

137. Аронсон Э. Общественное животное Спб: Прайм-Еврознак 2006

138. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог СПб. Гуманитарное агенство «академический проект». 1999

139. Ясперс К. Смысл и назначение истории Издательство политической литературы 1991

140. Ясперс К. Общая психопатология И: КоЛибри 2019

141. Кемпинский А. Психология шизофрении СПб. Ювента 1998

142. Критская В. П. Мелешко Т. К. Поляков Ю. Ф. Патология психической деятельности при шизофрении. М. МГУ 1991

143. Каплан Г. И. Сэдок Б. Дж. Клиническая психиатрия М. Медицина 1994.

144. Под ред. Р. Дж. Энсилла, С. Холлидея, Дж. Хигенботтема Шизофрения. Изучение спектра психозов. М. Медицина 2001

145. Сост. И общ. Редакция Н. В. Тарабриной Клиническая психология СПб Питер 2000

146. Гурьева В. А. Гиндикин В. Я. Раннее распознавание шизофрении. М: «Высшая школа психологии» 2002

147. Цвейг С. Ф. Ницше З. Фрейд СПб. Азбука-классика 2001.

148. Каменева Е. Н. Теоретические вопросы психопатологии и патогенеза шизофрении М. Медицина 1970

149. Под ред. Ю.Б Гиппенрейтер, В. Я. Романова Психология индивидуальных различий, МГУ АСТ, 2008

150. Ганнушкин П. Б. Клиника малой психиатрии

151. Леонгард К. Акцентуированные личности

152. Кречмер Э. Строение тела и характер

153. Кречмер Э. Гениальные люди Москва 1998

154. Ильин Е. П. Эмоции и чувства СПб 2001

155. Кьеркегор С. Или-Или СПб: Амфора 2011

156. Кьеркегор С. Болезнь к смерти Москва, Республика, 1996

157. Под. Ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, М. В. Фаликман Психология мотивации и эмоций М: АСТ 2009

158. Сартр Бытие и ничто М: Республика, 2000

159. Сартр Тошнота СПб: Азбука — классика 2006

160. Сартр Дьявол и Господь Бог

161. Юровская Э. П. Жан-Поль Сартр Жизнь, философия, творчество, СПб: Петрополис, 2006

162. Сартр Экзистенциализм — это гуманизм

163. Сартр За закрытыми дверями

164. Сартр Ж-П Слова

165. Феофраст «Характеры» СПб: Азбука-классика, 2010

166. История теоретической социологии, в 4-х томах, под ред. Ю. Р. Давыдова, М: Канон, 1997 г

167. Под ред. В. И. Кузищина История Древней Греции М. Высшая школа 1996

168. Сост. К. В. Паневин. Под ред. Н. В. Волковского История Древнего Рима СПб. Полигон 1998

169. Гренвилл Дж. История 20 века. М. Аквариум 1999

170. Под ред. А. З. Манфреда История Франции. В 3 т. М. Наука 1973

171. Под ред. С. Д. Сказкина История Византии. В 3 т. М. Наука 1967

172. Под общ. Ред. В. И. Голубовича Экономическая история зарубежных стран Минск НКФ «Экоперспектива» 1996

173. Под ред. Н. А. Крашенниковой и О. А. Жидкова История государства и права зарубежных стран М. Издательская группа Норма-Инфра-м 1998

174. Под ред. Н. С. Нерсесянца История политических и правовых учений М. Норма-Инфра 1998

175. М. Блауг Экономическая мысль в ретроспективе М. ДелоЛтд 1994

176. Ядгаров Я.С, История экономических учений М. Экономика 1996

177. Сост. И. А. Столяров Антология экономической классики. В2т. М. Эконов-Ключ 1993

178. Горбачев М. С. Размышления о прошлом и будущем М. Терра 1998

179. А.Н.Бадак, И.Е.Войнич, Н.М.Волчек, и др. Всемирная история: У истоков цивилизации. Бронзовый век. Мн: Харвест, М: АСТ 1999

180. Хрущев Н. Воспоминания М. Вагриус 1997

181. Коуз Р. Фирма, рынок право, М.: Новое издательство, 2007

182. Бовуар С. «Второй пол», Москва — СПб: Издательская группа «Прогресс», 1997

183. Simone de Beauvoir «Second sex», London, 1956

184. Кропоткин П. «Записки революционера» М: Мысль 1990

185. Кропоткин П. Анархия, ее философия, ее идеал СПб: Азбука, 2017

186. Кропоткин П. Великая Французская Революция М: Наука 1979

187. Кропоткин П. Этика Юрайт 2019

188. Кропоткин П. Государство и его роль в истории И: Женева 1904 (репринт 2012)

189. Кропоткин П. Нравственные начала анархизма И: Лондон 1907 (репринт 2012)

190. Кропоткин П. Анархия и нравственность АСТ 2018

191. Кропоткин П. Современная наука и анархизм И: Книгоиздательство Иванова 1906 (репринт 2012)

192. Философия России: Петр Кропоткин, под ред: И. И. Блауберг М: РОССПЭН 2012

193. Поппер К. Открытое общество и его враги, в 2-х томах, М: Феникс, 1992

194. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Едиториал УРСС 2002

195. Герцен А. Былое и думы СПб: Лениздат, 2013

196. Герцен А. Кто виноват? Роман. Повести. Статьи. М: Эксмо, 2013

197. Герцен А. С того берега Вольная Руская Книгопечатня 1855 (репринт 2012)

198. Чернышевский Н. Что делать? СПб: Азбука, 2013

199. Чернышевский Н. Лессинг И: T8RUGRAM 2018

200. Лессинг Г. Избранное Художественная литература 1980

201. Тургенев И. Дворянское гнездо. Романы. М: Эксмо, 2009

202. Тургенев И. Дневник лишнего человека

203. Милль Дж. С. Автобиография М: Либроком, 2013

204. Милль Дж О гражданской свободе Либроком 2017

205. Милль Дж Рассуждения о представительном правлении Социум 2017

206. Милль Дж. Система логики силлогической и индуктивной Ленанд 2011

207. Петрушевский Д. Великая хартия вольностей Социум 2016

208. Чаадаев П. Философические письма

209. Новгородцев П. И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. Москва: Наука, 1996

210. Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве СПб: Алетейа 2000

211. Новгородцев П. Лекции по истории философии права М: КРАСАНД, 2011

212. Кафка Ф. Процесс, Москва: Эксмо, 2013

213. Давид К. Франц Кафка, М: Молодая гвардия 2008

214. Клинтон Билл Моя жизнь Москва, Альпина, 2005 650 ТЕСЛА ЛЕЙЛА ХУГАЕВА

215. Шлезингер Артур-мл, Циклы американской истории, Москва: Прогресс, 1992
216. Хомский Ноам Новый военный гуманизм: Уроки Косово, Москва: Праксис, 2002
217. Хомский Ноам, Государство будущего, Москва: Альпина фон никшен, 2012
218. Хомский Н Системы власти М: КоЛибри, Азбука-атикус, 2014
219. Хомский Н. Картезианская лингвистика Либроком 2010
220. Суриков И, Пифагор, Москва: Молодая гвардия 2013
221. Рэнд А. Добродетель эгоизма Москва, 2015 Альпина паблишер
222. Рэнд А. Атлант расправил плечи Москва 2015 Альпина паблишер
223. Малюгин Л. Гитович И. «Чехов» М: Советский писатель, 1983
224. Так говорил Ландау Феникс 2014
225. Так говорил Эйнштейн Феникс 2014
226. Эйнштейн А. Собрание научных трудов Том 4 Эволюция физики М: Наука 1967
227. Эйнштейн А. Цитаты и афоризмы. Изд: КоЛибри, Азбука — Аттикус, 2015
228. Эйнштейн А. «Сумасшедший я или мир вокруг меня», Рассел Б. «В этом безумном мире» Алгоритм 2020
229. Эйнштейн А. Как изменить мир к лучшему» И: Алгоритм 2013
230. Кумар Манжит Квант. Эйнштейн, Бор и великий спор о природе АСТ 2013
231. Уеллс Г. Люди как боги
232. Хофман Б. Альберт Эйнштейн Творец и бунтарь М: Прогресс 1983
233. Чехов А. Собрание сочинений в 8 томах Правда 1970
234. Спенсер Г. Социальная статика Киев 2013 Гама-Принт
235. Спенсер Г. Личность и государство И: Социум 2020
236. Спенсер Г. Этика общественной жизни Социум 2015

237. Спенсер Г. Научные основания нравственности ЛКИ 2013

238. Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным М: Альпина паблишер 2017

239. Милль Джон «Огюст Конт и позитивизм» М: ЛКИ 2017

240. Стоун О, Кузник П., Нерассказанная история США М: КоЛибри, Азбука-атикус 2016

241. Соловьев В., Революция консерваторов М: «Э», 2017

242. Конт Огюст Общий обзор позитивизма М: Либроком 2016

243. Конт О. Дух позитивной философии 2016

244. Бакунин М., Философия, социология, политика М: Правда, 1989

245. Цицерон М. О государстве, О законах М: Академический проект 2016

246. Гоббс Т, Левиафан М: РИПОЛ Классик 2017

247. Прудон П Что такое собственность? М: КРАСАНД 2017

248. Оруэлл Дж «1984» М: АСТ 2017

249. Хайек Ф. Дорога к рабству М: Новое издательство, 2005

250. Льюис Д. Марксистская критика социологических концепций Макса Вебера М: Прогресс 1981

251. Вебер М. Власть и Политика М: Рипол Классик 2017

252. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма И: T8RUGRAM 2018

253. Вебер М. Политика как призвание и профессия Рипол Классик 2018

254. Тойнби А. Исследование истории. Цивилизации во времени и пространстве. М: Харвес, АСТ 2009

255. Тойнби А. Постижение истории М: Айрис-пресс 2002

256. Шпенглер О. Закат Европы М: Юрайт 2017

257. Гулыга А. Гегель М: Молодая гвардия 2008

258. Гулыга А. Кант М: Молодая гвардия 1977

259. Адорно Т. Исследование авторитарного характера, Изд: Профит Стайл, Серебряные нити, 2016

260. Грачев Н Происхождение суверенитета. М: ЛЕНАНД 2018 652 ТЕСЛА ЛЕЙЛА ХУГАЕВА

261. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни М: ДЕЛО 2018

262. Токвиль А. Старый порядок и революция ИД «Социум» 2017

263. Лютер М. О свободе христианина М: ARC 2013

264. Саймонс Дж Карлейль М: Молодая гвардия 1981

265. Карлейль Т. Теперь и прежде И: Республика 1994

266. Соловьев Е. Оливер Кромвель М: Республика 1994

267. Декарт Р. Рассуждения о методе СПб: АЗБУКА 2017

268. Асмус В. Ф. Рене Декарт Госполитиздат 1956

269. Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума М: ЛИБРОКОМ 2011

270. Заиченко Г. А. Локк Изд: Мысль 1988

271. Локк Джон Два трактата о правлении М: Социум 2014

272. Фуко М. Археология знания Изд. Гуманитарная академия 2012

273. Фуко М. История безумия в классическую эпоху

274. Бэкон Ф. Новый органон Изд: Рипол Классик 2018

275. Юм Д. О человеческой природе Изд: Азбука 2017

276. Юм Д. Исследование о человеческом разумении И6 Эксмо 2018

277. Беркли Дж. Трактат о принципах человеческого знания Изд: Академический Проект, Мир 2016

278. Лауэ М. История физики Гостехиздат 1956

279. Кант И. Критика практического разума Эксмо, 2015

280. Кант И. Критика чистого разума Эксмо 2015

281. Кун Т. Структура научных революций М: Аст, 2009

282. Мудрость Ганди: Мысли и изречения © Homer A. Jack, 1951, 1979 © Перевод на русский язык, издание на русском языке, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2015

283. Мутаххари Муртаза Иран и ислам И: Петербургское востоковедение 2008

284. Хорри П. Чиппендейл К. Что такое ислам? И: Амфора 2007

285. Кардини Франко Европа и ислам И: Александрия 2016

286. Массе Анри Ислам 1982

287. Георгиевский С. Принципы жизни Китая И: Ленанд 2015

288. Торчинов Е. Введение в буддизм Азбука 2020

289. Шапошников А. Заратустра Эксмо 2002

290. Под ред Рака И. Авеста в русских переводах И: Журнал Нева, Летний сад, 1998

291. Хайам Омар Рубайат Наука 1972

292. Шураки А. История иудаизма АСТ 2008

293. Августин Аврелий О граде Божьем в 2т. 2006

294. Трубецкой Е. Философия христианской теократии в пятом веке. Учение Августина Блаженного о граде Божием И: Либроком 2012

295. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций И: АСТ 2017

296. Тауфик Ибрагим Коранический гуманизм И: Медина 2015

297. Аль-Газали И: Возрождение наук о религии Махачкала Нуруль Иршад 2011

298. Дильтей Вильгельм Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации И: Центр гуманитарных инициатив 2013

299. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе Три квадрата 2004

300. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир М: АСТ 2019

301. Камю А. Бунтующий человек М: Издательство политической литературы, 1990

302. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. Едиториал УРСС 2002

303. Леви-Стросс Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль М: Академический проект, 2008

304. Леви-Стросс Печальные тропики АСТ 2018

305. Леви-Стросс Мифологики Флюид Фрифлай 2007

306. Леви-Стросс Клод, Эрибон Дидье Издалека и вблизи И: Ивана Лимбаха 2018

307. Клейн Лев История антропологический учений Издательство СПбГУ 2014

308. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов М: ИРИСЭН, Социум, 2009

309. Санд Жорж, Спиридион Изд. Текст, 2004

310. Моруа А. «Лелия или жизнь Жорж Санд», Изд. Беларусь, 1983

311. Пузиков А. «Портреты французских писателей», М: Изд. Художественной литературы, 1981

312. Дидро Д. Монахиня Племянник Рамо Художественная литература 1960

313. История в энциклопедиях Дидро и д Аламбера. Наука 1978

314. Золя Э. Творчество И: Онер 1984

315. Флобер Г. Воспитание чувств Азбука 2018

316. Флобер Г. Госпожа Бовари Азбука 2012

317. Гайто Газданов в 3 т. И: Согласие 1996

318. Набоков В. Лекции о русской литературе Азбука 2020

319. Набоков В. Лекции о зарубежной литературе Азбука 2020

320. Роллан Ромен Жизни великих людей Бетховен. Микеланджело. Толстой. Вышейшая школа 1985

321. Роллан Ромен Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды И: Экополис и культура 1991

322. Роллан Ромен Вселенское Евангелие Вивекананды Самарский дом Печати

323. Древние тексты Вед М: Амрита 2013

324. Гири Свами Вишну Ведические боги и их символы М: Амрита 2012

325. Аквинский Фома Учение о душе Азбука-классика 1918

326. Боргош Юзеф Фома Аквинский М: Мысль 1975

327. Аквинский Фома Сочинения М: Ленанд 2015

328. Пифагор Золотые законы и нравственные правила. Сост Нечаев М: Астрель 2012
329. Байрон Дж. Паломничество Чайльд Гарольда СПб Азбука-классика 2008
330. Байрон Дж. Дон-Жуан СПб Азбука-классика 2010
331. Шекспир У. Трагедии Ленинград «Художественная литература» 1982
332. Шекспир У. Гамлет М: Эксмо 2011
333. Сервантес М. Дон Кихот М: Эксмо 2012
334. Честертон Г. Франциск Ассизский И: T8RUGRAM 2019
335. Сорель Ж. Размышления о насилии Ленанд 2018
336. Монтень Избранное Советская литература 1988
337. Ренан Э. Святой Павел. Антихрист М: Советский писатель 1991
338. Ренан Э. Жизнь Иисуса Издательство политической литературы 1991
339. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира Терра 1991
340. Мильтон Дж Потерянный и возвращенный рай Азбука 2018
341. Шопенгауэр Краткий курс истории философии Эксмо 2018
342. Достоевский Ф. Записки из подполья Азбука 2020
343. Достоевский Ф. Записки из мертвого дома Карелия 1979
344. Кибальник С. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе Петрополис 2011
345. Ливий Тит История Рима от основания города Эксмо 2017
346. Крист Карл История времен римских императоров от Августа до Константина. В 2 т. Феникс 1997
347. Историки античности в 2 т. Правда 1989
348. Светоний Гай Жизнь двенадцати цезарей Азбука 2015
349. Лесков В. Спартак Молодая гвардия 2011
350. Кравчук А. Перикл и Аспазия Наука 1991

351. Игнатьев Майкл Права человека как политика и как идолопоклонство И: Новое литературное обозрение 2019

352. Ковалев А. Международная защита прав человека Статут 2013

353. Все о правах человека. Сборник нормативных актов. Проспект 2019

354. Эразм Роттердамский Похвала глупости Азбука классика 2016

355. Фон Мизес Людвиг Теория и история Социум 2013

356. Кубедду Р. Либерализм, тоталитаризм и демократия: политическая философия австрийской школы

357. Леони Б. Кошкин В. Свобода и закон 2008

358. Жувенель Б. Власть: естественная история ее возрастания ИРИСМЕН 2010

359. Бентам И. Тактика законодательных собраний 2006

360. Паскаль Б. Августин А. Лабиринты души Реноме 1998

361. Паскаль Б. Мысли АСТ 2018

362. Кампанелла. Бэкон. Мор Классическая утопия АСТ 2018

363. Элиаде М. История веры и религиозных идей И: Академический проект, 2017

364. Элиаде М. История веры и религиозных идей И: Академический проект, 2018

365. Элиаде М. Трактат по истории религий И: Академический проект, 2018

366. Пропп В. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки И: Нобель Пресс, 2019

367. Хугаева Л. Власть и контроль или импотенция современной психологии, Владикавказ: СОИГСИ, 2011

368. Хугаева Л. Болезнь Эго-девственности или космическая сила психической энергии, Владикавказ, Литера, 2012

369. Хугаева Л. Дорога в рай или Плюс моего минуса, Владикавказ Литера, 2013, Владикавказ: Литера, 2013

370. Хугаева Л. Переключи себе ток, Москва: Спутник +, 2008

371. Хугаева Л. Психическое насилие или война на поле психической энергии, Москва: Эдитус, 2013

372. Хугаева Л. Россия между Закрытым и Открытым обществом или теория эволюции человека, Москва: Эдитус, 2014

373. Хугаева Л. Любовь и ненависть в Корнеллском университете Издательские решения Ридеро, 2020

374. Хугаева Л. Романтизм и реализм или Лелия и Леля Издательские решения 2019

375. Хугаева Л. Теория психической энергии вместо социологии и психологии. Тождество народного и научного суверенитета. Издательские решения 2020

376. Хугаева Л. Рационализм против эмпиризма. Издательсике решения, 2020

377. Хугаева Л. Корневые группы в английском языке. М: Энас, 2003

378. Хугаева Л. 4500 базовых слов английского языка и их исторические корни. М: Энас, 2005

379. Хугаева Л. Проблемы развития духа. Критика структурализма. Издательские решения, 2020

380. Ксенофонт Сократ М: РИПОЛ классик, 2020

381. Биографические очерки. Ян Гус. Мартин Лютер. Жан Кальвин. Торквемада. Лойола. М: Республика, 1995

382. Булгаков М. Мастер и Маргарита СПб: Азбука, 2020

383. Гардинер П. Кьеркегор М: Астрель: АСТ, 2008

384. Э. Ренан История израильского народа М: Издательство В. Шевчук 2001

385. Хугаева Л. Ось мировой истории. Издательские решения Ридеро, 2020

386. Хугаева Л. Коррупция в РСО-Алании. Издательские решения Ридеро, 2021

387. Штраус Д. Ф. Жизнь Иисуса М: Республика, 1992

388. Гельдерлин Ф. Огненный бег М: Водолей, 2016

389. Гельдерлин Ф. Гиперион М: Наука, 1988

390. Гулыга А. Шеллинг М: Молодая гвардия, 1982

391. Бонавентура Ночные бдения М: Наука, 1990

392. Манн Т. Доктор Фаустус М: АСТ, 2021

393. Манн Г. В защиту культуры М: Радуга, 1986

394. Роллан Р. Воспоминания М: Художественная литература, 1966

395. Фейхтвангер Л. «Москва 1937», Жид А. «Возвращение из СССР» М: Издательство политической литературы, 1997

396. Солженицын А. Архипелаг Гулаг М: АСТ 2020

397. Манн Г. Верноподданный М: Правда, 1985

398. Манн Г., Манн Т. Эпоха. Жизнь. Творчество. М: Прогресс, 1988

399. Яковлев Н. «ЦРУ против СССР» М: Правда, 1983

400. Маркс Джон «ЦРУ и контроль над разумом» М: Международные отношения» 2003

401. Маркс Джон «ЦРУ и контроль над разумом» М: Эксмо, 2015

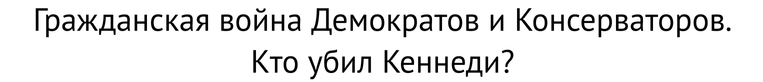
402. Bertrand Russell «War crimes in Vietnam» New York MR Press 1967

403. Фейхтвангер Л. «Гойа» М: Правда, 1982

404. Фейхтвангер Л. «Успех» М: Художественная литература, 1973

405. Блум У. Операции ЦРУ и Пентагона в период Холодной войны М: Кучково поле, 2014

Тесла Лейла Хугаева

Гражданская война Демократов и Консерваторов.
Кто убил Кеннеди?

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero